

Ю. Ю. Бродецкая

**ОБЩЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ:
В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ**

Монография

Днепропетровск
2014

УДК 130.12+316.3

**Напечатано по благословию Владимира Михайловича Смутко,
Главы Днепропетровского Центра Духовного Возрождения**

---

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Национальной металлургической академии Украины
(протокол № 4 от 23 мая 2014 года)*

Научные рецензенты:

Капитон В.П. – доктор философских наук, профессор

Халапсис А.В. – доктор философских наук, профессор

Лисеенко Е.В. – доктор социологических наук, профессор

Поиск решений вопросов целостности, гармонии, способов реализации человеческого и общественного потенциала не возникает лишь в эпоху современности, однако определяет поле ее социально–философского дискурса. Человек и общество представляют собой две проекции – микро– и макроуровней, отражающие характер и условия развития друг друга. Поэтому становится вполне очевидно, что изменения на макроуровне лишь отражают трансформацию индивидуальной природы человека, основанием которой выступает ее духовность. Именно духовность и представляет собой тот фундаментальный контекст, суть, внутреннее наполнение уникального по своим возможностям человеческого потенциала. И именно реализация последнего способна преобразовывать гармонию, стабильность и целостность социальной природы. Следовательно, единство индивидуального и социального в контексте развития их духовного потенциала и способно воссоздать интегрированность социальной среды, отражающую себя в модели общества человеческих отношений.

Теоретическое и практическое значение анализа духовного потенциала человека и продуктов его деятельности – отношений, взаимодействий, социальных практик, предполагает отход от традиционного для сциентизма рационалистического анализа феноменов. На смену последнему приходит кордоцентрическая методология исследования, открывающая перспективу преодоления ограничений и стереотипов материализма.

В монографии использованы материалы Днепропетровского Центра Духовного Возрождения, Главе которого, Владимиру Михайловичу Смутко выражается искренняя сердечная благодарность.

В целом книга рассчитана на широкий круг читателей, как занимающихся научно–исследовательской деятельностью (преподавателей, аспирантов, студентов, культурных экспертов), так и ищущих ответы на фундаментальные философские вопросы относительно человеческой и общественной проблематики.

Бродецкая Ю.Ю.

**Общество человеческих отношений: в поисках утраченной целостности/ Монография.–
Днепропетровск, 2014**

*...И аще имам пророчество, и вею тайны вся и весь разум,
и аще имам всю веру, яко горы преставляти,
любве же не имам, ничтоже есмь...
(Коринф. 13.2)*

ИСКРЕННЯЯ БЛАГОДАРНОСТЬ:

**ВЛАДИМИРУ МИХАЙЛОВИЧУ СМУТКО –
ДУХОВНОМУ НАСТАВНИКУ, ГЛАВЕ ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО
ЦЕНТРА ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ**

РЕЦЕНЗЕНТАМ:

– Владимиру Павловичу Капитону, доктору философских наук,
профессору

– Елене Васильевне Лисеенко, доктору социологических наук,
профессору,

– Алексею Владиславовичу Халапису, доктору философских наук,
профессору

– семье (участвующей в создании монографии),

– а также всем читателям книги

План

Введение.....	8
Раздел I. Микромир в макромире.....	11
Глава 1. Основания человечности	11
1.1. Постановка проблемы человеческого существования.....	14
1.2. <i>Человек</i> – духовное создание: этимологические предпосылки анализа....	18
1.3. Духовность как основание <i>человечности</i>	24
1.4. Система потребностей и установок человека.....	41
1.5. Организация духовных потребностей.....	56
Глава 2. Условия <i>человечности</i>	65
2.1. Любовь как фундаментальное условие <i>человеческой жизни</i>	65
2.1.1. Понимание любви	68
2.1.2. Многогранность отношений любви	74
2.1.3. Дар любви, как дар жизни	90
2.1.4. Путь постижения любви: принцип кордоцентрического познания	97
2.2. Культурные предпосылки становления <i>человечности</i>	128
2.2.1. Потенциал культурного наследия	132
2.3. Семья как среда формирования потенциала <i>человечности</i>	147
Выводы к первому разделу	166
Раздел II. Макромир в микромире: от человека к обществу	175
Глава 3. Угрозы <i>человечности</i>: превращение человека в потребителя	176
3.1. Деформация векторов человеческого развития: от жизни к выживанию, от созидания к потребительству	178

3.2. Желания как механизмы конструирования иллюзорной реальности: деформация <i>человеческого потенциала</i>	184
3.2.1. Источник и принципы функционирования желаний	189
3.2.2. Превращение человека желающего: механизм конкретизации иллюзии превосходства	198
3.3. Основания перспективности человеческого развития.....	209
Глава 4. Условия формирования общества потребительства: от человека желающего к тотальному потребителю	222
4.1. Служение как идеология общества потребительства	224
4.1.1. Стратегии служения.....	230
4.2. Цивилизация как фабрика производства желаний.....	237
4.2.1. Эффект прогресса и утопия будущего: постановка проблемы цивилизационного развития.....	240
4.2.2. От культуры к цивилизации: иллюзия развития	251
4.2.3. Мифы цивилизационного прогресса	260
4.3. Материализация желаний: наследие цивилизационной практики.....	278
Выводы ко второму разделу.....	291
Раздел III Перспективы формирования общества <i>человеческих отношений</i>: в поисках утраченной целостности	304
Глава 5. Социальная целостность как результат творческого труда человека	304
5.1. Творческий труд как единственный способ решения проблемы индивидуальной и социальной целостности.....	305
5.1.1. Творчество: принципы реализации духовного потенциала человека	316
5.2. Культурное потребление как призма реализации <i>человеческих отношений</i>	324
5.3. Общность как среда развития <i>человеческих отношений</i>	333

5.3.1. Конец рационализированной социальности.....	337
5.3.2. В поисках утраченной целостности	340
5.3.3. Трансформация общинного мира: от мира семьи к миру общины	345
5.3.4. Потенциал общностной интеграции	349
Выводы к третьему разделу	357
Заключение.....	368
Литература	370

Введение

Быть человеком в человеческом обществе вовсе не тяжкая обязанность, а простое развитие внутренней потребности
А.Герцин

Общество – это уникальный феномен, созданный при непосредственном участии человека и для него. Его стабильность и целостность – в равной степени показатель социокультурного потенциала, заложенного в человека уже с момента начала его истории. Поэтому, невзирая на формы и границы его функционирования, на условия и этапы становления, – законы и механизмы конструирования общества, как и в целом, весь проект под этим названием, сводятся к единственной цели – достичь такой степени целостности, интегративности отношений, при которой его творческий потенциал был бы максимальным. Это в свою очередь предполагает, что максимально творческим, креативным, созидательным должен быть и главный деятель этого процесса – человек.

Представляя собой уникальную частицу единого социокультурного пространства, человек выступает исходной точкой отсчета истории. Его стремления, установки, ориентации, система восприятия и отношения к окружающему миру в комплексе образуют мощный генератор развития последней. За всей этой кажущейся глобальностью и эпохальностью макромира стоит уникальный микромир – человек с его *человеческими* переживаниями, ощущениями, смыслами, эмоциями, тревогами. Каждый этап человеческой истории, каждый новый способ функционирования социальной реальности – это отражение тех глубинных трансформаций, которые касаются микромира человека, изменений потенциала его *человечности*.

В связи с этим, анализируя проблему общественных отношений, их стабильности, то есть порядка, перспективности, следует понимать, что сохранение связей между микромиром человека и его объективной проекцией – макромиром является исходным условием решения проблемы. Связь между *человеческим* и общественным непосредственная, очевидная. Это значит, что

понимание сущности уникальной социальной реальности, предполагает проникновение в социокультурный контекст существования человека, приоткрывающий реальные принципы и законы развития его *человеческого потенциала*.

Другими словами, для понимания тенденций, характера, условий функционирования социального целого, решения вопроса о его возможности, порядке, целостности, необходимо понимание уникальности человеческой природы, условий и возможностей ее раскрытия, механизмов развертывания активности. Лишь в этом случае становится возможна адекватная концептуализация общества. Исключение же *человеческого* из процесса познания социальной действительности, игнорирование его значения и влияния на характер последней создает в свою очередь ряд проблем. Поскольку такая постановка вопроса исключает актуальность (а, следовательно, и возможность решения) экзистенциальных проблем человека, особенно остро заявляющих о себе в настоящее время. Жизнь, любовь, творчество, свобода, счастье, реализация – основной перечень фундаментальных установок-универсалий гармоничного развития личности, которые для современного человека становятся все менее доступны. Их символические «альтернативы» предлагаемые современным обществом – материальный комфорт, блага, престиж, социальное положение, карьера – не просто не снимают очевидного напряжения, но ведут к нарастанию глобального экзистенциального вакуума, глобальной по своим масштабам проблемы одиночества. Стремясь к материальному, человечество эпохи современности все настойчивей обнаруживает тоску за духовным, единственно способным остановить символическую гибель человека и общества.

Такое игнорирование человеческой проблематики исключает возможность решения актуальных социальных вопросов. Проблема порядка, гармонии, целостности общества не решаются «сверху». Они имеют четкую внутреннюю логику развития, благодаря которой мы можем наблюдать те

объективные следствия внутренних противоречий, основания которых помещены в проблему человека, его индивидуальной целостности. Следовательно, и решение вопроса целостных социальных отношений есть результат обнаружения механизмов целостности индивидуальной.

Такая исследовательская перспектива в свою очередь предполагает, что на помощь традиционному инструментарию науки, представленному объективными и субъективными методами познания, должны прийти более глубинные, толерантные способы осмысления. Задачей последних должно быть не простое аналитическое обозрение, критическая интерпретация происходящего, но понимание самой сути феноменов человека и общества, постижение их внутреннего смысла. Такой способ исследования предполагает ориентацию на синтетическое единство человека и общества, на роль культуры в их развитии, возможность проникать за внешние границы явлений. Его единственной целью должно стать раскрытие того мощного потенциала целостности, интегративности, созидательности, который объединяет человека, культуру, общество, ведет к реализации потенциала личности.

Таким образом, неразрешенность проблемы индивидуальной целостности не позволяет решать проблему целостности социальной, предлагать способы гармоничного функционирования общества, создавать концептуальную схему его перспективного развития. А это значит, что поиски в этом направлении должны продолжаться, поскольку для нас, живущих в современных нестабильных условиях, за этим стоит шанс на обретение самости, понимание и реализацию своей *человеческой* сути, перспектив индивидуального и социального развития. В целом же, это дает надежду на возможность наступления новой созидательной эпохи для человечества – эпохи *общества человеческих отношений*.

Раздел I. Микромир в макромире

Глава 1. Основания *человечности*

Человечность как принадлежность к человечеству, должна определяться не только в терминах бытия, но и в терминах становления. Мало родиться человеком, нужно стать им
А.Маслоу

Человек, человеческие отношения как объект исследования многих наук, остаются непостижимым и уникальным творением. Все, что окружает человека, начиная от природы и заканчивая обществом, является отражением этой уникальности. Он – средоточие неиссякаемого творческого потенциала и участник формирования истории человечества. Не случайно французский социальный философ О.Конт, описывая сущность общества, характеризовал его как человечество в целом, основной состав которого это бесчисленные поколения людей, уже умерших и еще не родившихся [1, 480–481].

Сложно не согласиться с тем, что общество является одним из наиболее интересных и уникальных проектов человеческого творчества. В нем, раскрывается вся палитра человеческой креативности, талантов. Только в обществе человек обретает способность раскрывать свой творческий потенциал, достигать наивысшего уровня своего культурного, духовного развития, становиться целостным и монолитным созданием, то есть *человеком*.

Когда начинаешь задумываться над этим, понимаешь, что в этом заложено гораздо больше, чем просто факт биологической принадлежности к человеческому роду. Становится понятно, что *человечность, духовность, культурность, созидательность, целостность* – все это результат творческого и кропотливого процесса становления человека с одной стороны, и перспектива формирования хорошего, целостного общества, с другой. Стать *человеком*, значить ответить на вопрос о смысле *человеческого* существования.

Но ко всему этому человеку еще нужно прийти, раскопать в себе внутренние механизмы активности, жизни, созидания, открыться миру. Как отмечает американский исследователь А.Маслоу, принадлежность к роду

человеческому *ipso facto* дает человеку право дочеловечиваться, то есть воплощать в действительность все потенциально присущие ему человеческие возможности. Человечность как принадлежность к человечеству должна определяться не только в терминах бытия, но и в терминах становления. Мало *родиться* человеком, нужно *стать* им. В этом смысле младенец – не более чем возможный человек, ему еще предстоит дорасти до человечности, и в этом ему должны помочь семья, общество и культура [2]. Следовательно, *в раскрытии человеческого потенциала большую роль играют отношения*. То, какими они являются, человеческими, созидательными или нечеловеческими, потребительскими и определяет конечный результат – возможность *стать человеком, построить общество человеческих отношений*.

Таким образом, отношения человека и общества являются зеркальными, поскольку в каждом из нас как микромире может отразиться все богатство и многообразие макромира, то есть общества. И, наоборот, можно сказать, что общество – это огромная проекция, голограмма микромиров, в которой в виде тонкой невидимой ткани отношений, переплетены потребности, ценности, установки как отдельных людей, так и целых исторических эпох. И в то же время, именно *человеческое* в обществе (потребности, установки индивидуальной природы) отражает его характер и уникальность, формирует «дух эпохи».

Такая непосредственная связь между природой человека, развитием его потенциала и обществом, как системой человеческих отношений, открывает огромные исследовательские возможности. Поскольку познавая человека, как создание, прежде всего духовное, мы раскрываем суть общественного существования. Более того, понимание и анализ таких связей позволяет решать главную проблему человеческого существования – проблему социального порядка, формирования целостного общества, условием существования которого является целостная личность. Другими словами, *раскрывая условия*

формирования целостной личности, мы можем прийти к условиям конструирования целостного общества.

Следовательно, именно человек, как активный участник, деятель, способный к конструированию и созиданию, либо пассивному потреблению и разрушению, должен стать основным объектом анализа. Что определяет его природу? Что влияет на выбор той или иной жизненной позиции и стимулирует в дальнейшем характер и результаты его деятельности?

Выясняя вопрос о природе человека, важно правильно сформулировать запрос, на который хочет получить ответ исследователь. Одно дело определить каковы потребности человека, то есть естественные жизненно необходимые условия его развития, и совсем иное, ответить на вопрос, чего он хочет. Речь идет о разграничении феноменов «потребность» и «желание». Исходя из постановки вопроса, получаем абсолютно разные ответы и ценностные ориентации, относительно того, к чему человек стремиться и на что он ориентирует собственный потенциал – жизнь или выживание, любовь или потребительство, свобода или зависимость. Эта методологическая позиция, как покажет дальнейший анализ, формирует два кардинально противоположных вектора индивидуального, а, следовательно, и общественного развития – *потребительскую деструктивную и целостную созидательную.*

Актуальность данного анализа обуславливается еще и тем, что в современной западной социально-философской мысли тема «желания» является одной из наиболее влиятельных концепций, претендующих на интерпретацию характера и механизмов развития человека и общества. В ней воплощается представление о желании, как надличностной силе, стихийно, иррационально и совершенно непредсказуемо влияющей на человека и через него, трансформирующей общество. Но так ли это на самом деле? Не происходит ли подмена понятий и, как следствие, искажение пути развития современного человека? В связи с этими вопросами, и возникает необходимость разобраться в природе человека, условиях и механизмах его

созидательного развития. А поскольку общество является результатом его творческой деятельности, то обнаружение механизмов его активности позволит проникнуть и вглубь общественных отношений, к механизмам их формирования, открывая тем самым перспективу решения проблемы социальной целостности.

1.1 Постановка проблемы человеческого существования

Человек на еврейском языке, значит огонь...четыре стихии в мире...: земля, вода, воздух, огонь. Каждая из трех первых стихий, как существует, так и остается в том же объеме... Между тем огонь не остается таким, каков он есть. Зажигается маленький светильник, и ты можешь от него зажечь множество лампад, целую печь, огромный пламень. Он не остается в собственном виде, а увеличивается в той мере, в какой находит вещество. Так как Бог провидел, что от одного человеческого тела наполнятся концы Вселенной (один светильник возжигает такое множество лампад – и запад, и восток, и север, и юг), то Он дал соответствующее делу и имя. Потому-то и имя Адам обозначало Вселенную
И.Златоуст

Вопрос о сути человеческой природы, экзистенциальном предназначении человека возникает с момента становления самого человечества. Начиная с Платона и Аристотеля, в дальнейшем Т.Гоббса, Дж.Локка, Ж.Руссо, А.Смита, Ш.Монтескье и др., исследовательское поле проблемы постоянно пополнялось работами, посвященными различным аспектам человеческого существования. Кто же он человек? Какова его суть? Для чего он живет? Что определяет потенциал и активность человеческой природы?

Эти и подобные вопросы на долгое время стали темой научных дискуссий, особенно актуализировавшихся в эпоху Просвещения. Новый порядок, вызванный формированием капиталистических отношений и падением авторитета религии в XVII–XVIII ст.ст., привел к смене традиционной модели мира. Новая модель реальности изображала мир в виде

рационально сконструированного механизма, машины, а человеку отводилась роль полуавтомата, то есть ее детали. Таким образом, традиционное представление о нем, как о создании духовном, продиктованном Высшей волей, и о космополитичности человеческого общества категорически отвергаются новой рационалистической методологией. Это и стало основной предпосылкой превращения мира, бывшего для человека Средневековья Храмом, в *Фабрику*.

Не последнюю роль в данной эпохальной трансформации сыграла идеализация ценностей Просвещения, возводивших науку, человеческий разум и личные интересы в ранг единственно перспективных факторов формирования новых общественных отношений. Американский философ О. Тоффлер в этой связи пишет: «Ньютоновская система возникла в эпоху крушения феодализма в Западной Европе, когда социальная система находилась в сильно неравновесном состоянии. Модель мироздания, предложенная представителями классической науки... нашла приложения в новых областях и распространилась весьма успешно не только вследствие ее научных достоинств или „правильности“, но и потому, что возникавшее тогда индустриальное общество, основанное на революционных принципах, представляло необычайно благодатную почву для восприятия новой модели» [3, 32].

Смена картины мира вызвала настоящий духовный диссонанс. Изменения ценностно-нормативной системы общества детерминировали последовательную смену перспектив человеческого развития: с создания духовного в существо потребляющее, ненасытное, эгоистичное, движимое преимущественно рациональными мотивами. Идеализация человеческого разума сформировала в сознании человека убежденность в возможности неограниченной свободы, относительности добра и зла, истины и лжи, трансформировала представление о сути самого социального порядка. Человек замыкается в рамках созданного им же рационального мира и противопоставляет себя ему как индивидуализированного покорителя, а не частицу целого. Представление об обществе, как искусственном изобретении

человеческого разума, машине, результате рационального соглашения между людьми, обесценивает значение *человеческих отношений*.

Таким образом, ставшие особо популярными в XVII–XVIII в., трактовки человека (как, например, «теория естественных прав» и «теория общественного договора»), опираются на представление о дисгармонии его природы, различии между естественным (*status naturalis*) и гражданским состоянием (*status civilis*). Единственным условием человеческого существования признается стремление к самосохранению и благополучию, единственным условием существования общества признается договор¹. В этой перспективе духовность утрачивает свое значение для *человеческой жизни*, акцент переносится на доминирование, важность материального аспекта развития (рыночные отношения, материальные блага, массовая культура, массовое потребление).

Параллельно распространению рациональной трактовки человеческой природы, актуализируется проблема индивидуальной и социальной сплоченности, целостности. Вопрос возможности общества становится фокусом большинства социальных наук современной эпохи, трансформируясь в магистральную проблему социального порядка.

Анализируя состояние проблемы человеческого существования, нельзя не отметить, что попытки возродить взгляд на человека, как создание духовное, способное к активной созидательной деятельности, вместилище интуитивных, чувственных оснований общественной жизни, и общество как на естественное образование, предпринимались постоянно. Так, критики просветительских идей Э. Бёрк, Ж. Местр, Л. Бональд подчеркивали органическую целостность и

---

¹ Продукт рационализации человека – общественный договор, выступает своего рода гипотетическим соглашением между людьми, позволяющим перейти из «естественного» состояния в «гражданское». По-сути договор приобретает статус нового способа обоснования легитимности государственной власти, взамен к старому, основанному на представлении о ее божественном происхождении. Подлинное общественное состояние при этом часто отождествляется с государственным, а настоящим обществом считается государство, действенным механизмом легитимации которого становится страх (Т.Гоббс). Такая методологическая позиция, претендующая на «единственно верное» объяснение природы человека и общества, детерминировала развитие социально-философской мысли Нового и Новейшего времени.

индивидуальность каждого общества, где разрушение традиционных начал приводит к их деградации и гибели, и, наоборот, их сохранение и культивирование – основа прочности и процветания. В связи с этим Э.Берк отмечал: «Общество – это действительно договор, но договор высшего порядка. Его нельзя рассматривать как коммерческое соглашение о продаже перца, кофе и табака... Общественный договор заключается не только между ныне живущими, но между нынешним, прошлым и будущим поколениями», – писал Э. Бёрк в «Размышлениях о революции во Франции» [4, 90]. В противоположность рационалистам, традиционалисты выдвигали на первый план иррациональные факторы жизни человека и общества: подчинение чувствам и вере, традициям.

И все же рациональная модель реальности становится доминирующей в эпоху Модерна, а решение проблемы человеческой экзистенции, индивидуальной и социальной целостности, становится магистральной проблемой социальных наук. Без приуменьшения можно сказать, что нерешенность отмеченных проблем и определила вектор и характер их развития. Ответом на данный эпохальный вызов стало интенсивное развитие «наук о человеке» и его жизнедеятельности – психологии, педагогики, психиатрии, социологии, культурологи, анатомии и т.д. Каждая из них под углом своего ракурса намеревалась проникнуть в суть человеческой природы, объяснить ее предназначение и уникальность.

В настоящее время актуальность решения проблемы индивидуальной экзистенции остается прежней. Выявление первопричин человеческого существования, его общественного потенциала, открывает возможность не только глубже проникнуть и понять суть его природы, но и выстроить методологию анализа проблемы индивидуальной и социальной экзистенции. Этот теоретический шаг сегодня особенно важен, поскольку современный характер развития человечества вносит постоянные изменения и усложнения в условия и способы его жизни. Соответственно этому, изменяется и массив

знаний, описывающих их. Он постоянно пополняется новыми концепциями и теориями, пытающимися уловить ускользающий характер социальной жизни.

В этом потоке изменений и усложнений, человек эпохи современности предстает перед нами созданием сложным для понимания. Однако подобное впечатление возникает лишь при поверхностном анализе ситуации. Глубинный анализ природы человека, как создания, прежде всего духовного, культурного позволяет понять суть его существования через выявление основных механизмов его активности, которые в разное историческое время остаются *неизменными*. Другими словами, познавая духовную, культурную природу человека, мы можем приблизиться к пониманию природы его творений – сообществ, обществ, в целом эпох. В этом случае исходной исследовательской моделью анализа является модель: «Макромир в микромире, микромир в макромире», где в качестве микромира выступает человек, а макромира – социальные отношения, отражающие цели и характер человеческого существования.

1.2. Человек – духовное создание: этимологические предпосылки анализа

*«...и сотворил Бог человека по образу Своему и подобию, мужчину и женщину, и благословил Бог их, и нарек им имя...человек»
Быт. 1.27, 28; 5.2*

В основе любого знания лежит слово. Слово определяет и наполняет сутью предметы окружающей нас реальности, представления (то есть знания) о них. От того, каким является содержание этого слова – созидательным либо разрушительным, зависит характер полученных знаний, определяющих наши мысли, отношения, действия. Все вместе это ведет к преобразованию окружающей нас реальности. Таким образом, складывается

последовательность, в которой реальность определяется действиями, действия – знаниями, а знания – словом, несущим жизнь или смерть.

Самым ярким примером данной последовательности является сотворение Земли, описанное в Книге Бытия. Господь создал небо, звезды, землю и все, что может на ней жить – *СЛОВОМ*. Каждый раз, когда Он видел результат, то есть «реальность», Он видел, что это хорошо, что это есть добро.

Таким образом, анализ *Живого, создающего слова* является источником понимания сути вещей, которые нас окружают. Чтобы понять это, достаточно провести небольшое наблюдение. Сравните, к примеру, между собой слова «любовь, мир, радость, нежность» и «ненависть, война, горе, грубость». Какие смыслы у вас вызывают первые и вторые? Каждое из названных слов, вмещает в себя разный смысл, в зависимости от которого, вызывает у нас разные ассоциации. Зная их значение, наше сознание формирует позитивные сюжеты при упоминании понятий «любовь, мир, радость, нежность», вызывая позитивные ощущения и потребность делиться ими. И, наоборот, понятия «ненависть, война, горе, грубость», заставляет нас представлять негативные картины, вызывая разрушительные эмоции и переживания. Они не побуждают в нас желание жить, творить, радоваться. Подобные слова притягивают подобные действия, формируют схожую реальность.

Иными словами, суть всего, что нас окружает и воссоздает нашу реальность, находится в *словах*, то есть тех значениях, которыми они наделены. Эти значения, вернее знания о них, не только раскрывают нам представление о природе вещей, явлений, процессов, но и говорят об их потенциале, задаче, которая может быть созидательной либо разрушительной. Мы говорим: «цветы», «дети», «праздник», и скорее всего, связываем с их смыслом свои позитивные эмоции, представления и действия. При словах «смерть», «боль» и т.п. все наше стремление к созиданию замирает. Нам хочется, как правило, не чувствовать тех переживаний, которые заключают в себя данные слова. Следовательно, анализ слов позволяет нам открывать для себя их

предназначение, задачу, для того, чтобы с помощью них участвовать в преобразовании себя и окружающей реальности.

Опираясь на существующую систему знаний, мы входим в поле отношений, реальность, заданную уже до нас. Вначале, будучи ребенком, мы только учимся познавать ее, открывая для себя все новые и новые знания. В дальнейшем, расширяя свой багаж знаний, мы становимся участниками, окружающих нас отношений. Иными словами, знания являются условием нашей активности, участия, творчества человека.

В этом процессе познания окружающего мира, наша задача заключается в том, чтобы стремиться открыть для себя реальность, принять те символические системы, которые «разработаны» до нас и для нас, которые открывают нам суть и значение окружающего мира, объясняют правила и законы жизни в нем. Так мы учимся жить, поэтому в этом процессе соприкосновения с окружающей нас действительностью, основным условием нашего участия выступает *знание сути понятий, наделяющих реальность смыслами*. Познавая реальность, мы открываем себя в ней. Мы из разрозненных, автономных микромиров превращаемся в макромир.

Каждое понятие имеет свою историю и прямое значение, которые раскрываются нам в истории культуры общества. Поэтому открывая для себя суть того или иного понятия, мы, незримо для себя, погружаемся в летопись определенной исторической эпохи, народа, его языка и традиций. В этом нам помогает этимологический анализ (греческое *ἔτυμολογία* от *ἔτυμον* – истина, основное значение слова + *logos* – учение, то есть учение о происхождении слова), который позволяет выяснить древнее звучание слов, их морфемный состав и значение.

Провести этимологический анализ слова, значит не просто ответить на вопрос, «почему так называется?», то есть выяснить внутреннюю форму слова, но и понять, что за этим стоит, какой смысл заключает в себя то или иное понятие, при каких обстоятельствах и в какое историческое время оно

возникло. По мнению российского исследователя Шанского Н.М. «определение внутренней формы слова возможно потому, что слово как название первоначально, при своем возникновении, всегда является мотивированным. Называя тот или иной предмет объективной действительности, люди соотносят его с другими явлениями окружающего их мира. Это приводит к тому, что данный предмет или явление получает наименование путем использования названия других предметов или явлений, в том или ином отношении с ним связанных или соотносительных» [5].

Это важно не только для языка, но и для жизни общества, поскольку со временем значение слова может быть утеряно, размыто, и тогда слова лишаются своего сакрального назначения – наделять смыслом. Из символов, помогающих человеку ориентироваться в его жизни, они превращаются в «условные обозначения». Чем это грозит? Представьте себе человека, у которого все относительно – добро и зло, жизнь и смерть, день и ночь. Он не знает разницы и не понимает назначения этих явлений. Он дезориентирован в пространстве, и живет в хаосе, где все неопределенно и беспорядочно, где нет внутренней последовательности и структуры, где смысл жизни теряется. Как быть человеку в этой ситуации, как понять, зачем он живет? Конечно, можно сказать, что не все люди могут задумываться над этим, не всем важно, понимать, как устроен мир. Но скорее всего, что в сложные жизненные периоды, каждому из нас захочется внутреннего спокойствия, гармонии, определенности, понимания смысла своего существования.

В подобном состоянии растерянности сегодня находится и наше общество, в котором также большинство ценностей относительно и размыты, где понятия «культура» и «цивилизация», «любовь» и «секс», «иллюзия» и «реальность» стали синонимами. Человеку сложно ориентироваться в этом хаосе. Он как в темном лабиринте бродит в поисках смысла жизни, себя. Некоторым удается найти выход, а большинство забывает, что здесь делают и как сюда попали.

Найти выход из этой ситуации, можно восстановив для себя смысл утерянных значений. Для человека это означает разобраться в том, кто же он, в чем его уникальность и предназначение. На уровне языка это предполагает исследовать происхождение и восстановит первоначальное значение слова «человек». Понимая кто я, намного проще понимать, зачем я живу. Так, достаточно детальный этимологический анализ понятия «человек» представлен в «Полном церковно-славянском словаре» протоирея Г.Дьяченко [6]. Исследователь отмечает, что, «человек (от *чело* – вверх, *век* – лицо, взор) – это существо, имеющее лицо свое обращенным вверх, к небу, как цели бытия и будущему жилищу [6]. Здесь же поясняется, что «по-еврейски первоизданный человек назван Адам, нарицательно – человек, существо подобное Богу, подобный, уподобливающийся, «сотворим адам-а», то есть сотворим подобие Нам (евр. *демут* от *дам* – подобие). Имя Адам происходит от еврейского глагола *дама* – быть подобным, мыслить (ср. Быт. 5, 1–2)» [6]².

Славяно-русская интерпретация названия «человек», согласно Г. Дьяченко, образована от «*селовек*» или «*словека*», то есть «существо словесное, следовательно, указывает на такую отличительную способность человека, как словесность. По мнению исследователя А. Хомякова, «*человек* или *человик* значит свободно мыслящий; санскр. *челл* – думать: аффикс *вик* – весьма обыкновенный; он значит живущий; *чело* – *вик*, то есть *мысле* – *живущий*» [6].

Похожие наблюдения в происхождении и значения слова «человек» находим в «Этимологическом словаре русского языка» А. Преображенского, изданного в Москве в 1910–14г.г. Исследователь отмечает, что корень «*чело*» несет значение «лица», «головы», а корень «*век*» связывается со словом «речь» слово», «голос, «жизнь» [8].

---

² Ада́м (ивр. אָדָם, букв. человек; однокоренное со словами ивр. אֲדָמָה, земля, почва и אָדָם, красный; греч. Ἀδάμ, араб. آدم). Традиционная интерпретация имени Адам опирается на еврейское «аббата», обозначающее красную землю или глину. Аналогичная лингвистическая трансформация прослеживается в латинском языке: *humus* — земля — *homo* — человек. Эта этимология соотносится с сюжетом Ветхого Завета: «И создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» [7].

Словарь С. Ожегова дает следующее пояснение слова «человек»: «каждый из людей; высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесной речью» [9]. В этом смысле интересна версия старославянской (православной) интерпретации понятия *целовече* (*цело* – целое, *вече* – сбор), то есть *собранное в целое, в единое живое существо, объединяющее в себе одновременно Тело, Душу, Дух*.

Достаточно детальный этимолого-лингвистический анализ понятия в своей статье «Этимология и тайна русского слова «человек»» [10] проводит филолог Н. Тер-Григорян-Демьянюк. Исследователь отмечает, что «значение корня «чел» – «вверх», «голова», «лицо» – ведут к корню «ел» или к его параллелям «ал», «ар», «ер», означаящим Бога и человека (или Сына Божьего). С этим же корнем связано и итальянское *cielo* «чъело» – «небо». Первый согласный звук «ч» является деривацией от *h*. То есть этимология слова «чело» восходит к имени Божьему» [10]. Второй корень «век» включает в себя понятия «жизнь» и «слово».

Означая «жизнь», он происходит от древнееврейского глагола *hawa*. Если последний согласный заменить фрикативом *h* (для русского языка, в котором отсутствует *h*, последний часто заменяется звуками «г», «х», «к»), то слово «человек» мы бы могли произнести также как *yelveh* – елве, *yarveh* – ярве, *yahveh* – яхве [10]. «Век» в смысле «слова» также идентифицируется с жизнью и характеризует определенный образ жизни, возникающий лишь через союз духовного и материального, мужского и женского начал.

Интересно, что практически каждый из исследователей понятия, обращаясь к разным источникам (лингвистическим, историческим и теологическим) наблюдения, приходит к общему выводу. Последний касается того, что человек, как создание высшее, свободно мыслящее, обладающее речью и свободной волей, имеет уникальную суть, которая и наделяет его всеми этими способностями, талантами, делает его «существом подобным Богу», то есть направляет его к высшему («небу», «жизни», «вечному веку»). О

чем здесь идет речь, что скрывает в себе потенциал человеческой уникальности? Речь идет о *духовности*. Именно эта внутренняя искра делает *человека* высшим по отношению к другим биологическим видам созданием, наделяет его *человеческой* индивидуальностью, творческими способностями – мышлением, свободной волей, речью, талантами. Именно *духовность*, как устремление, ориентация «вверх», к жизни, «небу» (то есть не материальному, а духовному) воссоздает *человеческий* образ жизни. И именно стремление к духовному, ее развитие *дает шанс человеку прийти к целостности и монолитности, стать человеком, а не обезличенным Големом³, прожить полноценную творческую жизнь, а не брэнно просуществовать, потребляя все, что его окружает.*

Что же такое *духовность*? Какой потенциал скрыт в этом условии *человеческой жизни*?

1.3. Духовность как основание *человечности*

Духовность есть богочеловеческое состояние. Человек в духовной своей глубине соприкасается с божественным и из божественного источника получает поддержку. Очень важно еще понять, что духовность совсем не противопоставляется душе и телу, она овладевает ими и преображает их. Дух есть, прежде всего, освобождающая и преображающая сила
Н. Бердяев

Существительное «*духовность*» (*пневматикотис*) происходит от понятия *дух* (старославянская форма *дохъ* (от греческого *πνοή, πνεῦμα, ψυχή*)), и этимологически связывается со словами «*жизнь*», «*жизненная сила*»,

---

³ «Голем» происходит от слова *гелем* (ивр. גֵּלֶם), означающего «необработанный, сырой материал», глина (само слово буквально означает аморфную, безжизненную материю). В мифологии Голем – искусственно созданный посредством магии бездушный и безмолвный великан-разрушитель. Легенда о нем существует в древних еврейских приданиях.

«дыхание»⁴. В метафизическом плане «дух», «духовность» не просто соотносятся с экзистенциальными понятиями жизни человека, а являются ядром, определяющим ее качество⁵. Поэтому символическое значение *духовности* сводится к понятию *жизнь*, и, следовательно, для человека является единственным условием реализации его *человеческого потенциала* (потенциала *человечности*).

При столкновении с понятием *духовности* у большинства из нас невольно возникают ассоциации с религией, культом, чем-то сверхъестественным и неземным, а поэтому недостижимым для обычного человека. В нашем представлении могут возникать абсолютно противоречивые ощущения: у верующего человека понятие «духовность» вызовет, скорее всего, мысли о возвышенном, а у рационального прагматика, может возникнуть недоумение. Для большинства из нас, духовный человек – это либо святой, либо монах, либо служитель культа, то есть тот, кто ведет образ жизни, не касающийся привычных нам, мирских проблем. Он далек от реальной жизни, с ее кризисами, безработицей, реформами. Он, кажется, недостижим и не совсем понятен для нас.

Такое искаженное представление о феномене диктуют нашему сознанию стандартные социальные шаблоны, не вникая в суть которых, мы все больше отдаляемся от *духовности*. Причиной нашего формального отношения к самой сути человеческой природы стали отчуждение и конформизм, сложившиеся за годы многолетнего и целенаправленного влияния социальных стереотипов на общественное сознание. В обществе, где нет религии, *духовность* является феноменом, выходящим за рамки обычной жизни. Шаблоны и границы материального мира, осязаемые нами, как правило, вытесняют все, что не

---

⁴ Так же связаны по форме (этимологически) и смыслу слова «дух» и «душа». «Дух» в переводе с латинского «spirit» и греческого «animos», означает «жизнь», «жизненная сила», «бодрость», «дыхание», «высшая способность в человеке (совесть)».

⁵ Интересно, что в английский язык слово «spirit» пришло из латыни, где также обозначало изначально «дыхание», и позже использовалось для перевода греческого философского термина «пневма» (дыхание, воздух).

поддается простому рациональному объяснению, что требует больших человеческих усилий и проникновенности. Так устроен человеческий разум, вытесняющий из нашего сознания все, что не в состоянии унифицировать, типизировать. С духовностью возникла та же ситуация: осязаемое, но рационально не верифицируемое, стало отрицаемым. Духовность, духовное было вытеснено преимущественно в сферу *религии, культуры*.

Но что же на самом деле стоит за понятием духовности, почему его символическое значение соотносится с понятием жизни? Если проникнуть в суть вопроса, становится очевидно, что *духовность – это не какая-то абстрактная религиозная жизнь*. Ее проявления многообразны и иллюстративны, реальны для нас, они всецело охватывают и отражают человеческую жизнь. Творчество, сознание, свобода, добро, сохранение традиций, заложенных предыдущими поколениями, любовь и уважение, дружба, бережное отношение к природе, бессмертные произведения искусства и литературы, оставляющие след в нашей душе и исторической памяти и т.д. – все это и есть проявления *духовности*. Согласитесь, что последние знакомы каждому из нас. Более того, именно к этим проявлениям нашей жизни мы стремимся (даже не осознавая того). Они не вызывают у нас противоречий и скорее всего, являются ценностями большинства. Наоборот, осознание многогранности феномена духовности позволяет говорить, что она присутствует в жизни каждого из нас. Более того, *духовность выступает тем основанием жизни человека, которое делает его уникальным, разумным (не путать с рассудочным), свободным, творческим*. И лишь наше отрицание ее способно ограничить доступ к этому условию человеческой жизни.

Сложно дать рациональное определение этому явлению, оно шире нашего обыденного и научного понимания. *Духовность* пронизывает наши чувства, мышление, сознание, волю и составляет суть нашей *человечности*. Это весь тот единый целостный поток, который составляет особенность *человека*. *Духовность* такой же естественный компонент природы человека, как душа и

тело. Мы так же чувствуем потребность любить и быть любимыми, как и потребности в пище, сне, отдыхе. Таким образом, *духовность проявляется в каждом из нас через стремление к любви, принятию, единению, творчеству, познанию, освобождению и т.п.*, невзирая на то, религиозны мы или нет. В этой связи хочется обратиться к Н.Бердяеву, который отмечает, «очень важно еще понять, что духовность совсем не противопоставляется душе и телу. Она овладевает ими и преображает их. Дух есть, прежде всего, освобождающая и преображающая сила. Человек с сильно выраженной духовностью совсем не есть непременно человек, ушедший из мировой и исторической жизни. Это человек, пребывающий в мировой и исторической жизни и активный в ней, но свободный от ее власти и преображающий ее» [11, 324].

Как естественное условие *человеческой жизни*, *духовность* влияет на личность, преобразуя ее душу, тело, образ жизни в целом. Каким образом? Прежде всего, это *уникальное преобразование возможно посредством развития и удовлетворения духовных потребностей человека – в любви, единении, творческой реализации, свободе и т.п.* Именно эти стремления *человеческой жизни* составляют *основание духовности*, дающей шанс человеку, совершенствуясь, прийти к внутренней целостности, единству, стать монолитом (Дух, Душа, Тело), достичь наивысшего уровня развития. Не раскрывая и не развивая в себе этот потенциал *человечности*, а делая ставку на материальные аспекты жизни, личность превращается в существо потребляющее, движимое лишь желаниями удовольствия и материального комфорта. Таким образом, *духовность* есть та внутренняя сила, ориентация «вверх», тот потенциал *человеческой жизни*, благодаря развитию которого он и способен стать *человеком*, то есть творческим, гармоничным, целостным образом, познать себя и освободиться от зависимостей материального мира. Этот потенциал созидателен и безграничен при условии его постоянного совершенствования. Именно в силу этого развитие *духовности* оказывает преобразующее значение для жизни человека.

Представьте себе ситуацию, в которой человек лишается всего *человеческого*, нематериального, то есть того, чем наделяет его духовность – чувств, совести, стремления к развитию, творчеству и т. д., во что он превратится? Сможет ли он творить, любить, писать стихи, полотна, создавать что-то новое, замечать прекрасное? Скорее всего, он превратится в полуавтоматизированного робота, биологический организм, для которого ценность жизни, творчества, общения и других высших стремлений человека будут навсегда утрачены. Это уже будет не *человек*. Такая страшная картина человеческого будущего достаточно часто становится сюжетом современного кинематографа, иллюстрирующего нам бесперспективность *нечеловеческой* жизни. Не допустить это, дать шанс жизни может лишь развитие в человеке его уникальной духовной сути, его *человечности*.

Проявляясь в духовных потребностях человека – *потребности в жизни, любви, единении, стремлении к совершенствованию, творчеству, познанию* духовность является нашим внутренним чувством меры, соответствия, совестью, способной отличать истину от лжи, добро от зла, реальное от иллюзорного. Благодаря ей мы способны ориентироваться в окружающей нас реальности, приходить к порядку в мире хаоса, познавать себя и окружающую нас действительность, становиться частичкой единого Целого. Наиболее красноречивой иллюстрацией сказанному выступают те противоречивые повседневные ситуации, которые возникают в жизни практически каждого человека, когда принять важное решение достаточно сложно, когда разум и обстоятельства говорят одно, а внутренний голос подсказывает абсолютно другое, не всегда логичное и понятное для нас решение. И мы интуитивно делаем свой выбор, и можем видеть, что трезвый расчет разума и «убедительность» обстоятельств были ошибочны. Что тонкое и трепетное чувство нашей совести оказалось намного пронизательней.

Доверяя своему внутреннему чувству соответствия, человек вверяет себя миру. Он учится быть активным участником, сотворцом окружающей его

реальности, определяет себя (свой статус) в ней, соотносит с единым Целым и, вместе с тем, обретает неповторимость и уникальность. Он, как ребенок, открывает себя для окружающего мира, принимая все, что тот ему предоставляет таким, как есть, без стремления подавить, исправить, исказить.

Удовлетворяя свои духовные потребности, ориентируясь на внутреннее чувство меры и соответствия (совести), человек обретает шанс *очеловечиться, то есть лишиться зависимостей и идолов, стать собой – целостным, монолитным, уникальным созданием*. По мнению Н.Бердяева, «глубинное «я» человека связано с духовностью. Дух есть начало синтезирующее, поддерживающее единство личности. Человек должен все время совершать творческий акт в отношении к самому себе. В этом творческом акте происходит самосозидание личности. Это есть постоянная борьба с множественностью ложных «я» в человеке. В человеке хаос шевелится, он связан с хаосом, скрытым за космосом. Из хаоса этого рождаются призрачные, ложные «я»... Духовность, идущая из глубины, и есть сила, образующая и поддерживающая личность в человеке» [11, 325]. В силу этого, можно сказать, что *человек настолько человечен, насколько он духовен. Поскольку развитие духовности это высшая степень его развития, ведущая к освобождению, творчеству, направленному на созидание, единение, любовь, принятие мира и себя в нем!*

Здесь важно понимать, что мало родиться человеком. Путь от индивида к человеку это кропотливая работа над собой. *Развитие нашей человечности – это, прежде всего, процесс воспитания человека, в котором окружающая реальность (то есть среда) и знания о ней играют определяющую роль*. Поэтому так важно, чтобы окружение человека, его родные и близкие смогли создать максимально благоприятные условия для его развития, для удовлетворения его духовных потребностей. Чтобы получаемые им знания о жизни, передаваемые от родителей детям, помогали сохранить преемственность и связь поколений, развить искру жизни – *духовность*, которая живет в душе каждого из нас.

Вспомним собственное детство. Каким бы оно не было (материально обеспеченным или скромным), где бы мы ни выросли (в городе или поселке), семья в душе каждого из нас занимает самое главное место. Родительская любовь и забота, вечера, проведенные в кругу семьи, переживания за близких, семейные походы на природу или в кино – это, пожалуй, самый важный опыт, который каждый из нас выносит из своего детства. Именно семья и ближайшее окружение способны создать условия для раскрытия внутреннего потенциала ребенка, именно здесь удовлетворяются самые «главные» потребности человека – в любви, принятии, безопасности и т.п. И именно в семье мы учимся заботиться, уважать и любить окружающих. Можно сказать, что семья является исходной средой развития *духовности* человека⁶ (как стремления к творчеству, любви, созидательным отношениям и т.п.), поскольку именно здесь он приобретает свой базовый индивидуальный созидательный опыт.

Для каждого любящего родителя его ребенок – самая большая ценность. Он стимулирует нас на новые начинания, вдохновляет и заставляет испытывать самые положительные чувства. В нем мы видим свое продолжение. Но способны ли мы за своей «всепоглощающей любовью» рассмотреть его уникальность, его индивидуальность? Способны ли создать для него такие условия, при которых он имеет шанс стать самим собой, а не плодом наших нереализованных иллюзий и надежд? В процессе развития индивидуальности ребенка – воспитания и начинается формирование его *духовности*.

По сути, окружая нас заботой и вниманием, наши близкие и родные транслируют те необходимые знания о жизни, мире в целом, и тот опыт созидательных отношений, которые в дальнейшем и составляют фундаментальные условия развития *духовности* человека. Собственным опытом, участниками которого становимся и мы, они доносят до нас, что такое добро и зло, ложь и истина, что красиво, а что безобразно. Они открывают нам

---

⁶ По мнению Э.Фромма, развитие нашего внутреннего чувства меры – совести, является результатом взаимодействия ролей отца и матери. От гармоничности, соотнесенности последнего зависит формирование данного чувства у ребенка [12].

руководство к жизни, которое в свою очередь получили от предыдущих поколений. Весь этот багаж коллективных знаний и опыта есть культурная традиция, которая как настоящая реликвия передается от отца к сыну, от поколения к поколению. Она сохраняет, транслирует знания в опыт, помогает человеку жить в обществе, выстраивать отношения и взаимодействовать с окружающим миром. Можно сказать, что культурная традиция есть система глобального знания человечества о том, что такое *жизнь*, кто такой *человек*⁷. Впитывая в себя богатство культурной традиции (в виде знаний, ценностей, норм, законов) в процессе воспитания, человек приходит к осознанию своей роли и места в социальных отношениях. Он учится ориентироваться и жить по тем или иным правилам, принимать их, не выходить за границы возможного, но не потому, что нельзя, а потому, что это посягательство на мир другого человека. Культура дает понимание сути вещей, закладывает предпосылки формированию гармоничной системы восприятия окружающей реальности. Так, постепенно впитывая в себя элементы культурной традиции, человек открывает для себя способ к созиданию целостной модели мира, а, следовательно, и более целостных и гармоничных отношений, связей – гарантов социальной целостности.

Трепетно сохраняемая в рамках общинных отношений, культурная традиция выполняет глобальную интеграционную роль в жизни человека и общества. Последствия ее влияния становятся очевидны в примерах повседневной жизни. Так, общаясь с культурным человеком, мы чувствуем его бережное отношение к нашему внутреннему состоянию, нашим переживаниям, проблемам. С его стороны нет давления или осуждения, нет агрессии и

---

⁷ Первые упоминания о культуре, описанные в книге Исхода, связываются со скрижалями Завета (культурные, каменные скрижали). Под ними понимались две каменные доски, на которых были начертаны 10 заповедей Закона Божьего. Четыре первые заповеди были записаны на одной доске и касались знаний о Боге, о духовном общении человека с Вышним, остальные шесть, написанные на другой доске, заключали в себя знания о законах общения между людьми, в обществе.

бесцеремонности, есть только внимание и понимание. Есть внутренняя глубина и ощущение сути вещей. В нем нет поверхностности.

Именно культура определяет условия гармоничного целостного сосуществования огромного по своим масштабам человеческого общества, а ее отсутствие либо искажение ведет к хаосу и нарушению порядка, к утрате шанса стать *человеком*. Культура воспитывает человека и формирует условия для взаимоотношений. Культура, таким образом, есть те каменные скрижали, посредством которых человек способен открыть для себя – *духовность*.

В этом тонком процессе внутреннего роста, движения человека к совершенствованию, духовность и культура являются взаимообуславливающим интегрирующим явлением. Реализуясь по принципу: *от культуры к духовности*, процесс формирования индивидуальной целостности (а в дальнейшем и социальной), разворачивается, таким образом, по следующей схеме. Прививая ребенку *культурную традицию общества, как систему знаний о жизни в нем* (то есть правил, норм, законов *человеческого общежития*) в контексте передачи гармоничного социального опыта, мы закладываем предпосылки к развитию его *духовности* (как стремления к единению, целостности, причастности, развитию), *способствуем формированию индивидуальной системы созидательных отношений*. Последовательно, этот индивидуальный созидательный опыт и знания, синтезированные в его личностной системе отношений, трансформируются в общественные, обеспечивая, таким образом, решение проблемы *социальной целостности, порядка*. Иными словами, в процессе формирования личности именно *культурная традиция и социальный опыт выступают объективными условиями развития духовности человека*.

Несмотря на глобальное значение феномена для жизни личности и общества в целом, в повседневной жизни человек редко задумывается о значении *духовности* (если только духовный образ жизни не стал его естественным состоянием). В большинстве своем мы уделяем внимание более

«реальным» вещам и проблемам: материальному благополучию, здоровью, положению в обществе. А ведь именно духовность и ее объективное условие – культура, делают нашу жизнь интересней, красочней, здоровей, благополучней, наполняют ее смыслом и динамикой, формируют наше объективное видение окружающей реальности, открывают наше сердце и позволяет нам чувствовать, жить, любить, творить, радоваться, надеяться, верить. И лишь в кризисные моменты жизни мы можем чувствовать настоятельную потребность в духовном, задаться вопросом: «Кто я? Зачем я живу?».

Жизненный опыт многих из нас может свидетельствовать об этом: тяжелая болезнь, проблемы в семье, на работе, смерть близких. Именно в такие сложные для нас периоды мы способны переоценить собственную жизнь, ясно ощутить, завуалированную в жизненной суете, потребность в душевном спокойствии, гармонии, защищенности, в смысле жизни. В таких ситуациях, особенно четко понимаешь, что материальные ценности, общественный успех и престиж, к которым мы стремимся на протяжении нашей жизни, есть пустота в сравнении с внутренним умиротворением, полнотой, счастьем детей, благополучием близких.

Мы склонны оправдывать себя тем, что современное общество и жизнь в нем, делают нас эгоистичными, поверхностными, расчетливыми и абсолютно глухими к нашим духовным потребностям. Однако в этом есть лишь доля правды. Действительно, общество как макросреда, макромир, в который мы приходим, оказывает огромное влияние на наше формирование. Поскольку способно обладая высоким уровнем развития духовной культуры как создавать благоприятные условия для формирования, развития каждого нового своего члена, стимулируя раскрытие его внутреннего потенциала, так и наоборот. Но не следует забывать, что общество – это, прежде всего система отношений человека, формируемая им на протяжении всей жизни. Поэтому то, какими будут эти отношения – созидательными либо разрушительными, зависит от самого человека: его установок, ценностей. Другими словами, сам человек

осуществляет свой выбор, от которого зависит не только характер его жизни, но и перспектива развития социальной системы.

В связи с этим хочется обратиться к преданию об Эдемском саде (*рай* – от перс. *сад*). Насаженный самим Богом для первых людей, рай был местом необыкновенной красоты и плодородия. Здесь первый человек проживал свой золотой век. «Человеческий род вел тогда жизнь богов, свободную от мучительных забот, чуждую труда и печалей. Старость была незнакома людям... Люди наслаждались полным блаженством, плоды земные произрастали в обилии и в самых разнообразных видах. Царствовал всеобщий мир и его постоянными спутниками были счастье и наслаждение» [13, 214]. Но несмотря на эти благоприятные условия, человек (Адам) нарушил заповедь Божью, прельщенный Змеем, которого послушала жена его (Ева). В результате своеволия человек лишился Рая.

Такой пример, приведенный из христианской культурной традиции, иллюстрирует активный потенциал человека, который может реализоваться как в негативном, так и в позитивном аспектах. Ослабляя роль человека в формировании социальных отношений, то есть, исключая преобладающую роль духовности в его жизни, мы совершаем огромную ошибку. Поскольку это ведет к реализации идеи о господстве общества над человеком, к утверждению, что он есть продукт общества, что лишь организованное общество (государство) является источником высшей нравственности, к отрицанию свободы духа, и, в конечном счете, к возведению общества в ранг идола. А идола требуют поклонения, что в реальности способствует превращению религии в орудие государства, к превращению самого государства в Левиафана⁸, диктующего свою волю и карающего всех, кто идет против нее.

---

⁸ Левиафáн (иврит לִוְיָטָן - *ливьятáн*, то есть «скрученный, свитый») – чудовищный морской змей, упоминаемый в Ветхом Завете. Английский философ Томас Гоббс в своей книге «Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского», использует образ левиафана для описания сути государства, довлеющего над природой человека, и выступающего высшей волей по отношению к последнему.

В истории человечества данная идея воплотилась в виде тоталитарных и авторитарных режимов, культ которых требовал многочисленных жертв и поклонения, конформизма и приспособления к социальной обыденности, к требованиям государства, нации. Обоготворенное общество стало в метафизическом смысле реакционным началом, а человек – отчужденной, неодушевленной марионеткой без способности чувствовать, думать, действовать.

Еще одним красноречивым примером такой ситуации может быть подчинившая себе человека, идеология экономической системы меркантилизма, оформленная в капиталистических отношениях. Суть проблемы остается одной – человек из активного, думающего, творческого, свободного создания превращается в потребляющее существо, способное лишь на потребительство того, что готовит ему общество.

Наоборот, «наиболее духовно значительное в человеке идет совсем не от социальных влияний, не от социальной среды, идет изнутри, а не извне... нужно настаивать на том, что есть внутренняя социальность, что человек есть социальное существо и что реализовать себя вполне он может лишь в обществе. Но лучшее, более справедливое, более человеческое общество может быть создано лишь из духовной социальности человека, из экзистенциального источника, а не из объективации... духовность несет с собой освобождение, человечность... все лучшее в социальной жизни исходит из этого источника. Господство же объективированного общества несет с собой порабощение...

Духовность... есть обретение внутренней силы, сопротивляемость власти мира и общества над человеком... Натуральный состав человека сам по себе не бессмертен, бессмертным он становится в силу овладения духом, началом, в котором соприкасается человеческое и божественное» [11, 325].

Действительно, вникая в суть сказанного, начинаешь задумываться над вопросом: «Почему имея такой мощный созидательный потенциал, человек выбирает для себя роль марионетки в развитии всемирной истории, либо

становится антигероем своего времени, таким как Гитлер, Сталин, Муссолини, Садам Хусейн и многие другие, разрушающим и потребляющим все на своем пути? Почему в большинстве случаев мы не склонны использовать свой потенциал на созидание, творчество, возможность стать гармоничной частичкой единого монолита – семьи, общности, общества». Напротив, современный человек усиленно стремится подавить в себе ростки *духовности* – единственного *естественного основания его человечности, социальности, уникальности*.

Ответ на поставленные вопросы, как показывает социальный опыт, кроется в незнании, непонимании человеком своей природы, своей экзистенциальной предзаданности. Он не знает, каким потенциалом обладает, хотя интуитивно может ощущать его и часто использовать для личных интересов. Он знает, что хочет – новую машину, престижную работу, дорогую виллу, высокую заработную плату, уважение и почитание окружающих, но не задумывается, зачем ему это нужно. Он притупил голос собственной совести интеллектом и меряется, у кого он больше; кто сильнее, расчетливей, практичней, изворотливей, эгоистичней. Список условий для сравнения, конкуренции можно продолжать, только задумавшись над этими характеристиками, начинаешь понимать, что речь уже идет не о *человеческих отношениях*, а о потребительских инстинктах выживания.

Получается действительно, чтобы стать человеком мало им родиться. То, что потенциал духовности вверен человеку и наделяет его безграничными творческими возможностями, еще не говорит о том, что все открывают его в себе и реализовывают. В большинстве случаев окружающая нас реальность свидетельствует об обратном. Человечество демонстрирует зачастую не лучшие свои качества, поступки, которые вряд ли назовешь созидательными, *человеческими*, а скорее наоборот. Такие тенденции как, например, склонность к жестокости, чрезмерному потреблению, самоуничижению, насилию, обману и т.п., для современного общества явления привычные. По этому поводу в свое

время А.Маслоу отмечал «приходится признать, что многие люди предпочитают хорошему плохое, что личностный рост, часто, будучи болезненным процессом, пугает человека, что мы не обязательно любим то лучшее, что даровала нам природа, нередко мы просто боимся его; приходится признать, что большинство из нас испытывает двойственное чувство к таким ценностям как правда, красота, добродетель, восхищаясь ими, и, в то же самое время, остерегаясь их проявлений» [2, 295]. Создается ситуация, в которой сам человек отказывается от главного своего богатства – собственной уникальности, жертвуя духовным развитием ради материального прогресса.

Следовательно, чтобы получить шанс обрести *индивидуальную целостность*, стать *человеком*, нужно открыть в себе потенциал *духовности*, признать ее экзистенциальную ценность, освободиться от тех материальных зависимостей, которые превращают нас в потребляющих существ. Необходимо принять культурную традицию общества, то есть то лучшее, что открывает нам знания о себе, учит жить в гармонии с окружающим миром, познать себя, как частицу единого Целого, чтобы в конечном итоге, достичь внутреннего и внешнего единства, *очеловечиться*.

Но надо признать, что этот процесс духовного развития, становления человека является путем постоянного и кропотливого труда над собственным внутренним миром, своими желаниями и шаблонами, иллюзиями и зависимостями. Здесь формирование духовной культуры является одним из основных признаков становления личности, в рамках которого человек приобщается к высшим потребностям, воссоздает свою целостную структуру, самоопределяется в мире. *Соприкасаясь с окружающей реальностью (то есть той или иной ситуацией, мыслью, поступком, действием), и, проявляя свое отношение к ней, человек открывает и развивает свой духовный потенциал. Формируя собственную систему отношений (к себе, миру, окружающим), он помещает последние в идеи, далее – поступки, взаимодействия, становясь активным соучастником и преобразователем социальных отношений. Так,*

непосредственно либо косвенно он участвует в формировании социальной реальности. Поэтому то, каким становится «вклад» человека в развитие последней и определяет в дальнейшем его и ее характер развития.

Таким образом, именно *духовность* является единственным *условием человечности*, то есть такого состояния, образа жизни, жизненной ориентации («чело, обращенное вверх»), при котором человек ориентирован на созидательное совершенствование, реализацию собственного *творческого* потенциала. Реализуя его, он способен воссоздавать внутреннюю монолитность, активно участвовать в формировании целостной и созидательной системы социальных отношений.

В этом творческом преобразовательном процессе *духовность, духовное развитие* является фундаментальной установкой индивидуального и социального становления. При этом баланс духовного и телесного, физического в человеке выступает неотъемлемым атрибутом его целостности, поскольку именно достижение гармоничного их соотношения и свидетельствует об этом. Это значит, что *человеческая жизнь* – это, прежде всего, *духовная жизнь*, жизнь в сфере *человеческих отношений, то есть гармоничных, творческих, созидательных*. Следовательно, смысл человеческой жизни, его экзистенциальное предназначение заключается в постоянном духовном совершенствовании, развитии. Поскольку лишь таким образом *он способен познать и раскрыть себя, прийти к единению, целостности своей внутренней природы* (единство *Тела, Души и Духа*, небесного и земного, мужского и женского начала), то есть стать *человеком*, конструирующим созидательные *человеческие отношения*, как условия общественной целостности.

Получив дар *духовности*, человек, как активный со-творец, участник окружающей его реальности, по сути, получил шанс выбора: либо принять мир, воспринимать себя как мыслящую и ответственную часть Целого и стать *человеком*, либо пойти на поводу собственных желаний, то есть отвергнуть мир, субъективно отгородиться от него, «отпасть» и навсегда потерять тот

внутренний баланс соотношения духовного и физиологического, материального, который отвечает за целостность его природы. В случае если индивид выбирает для себя первичность собственных желаний, ориентируясь на удовлетворение материальных и физиологических установок, возникает ситуация, в которой решение проблемы *целостности* индивидуального и социального становится невозможной. Поскольку выбор жизненной стратегии «отпадения», «отгороженности», то есть отчуждения объективно низводит человека до положения «вещи среди вещей». Именно поэтому сам акт выбора является решающим в решении проблемы социальной и индивидуальной экзистенции. Следовательно, чтобы познать природу человека, характер его жизненных выборов, нужно понять природу его устремлений – потребностей и желаний.

В настоящий момент актуальность решения данной проблемы очевидна. Современное общество – это общество тотального потребительства, которое превратилось, по сути, в конвейер по производству желаний, где человек уже не способен остановить себя в процессе потребления все новых и новых соблазнов. Он вынужден служить созданному им же идолу. Поэтому исследовательский вопрос возникает лишь относительно отправной точки анализа: где сосредотачивается проблема формирования целостной, созидательной личности?

Отталкиваясь от проведенного выше анализа и актуальности проблемы индивидуальной и социальной целостности, гармоничного развития человека и общественных отношений, основной акцент данного исследования фокусируем на поиске механизмов активности человека, его жизнедеятельности, понимании роли и соотношения в его природе духовных и материальных аспектов. Такой методологический шаг позволит, изучив условия и механизмы формирования целостной личности перейти к анализу проблемы целостного общества. При этом исходной моделью нашего анализа выступает положение: «Микромир в макром мире и макром мир в микромире», где в качестве микромира выступает

человек, как активный участник конструирования социальных отношений. В свою очередь, в качестве макромира выступает сама социальная реальность, как динамическая система отношений. Это предполагает, во-первых, что существует прямая связь между человеком (его внутренним микромиром, то есть системой восприятия-отношения к окружающей реальности, выраженной в установках, ориентациях, ценностях, действиях, выборах личности) и обществом; что окружающая реальность, таким образом, есть объективное отражение субъективных элементов структуры личности (то есть потребностей и желаний, которые и детерминируют характер наших мыслей и действий). По сути, макромир представляет собой систему отношений, сформированных микромиром человека (людей). Во-вторых, состояние микромира, установки его развития отражаются, таким образом, в характере и тенденциях функционирования макромира – общества. Поэтому решение проблемы социальной целостности предполагает становление целостности индивидуальной. Это положение отражает следующий принцип: становление целостной личности ведет к формированию целостного общества, решению проблемы его социального порядка.

Такая стратегия анализа предполагает в свою очередь акцентировать исследовательское внимание, на изучении внутренних механизмов и условий развития *духовности* человека, решении проблемы гармоничного соотношения в его природе духовных и материальных аспектов и выявлении тех проблем и противоречий, к которым ведет игнорирование духовного фактора. Попробуем в этом разобраться.

1.4. Система потребностей и установок человека

Мы никогда не разберемся в человеке, если будем по-прежнему игнорировать его высшие устремления. Такие термины как «личностный рост», «самоактуализация», «стремление к здоровью», «поиск себя и своего места в мире», «потребность в совершенстве» (и другие, обозначающие устремление человека «ввысь») следует принять и широко употреблять уже потому, что они описывают общие, а, быть может, даже универсальные человеческие тенденции
А. Маслоу

Изучая проблему человека в современном обществе, один из ведущих западных социальных философов Э.Фромм, отмечает: «все страсти и стремления человека – это попытки разрешить проблему его существования. В каждом обществе предусмотрена стандартизированная система, в которой преобладают определенные решения и определенные стремления, и способы их удовлетворения. Человек, отступающий от предлагаемого культурного образца, также ищет решение, как и его более удачно приспособленные собратья. В этом смысле все культуры религиозны, а каждый невроз есть частный случай решить проблему человеческого существования» [14, 40]. Чтобы разобраться в данной проблеме, понять кто такой человек, нужно ответить на вопрос: «Что же представляют собой основные стремления человека – потребности, берущие начало в самом его существовании?»

Традиционная научная трактовка понятия потребность (англ. *necessity/need*; нем. *bedurfnis*) определяется как состояние неудовлетворенности, недостатка в чем-либо поддерживающем полноценную жизнедеятельность человека, побуждающее и стимулирующее его активность на восполнение этого недостатка. Это своеобразный *естественный двигатель*, отражающий суть человеческой природы, и определяющий необходимые условия ее *развития и поддержания*.

Возникая как внутренний стимул нашей активности, потребности в дальнейшем превращаются в ценности, отношения и, наконец, в те или иные модели поведения, социального взаимодействия. Можно сказать, что образ жизни и характер человека – это внешнее проявление его внутренней

структуры потребностей. Наиболее просто этот принцип может звучать так: *то, как мы живем (то есть образ нашей жизни) есть отражение наших внутренних установок и ориентаций*. Поэтому, касаясь вопроса о потребностях человека (а, соответственно, и социальной группы, общности, общества), мы затрагиваем, прежде всего, проблему организации внутренних стимулов его жизнедеятельности, определяющих ценностные установки, ориентации, и систему отношений личности (к себе, близкими, в целом к окружающему миру). Таким образом, любые проявления нашей жизни являются результатом актуализации системы потребностей. Потребность «ведет» человека, направляет и организует его, побуждает находить способы ее удовлетворения, активизируя на это весь внутренний потенциал личности. Человек выступает носителем потребностей, посредством мыслей, поступков, действий, объективируя (материализуя) их в процессе собственной жизни. Я читаю для того, чтобы знать, работаю, чтобы съездить в отпуск, купить новые вещи, машину и т.п. У каждого мотивация будет своя, но именно она побуждает нас к тем или иным действиям.

Наши потребности могут быть чрезвычайно «настойчивы». Так, проголодавшись, мы не можем думать ни о чем другом, кроме пищи. С целью удовлетворения голода, мы ищем для этого возможности (купить пищу, приготовить либо пообедать в кафе). Если говорить о более высоких потребностях, то например, влюбляясь, человек забывает обо всем (пище, сне) и стремится, лишь больше времени проводить с любимым. Это свидетельствует о том, что удовлетворение потребности предполагает активное освоение ее цели, поскольку неудовлетворение может вести либо к изменению нормального функционирования организма, либо к его гибели (если продолжительное время мы не будем принимать пищу, то может разболеться голова, случиться обморок, в целом мы становимся более раздражительными). Таким образом, потребности «запускают» механизм нашей активности, стимулируют жизненно

важные процессы, такие как творчество, труд, познание, социальность, посредством которых мы и удовлетворяем их.

Необходимой средой удовлетворения наших потребностей выступают отношения (индивидуальные, межличностные, групповые, общественные). Поэтому обобщая различные характеристики понятия «*потребность*», нужно сказать, что это не просто требования, побуждения человека и его организма, а способ *отношения человека к объективной реальности*. Это значит, что в работе потребностей важны как их источник, так и то, на что /кого они направлены. Иными словами, о каких бы потребностях мы не говорили – физиологических и материальных (потребность в пище, воде, отдыхе, сне, тепле, сохранении здоровья, воспроизведении потомства) или о духовных (в самореализации, общении, дружбе, любви, в знаниях, в творчестве, самовыражении), *все они участвуют в формировании системы отношений человека, которая из индивидуальной, последовательно трансформируется в общественные отношения.*

Несмотря на значение потребностей в жизни человека, мы не всегда и не все из них можем осознавать. Так, физиологические и материальные потребности осознаются нами достаточно четко. Мы можем наблюдать, как они стимулируют нас к тем либо иным действиям (например, потребности в еде, комфорте, побуждающие нас производить, распределять, обменивать и потреблять материальные блага). Духовные же потребности могут осознаваться нами достаточно слабо. Располагаясь в основании нашей мотивационной системы, они требуют глубокой саморефлексии для своего обнаружения. Например, если ребенок пытается обратить на себя внимание родителей протестом, плохим поведением или капризничаньем, то чуткий родитель может догадаться, что таким образом он добивается внимания и заботы. Понять же стремления взрослого человека, меняющего одного партнера по отношениям за другим, либо жадно идущего вверх по карьерной лестнице, сложнее. Но собственный опыт и самоанализ подскажут, что и в первом, и во втором

случаях речь идет скорее о стремлении удовлетворить потребность в признании. Вместе с тем, именно эти фундаментальные потребности, которые осознать бывает достаточно сложно, определяют условия нашей экзистенции и развития. Речь идет о потребностях, определяющих характер духовной природы человека: потребность в любви, принятии, единении, уважении, творчестве, познании и т.п.

«Запускать» механизм активности человека помогают все названные потребности (и духовные, и материальные, и физиологические), *обеспечивая формирование основных движущих факторов его развития – интереса, ориентации, ценности, отношения, и, наконец, действия.* Однако доля их влияния и значения в этом процессе различная. Поскольку духовные потребности как проявления *духовности* человека, определяют суть и характер его жизни (экзистенции), выступая условием реализации его потенциала *человечности.* Другими словами, *лишь удовлетворение этих потребностей ведет к формированию целостной личности, и, как следствие, к созидательным общественным отношениям.* Следовательно, их игнорирование ведет к серьезным проблемам индивидуального, а в дальнейшем и социального развития. В свою очередь, физиологические и материальные потребности выполняют вспомогательную роль по поддержке необходимого уровня функционирования организма. Попробуем в этом разобраться.

То, что человек для нормальной жизнедеятельности нуждается в пище, отдыхе, сне, комфортных условиях проживания, материальном обеспечении и т.п., воспринимается нами как само собой разумеющийся факт. Все наши осознанные усилия направлены на удовлетворение этих потребностей. Они напоминают о себе постоянно (как самостоятельно через чувство голода, усталость, потребность в комфорте и тепле и т.п., так и через популяризацию в средствах массовой информации; так, реклама 24 часа в сутки работает над демонстрацией нам наших физиологических и материальных потребностей). В силу этого, их значение в нашей жизни воспринимается как первоочередное. Об

этом свидетельствуют ситуации, демонстрирующие нам, как неудовлетворение этих потребностей может вести к очевидным личностным конфликтам, проблемам жизнедеятельности организма (голод, влияет на состояние организма в целом и умственной деятельности в частности, а отсутствие собственного жилья человек может воспринимать как преграду к созданию собственной семьи). Таких примеров в личном опыте каждого из нас достаточно много. Поэтому сложно себе представить, что все эти потребности, которые можно объединить под общей категорией – физиологические и материальные – являются второстепенными для жизни и реализации *человека* (повторюсь, *человека*, а не биологического вида).

Вместе с тем, реальное значение данных потребностей раскрывается в кризисных ситуациях. Если на фоне всех этих наших нужд (вкусно поесть, приобрести новые вещи, сделать дорогостоящий ремонт в квартире и т.п.) происходят какие-то серьезные жизненные ситуации – развод, болезнь близких, неразделенная любовь, смерть, вся важность материальных благ и комфорта мгновенно исчезает, дезактуализируется и человек ориентирует всего себя лишь на внутреннюю боль, тревогу, духовный вакуум. Он готов отказаться от сна и пищи, от престижной работы и нового автомобиля (если только он не законченный эгоист), чтобы найти способ решения проблемы, чтобы почувствовать внутреннее спокойствие, загасить боль души. Такие кризисные ситуации заставляют задуматься над значением в нашей жизни тех или иных ценностей, помогают определять для себя главное и второстепенное.

Этот принцип главного и второстепенного отражен в иерархии потребностей человека. Другими словами, *иерархичность системы потребностей предполагает, что поскольку основным условием реализации человека (как создания духовного, а не просто биологического вида) является необходимость развития его духовной природы, то фундаментальными (более значимыми) потребностями являются духовные. Именно их удовлетворение обеспечивает возможность становления созидательной целостной личности,*

раскрытия ее уникальной творческой природы, формирования активной жизненной позиции. В целом удовлетворение духовных потребностей выступает базовым условием человеческой жизни, как творческого активного процесса реализации всех его сущностных сил.

Значение данного условия определяется еще и тем, что реализация фундаментальных условий человеческой жизни, обеспечивающее духовное развитие личности в целом, способствует поддержанию культурной преемственности социума, формированию незримой духовной связи прошлого, настоящего и будущего. Это становится возможно в силу того, что в этой ситуации установки личностного развития ориентированы на обретение причастности с Целым: семьей, родом, общиной и т.п., обеспечивая, таким образом, необходимый для гармоничного общественного функционирования порядок. В силу этого отсутствие возможности удовлетворения этих фундаментальных потребностей человеческой жизни, ведет к угрозе гармоничного развития – материализации, как человека, так и общества. Вначале эта угроза представляет собой символическую смерть (и от этого не всегда осознаваемой человечеством, как реальная), однако в дальнейшем необратимо ведет к реальной. (Классическим примером данной ситуации выступает формирование современного капиталистического общества, в рамках которого ориентация на развитие тотального потребительства, конкуренцию, материализацию всех аспектов человеческой жизни становится доминирующей).

Следовательно, материальные и физиологические потребности в структуре личности выступают второстепенными. Они выполняют вспомогательную роль в развитии и поддержании биологической жизнедеятельности организма (а не самого человека, его духовного развития), поэтому не определяют смысл и условия его существования⁹. Именно поэтому

---

⁹ На прерогативность духовных потребностей, их значение для раскрытия потенциала человека указывают исследования представителей гуманистического направления (А.Маслоу, Э.Фромм, М. Полани и др.). Они отмечают, что ведущей характеристикой

ориентация жизненного потенциала человека на первоочередное удовлетворение этих потребностей, и определяет его смерть как духовного создания, трансформируя в биологическое существо, потребителя.

Анализируя соотношение физиологических, материальных и духовных потребностей человека, Э.Фромм отмечает, что «даже наиболее полное удовлетворение всех его (*человека – курсив Б.Ю.*) инстинктивных потребностей не решает его человеческой проблемы; самые сильные страсти и потребности коренятся не в его теле, а в специфике его существования. Наиболее мощные определяющие поведение человека силы, берут начало в условиях его существования, в самом положении человека» [12, 38]. В этом же ракурсе анализирует проблему внутренней мотивации личности в своей работе «Мотивация и личность» А. Маслоу. Исследователь отмечает, что «в основе любого человеческого поведения мы склонны видеть только потребности низших уровней, забывая при этом о существовании высших потребностей и метапотребностей. По моему мнению, данная тенденция основывается скорее на предвзятости мышления, нежели на эмпирических фактах. Работая со своими испытуемыми, я постоянно убеждался в том, что высшие потребности и метапотребности гораздо более могучи и требовательны, чем это предполагали даже сами испытуемые...» [2, 6].

Таким образом, говоря о первичности духовных потребностей, мы отталкиваемся, как уже было отмечено, от значения духовности в жизни человека. В качестве культурного, духовного создания человек может реализоваться лишь при условии удовлетворения высших потребностей – в любви, принятии, единении, познании, творчестве и т.п. Практика показывает, что одни лишь высокие доходы и престижная работа не делают человека

социально зрелой личности является преобладание в ее мотивационной структуре духовных потребностей над материальными и физиологическими. Физиологические же потребности сохраняются у человека в преобразованном виде и детерминируются духовными, которые в процессе социального развития опосредуются и трансформируются в социальные. Следовательно, в дальнейшем само общество определяет формы их проявления и удовлетворения.

счастливым, любимым, не решают проблемы его экзистенции. Наоборот, для большинства состоятельных и власть имущих, это состояние становится также недостижимо, как и для необеспеченных людей. Любовь, счастье, гармония – это дар, не обусловленный уровнем доходов, власти и престижа. Здесь дело в другом, а именно, в выборе цели, к которой человек стремиться, в пути и средствах, которые для себя выбирает. Посмотрите на ребенка, окруженного заботой и теплом родителей, или на влюбленных, растворившихся в друг друга, или на родителей, берущих на руки своего малыша – они испытывают счастье, в сердце каждого теплится радость, любовь, нежность. Эти и многие другие примеры в целом указывают на то, что именно удовлетворение духовных потребностей ведет к становлению счастливой, благополучной, целостной, гармоничной, способной на творчество и освобождение личности, стремящейся к реализации потенциала *человечности*. А поскольку последний концентрируется в духовной природе человека (в развитии духовности), то и созидательное, гармоничное его развитие приобретает духовный характер.

Речь идет о внутренней работе человека: над собой, своими желаниями, иллюзиями, в результате которой и конструируется система созидательных гармоничных отношений к окружающему миру. Этот путь является единственным способом *духовного развития человека, поскольку последнее и предполагает работу над конструированием гармоничной и целостной системы отношений*. Следовательно, игнорирование духовных потребностей (как покажет дальнейший анализ проблемы), ведет к деградации личности, превращении ее в потребителя, а на уровне общества данная проблема ведет к нарастанию духовного вакуума и дезорганизации.

Однако нельзя забывать и о том, что «работа» потребностей предполагает *целостность их организации, системность их характера*. Это означает, что духовные, физиологические и материальные потребности составляют *комплексную взаимосвязанную и взаимозависимую систему, направленную на не просто удовлетворение тех или иных «призывов» организма (физиологических*

*и материальных потребностей), а на реализацию основной цели человеческого существования – духовного совершенствования, творческой самореализации, познания и преобразования себя*¹⁰. В этой целостной системе у каждой из категорий потребностей своя роль: одни направляют человека к данной цели (духовные потребности), другие являются маркерами, сигнализирующими нам об отклонении от цели (физиологические и материальные потребности). Так, поскольку природа человека обусловлена значением духовности (этим мы собственно и отличаемся от всех иных биологических типов), то его гармоничное развитие предполагает удовлетворение основных духовных потребностей – в любви, единении, уважении, свободе, познании и т.п. Это базовые, фундаментальные потребности, которые в структуре личности отвечают за ее созидательное развитие, за формирование ее целостности. Поэтому именно духовные потребности являются универсальными¹¹ целями, реализация которых позволяет удовлетворить исходную цель человеческого существования.

В свою очередь, физиологические и материальные потребности человека выступают средствами-маркерами, обозначающими состояние (степень удовлетворенности) той или иной духовной потребности. Так, например, не всегда желание приобрести новую вещь говорит о ее реальной необходимости для жизни человека. Это может быть отражением его потребности во внимании, уважении, принятии. А тот факт, что я хочу сменить работу на более высокооплачиваемую, не говорит лишь о моей потребности повысить свое

---

¹⁰ Ориентация человека на целостность и гармоничность его внутренней структуры определяется доминирующим влиянием духовных потребностей над материальными и физиологическими. На уровне физиологического развития человека это условие отражается в концепции гомеостаза – постоянства внутренней среды организма, стремления к равновесию, сбалансированности. Поскольку внутренняя среда человека, как единая целостная система, стремится регулировать любые отклонения в организме в сторону их нормализации на уровне подсознания (так мы не можем сознательно регулировать перистальтику /сокращение мускулатуры желудка /выделение желчи и т.п.).

¹¹ Универсальность означает, что духовные потребности являются общими и основными для всего человечества в целом, невзирая на национальные, социокультурные или исторические особенности существования человека. Они определяют условия его развития и реализации, как в прошлом, так и в настоящем, определяют его человеческую природу в целом.

материальное положение. Скорее это свидетельствует о моем стремлении посредством более высоких доходов и престижа расширить сферу влияния, власти над окружающими.

Таким образом, *целостность* системы потребностей означает, что мотивационная система личности включает потребности разной степени значимости: фундаментальные (духовные) и второстепенные (физиологические, материальные), которые в целом образуют целостную систему. Так, стремление к удовлетворению потребности в принятии, уважении может проявляться через желание материального благосостояния, достатка, что может сводиться к стремлению к материальным ценностям, деньгам. *Вся эта система потребностей соотносится с человеком в целом, а не с какой-то его отдельной частью, органом, и отражает его внутреннее состояние.* Следовательно, любые потребности проявляются как потребности самого человека, а не его органов. Они отражают внутренние цели и ценности личности, обусловленные духовными потребностями¹². Поэтому физиологические и материальные потребности, являясь второстепенными, не могут рассматриваться как самостоятельные. Действительно, их удовлетворение важно для биологического организма человека (так, например, жажда или отсутствие сна влияют на наше мышление и т.д.), но исключительно с той целью, чтобы поддержать его и сигнализировать о проблемах более глубокого духовного характера, о реальном состоянии человека. Таким образом, воспринимать их как автономные потребности, значит верить, что наш желудок, например, или печень – это самостоятельные органы, диктующие нам условия жизни.

---

¹² Особенно иллюстративно данное положение проявляется в кризисных моментах и ситуациях жизни человека. Когда, например, он переживает серьезные проблемы, связанные с близкими, детьми или, наоборот, испытывает переизбыток позитивных эмоций (влюбленность, рождение ребенка и т.п.), тогда актуальность физиологических потребностей, желаний резко снижается. Организм мобилизует все внутренние ресурсы на удовлетворение фундаментальных потребностей (в безопасности, гармонии, принятии и т.п.). То есть стремление организма к гомеостазу проявляется оперативно на всех уровнях внутренней структуры личности.

Второстепенность физиологических и материальных потребностей заключается, таким образом, в том, что за каждой из них стоит какая-то фундаментальная потребность – ценность, определяющая характер и направленность жизнедеятельности человека. И, наоборот, каждая фундаментальная потребность проявляет себя в работе второстепенных потребностей¹³, поэтому состояние удовлетворения духовных потребностей человека отражается на работе всего организма (о чем речь пойдет в следующих главах). Так, потребность в любви, принятии (ее неудовлетворение) влияет на психофизиологическое состояние человека в целом, и в частности на его аппетит, работоспособность, мышление. Это говорит о том, что внешнее проявление тех или иных потребностей зависит от общего уровня удовлетворенности /неудовлетворенности духовных потребностей.

Иными словами, как отмечает А.Маслоу, «любое психологическое или физиологическое состояние, любое изменение организма в какой-то мере связано с внутренней мотивацией. Если мы говорим, что человек чувствует себя отверженным, то, что это означает? Чувство отверженности охватывает *всего* человека, оно сказывается на его соматическом и психическом состоянии. В частности, мы можем сказать, что человек, чувствующий себя отверженным, напряжен, что он несчастен. Его чувство воздействует не только на его физическое состояние, оно автоматически и неизбежно пробуждает к жизни иные чувства и желания самой разнообразной окраски, такие, например, как неотступное желание завоевать любовь окружающих, всевозможные защитные реакции, нарастающее чувство враждебности и т.п.» [2, 19].

Здесь нужно учитывать и тот момент, что духовные основания природы человека усиливаются еще и в силу *динамичности второстепенных (физиологических и материальных) потребностей*, которые имеют свойство, удовлетворяясь дезактуализироваться, сменяться. Так, например, испытывая сильное чувство голода и удовлетворив его, мы на какое-то время забываем о

---

¹³ В этой связи А.Маслоу сравнивает изучение потребностей с изучением симптомов, как своеобразных символических маркеров более глубинных причин болезней человека [2].

еде. Характер же духовных потребностей постоянен. Мы постоянно нуждаемся в любви и заботе, доверительных и гармоничных отношениях. Эта особенность духовных потребностей определяется их основной задачей – обеспечить условия духовного развития личности. В связи с этим, А.Маслоу отмечает, что «в нашем распоряжении имеется достаточно антропологических данных, указывающих на то, что люди гораздо меньше отличаются друг от друга в своих фундаментальных потребностях, нежели в повседневных, осознаваемых желаниях. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что представители разных культур прибегают к разным, порой совершенно противоположным способам удовлетворения одной и той же потребности, например, потребности в самоуважении. В одной культуре для удовлетворения этой потребности человеку нужно стать удачливым охотником, в другой – хорошим врачом, в третьей – отважным воином, в четвертой – быть эмоционально сдержанным человеком и т.д. и т.п. Очевидно, что стремление стать удачливым охотником и стремление стать хорошим врачом служат достижению одной и той же фундаментальной, конечной цели. Поэтому при классификации эти два несоизмеримых на первый взгляд желания логичнее было бы объединить в рамках одной категории, игнорируя крайнюю несхожесть их поведенческих проявлений. Очевидно, что цель гораздо более универсальна, чем средства достижения этой цели, потому что средства обязательно подвержены влияниям конкретных особенностей культуры, традиций и стереотипов» [2, 19]. Другими словами будучи, как правило, завуалированными (то есть слабо- или неосознаваемыми), духовные потребности являются источником осознаваемых (физиологических и материальных) потребностей. В силу этого, у нас и возникает иллюзия относительно значения в жизни человека второстепенных нужд нашего организма. Однако глубинный, комплексный анализ их природы и значения позволяет развеять подобные иллюзии.

Таким образом, весь комплекс потребностей, отраженных во внутренней структуре личности, представляет собой целостную систему. *Механизм*

реализации этой системы опирается на принцип иерархии потребностей и их взаимосвязи, то есть необходимого соотношения духовных и материальных, физиологических потребностей. Сохранение данного принципа и определяет возможность реализации потенциала человечности. Только в таком режиме, где прерогативными выступают духовные потребности, а физиологические и материальные выполняют вспомогательные функции, возможно гармоничное развитие человека, раскрытие его внутреннего созидательного потенциала и решение проблемы общественной целостности¹⁴. На реализацию этой цели ориентирована вся его жизнь и только при ее осуществлении человек способен прожить жизнь полноценно, гармонично, как активный участник творческого созидательного процесса. В ином случае, если в силу каких-либо причин принцип системности, иерархичности нарушается, тогда решить проблему формирования целостной личности и, следовательно, целостного общества, становится невозможно. В этом случае баланс духовного и физического дезорганизуется, в силу чего акцент в развитии человека переносится на его материализацию (интеллектуальное, физическое развитие). В этой ситуации речь будет идти уже не о духовном преобразовании, развитии человека, разворачивании его потенциала человечности, а о прогрессе одного из биологических видов – *Homo sapiens*, ориентированного на физическое выживание и материальный комфорт (этот вариант «человека», как представителя биологического вида анализирует Ч.Дарвин, раскрывающий эволюцию жизни как борьбу за выживание). Следовательно, анализ данных тенденций, механизмов и условий развития в этой ситуации представляется бесперспективным, поскольку здесь речь будет идти о формировании беспощадного потребителя, задачей которого является удовлетворение собственных желаний, направленных на присвоение, отчуждение и поглощение всего окружающего в целом, на разрушение доверенной ему жизни.

---

¹⁴ Здесь мы базируемся на исходной модели анализа проблемы целостности, опирающейся на постулат о том, что формирование целостной личности ведет к становлению целостного общества.

Другими словами, следствием нарушения принципа системности в работе потребностей человека становится ослабление роли духовных потребностей, их дезактуализация и возрастание значения физиологических (голод, сон, жажда и т.п.) и материальных нужд, как результат дисбаланса его мотивационной структуры. Блокируясь материальными зависимостями, человек останавливается в своем духовном развитии, изменяется сам вектор последнего. Он, по сути, трансформируется в биологического робота, потребителя, потерявшего интерес к жизни и не способного ни на что, кроме удовлетворения своих физиологических и материальных нужд. Так он пытается найти утраченную радость, отыскать прерванную связь с Целым. Однако уже изначально такой способ оказывается безуспешным, оставляя после себя еще большее разочарование и пустоту. Все это свойственно современному человеку. Идеализируя роль и значение физиологических и материальных потребностей, он не учитывает того, что даже полное их удовлетворение не способно решить проблему *человеческой* экзистенции, реализации потенциала *человечности*. Что они необходимы лишь в качестве средств, поддерживающих баланс удовлетворения духовных потребностей. Что посредством осознанных физиологических и материальных потребностей и действий, мотивированных этими нуждами, человек способен выражать и реализовывать фундаментальные, неосознанные потребности и желания, которые независимо от культурных условий, ведут к реализации универсальной цели его существования, влияющей на характер и направленность его развития.

Глобальной иллюстрацией данной проблемы становится трансформация характера социальности современной эпохи. Современное общество, по сути, переросло границы разумного потребления, превратившись в «социальную машину» тотального производства-потребительства (демонстративного потребления) материальных благ. В нем ставка на материальный фактор – комфорт и благосостояние, а также физиологические удовольствия – является основной ценностью человеческой жизни. СМИ, государство, общественные

учреждения яро пропагандируют «благополучный» образ жизни успешного человека, залогом которого стали деньги, престиж, роскошь и удовольствия. Сам смысл человеческой жизни свелся к тотальному потреблению, поеданию всего, что предлагает ему общество – массовых товаров, массовой культуры, массового сознания. Высшие ценности и стремления человека, такие как любовь, дружба, свобода подменены такими псевдозаменителями, как секс, расчет и вседозволенность. В такой ситуации сам человек утрачивает ориентиры и смысл собственной жизни. Его сознание наполняется шаблонами и стереотипами «должного» и «возможного», запуская механизм развития конформной личности, ограниченной в своих уникальных проявлениях и творчестве.

С методологической точки зрения, данная ситуация настойчиво свидетельствует о том, что ситуация дисбаланса духовного и материального, физиологического в мотивационной структуре человека – исходная точка анализа проблем индивидуальной и социальной экзистенции, что исследовать систему потребностей человека посредством анализа отдельно взятых физиологических или материальных потребностей не имеет смысла, поскольку нарушается целостная картина видения человека. Ошибочно понимать его отдельные мотивации как обособленные от процессов, происходящих на соматическом и личностном уровнях. Иными словами, только в рамках комплексного анализа системы потребностей человека, признавая ее *целостность* и *иерархичность*, естественную ориентацию на *духовность*, как единственное условие реализации потенциала *человечности*, мы можем понять его природу. То есть конструктивное рассмотрение отдельных потребностей будет продуктивно, во-первых, в комплексе всех проявлений мотивационного состояния личности, а, во-вторых, лишь в соответствии с духовной потребностью, стоящей за ней.

В этом случае физиологические, материальные и духовные потребности, и направленная на их удовлетворение активность – неразделимый механизм

развития человека. Раскрывается данный механизм функционирования и организации системы потребностей наиболее полно в процессе нашей саморефлексии, самоанализа, работы нашей души. Такой аналитический инструмент познания позволяет, выявляя работу внутренних побудителей нашей активности (наших мыслей, чувств, действий), понимать собственную природу, а, следовательно, и природу другого, поскольку еще раз отметим, что фундаментальные духовные потребности имеют *общечеловеческий* характер.

Какие же фундаментальные потребности движут человеком и ведут его к возможности творческой реализации, целостности, гармоничности и продуктивности жизнедеятельности? На этот вопрос можно ответить предварительно расставив все акценты относительно человеческой природы, то есть того как мы понимаем *человека*.

1.5. Организация духовных потребностей

Любовь есть главная духовная сила, которая побеждает смерть и завоевывает бессмертие, она сильнее смерти. Любовь связана с личностью и требует бессмертия для личности. Во всех своих формах духовность есть борьба за вечность. Настоящая человечность требует борьбы за вечность, ибо самое бесчеловечное начало есть смерть
Н.Бердяев

Духовность, наделяющая уникальностью человеческую природу, влияет на организацию системы потребностей таким образом, что, как уже отмечалось, базовыми, то есть основными для гармоничного развития человека являются духовные потребности. Без их удовлетворения он не может реализовать свой потенциал *человечности*, активизируя себя (стремится к благополучию, успеху, престижной работе, удовлетворяет голод и жажду и т.п.) на эти цели.

Физиологические и материальные потребности в нашей внутренней структуре не являются самостоятельными и постоянными (неизменными). Их основная задача – сигнализировать нам о нарушениях в удовлетворении

духовных потребностей. Эти своеобразные символические маркеры, выступают поддерживающими средствами для духовного развития, совершенствования человека. Как отмечает в связи с этим А.Маслоу, «человек может ощущать голод, но на самом деле, это может быть не столько потребность в белке и витаминах, сколько стремление к комфорту и безопасности... И наоборот, стаканом воды...можно на некоторое время заглушить чувство голода» [2, 21]. Подобных примеров можно привести множество.

Следовательно, удовлетворение физиологических и материальных потребностей это необходимое условие для реализации более значимых – духовных потребностей, которые в отличие от этих явных и осознанных «позывов» организма или нашего сознания, более завуалированы. В любом случае, *физиологические и материальные потребности не являются основной целью и ценностью человеческого существования.* Поскольку они находятся на поверхности мотивационной системы личности (поэтому они и более осознаваемы нами, чем духовные потребности), постольку наиболее просто поддаются анализу и наблюдению. Та сила и настоятельность, с которой они о себе напоминают, и создает наше иллюзорное представление об их доминирующем значении в жизни человека. *Однако нужно учитывать, что они не обладают компенсаторным характером, а, следовательно, не могут заменить собой потребности духовные!* Они лишь помогают обнаруживать и поддерживать более глубинные установки и мотивы. Другими словами, удовлетворение физиологических и материальных потребностей освобождает наш организм от их давления, подсказывает нам, какие нарушения в реализации духовных потребностей мешают нам продуктивно развиваться. Так, например, жадное стремление к перееданию может говорить о чувстве внутреннего беспокойства человека, вызванного неблагоприятными отношениями с окружающими (как правило, близкими). А жажда к накоплению может свидетельствовать о недоверии человека окружающему миру. Поэтому ориентация на удовлетворение, прежде всего, физиологических и

материальных потребностей указывает на серьезные нарушения в развитии личности, и в дальнейшем, блокирует возможность реализации ее *человеческого* потенциала, а, следовательно, и решения проблемы целостности.

Иллюзия о главном значении в жизни человека физиологических и материальных потребностей, стала реальностью современного общества тотального потребительства. По наблюдениям, Э.Фромма, такая ситуация актуализировалась благодаря интенсивному развитию капиталистических отношений. Активное развитие капитализма, рыночной экономики в XIX веке привело к обесцениванию роли человека в жизни общества. «Человек с его желаниями и бедами все больше лишается центрального места в системе, которое занимают бизнес и производство. В области экономики человек перестает быть «мерой всех вещей». Принцип капитализма, в соответствии с которым каждый стремится к собственной выгоде и тем самым способствует всеобщему благоденствию, становится ведущим в поведении людей» [12, 116]. Напомним, что в качестве основных ценностей идеология капитализма провозглашает:

– конкуренцию и соперничество (людей, рабочей силы, услуг, товаров), борьбу за успех, в результате которой разрушаются общественные и нравственные нормы человеческой солидарности. Значение жизни здесь сводится к стремлению быть первым в конкурентной гонке, поскольку идеология капиталистических отношений гласит: «Человек человеку волк, поэтому выживает сильнейший (хитрейший, рациональнейший ит.п.)»;

– прибыль и накопительство, которые становятся основным смыслом производственных отношений, вместо традиционной общественной пользы, общего блага, удовлетворения от процесса труда. Капиталиста не интересует полезность его продукции для потребителя. Он движим желанием получить как можно больше прибыли;

– *установка на использование человека человеком*. В капиталистической системе ценностей капитал стоит выше, чем труд, накопленные вещи – выше,

чем проявления духовной жизни. Владелец капитала распоряжается человеком, владеющим «только» собственной жизнью, человеческим опытом, жизненной силой и способностью к творческому труду. «Вещи» выше человека. Противоречие между капиталом и трудом становится конфликтом двух ценностных принципов: *между миром вещей и их накоплением, с одной стороны, и миром жизни и ее продуктивностью – с другой* [12, 140].

Таким образом, современный капитализм превозносит материальные и физиологические потребности человека над духовными. Вещь не может иметь души, но зато ею можно распоряжаться. Конкуренция, корысть, капитал, прибыль, расчетливость, хладнокровность, накопление и собственничество стали ценностями современного общества, где традиционные барьеры уже не мешают никому приобретать все, что нравится в неограниченных количествах, нужно лишь иметь ресурсы. Все доступно, все можно купить, все можно потребить. В современном обществе люди живут по шаблону, приблизительно в одном ритме, с одними потребительскими интересами, унифицированными массовым потреблением, массовыми вкусами.

Типичным представителем современного общества становится человек–потребитель, социально-психологический портрет которого отвечает требованиям капитализма, заинтересованного в людях, ориентированных потреблять все больше, жить в кредит, конформных и предсказуемых, делающих то, что от них ожидают, легко приспосабливающихся к требованиям общества. В людях, для которых смысл жизни сводится к покупке нового авто, шубы или квартиры в центре города.

В реальности, навязанная и материализованная в рамках капиталистической системы иллюзия «о потребительском рае», о человеке, как существе потребляющем, обернулась для современного общества серьезными проблемами. Меркантильность капитализма и утопия сытого будущего, всеобщего благополучия привели к массовому нарастающему чувству голоду за настоящим, *человеческим*. Ориентация на материальные ценности, в конечном

итоге оформилась в потребительский характер отношений, воплотившихся в рамках массового производства, массового потребления, массовой культуры. В результате сформировалась массовая индустрия, поглотившая практически все аспекты жизни человека и общества, образовался огромный духовный вакуум. Удовлетворив физический и материальный голод, современный человек не прекращает ощущать неудовлетворенность и беспокойство от внутренней пустоты. Он потерян и заиклен. Не понимая себя, он все еще продолжает искать выход в материальном насыщении.

Однако суть проблемы заключается в том, что стремление к физическому и материальному насыщению свидетельствует, как правило, о дефиците удовлетворения духовных потребностей в любви, принятии, безопасности, познании, свободе. Неспособность удовлетворить духовный «голод» (прежде всего, в созидательных отношениях), обрести смысл жизни, заставляет человека искать «заменители», способные хоть на время приглушить внутреннюю пустоту. Таким образом, не физический и материальный, а духовный голод движет современным обществом.

Следовательно, решить проблему человеческого существования означает понять и принять первостепенность духовных потребностей в жизни человека. Поскольку именно они, вернее степень их удовлетворения влияет на формирование его жизненной ориентации, отношения к окружающему миру, а в целом на формирование полноценных *человеческих отношений* и, следовательно, целостного общества. О каких потребностях речь идет, прежде всего?

Поскольку, *духовность* является условием *человеческого развития*, основанием которой, как уже отмечалось ранее, является обобщающая *потребность в любви (Дух есть любовь)*, то соответственно на реализацию последней направлена вся мотивационная система человека. *Любовь, вернее стремление к реализации данной потребности, обеспечивает реализацию духовной (социокультурной) сути человека, способствует формированию*

целостной гармоничной личности. Эта потребность, отвечает за развитие социальности человека и целостность его основного продукта – общества, как системы человеческих отношений.

Потребность в любви представляет собой комплексную потребность в единении, целостности, включающую в себя: потребность в порядке (Отце, то есть иерархии), причастности, свободе, потребность в труде (творческом развитии), воспроизводстве культуры, социальных отношений, потребность в познании и т.п. Иными словами, эта потребность отвечает за характер и направленность не только индивидуальных, но и общественных отношений в целом, обеспечивая работу принципа: формирование целостной личности ведет к становлению целостного общества. Реализация данного комплекса потребностей наделяет человека потенциалом социального, творческого, созидательного, культурного образа, позволяет совершенствовать себя, преобразовывая тем самым окружающую его реальность.

Исключение хотя бы одной из отмеченных потребностей тормозит процесс творческого преобразования, развития человеческого потенциала. *Каждый элемент этой комплексной системы – грань, проявление потребности в любви, поэтому все они взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга.* Так, потребность в любви предполагает кропотливую созидательную работу над собой и соответственно, над отношениями с окружением (в этом процессе мы постоянно совершенствуемся и совершенствуем окружающую нас реальность). Это становится настоящим творческим трудом, который невозможен в изолированных условиях, вне социальной среды. Поэтому различные практики «ухода из общества», так называемый эскапизм (отшельничество, монашество, уход в себя и др.), не могут считаться продуктивными, поскольку ориентированы на развитие скорее не духовности, а эгоистичных установок личности. Только в условиях ассоциативной, то есть совместной жизнедеятельности происходит совершенствование человеческого потенциала. Вне социальной среды человек

останавливается на одной из промежуточных стадий своего развития и не способен двигаться дальше (примером тому выступают феральные¹⁵ люди), не способен развиваться духовно. Поскольку импульсы (выборы, реакции, действия, запросы, ожидания) направленные нам от других, активизируют и позволяют обогащать наш творческий потенциал (решая те или иные проблемы, мы приобретаем новый опыт, знания, совершенствуясь, таким образом). В изоляции от окружающей человека социальной среды – близких, знакомых, то есть других участников отношений, невозможно его полноценное развитие. Речь идет не только о физической изоляции, но и о психологическом отчуждении, поскольку духовное развитие личности, ее совершенствование предполагает, прежде всего, работу над отношениями – к себе, другим, окружающему миру. Только так человек совершенствует себя, раскрывает свой потенциал *человечности*.

В свою очередь, потребность в познании, предполагающая соприкосновение индивида с окружающей реальностью, активное освоение им окружающего мира, наиболее продуктивно развивается в условиях благоприятной среды (то есть при условии удовлетворения потребности в любви). В этом случае любовь (родителей к ребенку, учителя к ученикам и т.д.) создает максимально благоприятные условия, в которых естественное стремление к познанию не будет блокироваться страхом наказания либо отсутствием интереса. Он не боится познавать, мир открыт для него¹⁶.

---

¹⁵ Классическим примером ферального человека (от лат. *fera* – дикое животное) является Маугли – ребенок, выросший в среде животных. Такие люди (достаточно много случаев зафиксированы в Индии и Африке) жили вне общественных отношений с раннего возраста, практически не испытывая заботы и любви со стороны другого человека, не имея опыта социального поведения и общения. Живя в изоляции от человеческого общения, они не умели ни стоять, ни ходить, но быстро передвигались на четвереньках, лазали по деревьям, не владели речью, то есть имея человеческий облик, оставались животными.

¹⁶ Увидеть, как влияет любовь на развитие наших познавательных возможностей (чувственных и интеллектуальных) можно на примере ребенка. Если ребенок чувствует любовь и заботу своих родителей его интерес к жизни, ко всему окружающему растет в геометрической прогрессии. Он учится ходить, говорить, различать, строить и ломать, он задает огромное количество вопросов, испытывает реакцию родителей - так он растет, познает и развивается. Но если среда неблагоприятная, если ребенок не чувствует заботы

Последнее, в свою очередь, невозможно без включения в процессы культурного воспроизводства, в социальные отношения, производственную деятельность. Таким образом, эта особенность «совместной работы» духовных потребностей касается каждой из них и формирует их *взаимообуславливающий характер*.

В процессе исторического развития человека, потребности, как механизмы его индивидуальной активности переносятся на характер общественных отношений, институционализируясь, таким образом, в основных подсистемах общества:

– культурной (обеспечивает культурное воспроизводство, реализацию потребностей в познании, совершенствовании через институты религии, культуры, образования, науки),

– экономической (создает условия для реализации потребности человека в труде: производстве, обмене, распределении общественных благ и ресурсов),

– социальной (отвечает за поддержание и развитие ассоциативности, как условия формирования индивидуальной и коллективной социальности).

Институционализация системы потребностей в рамках общественных отношений, предполагает создание наиболее благоприятных условий для их коллективной реализации (общественных институтов). Это позволяет «запускать» механизм удовлетворения потребностей на уровне общества, создавая условия для творческой реализации индивидов, общество тем самым преобразовывается как продукт их совместной деятельности. Таким образом, духовные потребности (в любви – единении, творческом труде, познании, культуре, социальности), создают условия для творческой реализации личности. Только при условии их удовлетворения возможно гармоничное развитие человека и общества, как продукта, результата его творческой активности.

своих родителей, они ориентированы не на него – он становится вялым, капризным, болезненным. В конце концов, личность, выросшая в таких условиях, отличается высоким уровнем апатии, конформизма, покрывающих неиссякаемую внутреннюю тревогу.

Созидающую и направляющую роль в структуре духовных потребностей, как уже отмечалось, играет *потребность в любви*, как комплексная обобщающая установка, отвечающая за характер отношений человека: к себе, другим, миру, труду, познанию, природе. Более того, именно потребность в любви, ее удовлетворение обеспечивает созидательность и целостность индивидуальной и общественной жизни. Неудовлетворенность данной жизненно определяющей потребности ведет к серьезным противоречиям, дисбалансу индивидуального развития (дисбалансу духовных и материальных, физиологических потребностей), и как следствие, переориентации личности на потребности более низкого порядка. Эгоистические потребительские мотивы становятся условием развития личности, поскольку в этом случае роль вторичных потребностей актуализируется и происходит, по сути, блокирование ими духовных. Внешне это приобретает характер доминирующей ориентации человека на материальные ценности, то есть формирование потребительского типа личности. Этим, пожалуй, можно объяснить характер и тенденции развития человека современного общества потребительства с его массовой культурой.

В случае гармоничного, созидательного развития человека, что обеспечивается необходимыми условиями (на чем мы остановимся позже), формируется психологически здоровая, творческая, целостная личность, способная к формированию полноценных созидательных отношений. Это означает, что *гармоничному развитию человека в обществе способствует ориентация на духовные потребности. В этом случае человек способен осознавать свою роль и ответственность за ее выполнение, суть и задачу своего существования. Другими словами, чтобы осознать свою человеческую суть, стать человеком, нужно иметь в этом потребность.*

Глава 2. Условия человечности

История не делает ничего, она не обладает никаким необъятным богатством, не сражается ни в каких битвах! История не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. Не история, а именно человек, действительный, живой человек – вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека
К.Маркс

2.1. Любовь как фундаментальное условие человеческой жизни

В глубине человека заложена творческая сила, которая способна создать то, что должно быть, которая не даст нам покоя и отдыха, пока мы не выразим это вне нас тем или иным способом
И. Гёте

Человеческая жизнь немыслима вне духовного развития, поскольку представляет собой динамический творческий процесс, ориентированный на поиск себя и своего места в пространстве отношений. В этом заключен вопрос *человеческой* экзистенции. В этом находим ответ на вопрос о смысле и возможности социальной жизни. Сама жизнь человека есть акт творчества, в процессе которого происходит обновление, совершенствование его природы, соприкосновение с окружающей реальностью, познание ее и формирование индивидуального опыта. В этом процессе человек открывает для себя все многообразие, уникальность и глубину окружающих его граней социального и в конечном итоге, способен выходить за собственные физические пределы. Об этом свидетельствуют в частности гении прошлого и настоящего, чье творчество запечатлелось в веках, отражая характер и неповторимость эпохи. Платон, Аристотель, Рембрандт, Леонардо да Винчи, А.Пушкин, Д.Менделеев, И.Ньютон и многие другие, чей список можно продолжать, внесли свой вклад в формировании исторического социального опыта, в приумножение культурного наследия общества. Однако наряду с данными творцами истории, существует огромное количество примеров, чей опыт и «творчество» отразились темными следами в памяти социума.

Такое переплетение фрагментов деструктивного и конструктивного в историческом опыте человечества иллюстрирует диалектику гармонии и дисбаланса творчества, как проявления духовной природы человека, и его противоположности – стремления к ее разрушению, подавлению. С этих позиций сама «история уже не является загадочным потоком, которому подчиняются люди и вещи... История – продукт (хотя и бессознательный) собственной активности человека... Все, из чего она состоит, ведет в конечном счете обратно к человеку и отношениям между людьми» [15]. Чем обусловлен характер творчества, а, следовательно, и жизни человека, чем определяется его фундаментальный выбор в сторону созидания либо разрушения?

Сам творческий процесс есть способ обретения себя, открытия в себе, своем микромире частички единого Целого – макромира. Это процесс духовного совершенствования и обновления человека, закон *человеческой жизни*. Однако этот процесс обретает свой потенциал по воссозданию *уникальной человеческой природы*, лишь руководствуясь любовью, лишь принимая ее в качестве единственного условия развития собственной личности. Ориентируясь любовью, выбирая ее в качестве установки познания мира, себя в нем, наконец, творчества, человек открывает в себе возможности формирования целостной картины видения окружающей его реальности, без искажений и фрагментации, формализма и стандартизации. Он формирует объективное восприятие действительности, руководствуясь которым способен конструировать созидательную систему отношений к миру.

С такой ориентацией человек способен преодолеть формальные шаблоны и ограничения внешнего мира, стать гармоничной, уникальной частицей целостной системы. Поскольку, как и индивидуальная жизнь – микромир отдельного человека, окружающая нас реальность, то есть макромир, есть объективация системы индивидуальных знаний и опытов. В этой коллективной системе *индивидуальное восприятие, осознание и отношение* выступают базовыми аспектами конструирования пространства социальных отношений.

Можно сказать, что на основании этой индивидуальной системы отношений и формируется модель человеческого участия в конструировании окружающей реальности, происходит становление индивидуального и социального. Поэтому то, насколько гармоничной, творческой будет данная модель, влияет на характер и состояние социальных отношений.

Это процесс включения индивидуального в социальное, микромира в макромир, и, наоборот, приобретает свой гармоничный характер в условиях реализации фундаментальной человеческой потребности – в любви. Лишь в этом случае обретают смысл и реальное воплощения гармония, созидание, творчество, благополучие, счастье. Лишь в этой ситуации личность способна преодолеть конформизм и шаблонность окружающей реальности, проявить уникальность и неповторимость, освободиться от зависимостей и эгоизма. Другими словами, человек способен стать *человеком*, принять и дать возможность проявиться другому, лишь испытывая потребность в любви. Только в этом случае человек открыт для окружающего его мира, а, следовательно, может слышать, принимать и преображать его.

Действительно, лишь любовь делает нас терпеливей, внимательней, требовательней к себе и окружающей реальности. Она побуждает нас работать над собой, своими отношениями, быть совершенней, лучше. В противовес ей, эгоистическая ориентация, направляя человека на «совершенствование» и «творчество», лишает его шанса освобождения от зависимостей и страхов, возможности принятия себя и того, что его окружает, заставляет разрывать духовные связи. Такое «творчество» смертельно для человека, поскольку основано на зависимости, а не свободе. Это, по сути, начало конца *человеческой* жизни, его духовная гибель. Здесь нет потребности в другом, в отношениях, а есть лишь желание, направляющее человека на борьбу за выживание.

2.1.1. Понимание любви

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.
1Кор.13:4–8

Тема любви так же бессмертна, как и тема человека. Сложно сказать, когда впервые предпринимаются попытки ее обоснования, однако известно, что в рамках социально-философской мысли уже античные философы пытались проникнуть в ее суть. Краткий исторический экскурс позволяет проследить, что, например, у Аристотеля понятие любви сводилось к плотскому, он относил любовь к одной из первичных энергий человеческого тела. Платон в своём трактате «Пир», вводит существенно иную формулировку утверждения связи любви и познания. Любовь у него – это процесс непрерывного движения, эрос познания. Суфийские философы и литераторы Персии и Арабского востока эпохи Средневековья (Омар Хайям и Алишер Навои) отождествляли любовь с вином. Вино, наливаемое в сосуд, то есть в брэнную человеческую оболочку, наполняет людей духовной составляющей, диалектически вводя понятие любви к Богу.

В эпоху Возрождения течение неоплатонизма, представленное трудами М. Фичино, Ф. Каттани, Д. Бруно, в основу любовной философии помещает учение о красоте. Таким образом, любовь здесь трактуется как стремление к красоте. Эта концепция связывает этику и эстетику и оказывает значительное воздействие на искусство эпохи Возрождения.

В XX веке любовь становится предметом рационализированного научного дискурса, поэтому сфера ее интерпретации сводится к бессознательному иррациональному началу в человеке, благодаря чему, его природа отождествляется, по сути, с инстинктоподобной животной сущностью. Так, согласно основателю психоанализа З. Фрейду, любовь есть

иррациональное явление, из которого исключено духовное начало. В своей теории сублимации, исследователь низводит любовь к первобытной сексуальности, являющейся одним из основных стимулов развития человека.

К счастью, данный подход к пониманию любви не выдерживает критики. Поэтому вслед за фрейдовскими постулатами о либидо, предпринимаются исследовательские попытки перейти от чисто биологического описания любви к ее социальной и культурной составляющим. Это новое направление, с ориентированной на человека методологией исследования, предпринимает попытки перехода от сциентистской ограниченности в познании личности, к анализу ее уникальной *социокультурной* сути.

Мощным толчком к данным поискам стал кризис европейского общества, свидетелями которого были многие известные исследователи XX века. Уровень патологичности, нездоровья последнего, глубина духовного вакуума, сформировавшегося в этот период, враждебности, побудили исследователей делать печальные прогнозы относительно его будущего. Диагноз времени не заставил себя ждать: современное общество – нездорово, как и нездоров человек в нем. Поэтому если больное общество – это, прежде всего враждебные, небезопасные, потребительские отношения, тогда истоки здорового нужно искать в противоположном, то есть отношениях любви, уважения, принятия, созидания. Поэтому реакцией на дезинтегрированное состояние современного общества стал поиск решений проблемы целостного общества, основным участником которого выступает целостная созидательная личность.

Предметным полем анализа современных социально-философских исследований стал социокультурный потенциал человека, помещенный в фундаментальные ценности – любовь, гармонию, принятие, уважение. Объектом исследования становится сам человек, как носитель и выразитель мощного созидательного потенциала, и его отношения. В этой связи, американский исследователь К. Роджерс, анализируя феномен любви и его роль

в современном обществе, отмечает: «только сейчас слово «любимый» обретает свой истинный, глубинный смысл. Чувство, что ты любим, равнозначно чувству, что тебя понимают и принимают. Лишь те отношения можно назвать истинной любовью, в которых нет угрозы для партнеров, которые возникают на основе взаимного принятия и взаимного одобрения...» [2].

Таким образом, к началу нашего столетия состояние современного общества, тенденции его развития и характер изменений, заставляют пересмотреть традиционные рационалистические критерии анализа, обновить методологию и исследовательский инструментарий науки. В контексте данных трансформаций изменяется отношение к иррациональным аспектам человеческой природы – чувствам, интуиции. За личность «признается» право переживать, ощущать, быть способным любить. Сам феномен любви признается малоисследованным, безусловно, важным и загадочным проявлением человеческой природы, познать который можно только через изучение его социокультурной природы.

Однако наряду с этим, приходит и осознание того, что ограничиваться пониманием человека как социокультурного создания, значит упустить шанс проникнуть в суть его *человеческого* существования, значит не продвинуться в понимании любви дальше, чем это предлагает традиционный научный анализ. Ни рационалистическая, ни гуманистическая классические перспективы не смогли рассмотреть в любви ее универсальность, уникальный духовный потенциал, единственно необходимое условие жизни человека, достичь которого возможно лишь посредством развития духовности, как основания феномена любви.

Итак, потребность в любви, то есть любить и быть любимым, является фундаментальной потребностью человечества. На таинстве любви, проникающей через человека в мир, основана его жизнь, то есть процесс творческого развития, совершенствования, становления. Именно любовь, изливающаяся в наши сердца, мысли, волю дает миру устоять, является той

силой, благодаря которой мы можем существовать как единое Целое – семья, общность, общество.

Пожалуй, каждый из нас сталкивался в своей жизни с удивительным и не всегда понятным рациональному объяснению состоянием, когда хочется творить, когда ты переполнен энергией, чувством внутренней радости, счастья, умиротворения. Когда хочется делиться этим со всеми окружающими, когда самый неприветливый и несимпатичный нам прежде человек, вдруг открывается в новом свете. Это любовь. Она растапливает наши очерствевшие сердца и души и заставляет нас изменяться. Она творит и преобразует. К сожалению, не каждому из нас удастся постоянно пребывать в этом творческом состоянии, поскольку наши внутренние зависимости – эгоизм, себялюбие, страх, зависть – блокируют его, приземляя нас. И все же сила любви, ее влияние и значение для человека настолько сильны, что способны пробиваться даже через самую «толстую кожу».

Удивительно, но, несмотря на то, что опыт любви есть практически у каждого из нас, нам все же сложно однозначно охарактеризовать ее. При попытке понять: «Что такое любовь?» в голове возникают всевозможные эпитеты и ассоциации – любовь супружеская, любовь к детям, любовь христианская, родительская. В ряде случаев это понятие подводится и под такие банальные вещи, как например, любовь к футболу, к театру, роскоши и так далее. Такая «универсальность» понятия приводит к потере его первоначального смысла. Мы понимаем любовь, как чувство, которое вызывает приятные волнения, привязанность к кому-либо или чему-либо. Но тогда возникает вопрос отличия любви от симпатии, уважения, нежности.

Наше поверхностное представление об этом феномене, сложность его понимания объясняется попытками рационального осмысления любви. Как видим, такой способ мало привнес в ее понимание, сводя любовь скорее к физиологии человека, чем к его душе. В силу этого, несостоятельность интерпретации понятия в рамках материалистической традиции, как любви,

например, к роскоши, тем или иным кулинарным изыскам и т.п., свидетельствует о том, что любовь не поддается рациональному объяснению. Ее понимание требует от исследователя не работы интеллекта и рационального постижения, а глубокого душевного проникновения. Иными словами, понять любовь можно только пропустив ее через свое сердце, только в этом случае наш исследовательский опыт становится ценен. Выбирая для себя такой способ познания, мы обретаем шанс приоткрыть грани любви.

Итак, проникая в суть феномена, отметим еще раз, что исследовать любовь мы можем лишь через призму ее духовной природы, приоткрыть которую позволяет единственный *способ познания духовности* человека – его сердце (кордоцентричное познание). Лишь признав, что человеческая уникальность и потенциал сосредоточены в его духовности, как стремлении к развитию, творчеству, познанию, можно понять, что для человека есть любовь. Другими словами, *для человека как духовного создания, потребность в любви является основной, обобщающей потребностью в единении, анализ которой требует комплексного подхода. Это означает, что любовь проявляет себя в целой системе потребностей, без удовлетворения которых достичь единения (внутреннего и внешнего), прийти к целостности (индивидуальной и социальной) невозможно.* Сам принцип единения¹⁷ предполагает ориентацию на целостность, общность, его реализация опирается на удовлетворение таких потребностей, как:

- приобщенность, соучастие (стремление стать частицей общего Целого – членом своего рода, семьи, общины, мира в целом),
- творческий труд (то есть труд, прежде всего, над собой, своим духовным развитием, собственной системой отношений),
- познание (прежде всего, себя, поскольку через знание себя, своих *человеческих* мотивов, стремлений, потребностей мы познаем окружающий мир, соприкасаясь с ним и преобразуя),

---

¹⁷ Понятие «единение» происходит из православной формы *edinъ*, то есть один, единый, сплочение, укрепление связей, целостность, общность, полное сходство, неразрывность.

– культурное развитие человека,

– свобода (познавая себя, окружающий мир, мы открываем в себе те моменты (зависимости, желания, привязки), которые мешают творчески развиваться, быть полноценным сотворцом окружающей нас реальности. Лишь освобождаясь от них, мы способны становятся целостными),

– порядок (последовательность, соответствие) (целостность предполагает кроме всего прочего четкую организацию, порядок (индивидуальной системы потребностей, системы организации семейных, общинных отношений и т.п.). Порядок отражает степень соответствия человека своей задаче, статусу и участвует в формировании целостной личности).

Без удовлетворения данных потребностей прийти к единению, целостности невозможно, поскольку лишь в ходе этого процесса, человек раскрывает собственный потенциал любви, приобретая знания и опыт единения (индивидуального и социального). Только в таком значении мы можем говорить о любви, как единственном условии гармоничного развития личности, как активной, преобразующей и освобождающей творческой силе. Именно на удовлетворение этой базовой духовной потребности, должна быть направлена вся жизнь человека, поскольку лишь стремление к любви, дает ему шанс на полноценную, созидательную, свободную жизнь, на духовное развитие и совершенствование. Можно сказать, что *любовь – это единственное естественное условие гармоничного развития, жизни человека, а, следовательно, и продуктов его деятельности – общностей, групп, обществ*¹⁸.

---

¹⁸ Естественность и прерогативность этой потребности для жизни человека, выявлена и многочисленными физиологическими исследованиями человеческого организма. Так, уже упоминавшаяся концепция гомеостаза, предполагающая стремление организма к постоянству внутренней среды – равновесию, гармонии, сбалансированности, стимулирует потребность организма в получении положительных эмоций в виде счастья, радости. Последние возникают по мере выработки морфиноподобных веществ – эндорфинов и анкуфалинов, которые и вызывают положительные эмоции.

2.1.2. Многогранность отношений любви

Любовь не перестает существовать никогда. Пророчества прекратятся, языки умолкнут, все наши знания станут ненужными. Ведь все наши знания неполны, и все наши пророчества частичны, и когда наступит совершенство, тогда все несовершенное исчезнет

Любовь проявляет себя в отношениях, невидимой ткани духовности, которые формируются на протяжении всей нашей жизни и выражают ее качество, характер, перспективность. Именно по отношению человека к себе, близким, окружающему миру можно увидеть его настоящее внутреннее Я, то насколько он человек. Но увидеть не в буквальном смысле, то есть визуально, а почувствовать те «несущие волны», которые он излучает в окружающий мир. И если мы не чувствуем его любви, то убедить нас в этом не смогут даже самые красноречивые доводы, поскольку способ познания любви помещен в человеческом сердце, которое способно слышать (чувствовать) истину.

Действительно, любовь можно только почувствовать, ее нельзя понять рационально, логически, принять «люблю» не ощущая этого. Разум здесь чрезвычайно ограничен, он не способен вместить в себя понимание всей глубины и вариативности любви. Ему не понять любви. Но открывая *сердце*, как единственно *гармоничный способ познания*, впуская в себя любовь, мы можем увидеть ее проявления, стимулирующие наше стремление к познанию (постижению глубины и сути окружающих нас явлений), освобождению (от стандартизированных общественных догм), творческому развитию, участию, последовательности (организованности, упорядоченности в системе), попытаться раскрыть свой внутренний потенциал.

Тайна любви к человеку начинается в тот момент, когда мы смотрим на него без желания обладать им, присвоить, властвовать, воспользоваться каким бы то ни было способом его личностью. Когда мы видим человека глазами любви, то принимаем его таким, каков он есть. Он любим нами не за социальное положение, деньги, внешние данные, а просто потому, что он – человек и он прекрасен. Поэтому *любовь – это, прежде всего, бескорыстные отношения, отношения взаимной свободы и принятия, творческого труда и*

познания, отношения, в которых нужно уметь давать и получать, любить и быть любимым. И в этом заложен ее преобразующий потенциал целостности, единения.

Действительно, любовь обладает уникальным потенциалом. Мы можем наблюдать, как удивительно изменяется полюбивший человек, как преображается вся его суть, чувства, мысли, поступки, отношения. Он начинает смотреть на мир абсолютно другими глазами и видеть то, чего не замечал ранее. Внутренняя энергетика, исходящая от влюбленного человека, поражает своей заразительностью и мощью. В сравнении с ним, человек, не испытывающий этого чувства, ощущается несамодостаточным, неинтересным, неживым. Такой опыт «оживания» имеет каждый из нас.

Любимый становится центром нашего внимания, все отходит на второй план перед нашей потребностью быть рядом, чувствовать его, слышать его голос. Ничто не имеет такого значения в этот момент, как стремление быть одним целым. Наша любовь возникает тогда, когда мы готовы делиться тем самым важным и дорогим, чем обладаем – собой, собственной жизнью (интересно, что в переводе с арамейского языка, являющегося языком первохристианства, *любить* означает *отдавать*). Стремление отдавать любимому человеку свою заботу и тепло, знания и опыт, радость и нежность, всего себя без остатка. И от этого я становлюсь счастлив. Я хочу отдать, поделиться, чтобы стать частичкой единого целого, чтобы слиться воедино.

В этом стремлении поделиться, на самом деле заключается огромный потенциал единения. Но, к сожалению, в большинстве своем, воспринимая значение слова «делиться» рационально, а не интуитивно, то есть не пропуская его через свое сердце, не ощущая, мы искажаем этот принцип, традиционно опираясь на представление, что давать, значит лишать себя чего-то, жертвовать чем-то. Поэтому мы так неохотно реализуем его в повседневных отношениях, воспринимая скорее как угрозу, акт обделения собственной личности. И вот вместо возможной радости от нашего единения, приобщенности, мы

формируем ориентацию на «сохранение себя», постепенно утрачивая возможность становится внутренне богаче, открытей, целостней. При этом, не замечая за собой такой жадности, мы бурно реагируем на такое же отношение к себе, мы буквально требуем любви к себе. Однако чудо любви заключается как раз в том, чтобы обоюдно делиться радостью, наполняя ею друг друга.

Перерастая индивидуальные границы, такая ориентация на себя, собственный эгоизм, жадность проявляется в глобальной установке современного человечества на эксплуатацию, накопление, тотальное потребительство. Стремление современного общества потреблять пугает, поскольку осознавая возможные последствия этого, становится очевидно, что перспектив такая тенденция не имеет! И лишь осознание такой угрозы может заставить нас увидеть себя со стороны, пересмотреть собственные шаблоны мышления.

Можно без преувеличения сказать, что лишь человек не умеющий любить, не удовлетворивший собственную потребность в любви, в хороших отношениях воспринимает давание как угрозу обеднения, потери чего-то жизненно важного, жертву. «Торгашеский характер готов давать только в обмен на что-либо. Давать, ничего не получая взамен, это для него значит быть обманутым. Поэтому большинство индивидов этого типа отказываются давать. Некоторые делают добродетель из давания в смысле пожертвования. Они считают, что именно потому, что давать мучительно, человек должен давать; добродетель давания для них заключена в самом акте принесения жертвы. Что давать лучше, чем брать – эта норма для них означала бы, что испытывать лишения лучше, чем переживать радость» [14, 5].

Важно понимать, что любовь не имеет ничего общего с жертвенностью, полезностью, корыстью. Давать в процессе любви не означает жертвовать свою жизнь другому человеку. Наоборот, давать – значит делиться тем, что есть в нас живого, уникального, человеческого, то есть своим отношением – радостью, опытом, знаниями, хорошим настроением. Потенциал

духовного капитала человека безграничен. Он требует постоянного роста, обмена. И любовь учит нас делиться им с радостью, прежде всего от причастности и участия в другом, дарит внутреннее освобождение, поскольку сам принцип «поделиться» есть выражение жизнеспособности человека. Давать, делиться значит быть богатым, значит приумножать себя чем-то новым и необходимым. «Не тот богат, кто имеет много, а тот, кто много отдает. Скупец, который беспокойно тревожится, как бы чего не лишиться, в психологическом смысле – нищий, бедный человек, несмотря на то, что он много имеет. А всякий, кто в состоянии отдавать себя, – богат. Он ощущает себя человеком, который может дарить себя другим. Только тот, кто лишен самого необходимого для удовлетворения элементарных потребностей, не в состоянии наслаждаться актом давания материальных вещей. Но повседневный опыт показывает, что то, что человек считает минимальными потребностями, во многом зависит как от его характера, так и от его актуальных возможностей. Хорошо известно, что бедняки дают с большей готовностью, чем богачи. Однако бывает такая нищета, при которой уже невозможно давать, и она так унижительна не только потому, что сама по себе причиняет непосредственное страдание, но еще и потому, что она лишает бедняка наслаждения актом давания» [14, 5].

Таким образом, уникальная способность любви – *бескорыстие*, умение поделиться собою, открывает человека, его возможности, формирует в нем мощный созидательный потенциал. Последний наполняет его изнутри и направляется на окружающую реальность, побуждая становиться активным участником отношений. Это, по сути, процесс постоянного самобогащения, саморазвития. Такие бескорыстные отношения, дарят чувство внутренней наполненности, дают возможность перерасти собственные границы, освободиться от внутренних привязок и противоречий, поделиться собой, тем, что имеешь, приобретая взамен радость, а не чувство ущербности или жалости, обретаемые в процессе жертвования собой.

Сама жертвенность является антонимом любви, ее искажением, чувством и состоянием внутренней обреченности, ущербности. В этом состоянии человек не способен гармонично расти и развиваться, он ощущает довлеющее чувство вины, долга перед кем-то или чем-то, которое на самом деле является фантомом, порожденным шаблонами нашего разума. Именно они делают нас зависимыми, прежде всего, от собственных иллюзий и страхов, обрекают на духовную нищету и заикленность на материальных аспектах. Жертвенность, как проявление эгоистической ориентации, побуждает нас относиться к окружающему миру корыстно, видеть в окружающих отношениях угрозу потерять что-то значимое для себя. За этой тревогой человек не способен видеть потребности других. Он обеспокоен лишь собой, своими опасениями не получить или потерять что-то важное для себя. Такое искаженное понимание любви, насаждается там, где ориентация потреблять доминирует над ориентацией созидать.

Печально в силу этого наблюдать ситуации, когда родители, подменяя понятие любви жертвенностью (в основании которой лежит родительский эгоизм), растят из своих детей потребителей и собственников, обреченных быть несамостоятельными, незрелыми личностями. Супруги жертвуют ради своих половинок, надеясь на достойную компенсацию за собственные потери. Граждане жертвуют собой ради верховной власти, ожидая хорошей жизни. Жертвуя, мы способны на потакание, оправдание негативных поступков своих ближних (особенно это касается родительской любви). Не любовь, а скорее собственный эгоизма, страх не быть плохим, то есть быть авторитетом, оградить близких нам людей от всех и всего побуждают нас закрывать глаза на их негативные проявления. По сути, этим мы лишаем их шанса стать лучше, приобрести собственный опыт, стать самим собой, освободиться. Такие корыстные отношения – нелюбовь. Это лишь иллюзия любви. Нам кажется, что мы любим человека, а на самом же деле, поработаем друг друга, ограничиваем жизнь и свободу другого. Этот псевдозаменитель любви расслабляет личность,

допускает человеку становиться мельче, эгоистичней. В целом жертвенность ведет к накоплению взаимных претензий, разочарований, потерь и никогда не ведет к формированию созидательных отношений, продуктивной ориентации личности на целостность.

И, наоборот, любовь требовательна. Она подсказывает человеку его ошибки, поддерживает и уверяет в том, что в нем есть все необходимое, чтобы расти, прежде всего, духовно, не ради себя, а ради него. *Животворная сила любви проявляется в том, что человек, может быть любим, и в силу этого научиться быть достойным. Поэтому единственным способом возродить человека и сохранить уникальность его жизни является любовь, бескорыстное принятие его таким, каким он есть, лишь за то, что он человек.* Делясь собой, мы обоюдно обогащаемся, усиливаем нашу потребность в жизни, друг в друге, уверенность и радость от соприкосновения, учимся быть одним целым.

Само по себе давание наполняет нас радостью, полнотой позитивных ощущений, неким творческим зарядом. Этот процесс имеет аккумулирующий характер, поскольку делясь чем-то с другими, мы приобретаем взамен намного больше. «Давание побуждает другого человека тоже стать дающим, и они оба разделяют радость, которую внесли в жизнь. В акте давания что-то рождается, и оба вовлеченных в этот акт человека благодарны жизни за то, что она рождает для них обоих. В случае любви это означает, что любовь это сила, которая рождает любовь, а бессилие – это невозможность породить любовь» [14, 7].

Любовь как потребность давать, делиться собой предполагает стремление принимать: себя, других, окружающий мир, ситуации, участниками которых мы становимся. Как сложно порою нам смириться с качествами близких и знакомых нам людей, как сложно слышать о себе что-либо, что входит в противоречие с нашим представлением. Сложно, а иногда кажется невозможно принять незапланированную ситуацию. Даже собственную внезапную болезнь, ломающую наши планы, мы не можем

принять. Все, что выходит за границы нашего привычного программирования и стандартизации – вызывает в нас негативные эмоции и требует сверх усилий по их преодолению. Не зная ничего о себе, мы не принимаем себя, свою задачу, поскольку невидимый контролер – наш разум ревностно блюдет созданную зависимость. Поэтому мы стараемся угнаться за последними модными тенденциями в моде, дизайне, науке, следим и переживаем за политическими баталиями и т.п. В этом процессе отвержения себя проявляется наш эгоизм, потребительская ориентация. Можно сказать, что современное общество есть пример массового неприятия, делающего человека зависимым, несвободным. Конечно же, мы думаем, что абсолютно свободны в своем выборе: партнера по браку, друзей, одежды, марки машины, работы и т.п., но это при условии, что мы не даем себе шанса на осознание реальной ситуации.

Не зная себя, мы безжалостно перекраиваем собственную уникальность, добровольно сдаем себя в рабство, только бы не быть собой – быть как все. Мы стремимся подогнать всего себя под общие стандартизированные шаблоны красоты, ума, престижа, образованности, не понимая, что за этим стоит. Вместе с тем, целые индустрии, фабрики по «переделке» человеческой уникальности, растут в современном обществе с огромной прогрессией. В своем бегстве от себя, нелюбви к себе мы становимся способны на «многое»: перекроить внешность, сменить пол, национальность, религиозную конфессию, сменить ценности семьи на карьеризм. Предавая себя, взамен мы получаем несвободу и нелюбовь. И только любовь, искренняя и настоящая способна вернуть нас к жизни, остановиться в этом хаосе и почувствовать неудовлетворенность, боль души, заглушить которую в состоянии только потребность в настоящем, искреннем, уникальном – в любви.

В этом смысле учителями в принятии себя могут быть маленькие дети. Их еще не настолько беспокоит цвет их глаз или форма носа, они не задумываются о лишних килограммах и расовой принадлежности, они просто радуются жизни, любви близких, нежности и заботе. Они с радостью

принимают заботу и опеку над собой, их сердца еще открыты. Для них любовь – это единственно важное условие жизни, все остальное второстепенно. Но если дети открыто демонстрируют свою потребность¹⁹, то мы, взрослые подавляем ее, даже не раскрыв. Поэтому не всем нам удается также легко принять себя, полюбить, как частицу единого Целого – мира, как маленькому ребенку. Этому нужно учиться, хотеть узнать и развить себя настоящего. Но прежде необходимо принять себя со всем набором достоинств и недостатков, преодолеть в себе разрушительные эгоистичные мотивы, страх быть не таким как все.

Как проявление высшего дара человеку, единственное условие его жизни, любовь есть созидание, активная жизненная сила, единственное условие освобождения человека, преодоления его ограниченности. Интересно, что в переводе с санскрита, корни английского слова *freedom* (свобода) и немецкого *freiheit* в глагольной форме означают «любить», «быть любимым», а в качестве существительного означают «мой (моя) любимый». Это говорит о содержательной близости понятий «любовь» и «свобода», отражающейся в том, что свобода означает предельное проявление взаимной любви, создание условий для наиболее плодотворной творческой реализации личности.

Освобождение (прежде всего от собственных зависимостей, страхов, внешних стигм) является естественным стремлением человека, как духовного создания, поскольку, только будучи свободным, он способен к сотворению, соучастию, созиданию, к любви. Свобода, как грань любви – есть дар, позволяющий человеку иметь выбор, шанс на преодоление собственной ограниченности, пассивности. Наделенный стремлением к познанию, сознанием и воображением, человек не может довольствоваться пассивной ролью. Им движет потребность выйти за ее пределы, стать активным

---

¹⁹ В удовлетворении потребности в любви дети могут использовать как открытые проявления (плачь, бунтарство, крик, открытые вопросы: «А ты меня любишь?»), так и скрытые формы (например, ребенок не чувствуя любви родителей может становиться вялым, неактивным). Как правило, та или иная реакция у ребенка зависит от отношения родителей к нему и его ощущения их.

творческим началом, соучастником, быть частичкой Целого – семьи, общности, общества, мира. Ведь если я люблю, то не могу не жить любимым человеком, не знать его проблем и радостей, не участвовать в его жизни. Поэтому соучастие означает активную включенность в жизнь и развитие того, кого мы любим, чем занимаемся, то есть активное участие, заботу о человеке, знание его и понимание. Где нет активной включенности, готовности пропустить проблему человека через себя, свое сердце, там нет любви, там не установлены крепкие духовные связи, делающие нас одним целым.

Представьте ситуацию, когда мать не знает, чем живет ее дитя, какие интересы и способности имеет, что предпочитает, чему радуется. Разве о материнской любви идет речь? А вместе с тем это достаточно распространенная в современном обществе ситуация, порождающая целый комплекс индивидуальных и общественных проблем. Главной из них становится проблема бесхозного поколения – детей, не знающих любви родителей и не способных в будущем стать полноценными членами общества.

Вместе с тем, говоря об *активности, участии*, как проявлениях любви, нужно уточнить их. Нельзя ориентироваться только на внешние проявления активности, поскольку это не просто действия, направленные на достижение внешней цели, которые изменяют существующую ситуацию посредством определенной затраты сил. Наоборот, это скорее пассивность человека. Говоря о любви, как об активной созидательной силе, речь идет об отношении, направляющем действия человека. Так, в работе «Искусство любить» Э.Фромм проводит различие между активностью и пассивностью состояний человека. «Возьмем в качестве примера человека, побуждаемого к непрерывной работе чувством глубокой тревожности и одиночеством, или побуждаемого гордыней, или жадностью к деньгам. Во всех случаях человек является лишь рабом страсти, и его «активность» на самом деле есть не что иное как «пассивность», потому что он подвергается побуждению, как жертва, а не творец. С другой стороны, человек, сидящий спокойно и размышляющий, не имея иной цели

кроме осознания себя и своего единства с миром, считается «пассивным», потому что он не «делает» чего-либо. В действительности, такое состояние сосредоточенной медитации это и есть высшая активность, активность духа, которая возможна только при условии внутренней свободы и независимости» [14,5].

Таким образом, активность – это свобода в выражении чувств и действий человека, а пассивность – это зависимость, побуждаемость чем-то. В последнем случае человек выступает объектом мотивов, влияние которых сам не осознает – зависти, ревности, честолюбия, жадности и т.п. Любовь – это внутреннее стремление к реализации *человеческого* потенциала, которая проявляется в свободе, но не в принуждении и насилии. Напротив, последнее есть проявление не любви, а эгоизма.

Однако зачастую мы понимаем активную заинтересованность именно как стремление вмешаться в жизнь (чувства, мысли, поступки) другого, заставить делать и думать иначе, «правильно» (особенно этот аспект отношений проявляется в отношениях детей и родителей). И тогда, наши активность и заинтересованность перерастают в навязывание и подавление, невыносимую опеку которые нарушают свободу другого человека, мешают ему развиваться, становится собой. Поэтому очень важно понимать и сохранять «границы» нашего участия в жизни других, в этом и будет проявляться наша любовь к ближнему, уважение, а не подавление. Поэтому еще одной гранью любви является *уважение*.

Но что такое уважение? Это не страх и благоговение перед другим человеком, не идеализация его, а стремление видеть и принимать человека таким, каков он есть, осознавать его уникальность, чувствовать его реальное состояние. Уважать (от «уважить») значит доставить человеку радость общения, понимания, принятия. Это умение услышать его и воспринять объективно, то есть, не исказив его восприятие своими желаниями, иллюзиями, страхами, предвзятым отношением.

Уважение существует только на основе свободы принятия, а не на стремлении подчинить, использовать. Оно не предполагает корыстных отношений эксплуатации. Я воспринимаю другого человека как такую же уникальность, как я сам. Поэтому хочу, чтобы он рос и развивался ради него самого, шел своим собственным путем, отведенным только ему, а не был средством реализации моих целей. Уважение возможно, только если человек сам достиг внутренней зрелости, если он лишился стремления быть зависимым от своего эгоизма, желания властвовать, использовать кого-то. Таким образом, уважение существует только на основе внутреннего освобождения, позволяющего нам видеть и воспринимать другого человека как ценность.

Такие отношения, направленные на достижение единения, требуют постоянного и кропотливого труда над собой. Поэтому *любить, значит постоянно трудиться над собой, своими отношениями*. Наиболее иллюстративно данный аспект любви отражен в притче об Ионе. Бог повелел Ионе пойти в Ниневию предупредить ее жителей о том, что если они не сойдут со своих пагубных путей, то будут наказаны. Но Иона отказался от этой миссии, так как, хотя и был человеком с обостренным чувством справедливости, но не любви, а потому боялся, что люди раскаются и Бог простит их. В дальнейшем, при попытке бежать, он очутился в животе у кита, куда попал из-за недостатка человеколюбия. Но Бог спас его. Иона идет в Ниневию, поведать слово Бога к людям. Они раскаялись в грехах своих, исправили пути свои и Бог прощает их и решает не разрушать город. Иона сильно рассержен, он хочет, чтобы восторжествовала справедливость, а не милосердие. В тени дерева, которое вырастил Бог, чтобы оно защитило Иона от солнца, тот успокаивается. Но когда дерево увядает по велению Бога, Иона выражает свое недовольство, на что Бог ему отвечает, что ты жалеешь растение, ради которого не трудился, не растил, а я не должен спасти Ниневию, большой город, в котором более шести тысяч жителей, правая рука которых не

ведает, что делает левая. Таким образом, Бог показывает Ионе, что любовь и забота, труд – неразделимы, что сущность любви – это труд для кого-то.

Заботиться, участвовать, познавать, значить освобождаться, постепенно преодолевать собственный эгоизм. Это значить, невзирая на стремление изменить другого, прежде всего, изменять себя, стараясь принимать наших близких, окружающий нас мир, такими, как есть. Это значить преодолеть свои претензии и недовольства, суметь увидеть и принять собственные ошибки и искажения, бескорыстно направлять всего себя на другого, его потребности, развитие, участвовать в его жизни. Поэтому любовь – это постоянный непрерывный труд, прежде всего над собой, своими желаниями, собственным Я, с целью совершенствования себя, исправления тех искажений, которые есть у каждого из нас.

Как часто можно наблюдать ситуации, когда в своем профессиональном коллективе или среди знакомых, мы стараемся соответствовать тем или иным требованиям – быть внимательными, отзывчивыми, активно участвовать в производственных отношениях. И как сильно мы меняемся в кругу близких людей, в кругу семьи, часто позволяя себе несдержанность, поверхностность, культивируя наше плохое настроение. Подобные метаморфозы безусловно имеют последствия, которые проявляются в формировании негативных отношений и уж никоим образом не свидетельствуют о любви. И, тем не менее, мы настойчиво требуем к себе хорошего отношения, не отдавая ничего взамен, разрушая то, что имеем, и в конечном итоге сетуя на судьбу.

Итак, *сущность любви – это стремление к единению, достигаемое в результате кропотливого труда над собой, труда на общее благо.* Каждый любит то, для чего он трудится, и каждый трудится для того, что он любит. Так, в процессе творческого труда по преодолению собственных зависимостей, происходит постепенное соединение – человек становится участником, сотворцом общего целого, выходя, таким образом, за установленные шаблоны и обретая свободу. Освобождаясь, человек открывает в себе стремление жить,

развиваться, творить не для личного блага, но на благо других. Действительно, это может себе позволить только освободившийся человек, поскольку только в свободном выборе и проявляется любовь, когда человек, забывая о себе, живет стремлением творить, найти себя, стать сотворцом; забывая о себе, помнит только любимого, он в центре его жизни. Следовательно, свободен тот, кто освободился от себя и перенес всего себя, свою любовь, участие, смысл своей жизни на другого, любимого. В этой связи Э.Фромм отмечает, что парадоксальность любви в том, что она делает человека более независимым, счастливым, духовно сильным, и в то же время она настолько объединяет его с любимыми, что образует одно целое. В переживании любви заключена высшая форма ответа на проблему человеческого бытия, оно является залогом душевного здоровья, поскольку «...необходимость единения с другими, приобщенности к ним, является настоящей потребностью, от удовлетворения которой зависит психическое здоровье человека. Эта потребность кроется за всеми явлениями, составляющими целую гамму человеческих ... отношений, которые называют любовью...» [12,41].

Забота, свобода, участие, уважение и труд, как грани любви, ведут к *ответственности, то есть стремлению отвечать на поставленные нам жизнью вопросы*. Поэтому безответственность – это зависимость, прикрываемая мнимой свободой. Часто мы путаем эти понятия, принимая ответственность как что-то навязанное извне, и превращая ее этим в безответственность. Но ответственность это, прежде всего, добровольное и активное участие, а не налагаемая кем-то обязанность. Мы часто под ответственностью склонны понимать вину, которая давит и тяготит нас: за плохие отношения с близкими, за неоправданные надежды, нереализованные проекты. Но вина не обладает созидательной активной силой. Она подавляет все лучшее в нас, заставляя останавливаться на своем пути. Чувство вины лишает нас перспективы жизни, заводя в тупик. Ответственность наоборот.

Быть ответственным значит быть в активном состоянии, готовности отвечать, отзываться на нужды ближнего – и на те, которые он может выразить, осознать, и еще больше на те, которые он не может или не хочет обнаруживать. Это значит, увидеть в близком человеке за его плохим настроением, раздраженностью, апатией, не просто негативные эмоции, а боль его души, те переживания, которые вызвали такое состояние. И помочь ему. Это значит, знать свои возможности и быть свободным в их реализации. Чувство ответственности жизнеутверждающее, созидательное. Любящий человек чувствует себя ответственным. Жизнь его близких это не только дело их самих, но и его дело, поскольку они – это единый коллектив, общность, семья. Он чувствует ответственность за них так же, как чувствует ответственность за самого себя.

Другими словами, ответственность – это стремление человека отвечать за себя – свои чувства, мысли, поступки, отношения к окружающему миру. Это, прежде всего, ориентация на удовлетворение духовных потребностей, организация отношений таким образом, чтобы окружающие нас люди чувствовали себя любимыми, чувствовали свою необходимость, уверенность в том, что их принимают такими, какие они есть, что они значимы для нас ни за какие-то профессиональные достижения, материальное благосостояние, а за то, что они – наши близкие. В этом случае быть ответственным значит, стремится создать условия, направленные на поддержание таких отношений, на общее благо, а не на удовлетворение собственных амбиций, желаний и интересов.

Забота, уважение, ответственность, труд невозможны без *знания*, а вернее познания другого. *Знание*, как элемент любви, не ограничивается поверхностным уровнем, а проникает в самую суть человека. Это активное проникновение в природу другого, где мое желание познания удовлетворяется благодаря единению. «В акте слияния я познаю тебя, я познаю себя, я познаю всех – и я «не знаю» ничего. Я обретаю таким путем – благодаря переживанию единства – знание о том, чем человек жив и на что способен, но это знание

невозможно получить благодаря мысли... Любовь – единственный путь познания, который в акте единения отвечает на мой вопрос. В акте любви, отдавания себя, в акте проникновения вглубь другого человека, я нахожу себя, я открываю себя, я открываю нас обоих, я открываю человека» [14,15].

Истинное познание возможно только тогда, когда я могу переступить пределы собственного интереса и увидеть другого человека в его уникальном проявлении. Я могу знать, например, что человек раздражен, даже если он и не проявляет это открыто; но я могу знать его еще более глубоко: я могу знать, причину его раздражения – он встревожен и обеспокоен, чувствует себя одиноким. Тогда я знаю, что его раздражение это проявление чего-то более глубинного, и я смотрю на него с позиций любви, как на страдающего человека, а не как на вызывающего у меня негативные эмоции. Такое познание на основании чувств, интуитивного понимания человека предполагает переживание единства с ним, принятия. Поэтому знание, являющееся элементом любви, проникает в самую суть человека и предполагает понимание истинных мотивов его поведения, отношений к окружающему миру.

Это объективное познание другого человека, формируется на основании объективного знания о себе. Только зная себя, понимая мотивы собственных поступков, я могу реально понимать, состояние другого человека, его поступки и беспокойство. Только так я могу преодолеть свои иллюзии, рисующие его иррационально искаженный образ, и увидеть, что нас объединяет много общего уже потому, что и он, и я – человек. «Только если я познаю человеческое существо объективно, я могу познать в акте любви его глубочайшую сущность» [12, 9]. Следовательно, любовь представляет собой активное познание себя, а значит и проникновение в другого человека, когда стремление к познанию удовлетворяется благодаря единению.

Знание, заложенное любовью, делает бессмысленными иллюзии. Отпадает потребность преувеличивать значение другого человека или свою собственную значимость, поскольку ты обретаешь способность принимать

себя, окружающих людей и мир в целом такими, какие они есть на самом деле. Ты не стыдишься, не раздражаешься и не осуждаешь, а видишь самую суть происходящего. Настоящая суть любви, таким образом, позволяет преодолеть ограниченность своего существования и в то же время ощутить себя носителем активных жизненных сил. «Главным при этом, является особое *свойство* любви, а не ее объект. Любовь заключается в переживании человеческой солидарности с нашими ближними, она находит выражение в любви мужчины и женщины, в любви матери к ребенку, а также в любви к самому себе как человеческому существу, она состоит в мистическом переживании единения. В акте любви Я един со Всем, но остаюсь при этом самим собой – неповторимым, отдельным, ограниченным, смертным человеческим существом. Именно это единство полярных противоположностей – отдельности и единения – является источником, дающим жизнь любви возрождающим ее» [12, 42].

Таким образом, любовь – это единственный способ единения с миром, дающий ощущение целостности, причастности и в то же время сохраняющий уникальность человеческой жизни. Она предполагает многогранность бескорыстных отношений, базирующихся на активности, творческом труде, заботе, ответственности, знании, уважении к создаемому, и ведущих человека к освобождению, реализации его потенциала человечности, целостности. Все эти проявления любви взаимосвязаны и нераздельны. По мнению Э.Фромма, «они представляют собой набор установок, которые должны быть заложены в зрелом человеке, т. е. в человеке, который развивает свои созидательные силы, который хочет иметь лишь то, что он сам создал, который отказывается от нацистских мечтаний о всезнании и всемогуществе, который обрел смирение, основанное на внутренней силе, которую может дать только истинно созидательная деятельность» [14, 10].

2.1.3. Дар любви, как дар жизни

Есть только жизнь, и все, что существует, существует лишь в свете жизни
С. Булгаков

Анализируя природу любви и ее роль в жизни человека, хотелось бы обратиться к наблюдениям известного русского философа И. Ильина, который в своем произведении «Поющее сердце» так определяет значение любви: «*Нельзя человеку прожить без любви, потому что она сама в нем просыпается и им овладевает...*». Посмотри, как протекает жизнь человека. Ребенок применяется к матери — потребностями, ожиданием, надеждою... и когда все это слагается в первую и нежнейшую любовь, то этим определяется его личная судьба. Ребенок ищет своего отца... наслаждается его любовью и любит его ответно... подражает ему и чувствует в себе его кровь. Этот голос крови говорит в нем потом всю жизнь, связывает его с братьями и сестрами и со всем родством. А когда он позднее загорается взрослою любовью к «ней» (или, соответственно, она к «нему»), то задача состоит в том, чтобы превратить это «пробуждение природы» в подлинное «посещение Божие» и принять его, как свою судьбу. И не естественно ли ему любить *своих* детей тою любовью, которой он в своих детских мечтаниях ждал от своих родителей? Как же обойтись без любви? Чем заменить ее? Чем заполнить страшную пустоту, образующуюся при ее отсутствии?

Нельзя человеку прожить без любви и потому, что она есть главная выбирающая сила в жизни. Жизнь подобна огромному, во все стороны бесконечному потоку, который обрушивается на нас и несет нас с собою. Нельзя жить всем, что он несет ... надо выбирать... выбирающая же сила есть любовь... она есть великий дар — увидеть лучшее, избрать его и жить им...

Нельзя человеку прожить без любви и потому, что она есть главная творческая сила человека... творить можно только приняв богозданный мир, войдя в него, слившись с его таинственными путями и закономерностями. А для этого нужна вся сила любви... Человек творит не из пустоты: он творит из

уже сотворенного, из сущего, создавая новое в пределах данного ему естества – внешне-материального и внутренне-душевного. Творящий человек ... должен научиться *созерцать сердцем*, видеть любовью, уходить из своей малой личной оболочки ... вчувствоваться в него и создавать *новое из древнего и невиданное из предвечного*. Так обстоит во всех главных сферах человеческого творчества... и во всей культуре. Культура без любви есть мертвое, обреченное и безнадежное дело. И все великое и гениальное, что было создано человеком – было создано из *созерцающего и поющего сердца*.

Нельзя человеку прожить без любви, потому что *самое главное и драгоценное в его жизни открывается именно сердцу*. Только созерцающая любовь открывает нам *чужую душу* для верного, проникновенного общения, для взаимного понимания, для дружбы, для брака, для воспитания детей. Все это недоступно бессердечным людям. Только созерцающая любовь открывает человеку его *родину*, т. е. его духовную связь с родным народом, его национальную принадлежность, его душевное и духовное лоно на земле» [12].

Итак, любовь – это высшее духовное стремление человека, могучая созидательная сила, вдыхающая в нас жизнь. Поскольку раскрываясь в сердце человека, любовь одухотворяет его, преобразует в *творческое, созидательное создание*. Наполненный этой живительной силой, он духовно растет, развивается, учится жить, то есть быть активным созидателем, частью единой целостности. Поэтому именно любовь есть условие гармоничной *человеческой* жизни – творческого многогранного процесса, позволяющего нам обнаружить всю вариативность собственной природы, талантов. Это дар, принимая и делясь которым мы способны выйти за рамки собственной ограниченности, шаблонности.

Проявляясь посредством комплексной системы духовных потребностей, установок человека, любовь находит свое выражение в характере его отношений: к себе, окружающим, миру в целом. Научая быть творческим, целостным, свободным, она помогает нам формировать такие же отношения с

миром. В такой всеохватываемости проявляется еще одна уникальная способность любви: она или есть или ее нет. Следовательно, человек либо способен любить, либо нет. Нельзя любить кого-то одного (брата, мать, ребенка) и не любить остальных людей. Это уже не любовь, а как говорят психологи, симбиотическая зависимость, иными словами, эгоизм. По этому поводу Э.Фромм приводит логичный аргумент. Исследователь отмечает, что «большинство людей все же уверены, что любовь зависит от объекта, а не способности. Они даже уверены, что это доказывает силу их любви, раз они не любят никого, кроме «любимого» человека. Здесь срабатывает заблуждение. Поскольку они не понимают, что любовь это активность, сила духа, они думают, что главное – это найти правильный объект, а дальше все пойдет само собой. Эту установку можно сравнить с установкой человека, который хочет рисовать, но вместо того, чтобы учиться живописи, твердит, что он просто должен дождаться правильного объекта; и когда найдет его, то будет рисовать великолепно. Но если я действительно люблю какого-то человека, я люблю всех людей, я люблю мир, я люблю жизнь. Если я могу сказать кому-то «я люблю тебя» я должен быть способен сказать «я люблю в тебе все», «я люблю благодаря тебе весь мир, я люблю в тебе самого себя» [14, 9].

Таким образом, любовь – это отношение человека, ориентированное на стремление к единению, принятию мира, а значит – всего, что его окружает (включая его самого). Интегративный потенциал любви проявляется в силе и значении духовных связей, которые формируются в рамках этих отношений. Любовь дает уникальное переживание единства, слияния с окружающим миром. Я люблю своих близких, свой дом, свой город, страну, в которой родился и вырос. Я люблю все, что окружает меня, и поэтому хочу быть частицей всего этого. Это и есть принцип общности, человеческого единения, стирающий внешние различия в талантах, образовании, знаниях, статусах. Главное здесь – это общность *человеческой* сути, объединяющей всех нас – людей – представителей одного человеческого рода.

Чтобы ощутить это, необходимо проникнуть вглубь себя, найти и увидеть те внутренние барьеры, которые мешают мне быть одним целым, любить. Раскрывая собственные искажения, иллюзии и шаблоны, и искореняя их из своего сердца, я учусь принимать себя, как гармоничную часть единого Целого – семьи, рода, общины, социальной группы. Я нахожу и открываю в себе те свои стороны, благодаря которым и могу быть собой: я – женщина (мужчина), я – дочь своих родителей (сын), я – сестра (брат), я – жена (муж). От осознания этого сердце наполняется удивительной благодарностью, радостью от возможности быть участником, быть причастным к общему благу, общему делу. Невероятно понятны становятся внутренняя организация и характер тех отношений, в которых ты участвуешь. Другими словами, выстраивается гармоничная последовательность, невидимый, однако четко интуитивно осознаваемый порядок, в котором каждый из моих статусов находится на «своем месте». Я дочь своих родителей и я принимаю и ценю их авторитет, я жена и я люблю своего мужа, хочу участвовать в нем, его развитии, быть частицей единого целостного монолита – нашей семьи.

Любовь позволяет нам видеть собственную уникальность, неповторимость, а значит и уникальность другого человека. В этом мы равны. Любовь побуждает стремление открывать себя и ценить то, чем я наделен. Она не ищет лучшего на стороне, но учит радоваться за себя, за тех людей, которые нас окружают, за то общество, в котором мы живем, поскольку дает осознание общности, единства, заботы и доверия. Открывая любовью собственное сердце, мы теряем стремление к недоверию, агрессии, обидам, претензиям. Мы перестаем искать чего-то лучшего, поскольку способны осознать, что всем лучшим мы уже обладаем, и если чего-то недостает в нашей жизни, то нужно трудиться над этим. Но не для того, чтоб получить желаемое, а поскольку сам процесс творческого труда приносит нам радость и вдохновение, открывая все новые наши грани.

Наблюдая за людьми, живущими любовью, поражаешься их многогранности, глубине, уникальности и в тоже время открытости, простоте. Кажется, нет ничего невозможного для них. Сама жизнь в любом ее проявлении приносит им радость и удовлетворение. А общение с таким людьми вдохновляет и окрыляет тебя самого, настолько сильна мощь любви, живущей в их сердце. Становится понятно, что необходимо работать над собой, своими отношениями, чтобы прийти к такой искренней, непосредственной величественной простоте.

Проникая вглубь себя и открывая себя, мы становимся способны видеть суть окружающего нас, суть другого человека – его чувства, мысли, переживания. И если я могу сделать это, то становлюсь способен увидеть нашу общность, единство. Меня не трогают его внешняя раздраженность или агрессия, пренебрежение или надменность. Я понимаю, что это лишь внешняя маска, прикрывающая истинные переживания его души. Я смогу осознать, что люблю человека не за его положение, уровень доходов, престижную профессию, а за то, что он – *человек*, такой же как и я. Он может нуждаться во мне так же, как и я в нем, и в этом мы равны в своем главном статусе – *человек*.

Следовательно, научиться любить, значить быть ориентированным на созидательное творческое участие в жизни, что, по сути, и есть процесс духовного преображения человека в целостную личность. В этом сложном, кропотливом и длительном процессе участвуют множество факторов, совместно организующих и влияющих на конечный результат – целостное становление *человека*. Однако главными среди них являются:

– *среда*, создающая условия для раскрытия духовного потенциала личности,

– *культура*, как система объективных социальных знаний (о жизни в обществе), формирующая наше гармоничное целостное восприятие окружающей реальности.

Эти факторы участвуют в формировании индивидуальной целостности человека (посредством актуализации его духовных потребностей) и в дальнейшем, способствуют поддержанию социальной целостности. Следует отметить, что в рамках становления *человека* основную роль играет способ познания им реальности, позволяющий открывать себя, окружающий мир, приходить к внутреннему соответствию, целостности. Речь идет о *сердце*, как основном способе целостного познания окружающего мира и отношения к нему, средстве развития нашей *человечности*.

Именно в *сердце* заложен потенциал любви, как духовного основания человеческой сути. Поэтому лишь *через сердце раскрывает свой жизненный потенциал любовь, формирующая созидательную систему отношений человека, и выступающая единственным условием его целостного становления*. По сути, в процессе развития сердечного (кордоцентричного) познания и происходит формирование продуктивной, творческой ориентации личности, сохраняется уникальность и неповторимость *человека*. Поскольку многогранность и созидательность такого способа познания *предполагает единственно возможную ориентацию на единение, целостность (личности, отношений, установок и т.п.)*. Проявляется такая универсальная установка в следующих моментах:

– в области *чувств* она находит свое проявление в стремлении к *приобщенности, причастности, заботе, уважению, в стремлении переживания единения с другими, с природой при условии сохранения чувства собственной целостности и независимости,*

– в области *мышления* выражается в формировании *объективного целостного восприятия реальности, постижения и отношения к миру,*

– в области *действий* эта ориентация выражается в установке на *созидательный творческий труд, гармоничное взаимодействие человека с другими* в целом.

Таким образом, потребность услышать голос собственного сердца, его стремление к высшему, духовному, способна обнаружить всю мощь и глубину *человеческого потенциала, открыть источник жизни*. Другими словами, *лишь потребность в любви, как единственном естественном условии творческой гармоничной жизни человека, обнаруживает и раскрывает потенциал нашего сердечного мышления*. Именно любовь, вернее потребность в ней, обуславливает «работу» *сердца* посредством чувств и реализуется в объективном мышлении и созидательной системе отношений человека.

В этом творческом, динамичном процессе, *духовное развитие человека, есть путь к любви, то есть способ разворачивания человеческого потенциала*. *Выраженная в качестве созидательной ориентации, открывающей возможности духовного совершенствования, потребность в любви определяет продуктивный характер и качество жизнедеятельности человека – системы его отношений к себе, другим, миру в целом*. Следовательно, *удовлетворение этого жизненного стремления* (которое возможно лишь при наличии благоприятных условий, о чем речь пойдет позже) *является условием «работы» механизма целостного становления личности*. Это предполагает, в свою очередь, что сохраняется такое соотношение и последовательность работы сущностных сил человека (духовного и материального, физического аспектов), когда духовный фактор преобладает, а способом познания окружающего мира выступает *сердце* (кордоцентрическое познание, а не рациональное, как традиционно принято считать). Иными словами, пренебрежение ведущей роли любви в раскрытии *человеческого потенциала*, и ее способа познания – *сердца*, делают невозможным гармоничное развитие личности. Остановимся на этом аспекте более подробно.

2.1.4. Путь постижения любви: принцип кордоцентрического познания

Глубина и интимность сердечных процессов и является причиной того, что эти процессы подсознательны и потому недоступны научному исследованию. Отношение сердца к голове, такое же, как подсознания к сознанию. Подсознание обширнее сознания, дает ему материал, и в такой же мере является «подкладкою и основою» для сознания, в какой сердце является для головы. Сердечное подсознание не вмещается в головном сознании, и только фрагменты подсознания доходят до сознания, и то при постоянном контроле головного ума
А. Позов

Традиционно, основным способом познания окружающей нас реальности и одновременно нашего развития считают *разум (рациональное мышление)*. Лишь поверхностно в современной научной традиции затрагивается *сердце*, как *духовный компонент* природы личности. Поэтому редко можно встретить серьезное обоснование относительно его потенциала. На самом же деле, выступая ведущим способом нашего восприятия-отношения к окружающей реальности, сердце (кордоцентрическое познание), а не разум позволяет познавать, принимать и понимать ее *объективно, целостно*, без искажений. Другими словами, именно сердце является условием обнаружения и открытия уникального потенциала любви, этого неиссякаемого источника *человечности*. Следовательно, *развитие этого способа познания открывает перспективу, как самого человека, так и общества!*

В этом случае мы можем говорить о возможности решения проблемы индивидуальной экзистенции, то есть формировании целостной личности, развертывании ее потенциала *человечности*, а, значит, и конструировании *общества человеческих отношений*. Следовательно, игнорирование этого факта и акцент на рациональном постижении человека и окружающей его реальности, ведет к формированию потребителя, разрушительность действий которого и определяет конец социальности. От чего зависит перспективность кордоцентричного способа познания? Что влияет на его развитие и выбор деструктивной «альтернативы»? Какой характер их соотношения и степень развития в структуре личности определяет возможность ее духовного

совершенствования, а в дальнейшем и формирования целостных социальных отношений?

а) Сердце

Для современной физиологии и медицины, как и для большинства из нас, сердце человека – это, прежде всего, два предсердия, два желудочка, клапаны, эндокард, миокард²⁰, перикард. Однако даже такое поверхностное представление о нем, как физиологическом органе, заставляет задуматься, когда сталкиваешься с болезнью сердечно-сосудистой системы, сердечной болью. Стрессы, переживания, негативные эмоциональные состояния, уныние, гнев и т. д., которые современный человек пропускает через себя в изобилии, приводят к серьезным заболеваниям различных органов и систем, и, в первую очередь, сердечно-сосудистой системы.

Современная медицина достаточно давно признала непосредственную связь между нашим внутренним состоянием и состоянием нашего организма²¹. Это объясняется тем, что каждый определенный орган или система человеческого организма не только выполняют специфические физиологические функции, но и несут на себе эмоциональную нагрузку (то есть каждая часть нашего организма на информационно-энергетическом уровне отражает те или иные эмоциональные состояния). В состоянии стресса

---

²⁰ Сердце (вес 300 гр, длина 13 см) – единственный орган, состоящий из мышцы – миокарда, структура которой отличается от всех других мышц тем, что ее волокна образуют рисунок креста. Сердце первым начинает свою работу в организме и последним прекращает ее.

²¹ Психосоматика (др.-греч. ψυχή – душа и σῶμα – тело) – направление в медицине (психосоматическая медицина) и психологии, изучающее влияние психологических факторов на возникновение и течение соматических (телесных) заболеваний. В рамках данного направления исследуются связи между характеристиками личности (конституциональные особенности, черты характера, стили поведения, типы эмоциональных конфликтов) и тем или иным соматическим заболеванием.

Психосоматические заболевания – это заболевания, причинами которых являются в большей мере психические процессы больного, чем непосредственно какие-либо физиологические причины. Если медицинское обследование не может обнаружить физическую или органическую причину заболевания, или если заболевание является результатом таких эмоциональных состояний как гнев, тревога, депрессия, чувство вины, тогда болезнь может быть классифицирована как психосоматическая.

организм излучает мощное хрональное поле, которое действует на конкретный орган человека. Многократные хрональные удары выводят ослабленный орган из строя и человек заболевает. Поэтому боль или болезнь является лишь нервной реакцией, внешним маркером наших деструктивных мыслей, эмоций, чувств, сигнализирующим о серьезных нарушениях, угрозах развития человека. А поскольку сердце является жизненно важным органом человеческого организма, то его боль, болезни, следует понимать как отражение нашего внутреннего духовного состояния (боль души).

Вспомним хотя бы, как болело наше сердце при расставании с любимыми и дорогими нам людьми, как сжималось оно и сбивалось с ритма от волнения на первом свидании, как переполнялось теплом и радостью при прикосновении к младенцу. Сердце бьется от радости, сжимается от боли, люди принимают многое близко к сердцу. Принято говорить о сердечном холоде, бессердечии, добросердечии. Все эти вариации сердечных переживаний и волнений, так или иначе, отражались на работе нашего сердца, поскольку на любые эмоциональные потрясения оно реагирует изменением ритма²². Другими словами, состояние физического сердца отражает наше духовное состояние.

Таким образом, сердечные расстройства происходят из-за невнимания к собственному духовному состоянию, к чувствам, которые личность переживает. Так, человек, считающий недостойным себя любви, не верящий в возможность любви или же запрещающий себе проявить свою любовь к другим людям, непременно столкнется с проявлениями сердечно-сосудистых заболеваний. Согласование своих истинных чувств с голосом собственного сердца в значительной мере облегчает бремя сердечных болезней, со временем способствуя частичному или полному выздоровлению [17, 258].

---

²² Интересно, что сокращения сердца контролирует само сердце, без участия головного мозга. В стенке правого предсердия имеется особый участок (водитель ритма), который издает слабые электрические импульсы, распространяющиеся по всей сердечной мышце.

Когда человек находится в состоянии покоя, сердце совершает от 60 до 80 сокращений в минуту. При физической нагрузке, в моменты стресса или эмоционального возбуждения частота сокращений сердца может возрасти до 200 ударов в минуту.

Еще в древних культурах сердце рассматривалось как символ любви, центр жизненных сил человека. В православной традиции сердце – это источник жизни, фокус всех духовных, душевных и телесных сил. Выполняя такую роль в жизни человека, оно имеет исключительное значение в отношениях личности ко всему окружающему, потому что именно сердцем она входит в связь с окружающей реальностью, сердцем слышит истину, то есть чувствует соответствие или несоответствие происходящего. *Именно через сердце человек открывает в себе стремление к единению, любви, потребность реализовать свой человеческий потенциал.*

Такой потенциал сердца раскрывается в уникальном способе его принятия – отражения окружающей реальности. Именно этот способ познания – кордоцентризм²³ (от лат. *cordis*, греч. καρδιά – сердце) позволяет открывать и понимать реальность, проникая в самую ее суть, посредством чувств, души, то есть ее внутреннего переживания. Так, первые представления о сердце, как органе «разумения», встречаются в Святом Писании, о чем в своей работе «Дух, душа, тело» писал русский хирург и священник В.Войно-Ясенецкий. Исследователь отмечает: «О сердце речь чуть ли не на каждой странице Библии, ... ему придается значение не только центрального органа чувств, но и важнейшего органа познания, органа мысли и восприятия духовных воздействий. И больше того, сердце по Священному Писанию есть орган

---

²³ В развитии философии сердца, методологическим направлением которого является кордоцентризм, последнее выступает центральной категорией в христианско-православной традиции, а также работах ряда классиков: Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Г.С.Сковороды, Н.И.Новикова, И.В.Лопухина, Серафима Саровского, И.В.Киреевского, Н.В.Гоголя, Н.И.Костомарова, П.А.Кулиша, П.Д.Юркевича, Л.Н.Толстого, Н.Ф.Федорова, В.С.Соловьева, В.В.Розанова, Б.П.Вышеславцева, В.Ф.Войно-Ясенецкого, С.Л.Франка, П.А.Флоренского, В.Ф.Эрна, И.А.Ильина, Н.А.Бердяева, В.Н.Лосского, Р.Я.Рудзитиса, В.А.Сухомлинского и др. Являясь методологическим принципом философии сердца, кордоцентризм выступает методологическим принципом целостного понимания личности и ее места в обществе. Обращение к сердцу, как способу познания, вызвано необходимостью определить уникальность человека.

Кордоцентризм, являясь коррелятом иерархичности и синтезообразующей системой философии сердца, проявляет интегративность социума и формирует целостную личность. Принятие сердца как метафизического принципа духовности человека синтетически проявляет через сердце его творческие способности и свойства.

общения человека с Богом, следовательно, оно есть орган высшего познания» [18]. Схожие суждения высказали в свое время П.Юркевич в работе «Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению слова Божия», П.Флоренский в книге «Столп и утверждение истины», И.Ильин в книге «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний». Причем И.Ильин наделяет духовный центр человека способностью творить «культуру сердца» и считает, что «это философия — простая, тихая, доступная каждому, рожденная главным органом Православного Христианства – созерцающим сердцем» [19, 64].

Данный способ познания уникален. В нем *человеческое и духовное синтезируется в единое целое*, позволяя проникнуть в самую суть *человеческой жизни*, где с «движений сердца» личность начинает своё духовное развитие, где саму суть *человеческого* определяет жизнь его сердца (то есть непосредственные глубинные переживания, исходящие из него). Это наиболее надежный и тонкий инструмент познания истины. По мнению русского философа И.Ильина, «мышление без сердца...остается, в конечном счете, безразличным: ему всё равно, за что ни взяться, что ни обдумать, что ни изучить. Оно оказывается бесчувственным, равнодушным, релятивистическим (Всё условно! Всё относительно!), машинообразным, холодным и циничным ... Его главный прием есть умственное разложение жизни, как бы умственная «вивисекция» живых явлений и существ» [20, 297 – 298].

Познавательные возможности кордоцентризма раскрываются в *непосредственном* познании действительности, *осознании* живой реальности, которое противоположно рациональному знанию. В этой связи французский философ Б. Паскаль отмечает эту разницу между «геометрическим умом» (то есть рационалистическим или логическим способом мышления) и сердечным мышлением. «Разум действует медленно, принимая во внимание столько принципов, которые всегда должны быть налицо, что он поминутно устает и разбегается, не имея возможности одновременно удерживать их. Чувство действует иначе: оно действует в одну секунду и всегда готово действовать»

[18]. Таким образом, потенциал кордоцентричного познания позволяет именно в сердце и через него видеть спасение человечества от бездуховности. Поскольку культура общества без сердца есть не культура, а дурная «цивилизация», создающая гибельную технику и унижительную мучительную жизнь [21]. Как разворачивает свою работу сердце и влияет на становление личности? Попробуем в этом разобраться.

Чувствовать все, что нас окружает – основная задача нашего сердца. Именно чувства (созидательные) обеспечивают в человеке развитие кордоцентричного познания, открывая возможность духовного развития личности. Это то, что в свое время немецкий социолог Г.Зиммель называл «работой души». Сама «общественная связь – это синтез индивидуальных душ. Как синтез, связь остается чем-то чисто душевным, без параллельного соответствия пространственным образованиям и их взаимодействиям... Этот синтез душ и формирует единство, недостижимое для совокупности индивидов» [22, 512]. Чувства обеспечивают глубину, динамичность, творчество и лояльность восприятия человеком окружающего мира, влияя на организацию его системы установок и ориентаций.

Этимология понятия «чувства» (от стар.-слав. *чути, чувство*) относится к глаголу *слушать, понимать*, и характеризует познавательный процесс. Не удивительно, что этому компоненту структуры личности (а в дальнейшем, как покажет наш анализ, и активатору социальной целостности), уделялось достаточно внимания в работах классиков социально-философской мысли. Платон, Б. Паскаль, Т.Гоббс, А.Смит, Ш.Монтескье, Д. Локк и многие другие исследователи, неоднократно отмечали влияние чувств на характер наших мыслей, отношений, действий (страх как фактор общественной интеграции у Т. Гоббса, жадность и присвоение – у Дж. Локка, симпатия – у А. Смита). Так, иллюстрацию данной методологической традиции встречаем в работах О.Конта, который в качестве условия построения идеального общества предлагает развивать чувство альтруизма взамен эгоизму. Исследователь

отмечает, что «возникновение и сохранение обществ не могут иметь места без участия инстинктов симпатии, которые имеют целью, кроме того, придать всем актам социальной жизни необходимую нравственную привлекательность» [23, 87].

Э.Дюркгейм видит спасение общества в чувстве солидарности, М.Вебер отводит интегрирующую роль чувствам содружества и конкуренции. Г.Зиммель в «Социологии чувств» говорит о том, что чувственное восприятие ближнего имеет фундаментальное значение, поскольку становится средством познания другого: то, что я вижу в нем, что от него слышу, какие чувства испытываю, – это теперь только мост, по которому я добираюсь до своего объекта» [22, 722].

Такой исследовательский интерес к феномену не случаен, поскольку выражаясь техническим языком, чувства являются основными «несущими частотами», на которых человек излучает те или иные энергоинформационные волны. При этом главным генератором чувств и является сердце, через которое излучаются те или иные «несущие частоты», формирующие духовные связи человека с окружающей реальностью. Наполненные наибольшей энергией, чувства влияют на характер наших действий, окрашивая их в те или иные оттенки. В этой системе сердце выполняет функцию приемно-передающего устройства (ретранслятора), принимающего внешнюю информацию, наделяющего ее определенной «чувственной» окраской, и передавая посредством нервной системы и мозга в тело, и далее в окружающую среду. Таким образом, посредством чувств, которые отражают наши устойчивые отношения к кому- (чему) либо и в отличие от эмоций (то есть кратковременных переживаний), являются долговременными, выражается работа сердца.

Верифицировать работу данного механизма оказывается достаточно просто. Для этого необходимо представить себе ситуацию, в которой оказывался, пожалуй, каждый, когда встречаясь впервые с теми или иными людьми, мы могли испытывать к одним из них позитивные чувства (симпатию,

радость, уважение, любовь), а к другим, по непонятным казалось бы для нас причинам – негативные. Объяснить себе эти внутренние колебания зачастую сложно. На самом же деле данная ситуация является примером, иллюстрирующим значение и работу чувств в формировании нашего восприятия окружающей реальности. В виде связанных энергоинформационных волн, чувства конструируют вокруг человека энергетическое поле, которое излучает и принимает такие же волны других [24]. Способом познания природы другого человека здесь является сердце, через которое мы и пропускаем данные волны. Поэтому ощущая от человека позитивные волны, мы проникаемся к нему такими же чувствами, и, наоборот. Другими словами, приведенная выше ситуация может свидетельствовать о том, что не зная человека, мы можем улавливать его энергоинформационные волны и ощущать его «намерения» уже до наличия какой-либо информации о нем. При этом позитивный окрас волн вызывает в нас ответные чувства, негативный – заставляет испытывать негативные переживания. В этой связи чувства выступают индикатором истинного «я» человека, поскольку позволяют узнать его реальное отношение к тому или иному объекту. Именно нашу «несущую частоту» чувствуют люди, с которыми мы общаемся. Человека с развитым кордоцентричным познанием сложно обмануть фальшивыми улыбками и словами. И, наоборот, немногословность и внутреннее спокойствие, основанные на позитивных чувствах, красноречивее говорят об истинном отношении человека к нам. В отличие от них, слова и поступки не всегда совпадают с внутренним истинным состоянием человека, достижение такого состояния это гармония.

Следует отметить, что во всем многообразии чувств человека основными являются всего два – любовь и ненависть (нелюбовь), все остальные это производные от них. Для гармоничного развития личности жизнеопределяющим, как уже отмечалось, является чувство любви. Именно оно влияет на формирование целостного видения окружающей реальности,

становление ее объективной картины. В силу чего развиваются эти способы познания-восприятия действительности?

На этот вопрос можно ответить, понаблюдав за поведением ребенка. Тонкая работа чувств начинается уже с первых дней жизни человека (достаточно подробно на этом аспекте останавливались П.Бергер и Н.Лукман, исследующие формирование субъективного образа мира индивида) [25]. Маленький человечек, особенно в возрасте до трех лет, когда по современным научным меркам уровень его рационального мышления еще недостаточно развит, в своем познании мира, опирается на чувства²⁴. От окружающих его людей он улавливает эти «несущие частоты», на основании которых и формирует свое знание о том, любят ли его родители, опасен ли незнакомый человек, злая ли соседская собака²⁵. Следующим шагом в разворачивании механизма познания становится формирование системы отношений и далее – действий. Внимательный родитель по реакциям ребенка может понять, что скрывается за его нежеланием делиться с младшим братом, не ходить в детский сад или, наоборот, ходить в школу и многое другое. У ребенка, особенно в раннем возрасте работа кордоцентричного познания наиболее развита. Именно на ощущениях основывается багаж его знаний. *И если социализация личности*

---

²⁴ В течение первых шести месяцев сенсорные способности ребенка развиваются достаточно быстро. Развитие процесса восприятия идет параллельно с освоением предметных действий. Более того, в результате проведенных за последние 30 лет экспериментов, было выявлено наличие у новорожденных врожденных перцептивных способностей. Они могут определять местоположение в пространстве сигналов разной модальности, расположенных перед ними, гораздо точнее, чем справа или слева, воспринимать удаленность предметов и ее изменение, а также форму предметов [26].

²⁵ Изучая первые месяцы жизни ребенка, российский психолог М.Кистяковская, сделала выводы, что удовлетворение физиологических потребностей (голод, жажда и т.п.) не решает проблему развития ребенка. Оно лишь снимает у младенца отрицательные эмоции, только подготавливая базу для положительных, необходимых для его созидательного развития [26, 220]. Положительные эмоции ребенка возникают преимущественно от позитивных впечатлений (улыбка родителей, ласковый голос матери, ее нежное прикосновение). Если у сытого, сухого, здорового младенца нет сенсорных впечатлений, возникает так называемый «сенсорный голод» – голод по впечатлениям. В этом случае ребенок испытывает горестные чувства, тревогу. Психологический голод доставляет ребенку не меньше тягостных ощущений, чем голод физический. Долгий сенсорный голод при самом хорошем уходе угнетает весь организм ребенка, увеличивает детскую смертность.

происходит в благоприятных социально-психологических условиях, если родители окружают ребенка любовью и удовлетворяют, таким образом, его фундаментальные потребности, в таком случае в структуре личности кордоцентричное познание будет играть доминирующую роль и в дальнейшем, когда он вырастет. Это в свою очередь, будет определяющим фактором дальнейшего гармоничного развития личности.

Иными словами, в процессе первичной социализации, когда закладываются основания нашего членства в обществе, именно чувства выполняют интегративно-ориентационную функцию. Они позволяют нам познавать, воспринимать и направлять собственное развитие посредством формирования Я-концепции, то есть обобщенного представления человека о самом себе. Формирование Я-концепции свидетельствует о конструировании самосознания личности. Более того, нарушения в этом аспекте развития ребенка ведут к тому, что он не может использовать другие свои способности, в частности интеллектуальные, для дальнейшего развития²⁶.

Интернализируя окружающий мир, человек познает, объясняет и определяет для себя значение его объектов на основании чувств, постепенно расширяя диапазон своего опыта включением когнитивных механизмов. Другими словами, можно сказать, что наше понимание окружающего мира, себя, других людей, социальной реальности закладывается именно на основании кордоцентричного восприятия. Я воспринимаю другого так, как я его чувствую. Я формирую его образ на основании своих ощущений о нем. Так мы учимся понимать и воспринимать окружающий нас мир.

Действуя посредством чувств как инструментов восприятия и отражения нашего отношения к действительности, сердце, таким образом, выступает ее естественным способом познания. Это то, что дается человеку изначально, что

---

²⁶ Как свидетельствуют данные исследований, у детей с эмоциональными нарушениями преобладают такие отрицательные эмоции, как горе, страх, гнев, стыд, отвращение [26, 210]. У них высокий уровень тревожности, а положительные эмоции проявляются редко. Уровень развития интеллекта у них соответствует средним значениям.

работает «само собой». Так, в процессе первичной социализации, когда формируется идентичность (членство в обществе), понимание значения друг друга, взаимное определение формирует связь мотиваций и основание для идентификации. Ребенок, идентифицируя себя со значимыми другими, посредством чувств и эмоций, по сути, формирует собственную идентификацию, то есть определяет себя и свое место в социальной реальности. Лишь при условии работы кордоцентричного познания возможна идентификация себя с другими, а в дальнейшем – интернализация окружающего мира. Ведь мы конструируем свое отношение к действительности на основании того, как себя чувствуем (не удивительно, что критерий субъективного отнесения себя к той или иной социальной группе является доминирующим при изучении его статусной позиции). На этом этапе человек определяется (обретает членство в обществе). Другими словами, он становится способен участвовать в общественных отношениях на основании определенного статуса. Таким образом, чувства, как механизмы кордоцентричного познания, являются способом гармоничного развития личности, предпосылкой ее духовного становления. Следовательно, приуменьшать влияние кордоцентричного познания, значит лишать человека его духовной природы, его естественной способности к пониманию окружающего мира, способности любить.

По сути, основным результатом «работы» сердца является формирование устойчивых духовных связей, определяющих установки и ориентации человека, характер его системы отношений. Они «включаются» каждый раз, когда он пытается определить себя, свое членство в обществе. Само наличие устойчивых связей – это естественная предпосылка к единению (ассоциативности), целостности, а прочность – критерий сплоченности группы.

В силу данной особенности и значения чувств в жизни человека, несмотря на тенденцию унификации и рационализации современных обществ, мы наблюдаем возрастающую потребность в возрождении духовных связей

через традиционные общностные формы – семью, религиозные, этнические, профессиональные отношения. «Установление таких связей означает, что индивид не только определил себя с себе подобными, но и обрел свое место в обществе. Лишь благодаря этой обобщенной идентификации его самоидентификация становится стабильной и непрерывной» [25, 217]. Лишь зная, кто мы, мы можем творчески развиваться, познавать себя, открывая все богатство окружающего нас мира.

Еще раз отметим, что ориентация на гармоничное отношение человека к окружающей реальности, достигается в процессе развития кордоцентричного познания, как способа формирования целостной системы восприятия окружающей реальности. Это, в свою очередь, становится возможно лишь при условии удовлетворения фундаментальной потребности человека в любви, творческом развитии. Другими словами, *путь к духовному развитию человека лежит через сердце, преломляющее любовь в нашу жизнь!* В ином случае, данный способ познания блокируется рациональным, диктующим человеку программу его материализации. В этой ситуации формируется устойчивая ориентация на поиск «заменителей» любви, в силу чего становится проблематичной сама перспектива *человеческого* развития. Поэтому в целом, дисбаланс сердца и разума ведет к неспособности формирования и развития целостной личности, способной реализовать свой *человеческий* потенциал, и потенциал целостного общества.

б) Разум: конструирование иллюзорной реальности

Разум современным человеком воспринимается как единственно возможный и верный инструмент познания. Само понятие «разум» (от общеславянского – *orzumъ* (префикс производного от *умъ* (греч. νοῦς), лат.

ratio))²⁷ в переводе с греческого означает «движение», а с латинского – «разряд, рассудок, рассуждение, расчёт». В современном обществе человек не представляет себе жизни без него. Однако мало кто из нас задумывался над тем, что такое фанатичное поклонение разуму играет злую шутку над человечеством, поскольку на самом деле формирует устойчивую зависимость человека от иллюзорных шаблонов, стандартов и оценок. Этот аналитический инструмент при неумелом использовании представляет реальную угрозу духовному развитию человека, блокируя работу сердца, а, следовательно, перекрывая шансы для созидательного целостного развития. Почему? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо провести небольшой социально-философский экскурс.

Первые знания об изучении головного мозга составили еще древнегреческие философы. Так, в IV веке до н.э. Аристотель писал, что в мозге нет крови, и что сердце является не только источником нервного контроля, но иместилищем души. Древнегреческий врач Гален (II век до н.э.) считал, что все физические функции тела, состояние здоровья и болезни зависят от распределения в организме четырех жидкостей: крови, флегмы, черной и желтой желчи. Кровь поддерживает жизненный дух, флегма вызывает вялость, черная желчь обуславливает меланхолию, а желтая – гнев. Представления Галена не подвергались сомнению до XVII века. И только в XVII веке в связи с «научной атакой» на природные явления, ньютоновская теория механицизма переопределила роль разума в жизни человека.

Действительно, акцент на рационализацию жизни, стал особенно осязатим в эпоху Просвещения, когда идеалы образованности, научности, индивидуализма перевернули традиционный порядок и гармонию мира. Преобладавшее вплоть до эпохи этого времени представление об альтруистической природе человека, космополитичности общества,

---

²⁷ Латинское слово *ratio* также служит иллюстрацией объединения понятий разума и рассудка. Однако рассудок в современных представлениях в отличие от разума, не создаёт нового знания, он лишь систематизирует уже существующее.

существенно потеснилось влиянием ньютоновского механицизма. Из этой модели реальности, представлявшей общество, как находящуюся в равновесии машину, искусственное изобретение человеческого разума, а человека как его частичку, сформировалась претензия на то, чтобы превратить мир, бывший для человека Средневековья Храмом, в *Фабрику*. Американский философ О. Тоффлер в этой связи пишет: «Ньютоновская система возникла в эпоху крушения феодализма в Западной Европе, когда социальная система находилась, так сказать, в сильно неравновесном состоянии. Модель мироздания, предложенная представителями классической науки... нашла приложения в новых областях и распространилась весьма успешно не только вследствие ее научных достоинств или «правильности», но и потому, что возникавшее тогда индустриальное общество, основанное на революционных принципах, представляло необычайно благодатную почву для восприятия новой модели» [3, 32]. Не только общество, но и сама природа в рамках механицизма начинает восприниматься как своего рода искусственный, рационально сконструированный механизм, а искусство – как подражание природе и высвобождение заключенных в ней сил и возможностей.

Смена ориентиров развития человека и общества с традиционной религиозной модели на сциентистскую, развернувшуюся преимущественно в рамках западной культуры, совпала с религиозной революцией – Реформацией. Этот момент оказал не менее важное влияние на пересмотр традиционных представлений о реальности, чем социально-политические или экономические факторы. В рамках формирования новой идеологии происходит обесценивание самой природы, которая перестала быть посредницей между Богом и человеком. «Тем самым протестантское мышление окажется лучше подготовленным к новому положению науки, которая увидит в природе бездушную механику, к новой физике, которая не будет более созерцанием форм, а будет использованием и эксплуатацией» [27, 56].

Новая мировоззренческая парадигма делает акцент на всемогущество человеческого разума, выводя человека за пределы привычного ему, упорядоченного мира, дитем которого он был ранее, и противопоставляя как исследователя и покорителя. Представления о социальной реальности наполняются идеями рационализма, подрывающего традиционные структуры власти, как и сам порядок. Более того, провозглашенное новой эпохой «освобождение человека» сопровождается разрушением традиционных критериев «возможного» и «должного», то есть культурных регуляторов социальных отношений. Взамен, *общечеловеческим* духовным ценностям – любви, добра, веры приходит неограниченность свободы человека. Относительным становится все: добро и зло, прекрасное и безобразное, ложь и истина. Последствия этих изменений не заставили себя ждать и обнаружились в росте социальных патологий: суицидов, психических отклонений, гомосексуализме, росте криминального поведения и других видах девиаций. Нельзя сказать, что все это не имело места ранее, но масштабы значительно возросли. Однако как показывает исторический опыт, основная проблема крылась гораздо глубже, – современное общество выбрало в качестве перспективного цивилизационный путь развития, что постепенно отразилось в возрастании потребительских тенденций.

Оценивая ситуацию, наиболее решительные критики просветительских идей Э. Бёрк, Ж. Местр, Л. Бональд пытались возродить взгляд на общество как на естественное образование. Они подчеркивали органическую целостность и индивидуальность каждого общества, основанного на культурной традиции, но не на рационалистических идеалах. Настаивали, что разрушение традиционных начал приводит к социальной деградации и гибели, и, наоборот, их сохранение и культивирование – основа прочности и процветания. «Общество – это действительно договор, но договор высшего порядка. Его нельзя рассматривать как коммерческое соглашение о продаже перца, кофе и табака... Общественный договор заключается не только между ныне живущими, но между нынешним,

прошлым и будущим поколениями» – писал Э. Бёрк в «Размышлениях о революции во Франции» [4, 90]. В противоположность просветителям, подчеркивающим первостепенное значение разума в формировании и развитии общества, традиционалисты выдвигали на первый план иррациональные факторы индивидуальной и социальной жизни: подчинение традиционным установлениям, чувствам, вере.

Однако возврата к прежней модели реальности не произошло. Возвращенное эпохой Просвещения интеллектуальное «освобождение человека» сделало его заложником разума. Рационализация мира обернулась для человека трагедией. Конструируя новые отношения, новую реальность – рационализированное капиталистическое общество, на самом деле он все больше отдалялся от своей духовной сути, все больше превращался в продукт рационализированной эпохи – бездушного потребителя. В связи с этим, интересны наблюдения немецкого социолога Ф.Тенниса, который в своей работе «Общность и общество» выявил причины и факторы трансформационных изменений современного ему общества. Анализируя природу человека, исследователь отмечает, что в традиционном обществе (общине) основным объединяющим условием выступают созидательные чувства – *солидарности, доверия, единения*, формирующие устойчивые духовные связи. Объективируясь в общностных отношениях («Gemeinschaft») – живом, целостном организме, естественно присущем природе человека, эти созидательные установки трансформируются в *условие общностной интегрированности – консенсус (consensus), обеспечивающий взаимонаправленность социальных связей*. Этот духовный скреп пронизывает всю систему общностных отношений, почитающую традиционные механизмы регламентации порядка, ориентированные на силу авторитетов (возраста, мудрости, духа), благожелательность и соучастие, подкрепляясь длительным и замкнутым характером совместного проживания. Таким образом, формируется определенная преемственность, в которой общность крови трансформируется в

общность места, и далее в общность духа. Так конструируется наивысшая форма человеческой общности, связанная духом причастности в пространстве, времени и культуре – единство душ, воля, мировоззрений, конструирующееся на основании общности веры, обычаев, чувств, владения.

Невзирая на форму общностных отношений (семья, трудовое товарищество, деревня, дом), это духовное единение выступает основным условием их развития, предохраняя разрыв природных органических связей. И даже если такой момент наступает, он сохраняет и интегрирует репрезентативные части целого в единстве, за счет сохранения духовных связей. Такое сохранение и развитие последних, обеспечивает общности самовоспроизводство и самоинтегрированность существования.

Угрозы общностной целостности, по мнению исследователя, обнаруживаются в ходе исторического прогресса, когда развитый на основе памяти разум начинает преобладать над чувствами (духом общности). *Развитие интеллекта, в основании которого лежит не общее благо и консенсус, а личный интерес,* стимулирует возникновение новой формы социальности – *общества* («Gesellschaft») – искусственного механического продукта разума. Здесь интеллектуальное «мышление берет на себя роль господина: оно становится тем богом, который извне сообщает движение косной массе [28, 163]. Развитие «познающего разума», как идола эпохи современности, изменяет характер потребностей и ценностей людей. Интуитивное познание реальности заменяется рациональным, разделение труда становится все более сложным, доверие, как основание общностных отношений замещается прагматичным обменом. В результате, тенденция к индивидуализации, как проявлению эгоистичных потребительских мотивов человека, возрастает, ослабляя духовные связи с окружающим миром. Поле социальных отношений становится конкурентным, а сферы деятельности и власти четко разграниченными. Эта реальность формализованных отношений, базирующихся на личных интересах и выгодном обмене, в основании которого

лежит противоречащая общности природе рациональная суть. Опираясь на разум (интеллект), общество утрачивает значение традиционных интегрирующих факторов – доверия, традиций, стремления к единению. В этих условиях «гарантом» поддержания общественных отношений признается выгодный контракт, которым современное общество пытается заменить консенсус отношений общности. Эпоха рационализма и калькулируемости делает акцент на договоре, как согласованном обязательстве, курирующимся со стороны государства. Именно договоренность отношений признается эффективным условием объединения прагматичных индивидов, руководствующихся личным интересом.

Однако перспектива нового порядка, по мнению Ф.Тенниса, вполне очевидна – общество окончательно теряет свои границы, поскольку как система взаимодействий, постепенно распространяется на крупные города, страны и, в конечном счете, на весь мир. Эта среда всеобщей калькуляции собственных выгод и потерь, лишается духовной наполненности, ценности человеческой жизни.

В таком общественном развитии угроза социального порядка, целостности становится магистральной проблемой. Единственное решение видится в развитии системы жестко регламентированного контроля со стороны государства. Однако и этот шаг со стороны рационализированной системы не ведет к решению проблемы, поскольку потенциал такой искусственной интегрированности (посредством интереса, выгодного контракта или обмена) ограничен. Ему никогда не дотянутся до высших ценностей человеческих отношений – любви, доверия, счастья, потребность в которых заложена в духовную природу человека. Ценности же современного общества – власть и деньги – ложны и несостоятельны. Поэтому настоящий творческий созидательный потенциал социальных отношений кроется в единстве духа, то есть чувств, мировоззрений и воли людей. Соответственно единственный шанс не утратить окончательно жизнь общества это стимулировать образование

общностных объединений, где общий дух и вера выступают условиями сплоченности. Иначе, освобождая и поощряя общественные тенденции рационализации и индивидуализации, человечество способно окончательно потерять возможность человека быть самим собой. Порождая общую атмосферу конкуренции, общество грозит опасностью расщепления естественных отношений по принципу: враждебность порождает новую враждебность [22].

Подобная логика рассуждений прослеживается и в работах О.Конта. Анализируя изменения в характере современного ему общества, исследователь считает, что история не меняет природы человека. Основные его склонности представлены уже с самого начала. Структурные отношения между элементами природы человека навсегда останутся такими, какими они оказываются в исходной позиции. «Тем, кто думает, будто разум может быть основным детерминантом поведения человека, он отвечает, что никогда люди не будут движимы ничем иным, кроме своих чувств. Настоящая цель в том, чтобы люди все больше руководствовались бескорыстными чувствами, а не эгоистическими интересами, а также в том, чтобы орган контроля, направляющий деятельность человека, смог полностью выполнить свою функцию, открывая законы, повелевающие реальностью» [29, 115].

Изучая историю развития человечества, О.Конт отмечает, что на определенном этапе, в процессе разделения труда и обмена товаров и услуг, возрастающей специализации общества на множество социальных групп, включается сознание. Все большую роль в сравнении с чувствами, начинает играть разум. Чувствам отводится сфера индивидуальной жизни людей. С разумом же начинают связывать основные стабилизирующие функции в обществе, которые, однако, разум не смог бы выполнить, если бы не опирался на социальные чувства. Именно там и тогда, где и когда с чувствами начинают взаимодействовать идеи и институты, артикулируется социальная потребность в этике, задача которой, по О. Конту, сводится к тому, чтобы «определить

реальное, прямое и косвенное влияние, какое имеет всякое действие, всякая склонность и всякое чувство на существование человека – как на отдельных индивидов, так и на все общество» [30, 91].

Таким образом, О.Конт отмечает, что прогресс общества дает человеку возможность всецело пользоваться разумом как руководителем действий. И добавляет, что «разум никогда не будет для человечества ничем иным, кроме органа контроля» [29, 115]. Законы развития общества свидетельствуют нам о том, что влечение к общественной жизни проявляется в человеке до того, как он начинает рассчитывать, полезно это для него или нет. Здесь, как и везде, «чувство» предшествует «разуму». Оно («чувство симпатии») если не преодолевает, то, по крайней мере, ограничивает эгоистические инстинкты, противодействующие утверждению социальной солидарности, а тем самым и стабильности общества. В свою очередь, «социальное состояние благоприятствует социальным чувствам. Индивидуум, расширяя свои чувства так, чтобы они обнимали весь род, достигает – путем подобного расширения – удовлетворения своей потребности увековечить себя, смотря на продолжение жизни рода как на продолжение собственной жизни» [31, 306].

Обращение к наследию классиков иллюстрирует значение и роль сердца (чувств) и разума в процессе развития истории человечества, раскрывает их логику и влияние на характер социальных отношений. В свою очередь, современники эпохи Постмодерна, мы можем наблюдать, как игнорирование кордоцентричного познания в процессе формирования и развития личности, обесценивание духовного фактора, сведение чувств в разряд «иррациональных аспектов личности», сделало современного человека отчужденным устройством, пассивно воспринимающим происходящее. Такая методологическая позиция ограничена, она позволяет лишь сравнивать, оценивать и оперировать среднестатистическими фактами и событиями человеческой жизни, но не постигать их. Она не позволяет проникнуть вглубь самой проблемы, поверхностно анализируя обрывочные аспекты целостной

реальности. А ведь человек способен принимать окружающий его мир объективно, мыслить, только при условии развития своего внутреннего потенциала любви. Только раскрывая уникальность собственного мира, осознание, что он – *человек*, а не безликая отчужденная масса, он в состоянии гармонично постигать действительность.

Ситуация поклонения разуму формирует глобальную угрозу утраты чувства реальности, жизни в виртуальной действительности, когда «человек обнаруживает отсутствие реализма в отношении ко всему существенному: к смыслу жизни и смерти, счастью и страданию, чувствам и серьезным мыслям. Он надежно скрыл под покровом всю истинную сущность человеческого бытия и заменил ее искусственной, приукрашенной картиной псевдореальности, не слишком отличаясь от дикаря, лишившегося своей земли и свободы ради блестящих стеклянных бус. При внешнем поклонении разуму, последний у отчужденной личности деградировал. Поэтому человек и принимает окружающую действительность как нечто данное; он хочет поглотить ее, манипулировать ею. У него даже не возникает вопросов о том, что стоит за этой действительностью, почему вещи таковы, как они есть, и куда они движутся. Но поглотить значение и потребить смысл невозможно, а что до будущего, так *après nous le deluge!*» [12, 232–234]. В результате, проблема утраты смысла для современного человека встала достаточно остро. Ему известно, что делается и как, но неизвестно, для чего, с какой целью. При высоком уровне интеллекта он разучился мыслить. Эквивалент такому продукту – машинный мозг, который не может творчески мыслить, постигать суть вещей.

Такова реальная картина рационализованного общества, где понятие «человек» уже давно не отвечает своему первоначальному смыслу, где отношения между людьми становятся не *человеческие*, а потребительские. Но в этом случае вполне естественно возникает вопрос: «В силу чего происходит «сбой» в механизме целостного созидательного развития личности? Чего мы не

учитываем или не знаем, делая ставку на разум? В конечном счете, какова его роль в развитии человека и общества в целом?»

Многочисленные современные исследования в области нейробиологии установили, что организм человека работает по принципу приемно-передающего устройства: мы принимаем и передаем волны определенной частоты и интенсивности, несущие определенную информацию. Задача разума – принять ее, передать сердцу (с целью фильтрации информации) и получив уже отфильтрованную информацию, через центральную нервную систему дать задание организму отреагировать на нее. Выражаясь техническим языком, мозг человека²⁸ является основным резонирующим приемником, в основном принимающим и перерабатывающим информацию, которую несут наши «несущие волны» (то есть чувства)²⁹. *Это исполнительный орган, регулятор, передающий и распределяющий информацию, и работающий на основании аналитического принципа. Работа этого приемника на получение и переработку той или иной информации зависит от того, на что ориентирован человек*³⁰. Поэтому по принципу взаимности мы способны принимать те частоты чувств и мыслей, которые сами способны излучать. Так, духовно близкие люди могут понимать друг друга без слов (так называемое состояние резонанса, выступающего основанием любой связи). При вхождении в резонанс

---

²⁸ Мозг человека устроен по парадоксальному голографическому принципу – он состоит из нейронов, каждый из которых является миниатюрной копией мозга. Мозг превращает бессмысленную мешанину частот в связанное изображение, преобразует лавину частот, которые мы воспринимаем (органами чувств) в непрерывное восприятие, формирующее физиологические функции и конкретное представление о мире. Память, мысли, подсознание находятся в информационном поле Вселенной. Человек думает всем сверхсветовым миром. Мозг всего лишь резонатор, размеры которого почти не влияют на нашу сознательность. Человек думает не мозгом, а «полем».

²⁹ Уже в XVII веке, в разгаре картезианского догматизма, когда интеллектуализм был всемогущим, Б. Паскаль сумел найти предел и бессилие разума и предложил заменить его познавательной способностью, которая отличалась бы непосредственностью и пригодностью для исследования истины.

³⁰ Например, завитки в раковине морской ракушки устроены таким образом, что из городского шума она выбирает те длины волн, которые по звуку сходны с шелестом морских волн.

волны «складываются», резко увеличивается амплитуда и растет сила взаимодействия³¹.

Сама мыслительная деятельность представляет собой глобальную аналитико-синтетическую деятельность коры больших полушарий совместно с подкорковыми структурами и анализаторными системами. По сути, мозг анализирует все раздражения от всех органов нашего тела и превращает чужое раздражение в хорошо выбранную реакцию. Поскольку устройство мозга предполагает бесчисленное множество анализаторов, то он, прежде всего, контролирует взаимодействие с окружающей средой, получая информацию от органов зрения, слуха, обоняния, вкусовых рецепторов, и функции организма: дыхание, кровяное давление, температуру тела, регулирует рефлекс (моргание, глотание и т.д.).

Однако важно отметить, что процесс мышления человека не ограничивается деятельностью коры головного мозга и в ней не заканчивается³²! Поскольку наряду с двигательными, сенсорными, дыхательными, тепловыми и другими центрами, в мозге человека нет центров чувств! «Никому не известны центры радости и печали, гнева и страха, эстетического и религиозного чувства. Хотя от всех органов чувств и всех вообще органов тела направляются в мозг и оканчиваются в клетках его сенсорных центров все чувствительные нервные волокна, но они несут только ощущения зрительные и слуховые, обонятельные и вкусовые, тактильные и термические, локомоторные и многие другие. Но это только ощущения. А не

---

³¹ Выражаясь техническим языком, волновой диапазон человека определяется шириной знаний, интересов, увлечений и т.п., которым соответствуют колебания определенных длин волн.

³² В настоящее время составлены подробнейшие атласы анатомии человека, в которых расписана деятельность всех участков головного мозга, в них входят участки, ответственные за деятельность всех органов чувств, но среди них нет ни одного, предназначенного для мышления! Карта коры головного мозга вся испещрена изученными точками, однако в организме все они отвечают лишь за формирование и построение мышечных движений различного рода. Доказательств, что человек думает мозгом – нет! Свидетельствует об этом и тот факт, что при посмертном вскрытии черепа у некоторых известных ученых и общественных деятелей было обнаружено отсутствие большей части головного мозга.

делать различий между ощущениями и чувствами значит впасть в самую глубокую психологическую ошибку» [18].

Итак, процедура познания человеком окружающей его реальности начинается с созерцания (от греч. *θεωρία* – *видеть ясно, смотреть со смыслом, вникая*). Способность человека к созерцанию становится возможной благодаря чувствам, «вырабатываемым» сердцем. Далее эти «несущие волны» из сердца передаются в мозг, определяя, направляя и изменяя все психические процессы человека. Так, с созерцания познавательная деятельность переходит к мышлению³³. В рамках последнего «включается» разум, как аналитический инструмент, живая логическая машина, направленная на формирование понятий, суждений, умозаключений. Разум создает сознательные образы предметов, явлений, позволяя нам описывать, вспоминать то, что нас окружает. Поэтому деятельность разума является необходимым вспомогательным условием формирования наших душевных ощущений, кордоцентричного восприятия мира³⁴.

В деятельности разума огромное значение играют законы логики. При построении умозаключений разум стремится свести огромное многообразие знаний рассудка к наименьшему числу принципов, обобщить и, таким образом, свести их в единую когнитивную систему. Следовательно, основная задача разума – работать над приобретением знаний, объясняющих наш

---

³³ Первые признаки мышления обнаруживаются к концу первого года жизни ребенка. Именно в этот период дети начинают замечать простейшие связи и отношения между предметами и их свойствами, и использовать эти связи для достижения определенных целей. Эти отношения оформляются в сознании ребенка на основании сенсорного восприятия.

³⁴ Уже самим своим строением мозг доказывает, что его функция есть превращение чужого раздражения в хорошо выбранную реакцию. Аfferентные нервные волокна, приносящие чувственные раздражения, оканчиваются в клетках сенсорной зоны мозговой коры, а они соединяются с клетками моторной зоны, которым передается раздражение. При бесчисленном множестве таких соединений мозг имеет возможность бесконечно видоизменять реакции, отвечающие на внешнее раздражение, и действует как своего рода коммутатор. Нервная система, и в особенности мозг, не аппарат чистого представления и познания, а лишь инструмент, предназначенный к действию. «Мозг не орган мысли, чувств, сознания, но он то, что приковывает сознание, чувства, мысли к действительной жизни, заставляет их прислушиваться к действительным нуждам и делает их способными к полезному действию» [18].

кордоцентричный опыт, поэтому он имеет *вспомогательное значение* в познании действительности. *Только в синтезе с работой сердца, фильтрующего полученную извне информацию на созидательную и разрушительную, разум человека работает в наиболее продуктивном режиме.* Иначе, достигая совершенства разума и приуменьшая значение сердца, человек ограничивает собственные познавательные возможности, постепенно сводя работу первого к формализованной критичности, а себя превращая в логическую полуавтоматизированную машину³⁵. Таким образом, сам разум ничего не создает, он материальный орган, который работает на приобретение знаний или опровержение уже существующих. Поэтому ставка на его доминирующую роль в развитии личности ведет к полной неспособности человека видеть окружающую реальность *объективно, целостно, неискаженно*, проникать в глубину ее многогранности³⁶. Причиной тому выступают иллюзии, генератором формирования которых является разум.

---

³⁵ Научные исследования доказывают тот факт, что современный человек в повседневной жизни использует лишь 2% клеток головного мозга, остальные 98% клеток остаются не востребованы и находятся в спящем состоянии.

³⁶ Немецкий философ А. Шопенгауэр первый доказал, что разум обладает лишь формами, он «пустая способность». Исследователь противопоставляет разуму «чутье» сердца. Удивительно схожи суждения о мозге французского философа А. Бергсона. Он полагал, что разница между спинным мозгом, рефлекторно реагирующим на получаемые импульсы, и головным мозгом – только в сложности, а не в характере функций. В головном мозге только регистрируется восприятие, пришедшее извне, и выбирается подходящий способ ответной реакции. «Мозг, – отмечает А. Бергсон, – не что иное, как нечто вроде центральной телефонной станции: его роль сводится к выдаче сообщения или к выяснению его». Он ничего не прибавляет к тому, что получает. Все органы восприятия посылают к нему нервные волокна; в нем помещается моторная система, и он представляет собою центр, в котором периферическое раздражение вступает в реакции с тем или иным моторным механизмом [18].

К бергсонскому методу познания близок метод интроспекции М. де Бирана, который отмечал, что нельзя уловить реальность иначе, как только в «живом себе». Ни тонкие наблюдения, ни рациональные размышления не в состоянии этого добиться. Данные положения почти полностью совпадают с учением о высшей нервной деятельности И. Павлова, построенного экспериментальным путем по методу изучения условных рефлексов головного мозга. И. Павлов, как и А. Бергсон, полагает, что разница между головным и спинным мозгом только в сложности, а не в характере функций. Если, таким образом, мозг нельзя считать органом чувств и исключительным органом высшего познания, то это в огромной мере подтверждает учение Священного Писания о сердце как органе чувств вообще и особенно высших чувств.

Анализируя роль разума в развитии человека необходимо учитывать, что именно разум, которому мы так привыкли доверять, является главным производителем иллюзий (от лат. *illusio* – *заблуждение, обман*), фантомов уводящих человека от реального объективного восприятия окружающего мира. Полагаясь на «авторитет и компетентность» разума, человек строит отражение реальности, зачастую искаженное собственными шаблонами и страхами. Он объясняет себе окружающую действительность, формирует ее микромодель, отталкиваясь от информации СМИ, Интернета, улицы или опыта своих близких (не всегда конструктивного). При этом если его индикатор достоверности, соответствия, искренности – сердце – заблокирован, не развит, то отфильтровать, отобрать необходимую для его гармоничного развития информацию, разум не в состоянии. Сам по себе разум не может подсказать человеку, что есть зло, а что добро. *Он бездуховен, поэтому ориентирован лишь на один критерий – полезности/бесполезности.*

Такая ориентация, трансформируясь в жизненные установки человека, превращает его в жесткого оценщика, взвешивающего каждое свое проявление. Оценке поддается все, что окружает данную личность: общественная жизнь, работа, образ жизни, и даже близкие отношения. Так появляются «полезные знакомства, связи», «выгодные контракты» и даже «взаимовыгодный брак». Каждый свой шаг, каждое действие, поступок, человек оценивает с позиций «личной пользы». Причем иллюзорная реальность, сконструированная вокруг такой установки разума, фокусирует весь потенциал личности лишь на возрастание материального комфорта, благополучия, то есть личную выгоду, искусно блокируя его *человеческие установки*. Однако рано или поздно красивая иллюзия рушится, и тогда принять реальность способен не каждый.

Следует заметить, что характер развития современного общества на глобальном уровне демонстрирует разрушительную работу разума. Отношения взаимной выгоды и расчета, жесткая конкуренция и прагматизм проникли не только в сферу формализованного взаимодействия, но можно сказать,

посягнули на *человечность* приватной сферы. Негативные последствия этого ощутили на себе, прежде всего, общинные отношения – семья, дружба, соседство и т.п., поддающиеся обезличиванию и унификации в современном социуме. Вместе с ними сама *человеческая* культура превратилась в мертвый техногенный продукт – цивилизацию.

Таким образом, создавая собственную виртуальную модель реальности, разум отбирает лишь то, что считает полезным для своей иллюзии. В процессе такого конструирования, по сути, происходит формирование определенных правил и шаблонов, ограничивающих сознание человека, не позволяющих ему воспринимать окружающий мир реально. По сути, защищая виртуальный микромир человека от реальности, разум превращается в тюремщика, не позволяющего ему выходить за границы созданного мира – иллюзии жизни. Он «следит» за тем, чтобы человек не вышел за границы своей иллюзии, создавая те или иные ограничения (которые только человек и воспринимает в качестве реальных, но не другие), используя страх, чтобы убедить в том, что та иллюзия, которую он создал, и есть сама *реальность*³⁷.

Работая по данной схеме, разум наполняет сознание человека массой шаблонов и барьеров, ограничивающих его проявления. «Я не должен этого делать, потому, что...», «у меня не получится, так как...», «если я так поступлю, то произойдет...». Мы сталкиваемся с подобными мыслями каждый день, не всегда даже осознавая их происхождение. За каждой из них стоит опыт

---

³⁷ Современные исследования в области психиатрии и нейробиологии отмечают, что разум человека способен ограничивать работу органов чувств – зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса, выступающих своеобразными нейрофизиологическими фильтрами, с помощью которых он преобразует информацию в мире физических явлений. Так, известно, что ухо человека воспринимает звуковые волны, частота колебаний которых лежит в диапазоне от 20 до 20 000 в секунду. Звуковые волны, частота колебаний которых лежит за этими пределами, сознанием не воспринимается. Хотя доказано, что ультра- и инфразвуки (не воспринимаемые нашим ухом) оказывают на человека влияние. То же касается человеческого зрения, которое способно улавливать волны, располагающиеся в интервале от 380 до 680 миллимикрон. Отклоняющиеся от данных величин волны, сознательно человеческим глазом не воспринимаются. Эти границы восприятия устанавливаются влиянием разума на органы чувств человека [32, 23].

наших родителей, близких, знакомых и просто посторонних людей³⁸. Мы не всегда даже вдумываемся, а «что же действительно произойдет если...», поскольку страх, стоящий за этим оказывается намного сильнее потребности познать.

Возникает ситуация, когда опираясь на «компетентность» разума, человек конструирует свою виртуальную модель жизни, ориентируясь, как правило, на такие же иллюзорные модели близких, значимых других. *Каждый из нас воспринимает собственную реальность реальной, настоящей, поэтому наш разум пытается так сильно защищать ее от внешнего вмешательства! На самом деле то, насколько наше восприятие действительности объективно, зависит от нескольких условий. Объективность транслируемых нам знаний об окружающем мире и благоприятность среды, и открывают наше сердце подсказывающее, что реальность, а что иллюзия.* Мы же увлекаясь конструированием собственной модели мира, забываем, что между самой реальностью и нашей моделью ее существует огромная разница. Так, иллюзия эгоиста рисует ему модель действительности - поля боя, где нужно постоянно бороться за место под солнцем, где окружающий мир враждебен и агрессивен. Иллюзия брошенной женщины навеивает представление о том, что все мужчины недостойны и ненадежны. Список можно продолжать до бесконечности. Однако главное здесь то, что посредством иллюзий, разум

---

³⁸ Грудные дети зрительно воспринимают окружающий мир в виде набора цветowych пятен различного размера и интенсивности и энергетических потоков. Дети имеют множество вариантов движения рук, ног, головы, туловища относительно друг друга. Взрослые обучают ребенка с момента рождения воспринимать и принимать окружающий мир строго определенным образом (в соответствии со своими собственными моделями его). Сначала ребенок учится управлять телом, затем начинает познавать мир с помощью языка. При этом взрослые постоянно описывают ему окружающее. Это становится непрерывным процессом общения ребенка и взрослого, передачи ему знаний и опыта, накопленного близкими. Незаметно для самого себя ребенок присваивает себе это описание мира. И вот уже он сам воспринимает его схожим образом.

В дальнейшем человек ведет непрерывный внутренний диалог, поддерживающий его модель реальности. Содержание этого диалога есть не что иное, как перечень всего, с чем человек сталкивается в повседневной жизни. Это охраняет его привычный повседневный мир, заставляя человека чувствовать себя более или менее спокойно. Но это является самой большой ложью, иллюзией, которая побуждает его принимать описание окружающей реальности за действительность [32, 28].

заставляет человека поверить в этот самообман, уводя его от действительности и лишая возможности творческого развития.

Более того, продуцируя иллюзии, разум становится и основным фабрикантом человеческих эмоций (от лат. *emoveo* – потрясаю, волную), мешающих объективно воспринимать окружающую реальность. Несмотря на то, что эмоции могут быть и позитивными и негативными, их «будоражающий» характер в отличие от влияния чувств, вносит в духовное и физическое состояния человека дисбаланс. Эмоции возникают на фоне конструируемой иллюзии человека, ядром которой становится его «хочу», его желания. Не получая желаемого (а иллюзорное восприятие действительности лишает его возможности разумно оценивать свои возможности), наш разум порождает бурные эмоции, как результат крушения наших ожиданий.

Принимая диктуемые разумом условия существования, человек становится неспособен (вернее ему достаточно сложно) самостоятельно увидеть иллюзию со стороны. Ему сложно осознать то, что выходит за рамки его восприятия, поскольку в сознании запускается программа направленная лишь на реализацию иллюзии. В реальной жизни механизм такого «запуска» проявляется в том, что человек сам конструирует модель окружающей его реальности: отношения, ситуации, события, проблемы, не осознавая этого. Он пишет свою биографию, сценарием которой становится его иллюзия. То, насколько его биография будет уникальна, зависит от того, насколько человек сможет выйти за границы иллюзии и увидеть реальную картину действительности. Для этого ему необходимо осознать, что путь к соответствию внутреннего и внешнего, гармонии между объективной реальностью и ее искаженной проекцией лежит в сердце.

Обобщая сказанное выше, отметим, что гармоничное, целостное развитие человека – это процесс его духовного совершенствования, то есть развития его способности любить, следовательно, объективно воспринимать реальность. Чувствовать себя ее частицей, уникальной, востребованной, обладающей

определенной задачей. Чувствовать себя живым, активным, свободным участником формирования истории человечества. Вся его внутренняя организация, жизнь должна быть направлена на это. Поэтому для реализации данной задачи требуется достижение баланса духовного и физического, материального в человеке, заложенное в его сердце. В силу этого, разум не должен возводиться в культ, занимать доминирующее значение в развитии личности. Иначе внутренний баланс будет нарушен.

Однако в отчужденном рационализированном обществе, где человек – автомат, служащий безликому Нечто, духовность, любовь, жизнь обесценены. Личность теряет связь с голосом своего сердца, не вписывающегося в шаблоны морали рационализма. Для общества ориентированного на потребление, этот голос, открывающий любовь, добро, гармонию в их истинном значении – лишь серьезная угроза всеобщей унификации. Здесь важно лишь одно – быть как все, то есть хотеть потреблять – все больше и больше, не задумываясь о последствиях. Не случайно, характеризуя доминирующие в современном обществе безнравственные отношения разума, Э.Фромм отмечает, что их развитие ведет к определенному типу поведения. «Поступая согласно кодексу честности, вы не лжете, не мошенничаете, не прибегаете к насилию, вы даже представляете другим благоприятные возможности. Но любить своего ближнего, чувствовать свое единство с ним, посвятить жизнь развитию его духовных сил – все это не входит в моральный кодекс честности. В результате возникает огромное противоречие: мы живем в морали честности, а исповедуем христианскую мораль. Эта ситуация возникает из-за того, что в свете морали честности мы даем новую трактовку религиозной и гуманистической этики, мы применяем заповеди для «объяснения» (*оправдания* – курсив мой Ю.Б.) своих рыночных практик». Живя за счет христианского наследия, мы все больше нравственно невежественны при высоком уровне образования и экономического развития [12, 236].

В целом данные наблюдения лишь частично отражают основные тенденции современного общества, анализ которых заводит в тупик размышления многих исследователей о его возможности, перспективности. Очевидно одно – дисбаланс соотношения в жизни современно человека сердца и разума, опыта и знания. При высоком уровне образованности, практичных знаний, технического и научного прогресса, наше общество катастрофически деградирует духовно. И это притом, что если для западных обществ ориентация на рационализм, прагматичность, расчет является естественной (вспомним хотя бы исследование М.Вебера «Протестантская этика и дух капитализма»), то для славянской православной традиции духовность, сердечность – основные ориентиры развития. Поэтому их подмена грозит нам отсутствием дальнейших перспектив!

Необходимо понимание того, что разум безучастен, логичен, бездуховен, в нем нет понимания любви, добра, красоты. В нем заложено искажение истины, в нем нет понимания сути. Человеку ничего не дает одна лишь процедура аналитического распознавания чувственного мира. Должно быть ощущение, чувствование его, любовь к тому, что создаешь, принятие того, кем ты есть, гармония между сердцем и разумом. Более того, необходимо осознание того, что все созидающие установки, ориентации, действия идут от сердца человека, этого кристалла, преломляющего грани духовности. И, наоборот, все разрушающие тенденции человеческой жизни являются следствием заблуждений идеализированного разума. Именно поэтому прийти к целостности, внутренней и внешней гармонии, соответствию можно лишь через сердце, в котором и живет любовь! Иной вариант – через разум ведет к формированию безликого Голема, разрушающего все на своем пути.

Поэтому только *любовь*, исходящая из сердца, *может выступать условием действительно человеческих поступков!* Следовательно, только при условии удовлетворения потребности в любви сохраняется гармоничная созидательная композиция таких сущностных сил человека как чувства и разум,

запускается механизм целостного видения мира и, следовательно, созидательного развития личности.

2.2 Культурные предпосылки становления человечности

«...подлинная культура – результат сотворчества Бога и человека, основание не только для земного осмысленного и гармоничного бытия человеческого общества, но и для постижения Бога – Творца всякого смысла и гармонии» А.Мень.

Условия созидательного, целостного развития человека, формируемой им системы отношений, касаются тех средств и механизмов, с помощью которых возможен данный процесс. Без их участия невозможно прийти к целостности (как индивидуальной, так и социальной), невозможно даже осознать себя *человеком* (то есть созданием духовным). Речь идет о культуре и тех ее компонентах, с помощью которых обнаруживается, воспроизводится, и в дальнейшем транслируются потребность человека в единении, целостности, созидании гармоничных отношений. В этом аспекте *культура выступает естественной предпосылкой, условием развития человечности* (то есть духовного аспекта человеческой природы), *поскольку ее потенциал и задача направлены на формирование системы объективных знаний о жизни, обеспечивающих конструирование целостной картины восприятия человеком окружающей реальности.* Другими словами, именно культура, как предпосылка духовности, создает условия для раскрытия и развития последней, внося свою лепту в преобразование *человеческого* потенциала. Именно культура есть то условие *человеческой жизни*, которое учит человека жить в обществе, открывает ему законы и принципы социальной жизни.

В связи с этой жизнеопределяющей миссией, культура обладает огромным интегративным потенциалом: она открывает человеку его *человеческую* суть, тем самым гармонизируя и организовывая человеческие отношения, поддерживая и развивая связь поколений, обществ, эпох. Она

отвечает за воссоздание социальности, поддержание целостности и перспективности общественных отношений. По сути, культура является путеводителем человеческой жизни, потерять который означает утратить связь поколений, обречь себя, как *человеческий* род на духовную гибель, физическое выживание.

Обращаясь к этимологическому анализу, находим, что первоначальное значение понятия «культура» (от лат. *cultura*) переводится как «*возделывание, обработка, развитие, почитание*» и на ранних этапах его употребления оно подразумевает *целенаправленное воздействие человека на природу* (обработка почвы и т.д.)³⁹. Такая символическая связь с землей, природой для раскрытия потенциала культуры важна, поскольку именно земля выступала центром и пространством формирования общинных отношений традиционного общества, символом единения и преемственности поколений. Поэтому в греческой традиции понятие «культура» отождествлялось с понятием «*пайдеуэн*», что означало «*воспитывать (ребенка)*», «*руководить, наставлять*»⁴⁰, то есть связывалось с понятием «внутренней культуры», «культуры души». По сути, в широком смысле, культура представляла собой средство формирования и развития личности, обучения жизни – общению в рамках общины. Интересно, в

---

³⁹ В латинских источниках впервые слово встречается в трактате о земледелии Марка Порция Катона Старшего (234–149 до н.э.) *De Agri Cultura* (ок. 160 г. до н. э.) – самом раннем памятнике латинской прозы. Этот трактат посвящен не просто обработке земли, а уходу за полем, что предполагает не только возделывание, но и особое душевное отношение к ней. Например, М. Катон дает такой совет по приобретению земельного участка: нужно не лениться и обойти покупаемый участок земли несколько раз; если участок хорош, чем чаще его осматривать, тем больше он будет нравиться. Вот это самое «нравиться» должно быть непременно. Если его не будет, то не будет и хорошего ухода, т. е. не будет культуры.

Римляне употребляли слово «культура» с каким-нибудь объектом в родительном падеже, т.е. только в словосочетаниях, означающих совершенствование, улучшение того, с чем сочеталось: «*culture juries*» – выработка правил поведения, «*culture lingual*» – совершенствование языка и т.д. Римский оратор и философ Марк Туллий Цицерон (106-43 до н.э.) в своих «Тускуланских беседах» употребил понятие «культура» в переносном значении, назвав философию «культурой души» («*cultura animae*»), иначе, он считал что человек, занимающийся философией, обладает культурой духа и ума.

⁴⁰ Обращаясь к латинскому источнику, данное понятие в Цицероновской интерпретации есть «культура души», где культура означает особое духовное напряжение и связывается не с необходимыми, а с «избыточными» сторонами человеческой деятельности, с «чистой» духовностью, как результатом индивидуальных усилий.

связи с этим, что понятия «общение» (то есть «тесная связь, близкие отношения») и «общность» (то есть «участие в общем деле») обозначались в греческом языке одним словом – «*койнония*» – отношения между людьми. Таким образом, культура представляла собой условия, точнее, знания, правила необходимые для формирования и поддержания *человеческих* отношений.

Предназначение культуры в жизни человека и общества наиболее символично описывается в Библии. «И рече Господь ко Моисею: взыди ко мне на гору и стани тамо, и дам ти скрижали каменные, закон и заповеди, таже написах законоположити им» [33]. Господь передал Моисею культурные скрижали – скрижали Завета, в которых отражались основные заповеди Закона Божьего – закона Жизни – условия человеческого общения. В них были изложены два основных аспекта гармоничных *человеческих отношений* – два рода любви – любви божественной (духовной) и любви к ближнему. Четыре первые заповеди, начертанные самим Господом, содержали в себе познание и почитание Истинного Бога, остальные шесть, написанные на другой каменной плите, заключали в себе обязанности к ближнему. *Эти знания отражали духовные законы жизни человека, условия его развития и преобразования, как духовного создания!*

Эти духовные законы – *культурные скрижали* – есть обязательные для исполнения правила человеческого общения, установленные в рамках общины, в качестве оснований ее порядка. Отраженные в одном из древнейших – Синайском законодательстве, заповеди, таким образом, выступают проявлением Божьей воли, сформулированной в законах «жизнеустроения» разных народов, указывающих путь к спасению⁴¹ [33].

Такое понимание культуры, ее роли и значения в жизни человека, передавалось традицией на протяжении тысячелетий. *Воспитывая человека*⁴²,

---

⁴¹ Этот обязательный для исполнения закон включает знания о ведении всех сторон человеческой жизни - правовой, экономической и религиозной, и является Божьим откровением, открывающем человечеству законы гармоничной совместной жизни [33].

⁴² Этимологический анализ понятия «воспитание», указывает на еврейское происхождение (слово «*ясар*»), имеющее значение «наказывать», «учить». Другими словами, «*ясар*»

она, таким образом, посредством знаний, устоев, норм, традиции открывала ему законы и принципы человеческого общежития, ориентировала на раскрытие его духовного потенциала, формирование стремления познать и воссоздавать тонкую ткань человеческих отношений, связь поколений. Она была призвана направлять человека на путь его совершенствования, единения, сопричастности с окружающим миром.

Следует отметить, что в период средневековья понятие «культура» окончательно закрепило за собой сферу совершенствования духовной природы человека, как возможность устранения греха и приближение его (человека) к божественному замыслу. Такое исходное понимание феномена сохраняло ту невидимую связь человека с духовным порядком, которая и открывала возможности его совершенствования, становления *человеческого потенциала*, формирования его целостности. По сути, эта связь и наделяла культуру потенциалом по возделыванию, культивированию необходимой почвы, на которой и прорастает зерно духовности, как стремление к любви, жизни, творческому развитию, единению. Поэтому искажение роли и значения культуры в жизни человека и общества означало разрыв связей, дающих личности возможность стать *человеком*.

Однако, несмотря на это, такой разрыв становится неизбежен с искажением значения культуры, которое происходит в результате нарушения традиционного духовного порядка. Первые его признаки становятся ощутимы уже в эпоху Возрождения, когда постепенно понимание культуры сводится к понятию цивилизации⁴³. Таким образом, происходит символическая мутация

обозначает воздействие одной личности на другую (Бога на человека или человека на своего ближнего) посредством передачи опыта и знаний («наказывать», то есть «сказывать, говорить»).

⁴³ Понятие «цивилизация» (от лат. *civilis* – *гражданский, государственный*, изначально означало превращение уголовного процесса в гражданский. Впервые в научном дискурсе появляется во французском языке в рамках теории прогресса XVIII века (хотя слова «цивилизовать» и «цивилизованный» известны уже в конце XVI века благодаря работам М. Монтеню). Так, немецкий философ И. Кант, например, описывая ситуацию современного ему общества, противопоставлял культуру умения культуре воспитания. Исследователь отмечает внешний, «технический» тип культуры как цивилизацию, бурное развитие которой

понятий, сопровождающаяся размыванием содержательных границ. Культура начинает рассматриваться как средство формирования идеальной универсальной личности – всесторонне интеллектуально образованной, грамотной, независимой, индивидуализированной. Другими словами, все еще признаваясь жизненно необходимым условием развития *человека*, задача культуры переносится с совершенствования его духовной природы, формирования стремления к единению, гармонии, порядку, – на развитие его интеллектуального потенциала, прерогативность материальных потребностей, и таким образом, постепенную материализацию личности.

Другими словами, *ситуация подмены понятия «культуры» «цивилизацией»*, *изменяет способ и ориентиры развития личности: сердце, как способ гармоничного познания мира и становления человека, вытесняется разумом, инструментом прогресса мертвого техноса!* Окончательная подмена культуры цивилизацией происходит в период Просвещения, когда ценности разума, свободы, образованности, гражданственности и прогресса вытесняют традиционные ценности культуры – любви, веры, духовности. С этого момента значение культуры обесценивается, в связи с чем, начинает постепенно теряться естественная способность социальности к интеграции. Из живого условия *человеческого* общения она превращается в свод формализованных правил и шаблонов, унифицирующих человека, обезличивая и умертвляя его. Но это уже не культура...

2.2.1 Потенциал культурного наследия

Духовного человека творит путь добра: через познание, осознание и понимание своей истинной духовной природы, своего предназначения в мире
Г.Сковорода

Действительно, в повседневной жизни мало кто из нас задумывается о реальной роли и значении культуры. Наблюдая ситуацию, в которой

ведет к разрыву с культурой, которая тоже идёт вперед, но гораздо медленнее. Эта диспропорция, по мнению И. Канта, является причиной многих бед человечества [34, 26].

современное общество на фоне интенсивного возрастания уровня образования населения планеты в то же время переживает катастрофическое по своим масштабам падение уровня культуры, нарастание духовного вакуума, задумываемся ли мы, что участником этого противоречия является каждый из нас?

В большинстве своем мы понимаем культуру стереотипно, как что-то, что в целом отличает нас от животного мира, или в лучшем случае, как систему артефактов человеческой жизнедеятельности. Мы стремимся быть «культурными», поскольку это требование выдвигается человеку современным обществом. Однако что мы знаем о культуре, культурности? Бурно реагируя на окружающую нас «некультурность», являемся ли мы сами носителями этого условия *человеческой жизни*?

Удивительно, но стремясь быть образованными, грамотными, уметь себя вести в обществе, зачастую мы абсолютно не умеем общаться с ближними. Эти отношения для большинства современных людей не являются первостепенными (хотя наверняка многие думают иначе). Об этом свидетельствует тот факт, что работая над своим интеллектуальным развитием, материальным положением, социальными связями, человек современной эпохи смог обесценить для себя значение *человеческих* отношений. Формально он стремится сохранять имидж заботливого сына, хорошего семьянина, профессионального работника, и при этом, может звонить родителям лишь на большие праздники, уделять внимание детям лишь по выходным и снимать маску вежливости выходя за двери офиса. Он образован, просвещен, высокооплачиваем, независим (только вот от кого?) и в то же время абсолютно одинок, внутренне пуст, разбалансирован. Такой «герой времени» чувствуя себя уверенно в стандартных повседневных ситуациях, проявляет полное замешательство, оказываясь вне шаблона, вне своей общественной ячейки. Он забывает, что значит быть *человеком*, общаться *по-человечески*, *бесследно*

теряя для себя тот шанс полноценной жизни, который открывает для него культура.

Таким образом, стараясь следовать формальным предписаниям разума, обесценивая значение культуры (как средства *человеческого* общения!) мы лишаем себя шанса полноценной созидательной жизни, радости духовного развития, теплоты человеческого общения. И тогда напрашивается вопрос, а о развитии культуры ли в современном обществе мы говорим? Разве можно назвать культурностью следование формальным требованиям этикета, или шаблонам поведения? О культуре ли идет речь, когда мы сводим свое общение с окружающими к формальным отношениям, лишенным живых, *человеческих* чувств, ценностей доверия, любви, толерантности? Разве может быть культура бездуховной, и при этом нести живые знания, выступать гарантом общественной целостности?

Ответить на эти и похожие вопросы, можно лишь разобравшись в сути феномена культуры, лишь проникнув за тонкую ткань ее природы, приоткрывающей человеку возможность его духовного развития. Другими словами, ответить на вопрос о том, так что же такое культура, можно лишь посмотреть на данный феномен, как единственное условие *человеческого* общения, совместной жизни, а главное – предпосылку его духовного развития. И тогда *культура* *предстает*, как система знаний, отражающих *духовные* законы жизни человека. Речь идет о законах становления и развития *человеческих* отношений, формирующих гармоничное восприятие личностью себя, окружающей реальности, обнаруживающих *человеческий* потенциал, и позволяющих поддерживать целостность общественных отношений, их порядок. Иными словами, открывая личности объективные знания о жизни, культура участвует в формировании ее (жизни) гармоничного восприятия, целостного представления об основных ее созидательных условиях – любви, взаимопонимании, уважении, участии, творчестве, доверии и т.п. Этим

культура, по сути, обеспечивает участие человека в поддержании социального порядка.

Присутствие культуры в нашей жизни выражается в ощущении соответствия, меры, порядка. Мы чувствуем ее в человеке, и это подталкивает нас быть проще, открытей, вежливей, то есть культурней. Два абсолютно разных человека, имеющих разное социальное и материальное положение могут общаться на одном уровне и понимать друг друга. В процессе такого общения отпадает необходимость демонстрировать свое превосходство или искусственно находить общие точки соприкосновения. Такое взаимодействие превращает общение в многогранный процесс. Собеседникам легко и комфортно, они понимают и слышат друг друга. Можно сказать, что *культура является условием формирования любви к ближнему, такому же как я, равному мне!*

О любви к ближнему говорится в Библии: «возлюби ближнего своего, как самого себя». Это значит, принять другого человека таким, какой он есть на самом деле: со всеми его достоинствами и недостатками. Не стараться переделать его, переучить, но подсказать о возможных ошибках. По сути, любовь к ближнему это в целом любовь к человеку, как духовному созданию, а поэтому в ней отсутствует предпочтение или превосходство. Любовь к ближнему основывается на чувстве и понимании того, что все мы – одно целое, все мы духовно равны. Различия в талантах, образовании, знании, положении не принимаются в расчет, главное здесь – идентичность *человеческой* сущности, общей всем людям. А поскольку все мы имеем общий статус – *человек*, то одинаково нуждаемся в помощи, поддержке, понимании, участии. Это отношения без зависимостей, без стремления использовать другого, быть на его фоне (за счет него) кем-то лучшим.

Формируя в человеке потенциал любви к ближнему, именно культура подготавливает условия для раскрытия и совершенствования нашей духовной сути, обнаруживает и воспитывает потребность любить, а значит – жить.

Жизнь, как активный творческий процесс совершенствования, развития, а не выживания, характеризует личность как *человека*, а не вещь, то есть нечто потребляющее. Ведь полноценно, творчески прожить данную нам жизнь, мы способны только научившись любить, то есть, раскрывая себя и развивая то лучшее, чем одарены – свое духовное начало, стремление к единению и сопричастности с миром. В этом плане культура является жизненно необходимым *базовым условием* раскрытия нашей *человечности*, то есть *духовности*, позволяющей стать собой, обрести корни, связь с землей, родом.

По мнению философа кордоцентризма Г.Сковороды, человек рождается дважды: физически и духовно. Именно духовное рождение человека является истинным, поскольку он осязает в себе божественное, предпосылки которого находятся в сердце человека от рождения, однако сразу являются скрытыми для нашего осознания. Духовного человека творит путь добра: через познание, осознание и понимание своей истинной духовной природы, своего предназначения в мире, через усвоение высоких качеств веры, надежды, любви, уважения к родной земле, роду, народу [35]. Сама сущность духовного развития заключается в движении к органическому единству.

Именно культура подготавливает условия для обнаружения и поддержания наших духовных связей с прошлым, настоящим и будущим, то есть связи с человечеством в целом. Поэтому характеризуя феномен культуры, как комплекс знаний о *человеческой жизни*, следует уточнить, что *последние направлены на открытие, развитие и совершенствование человека как духовного начала! Использование этих социальных знаний не по назначению, в качестве средств развития интеллектуального аспекта природы человека, материально-технической сферы общества, ведет к неминуемой гибели общества, концу социальности! В этой ситуации на место культуры, как живой ткани человеческих отношений, приходит цивилизация – мертвый технос, а на место человеческого общества приходит потребительское. По сути, происходит существенная трансформация человеческой природы,*

ориентиров человеческого развития. Вместо духовного, созидającego образа человек превращается в потребителя, разрушающего все вокруг себя.

На индивидуальном уровне это становится возможно, в силу нереализованности (неудовлетворенности) основной духовной потребности человека – потребности в любви, ее искажения. Когда последняя, как ведущее условие *гармонического человеческого развития*, подменяется желанием служения (обладания, использования, потребления), поглощающего окружающие человека объекты (людей, отношения, вещи и т.п.). В силу этого, изменяется и способ познания личностью окружающего мира: весь потенциал человеческого развития, переориентируется на разум, конструирующий программу достижения желаемого. В результате последний абсолютизируется, становится доминирующей ценностью, инструментом конструирующим отношение человека к миру. А поскольку по своей сути разум является материализующим инструментом, то следствием такой абсолютизации является ставка на материальный прогресс, то есть цивилизационный способ развития (а не культурный!). Масштабным результатом данных трансформаций выступает превращение социальных отношений в «машину желаний», ориентированную на производство все новых объектов удовольствия.

Таким образом, выступая основным условием гармонического развития человека и общества, культура отражает *духовные законы развития человеческого общества, отвечающие за организацию и поддержание его социального порядка!* Как система объективных знаний, отвечающих требованиям реальности, культура «объясняет» человеку правила и условия совместной жизни, помогает принимать и понимать окружающую реальность, становится гармоничной частицей Целого, не претендующей на обособленность и неподчинение, и, в конечном счете, не выступающей угрозой общественной целостности.

Инструментом, позволяющим культуре справляться с поставленной перед ней задачей по организации, преемственности, сохранению порядка является

воспитание. Именно в процессе длительной и кропотливой работы по формированию, организации и поддержанию такого результата способен реализоваться потенциал культуры. Именно воспитание является процессом гармонизации человека, формирования в нем необходимых знаний, соответствия внутреннего и внешнего, как условия развития индивидуальной целостности, творчества и созидательности.

Интересно, что этимология понятия «воспитание» (от евр. *ясар*) включает, как уже упоминалось, понятия «наказывать» и «учить». Такая содержательная близость категорий не случайна, поскольку первоначально, «наказание» (производное от «сказание») в древнерусском языке употреблялось в значении учения, наставления, вразумления. Средством наказания выступали «говорение» (сказание, сказка, наказ, приказ, наказание – все это однокоренные слова) и «показ», то есть пример со стороны того, кто наказывал, наставлял. Причем первоначально «наказание» не имеет ничего общего с понятием «кара», такая «общность» появляется гораздо позже.

Значением понятия «воспитание» в традиционном обществе определялась его основная цель – выполнение предназначенной человеку жизненной задачи: *жить не для себя, а на благо своих ближних – общины*. Это предполагало формирование в личности понимания своего места в существующем порядке отношений общины, в результате чего, каждый из ее членов мог максимально полно реализовать свои способности на общее благо, не нарушая, а поддерживая и развивая существующий баланс. Другими словами, как инструмент культурного развития человека, воспитание ориентировало личность на поддержание социальной целостности, гармонии, порядка. Такая установка предполагала ставку на достижение, прежде всего, внутреннего порядка, поскольку лишь в этом случае становился возможен порядок социальный (то есть принимается своя социальная роль, формируется идентичность). В этой преимственности проявляется вся уникальность культуры, потенциал которой, таким образом, раскрывается в процессе ее

участия в преобразении, организации человека и окружающих его отношений. Говоря об этом, имеем в виду что *культура, как система объективных социальных знаний позволяет воспитывать, формировать в человеке объективное (а не иллюзорное, то есть искаженное) восприятие окружающей его реальности*. Она как бы расставляет на свои места, упорядочивает наши мысли и чувства, представления и ожидания, потребности и желания. Она организует нашу внутреннюю систему отношений, учит воспринимать окружающие события в реальном, а не искаженном нашими иллюзиями свете. Каким образом?

Выше мы уже отмечали, что основанием культуры, как условия формирования *человеческих отношений*, являются правила жизни в обществе. Эти правила – культурные скрижали – есть духовные законы⁴⁴, регулирующие жизненный строй человека и общества. Усваиваясь в процессе воспитания, и транслируясь от поколения к поколению, они призваны указывать человечеству путь его гармоничного развития, формировать и поддерживать потенциал его целостности. Однако исходной точкой такой глобальной работы культуры всегда остается человек. Именно с преобразования последнего и начинается процесс гармонизации социальных отношений.

Познавая в процессе своего становления правила жизни в обществе, человек формирует систему восприятия окружающей реальности, систему отношений, которая не противопоставляет его миру, а наоборот, приобщает к нему. Речь идет о том, что впитывая транслируемые культурной традицией знания, личность способна сформировать гармоничную систему отношений с окружающей реальностью. Это индивидуальное представление является проекцией макромира, как целостного, сложенного и четко организованного живого организма, в котором каждый человек – его уникальная частица, а сам

---

⁴⁴ Происходит от *законъ* (др.-греч. νόμος, θέσπιςμα) – «исповедь, свод правил, обычай, вера, завет». Связано с *кон*, *исконі*, *начать*, *начну* – первоначальное значение «начало» [36]. Для обозначения понятия «закон» в Ветхом Завете используются понятия: *мицва* – повеление, *тора* – закон, *давар* – заповедь, слово, *орак* – тропа, *мишпат* – норма, *хука* – устав, *пиккудим* – предписание, *дерех* – путь, *имра* – слово, *эдут* – свидетельство [37].

организм – их динамичное единство. При этом, уникальность каждой частицы это не какая-то абстрактная иллюзия о собственном превосходстве (Я – человек – царь природы, как долгое время убеждало себя человечество), неотъемлемым следствием которой является индивидуализация, обособление личности. Уникальность человека это свойство, которое проявляется в конкретных вещах и приобретает лишь во взаимодействии с окружающими. Она проявляется лишь в результате принятия и творческой реализации его задачи (главного статуса). Именно в процессе выполнения последней, человек способен максимально проявить свой потенциал, внести свой вклад в общее целое.

Другими словами, в условиях формирования гармоничной системы восприятия окружающей реальности, личность учиться понимать и принимать ту задачу, которая отведена конкретно ей – задачу ребенка своих родителей, мужа или жены, родителя, ученого, музыканта и т.п. Окультуриваясь, таким образом, человек становится способен понять суть и принять существующий жизненный порядок, объективный закон развития, внося свою лепту в его поддержание, проявляя собственную уникальность. С этой целью он должен прийти к себе, познать собственную *человеческую* суть, ответить на вопрос: «Кто он?» И эти экзистенциальные знания ему дает культура.

Казалось бы, все мы обладаем набором ролей, статусов, вполне определенных и стандартных. Все мы – мужчины и женщины, дети своих родителей, чьи-то сестры и братья, мужья и жены, родители. К этому статусному набору присоединяются наши профессиональные, этнические роли, конфессиональная принадлежность и т.п. У большинства из нас (женщин и мужчин) этот набор приблизительно одинаков и может отличаться лишь по некоторым позициям, так в чем же тогда уникальность каждого? Как проявить ее в этом типизированном перечне социальных ролей, ведь каждому из нас так хочется быть непохожим на других, хочется увидеть и проявить свою особенность?

Удивительно, но ответ оказывается заключен в самом вопросе: *наша уникальность начинает проявляться по мере принятия и творческой реализации нашего статусного набора, предназначенных нам ролей.* При этом важно, чтобы его восприятие было целостным и последовательным, то есть опиралось на баланс, соотнесенность главного (статуса) и второстепенного. Так, ребенок учится быть мальчиком или девочкой, сыном или дочкой, чтобы стать мужем или женой, отцом или матерью, начальником или подчиненным. Такая упорядоченность организации индивидуальной структуры становится следствием развития кордоцентричного познания, отвечающего за формирование индивидуальной целостности (восприятия, отношения и т.п.). Эта последовательность, как внутренняя мера значения, соотношения тех или иных статусов, задает определенный уникальный ритм личностного развития. По сути, эта последовательность и есть культура, как отраженное в отношениях знание себя, собственной задачи.

Ребенок – женщина /мужчина – дочь/сын – жена /муж – отец /мать – творческая личность – мы вряд ли задумываемся о том, что все эти статусы, задачи лишь отдельные фрагменты нашей уникальности. Значение каждого из них – жизненно необходимо. Нельзя быть ребенком без родителей, то есть родовых корней, связей, поддерживающих нашу преемственность с родом. Нельзя быть полноценной женой /мужем не осознавая и не принимая себя женщиной /мужчиной, и не приобретя этого опыта и знаний в качестве ребенка (сына или дочери) своих родителей. И, наконец, нельзя стать творческой личностью, не познав своей *человеческой* (ребенок, сын /дочь, мужчина/ женщина и т.д.) сути, поскольку лишь такой гармоничный комплексный опыт формирует наше созидательное отношение к окружающей реальности.

Исключив из цепочки становления *человека* опыт хотя бы один из главных статусов, либо нарушив порядок их реализации, приобретаем проблему развития *человеческого потенциала* (нельзя стать полноценным родителем, не будучи ребенком своих родителей, то есть нарушая родовые

связи, преемственность, традицию рода, что не позволяет приобрести необходимый опыт). Таким образом, необходимость овладения (принятия) нашими главными статусами (поскольку по мере становления *человечности* статусный диапазон растет (профессиональные роли, увлечения и т.п.)) и соблюдения последовательности (порядка) их выполнения, выступают условиями раскрытия *человеческого потенциала*. Так, человек становится не просто участником, а сотворцом социальной целостности. Нарушая же порядок, он представляет ее реальную угрозу.

Однако здесь важно понимать еще и тот момент, что необходимо не только принять себя частицей общего Целого, но и осознать, что это Целое живое, динамичное. Оно, как живой организм, постоянно изменяется, выдвигая все новые условия и требования к человеку. Для человека такая динамичность проявляется в том, что его задачи (роли, статусы) сменяются на каждом жизненном отрезке времени, поэтому важно не нарушить эту последовательность, не ускорить процесс своими желаниями и амбициями. Важно сохранить эту преемственность. А для этого и необходимы знания о том, что есть жизнь, порядок, отношения, окружающие нас. Как они организованы и, соответственно, какое место в этой системе занимает каждый из наших статусов. Другими словами, культура и есть *закон последовательности*, организующий и упорядочивающий человеческие отношения в общий порядок!

Для современного человека, как показывает социальный опыт, такие объективные условия развития оказываются действительно сложными. В гонке за собственными желаниями и соблазнами, предлагаемыми обществом, человек эпохи современности стал забывать о том, что такое внутренний ритм, последовательность, соответствие, порядок. Сложно осознать эти принципы, когда, кажется, само время не имеет привычного ритма, оно летит, сокращается, нарушается. И в этой суеде и общем хаосе мы уже не принадлежим себе, не владем ситуацией и вообще слабо ориентируемся в быстротечном пространстве.

Мы не знаем и не понимаем себя. Как полуавтоматизированные существа, мы лишь научены реагировать на требования общества, на самом деле даже не задумываясь об их источниках. В этом ускоряющемся процессе потери себя, человек больше не ориентирован на культуру, те экзистенциальные знания о жизни, которые на протяжении многих веков передавались от поколения к поколению, от рода к роду. Такие знания признаются большинством примитивными, устаревшими, не соответствующими «прогрессивным требованиям времени». Но задумываемся ли мы, так ли это на самом деле? Действительно ли так изменился современный человек, чтобы игнорировать традиционные знания о жизни, те принципы и законы, которые организуют и направляют ее, в конце концов, о себе?

Многие из классиков социально-философской традиции задавались этим вопросом неоднократно. Платон, О.Конт, Г.Спенсер, М.Вебер и другие исследователи в один голос утверждают нам, что природа человека неизменна. Невзирая на характер и особенности той или иной исторической эпохи, им так же движут определенные внутренние мотивы, заставляющие совершать те или иные действия, вызывать те или иные ситуации. Все так же, как и тысячи лет назад, человечество задается вопросом о смысле жизни, все так же старается понять себя. Изменился лишь метод познания, однако стимул остается прежним. Все так же каждый из нас нуждается в хороших отношениях, любви, принятии, хочет раскрыть себя и обнаружить собственную уникальность. Можно сказать, что природа человека в целом не меняется, она все так же требует своего раскрытия.

Методы, которыми современное человечество стремится раскрыть «секреты» счастья, гармонии, творчества, становятся все более многообразными, но их эффективность не подтверждается. Вместе с тем, на фоне высокого уровня цивилизационного развития, технологизации, рационализма, все чаще и настойчивей звучит необходимость в возвращении человечества к community – традиционным общинным отношениям. Разве это

не парадокс? На самом деле, ситуация объясняется несоответствием реальным требованиям развития (человека, общества, реальности в целом) продуцируемых технологической эпохой знаний. Другими словами, отказ от объективных знаний о действительности, порядке, человеке и его отношениях, равносителен отказу от себя и заводит современное общество все дальше в тупик.

Так, для человека традиционного общества индивидуальные знания о жизни и ее устройстве были отражением общепринятой модели мира: Я – человек – христианин – мужчина (женщина) – член общины – глава семьи – крестьянин... Простое разделение труда, четко выделенные роли, прерогатива общего над индивидуальным. Иначе говоря, его представления о жизни, ее организации не входили в противоречие с общей объективной системой знаний (то есть культурой общины), поэтому не возникало соблазна проверить эти знания, нарушить их, противостоять. Добровольное принятие общепринятой системы коллективного знания (в силу объективности знания, то есть соответствия знания и опыта, приобретенного на основании следования духовным законам развития) служило условием ограничения псевдознания (а оно есть всегда, поскольку сам мир – это информационный поток). Соответственно иллюзия человека о себе, своей задаче не подкреплялась (как заметил исследователь общинной проблематики немецкий социолог Ф.Теннис, средневековая женщина и представить себе не могла, что может претендовать на такое традиционно мужское занятие, как организация торговли), а общему порядку ничего не угрожает. Такой характер общинных отношений описывает Ф.Теннис в работе «Общность и общество». Здесь (в общине) фундаментальность отношений опирается на коллективное знание и ответственность, проявляемую в выполнении обязательств – ролей каждого члена общины.

Однако нельзя воспринимать такую ситуацию буквально, поскольку речь идет не об ограничении возможностей развития человека в условиях принятия такого порядка, как это может показаться на первый взгляд, а о необходимости

развития собственной уникальности посредством знания и выполнения своей задачи. Это возможно лишь в случае формирования объективного целостного восприятия реальности. Восприятия, в котором человек способен ощутить себя частью Целого, в котором он стремится познать себя и прийти к своему предназначению. И наоборот, такая ситуация невозможна в условиях формирования потребительского рационалистического восприятия, где социальная реальность – это конкурентное поле, и место под солнцем – только одно. Лишь настоятельная потребность в поиске себя, осознании своей задачи, может восстановить в нашем сознании действительную структуру существующего порядка.

Другими словами, чтобы осознать себя в системе общественных отношений, нужно задаться вопросом: «Принимаю ли я и выполняю ли эту свою задачу?» Первое впечатление здесь может быть обманчивым, поскольку иначе как можно объяснить те деструктивные тенденции, которые характеризуют современного человека и общество, в котором он живет? Демографический спад экономически преуспевающих государств, возрастание численности разводов и одиноких людей, неполных семей и брошенных детей – все эти проблемы являются зеркальным отражением нарушения духовных законов, то есть низкого уровня культуры современного общества.

Получается, что современные представления о социальных ролях давно не соответствуют реальным требованиям гармоничного функционирования системы, вследствие чего, не могут обеспечить ее полноценное развитие. Другими словами, нарушен механизм преемственности культурной традиции, теряется значение культуры в жизни человека и общества.

Несмотря на мощный созидательный потенциал, культура очень хрупкое явление. Поэтому формируя межпоколенную преемственность, невидимый человеку духовный порядок, культура, отраженная в традиции, является тем трепетным сокровищем, которое сохраняется лишь в соответствующей среде. Другими словами, чтобы проявить себя и дать долгожданные плоды, она

нуждается в кропотливом труде и трепетном, внимательном отношении к себе, особой питательной почве, на которой в дальнейшем и «возделывает» нашу *человечность*. Поэтому не удивительно, что данной почвой выступают те объединения, в которых потенциал любви, принятия, как условия развития культуры, наиболее влиятелен и необходим. Это, прежде всего семья и те формы общностных отношений, которые построены на семейных принципах функционирования.

Данная среда для человека является, во-первых, первичной, поскольку его развитие тем благоприятней, чем в более полной мере будет раскрыт его духовный потенциал, то есть с раннего детства, с момента рождения. Во-вторых, среда, обладающая и сохраняющая культурную традицию, должна быть максимально благоприятной – творческой, открытой, доверительной, созидательной, монолитной, чтобы паростки культуры могли прорасти в душах новых поколений, чтобы те могли обеспечить сохранение этих межпоколенных связей.

Таким образом, культура, как условие развития *человеческой* жизни, весь свой потенциал ориентирует на формирование отношений созидательного, конструктивного характера. Отношений, в которых в процессе «возделывания» собственной *человечности*, человек, группа, общность и общество в целом, выступают участниками конструирования нового, творческого результата. Поэтому, можно сказать, что культура – это единственное условие творчества, единственный способ освобождения и обретения себя. Культурному человеку понятна сама суть жизни, как творческого процесса, в котором и проявляется он, как соучастник, как осознающий и принимающий условия формирования истории *человечества*.

Только культура позволяет сохранить преемственность и уникальность времен и поколений, организовать внутренний порядок человека и окружающих его отношений. Для этого она располагает традицией, воспитывающей в нас стремление к сохранению родовых связей, дающей нам

представление об их организованности, и позволяющей, таким образом, формировать не потребительские, а *человеческие отношения*. Стимулируя в человеке преобладающее развитие духовных потребностей, культура дает осознание себя, своей сути, предназначения, своего места в окружающей нас системе отношений. Она хранит связь поколений, организуя в целом историю человечества. В этом плане культура – явление глобальное, всеобщее, отличающееся характером своих культурно-исторических традиций. Она указывает нам путь, выбирая который мы можем познать себя как *человека*, высшего творения. Отвергая ее, подменяя содержательное значение этого феномена, мы, таким образом, сами обрезаем связь с собой, своими корнями, лишаемся шанса жить, творить, любить, навсегда закрепляем за собой потребительский образ.

2.3. Семья как среда формирования потенциала человечности

Когда мы любим подлинной любовью, чего мы в ней ищем и что в ней удовлетворяем? Хотим ли мы только вкушать личных радостей от нее, использовать любимое существо и наше отношение к нему как средство для наших субъективных наслаждений? Это было бы развратом, а не подлинной любовью, и такое отношение, прежде всего, было бы само покарано душевной пустотой, холодом и тоской неудовлетворенности... Любовь не есть холодная и пустая, эгоистическая жажда наслаждения, но любовь и не есть рабское служение, уничтожение себя для другого. Любовь есть такое преодоление нашей корыстной личной жизни, которое именно и дарует нам блаженную полноту подлинной жизни и тем осмысляет нашу жизнь

Н.Лосский

Определяя характер и механизмы реализации *человеческого потенциала*, нужно учесть, что хотя духовные потребности и являются постоянными и независимыми от ситуации, времени и культурных традиций (то есть они актуальны, как условие существования человека в целом), однако то, будут ли они определяющими развития личности, зависит еще и от условий (среды) их удовлетворения. Можно согласиться с А.Маслоу в том, что человек не жестко ограничен в способах удовлетворения этих потребностей, «можно сказать, что сама фундаментальная потребность организует, а может и творит окружающую

человека реальность. Поскольку сам организм, находясь в определенной среде, постоянно стремится организовать ее в соответствии со своими нуждами» [2]. Но при этом важно понимать, что и сами духовные потребности (и, прежде всего, потребность в любви) имеют выраженный ассоциативный характер. Другими словами, они могут быть удовлетворены только в рамках *человеческих отношений*.

Сама ассоциативность есть проявление потребности в любви, которая выражается в таких наших стремлениях, как единение, приобщенность, слияние, принятие, симпатия, забота, уважение, сотрудничество и т.д. Удовлетворить последние мы можем лишь в гармоничных отношениях. Другими словами, значение таких отношений, как дружба, супружеские, родительские отношения, показывает, что лишь в процессе межличностного общения, могут удовлетворяться эти потребности человека. Мы нуждаемся в других людях (особенно близких нам), их поддержке, потому что так получаем панацею от своих проблем, страхов, тревог – их любовь, заботу, понимание, сочувствие. Мы нуждаемся в других, так как хотим чувствовать себя нужными, востребованными. Отношения с миром дают нам то, чего так не хватает каждому человеку – ощущение причастности к Целому. Перечеркнуть эту потребность человека может лишь собственный эгоизм, как «уход», «отделение» от мира, единого Целого. Кроме того, лишь в рамках ассоциаций раскрывается весь потенциал культуры, организующий и упорядочивающий нашу жизнь, дающий нам необходимые знания о ней. Таким образом, *ассоциативность является естественным и необходимым условием человеческого развития, средой, в которой транслируемые культурной традицией знания способны реализоваться в реальном опыте формирования человеческих отношений*. При этом, важные требования выдвигаются как к характеру среды (ассоциации), так и к транслируемым ею знаниям. Остановимся на этом моменте подробнее.

Итак, одной из основных задач нашего окружения является создание необходимых условий для реализации наших духовных потребностей, раскрытия духовного потенциала, поскольку вне среды человек развиваться не может и со временем деградирует. Однако одно лишь наличие среды еще не гарантирует созидательного результата, поскольку она может оказывать на нас как деструктивное, разрушающее влияние, так и конструктивное, созидательное, то есть мешать либо помогать человеку раскрыться. Вокруг нас достаточно примеров, демонстрирующих ее возможности. Так, дружеская, семейная среда, условием поддержания которой является любовь, уважение, принятие, благоприятствует удовлетворению наших духовных потребностей, развивает в человеке стремление к гармоничным отношениям. И, наоборот, неблагоприятное окружение (улица, криминальные группировки, скандальные соседи, отчужденные отношения в семье), в котором царит неприятие, конкуренция, агрессия, влияет на человека деструктивно. Поэтому, говоря о значении среды, важно понимать, что речь идет не просто о необходимости ее наличия, а об ее *благоприятности*. Поскольку то, *насколько среда будет благоприятной, определяет возможность/ или невозможность раскрытия человеческого потенциала (духовности)*.

Благоприятность здесь понимается не в формальном смысле, как, например, наличие определенных материальных и психологических условий (достатка, комфорта, возможностей и т.п.). Под *благоприятными условиями* понимаются, прежде всего, *такие, которые дают возможность сформироваться целостной личности, способной на созидательные отношения, то есть обеспечивают ее духовное развитие, конструктивный опыт отношений. Другими словами, только среда удовлетворяющая потребность человека в любви (то есть его духовные потребности), открывающая ему знания о жизни (то есть, формирующая культуру личности) и позволяющая формировать созидательный индивидуальный опыт, способна быть живой.*

Из всех возможных, наиболее благоприятной и естественной средой для человека, является семья⁴⁵, занимающая в системе общечеловеческих ценностей главное место. С нее человек начинает свой жизненный путь, в ней проходит его становление, в семье человек заканчивает свою биографию. Самые приятные, трогательные чувства, воспоминания, живущие в нашем сердце, связаны, как правило, с семьей. Именно семья становится для ребенка синонимом любви и жизни, а знания, передаваемые ему близкими, определяют в дальнейшем его систему восприятия и отношения к окружающему миру.

Этимология понятия «семья» (от общеслав. *seŋja*) имеет древнеславянское и индоевропейское происхождения⁴⁶. Корень – *сѣмь* в древнеславянском языке означает «личность», в качестве собирательного имени, образованного от этого корня, и формируется *сѣмьа*, *сѣмья*. Сопоставляя это слово с данными других родственных языков (в частности, балтийских – литовским и латышским), находим, что древнейшее значение понятия сводилось к следующему: большая семья, в которую входили родственники, то есть только «свои». Со временем, границы понимания «своих» стали расширяться, что было связано с историческим развитием хозяйственных отношений. Соответственно изменяется и значение понятия «семья». Она понимается как «хозяйственный коллектив, состоящий из лиц родственных и неродственных, то есть все, живущие в доме, под одной крышей, и занимающиеся общим трудом». Такое расширение границ понятия

---

⁴⁵ О роли семьи говорили еще философы эпохи античности. Сократ, Платон и Аристотель анализируя вопрос возможности общества, в качестве его элементарного социального объединения рассматривают именно семью. Само античное понимание общества включало только такие формы взаимоотношений, в которых присутствовали общность, союз, совместная деятельность. Поэтому семья, как объединение, в основании которого лежат тесные эмоциональные связи, и считалась обществом, основанным на обоюдном договоре. Семейная же любовь, проявляющаяся в отношениях между ее членами, называлась «социальной» любовью.

⁴⁶ Слово восходит к общеславянскому *seŋja* и далее – к индоевропейскому сочетанию корня *k'eī-* и суффикса *-m*, который находит отражение в словах многих языков: древнегерманское *heim* (домашний очаг, родина), литовское *šeimà, šeimyna* «семья», латышское *sàime* «семья, домочадцы», др.-прусс. *seimīns* м. «челядь», готск. *haimis* «селение», греч. *κόμη* «селение». Славянское *seŋja* восходит к обозначению территориальной общности [38].

ведет к тому, что содержательно слова «семья» и «община», «общность» (от греч. *κοινωνία* – *соучастие, сопричастность, приобщение, общность, общее дело, общение, связь*), отождествляются. В общине, как «объединении членов рода, живущих совместно и характеризующихся близкими отношениями, наличием взаимных прав и обязательств» [39, 40], основным условием отношений выступает взаимное сотрудничество, тесные духовные связи, труд на благо друг друга. В силу этого именно семья выступает исходной формой общностных отношений.

История формирования и развития семьи насчитывает несколько тысячелетий, проявляясь в зависимости от культурного контекста и исторического этапа развития, в разнообразных формах (нуклеарная семья, сложная, полная, неполная, моногамная, полигамная, матрилокальная, патрилокальная, неолокальная и т.д.). По сути, семья – это микромодель общества, его основание, поэтому на протяжении многих веков именно она (ее формы и стабильность) определяет общее направление развития макросоциальных систем – обществ, сообществ, обеспечивая их духовное и физическое воспроизводство [40, 5].

Таким образом, связь между состоянием семьи, как базовой моделью общностных отношений и состоянием общества является прямо пропорциональной. Ведь только здесь закладываются естественные условия гармоничного развития целостной личности, способной к формированию созидательных социальных отношений. И именно в семье, человек приобретает необходимые знания для конструирования собственной системы отношений. Однако для того, чтобы продолжать оставаться условием стабильности общества, семья должна соответствовать своему основному предназначению – быть благоприятной созидающей средой для человека, создавать условия его культурного, духовного совершенствования. Достичь такого соответствия можно только в том случае, если *условием существования семьи является любовь!*

Любовь в семье – это «талант, отданный в рост» [33], посредством которого духовно обогащается, растет, преображается каждый ее член. Стабильность таких отношений зависит от того, насколько они искренни и бескорыстны, то есть наполнены радостью, теплом, доверием. Без любви семья утрачивает свое значение и ценность, свои созидательные способности. Без любви семья – не семья. *Без любви в семье, нарушается баланс и порядок общественного функционирования!* Ситуация, в которой оказалось современное общество только подтверждает это, демонстрируя нам следствия обесценивания института семьи и брака⁴⁷. Одни только формы так называемых супружеских отношений говорят об их несоответствии семейному принципу – гостевые и экстерриториальные союзы (их еще называют «браками выходного дня»), брак по контракту, «открытые» браки (когда каждый из супругов пользуется полной сексуальной свободой), а также групповые браки т.п. Популяризация таких форм-мутантов на уровне общества (через СМИ, идеализирующие западное «освобождение» современного человека от традиционных устоев и норм отношений), ведет к дисбалансу семейных ролей, уменьшению численности браков, распространению сожителств (когабитационных союзов), падению рождаемости и ее «старению», преобладанию малодетных семей, увеличению числа внебрачных детей, распространению добровольной бездетности и т.п. И это лишь верхушка айсберга. Его основанием является растущая угроза возможности общества в целом, поскольку данные процессы антисоциальны и антисозидательны, а значит, не обеспечивают современному обществу необходимых условий поддержания его порядка, целостности. Следовательно, чем ближе семья к образцу гармоничных отношений, направленных на удовлетворение духовных

---

⁴⁷ «Осовременивание» семьи особенно интенсивно началась с формированием рыночных капиталистических отношений, и стало частью глобальных изменений в современном мире. По сути, данный процесс сопровождался переходом от традиционных ценностей общности, религии к ценностям индивидуализма и рационализма. В конечном счете, в обществе потребления происходит падение авторитета семейных ценностей, поскольку на первый план выдвигается индивидуальный успех и идет жестокая конкуренция за его достижение. В этой гонке за призрачным счастьем все активнее и эффективнее участвуют женщины.

потребностей человека, на его культурное и духовное развитие, тем больше возможностей она открывает для его совершенствования, счастья, формирования созидательной жизненной позиции. Тем больше шансов для воссоздания общественной целостности.

Таким образом, *уникальность семейных отношений заключается в том, что именно здесь запускается механизм формирования индивидуальной и социальной целостности, условием которого являются:*

– *объективные знания (то есть культура), передаваемые культурной традицией общества (посредством семьи) и отражающие духовные законы развития человеческих отношений;*

– *созидательный социальный опыт, формируемый в рамках семейных отношений. Здесь два разных человека сливаются чудесным образом в одну целостность, единство душ. Как возможно такое перевоплощение?*

Любящие люди формируют наиболее естественную и гармоничную среду для полноценного раскрытия потенциала каждого из них, удовлетворения духовных потребностей. Они способны чувствовать друг друга, могут без слов, по взгляду, жесту определить состояние и потребности любимого, поскольку ориентированы друг на друга. В этом единении двое хотят поделиться всем, что наполняет их жизнь без остатка: мыслями, чувствами, делами. Оба способны соединиться на такой глубине взаимного переживания, где слов больше не нужно. Они вместе, и если любовь достаточно глубока – они станут одним целым, одним сердцем, умом, духом. Именно любовь, как основание их отношений, вызывает стремление к единению, пожалуй, наиболее мощное созидательное стремление человека⁴⁸, заложенное в его природу.

Потребность стать одним целым, стимулирует все силы человека на ее удовлетворение. Следствием этого становится готовность супругов к

---

⁴⁸ Принцип единения заложен в саму этимологию понятий «муж» и «жена». Так, Адам назвал Еву – «иша» (жена) – женским родом еврейского слова «иш» – муж. На уровне человеческого организма единение проявляется во взаимосвязи и соподчинении (а не равноправии) внутренних органов. На уровне отношений заставляет держаться вместе членов человеческого рода, клана, семьи, общества.

компромиссу, умение считаться с потребностями партнёра, уступать, учиться уважать, доверять, понимать и слышать, то есть *стремление работать над отношениями*. Для семьи, основанной на любви это так же естественно, как и стремление человека к реализации заложенного в него духовного потенциала.

Ориентация на *согласованное, мирное* решение проблем, возникающих в рамках супружеских отношений, постепенно реализуется во взаимном дополнении друг друга, отражении друг в друге, взаимном обмене мужеством и нежностью, силою и короткостью, взаимном соответствии, гармоничном сочетании частей целого. *Здесь важно лишь одно – сохранить потребность быть одним целым (любовь)* при любых жизненных обстоятельствах, чтобы прийти к целостности отношений, раскрыть и сохранить свободу и уникальность каждого. Сама свобода в рамках семейных отношений является предельным проявлением взаимной любви. Только так человек способен раскрыться, вырасти и сохранить ту естественность и спонтанность, которая свойственна счастливому ребенку, позволяющему себе, не зависимо от положения в обществе, мнения окружающих, социокультурных условий, быть самим собой. Другими словами, любовь как условие формирования и развития семейных отношений и закладывает основания для становления индивидуальной и социальной целостности.

Такого потенциала единения, самоотдачи, доверия, который заложен в природу семьи, в других общественных отношениях сложно найти. Поэтому именно семья является естественной первичной созидающей средой для человека. Расширение тайны единения из семьи должно по ее образцу идти дальше – в общность, общество, где люди могут стремиться достичь той целостности, которая возможна в семье. Следовательно, *изменение условий формирования семейных отношений, то есть исключение любви, как стремления к единению, приобщенности, условия работы над отношениями, нарушает механизм социальной целостности!*

Такая ситуация по сути происходит в современном нам обществе, где любовь обесценивается и сводится лишь к сфере сексуальных отношений, а семья представляет собой скорее не священный союз любящих сердец, а взаимовыгодный и удобный способ реализации личных интересов (причем интересы партнеров по браку могут даже и не совпадать!). Поэтому брак, основанный на любви, как символ единения двоих становится, сегодня настоящим таинством, чудом, превосходящим все человеческие взаимоотношения. В этом смысле, отношения полного единения, доверия воспринимаются как сверхземные. Но это не говорит об их недостижимости и исключительности, скорее, наоборот, о том, что семейные отношения – это сфера духовных отношений, труд над которыми – это кропотливая работа над собой, своим отношением к близкому человеку. Это самый большой творческий труд, в процессе которого реализуется *человеческий потенциал*. Возникая первоначально между двумя любящими людьми, он продолжается в рождении и воспитании детей, создании условий для их гармоничного развития. И если этот труд созидателен, то для ребёнка семья становится средой, в которой закладываются возможности его духовного, психического, эмоционального, физического и интеллектуального развития.

Таким образом, именно любовь, как стремление к единению, целостности, сопричастности воссоздает целостность семейных отношений. Она формирует ту благоприятную среду⁴⁹, в которой кропотливо на общее

---

⁴⁹ Говоря о благоприятности семейной среды, современные исследователи выделяют такие ее характеристики, как сплочённость, возможность всестороннего развития личности каждого её члена, доброжелательность членов семьи, чувство защищённости и эмоциональной удовлетворённости, высокий уровень идентификации со своей семьей, ответственность. Важными показателями благоприятности семейных отношений, ее духовного здоровья [41, 11], являются также стремление её членов проводить свободное время вместе, беседовать на интересующие всех темы, совместно заниматься бытом, поддерживать друг друга, ощущать ответственность за свою роль в семье, доверие, честность и открытость в отношениях, принятие особенностей и уникальности друг друга. Такой характер отношений способствует гармонии, снижению остроты возникающих конфликтов, снятию стрессовых состояний, формированию адекватной социальной позиции и реализации личностного потенциала каждого члена семьи. В семье, где основанием отношений является любовь, каждый её член

благо трудятся все ее члены, принимая и выполняя каждый, отведенную ему задачу. Так человек учится преодолевать собственный эгоизм, так закладывается принцип индивидуальной и социальной целостности. И то, каким будет результат совместного труда, зависит от участия каждого в этом общем проекте.

В рамках таких отношений созидательный опыт и культурная традиция вырабатывают принципы гармоничного развития, превращающие двух индивидуалистов в одну целостность – семью. Речь идет о таких принципах организации отношений, как последовательность (иерархичности) и постоянство (стабильности), укрепляющих семью и формирующих в дальнейшем порядок социальной жизни⁵⁰. Так, принцип последовательности, опирается на внутреннюю структурированность, иерархичность семейных отношений, то есть на знание и выполнение каждым из участников собственной социальной роли, задачи, ответственности. Что первично, а что вторично, какова ответственность мужа, жены, а в дальнейшем и ребенка – вот основные вопросы, вокруг которых происходит организация семейных отношений. Иерархичность, вырабатываемая в условиях любви, уважения, соучастия, приобретаемых в виде знаний и опыта участников семейных отношений, учит принимать и уважать решения друг друга, уступать и прислушиваться, то есть лояльно относиться к распределению полномочий в семье, к властным ограничениям. Более того, в семье, построенной на основании любви каждый стремиться дорожить друг другом, а не конкурировать относительно властных полномочий. Здесь бремени власти, не ощущается, поэтому и конкурентные отношения относительно этого ресурса сформироваться не

относится к остальным с трепетом, уважением и доверием, готовностью помочь, а к родителям – ещё и с почитанием.

⁵⁰ О значении этих принципов говорит одна из христианских заповедей, начертанная на скрижалях: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле» [33]. В традиционных обществах, зиждущихся на основании христианских принципов и морали, непослушание отцу и матери было возведено в ранг общественного преступления. Ребенок рано знакомился с историей непочтительного сына Ноя. Семейная среда, основывающаяся на данных основаниях, сама по себе представляла благоприятную среду для духовного формирования личности, ее нравственного воспитания.

могут (это условие является определяющим в формировании общественных отношений, где вопросы статусных ограничений контролируются извне). Другими словами, это подготавливает человека к общественной жизни, где иерархичность отношений, влияет на стабильность и перспективность общества в целом. Таким образом, «работа» данного принципа ведет к стабилизации семьи, закладывает фундамент ее внутреннего порядка⁵¹. Напротив, сбои – дезорганизуют семейные отношения, вносят хаос и разбалансированность в их функционирование.

Так, состояние семьи в современном обществе иллюстративно демонстрирует нам нарушение работы этого базового принципа отношений. «Интеллектуальное освобождение» человека, его индивидуализация (отрыв от общинных связей), обесценили традиционную культурную традицию, в рамках которой понимание того, кто я, своего исходного предназначения (мужчина, женщина), как реликвия передавались от поколения к поколению. Баланс, соответствие семейных статусных позиций (муж, как глава рода, жена, как хранительница семейного очага) их последовательность были нарушены. Размытость знаний современного человека о себе, непонимание своей задачи, привели к возрастанию ролевых конфликтов, увеличению количества разводов, неполных семей, одиноких, ухудшением демографической ситуации в целом.

Для современного общества такая ситуация обернулась проблемой падения авторитета семьи и брака, снижением стабильности данного института. Отсутствие необходимого опыта гармоничных отношений, понимания предназначения и роли семьи в жизни человека и общества, заставляют нас опираться на те поверхностные (а зачастую и искаженные) знания, которые транслирует система ценностей общества тотального потребительства, презентуя их посредством СМИ. С этим багажом псевдознаний (и опытом

---

⁵¹ *Постоянство* в семье не менее значимый принцип гармоничных отношений, поскольку формирует уверенность человека в будущем, надежду, веру друг в друга, стремление к созиданию отношений, чувство спокойствия и безопасности, определенности. Этот же принцип стимулирует ответственность за выполнение своих семейных ролей, что является необходимым условием развития семьи.

семейных отношений, который не всегда созидателен) мы и приступаем к формированию собственной семьи. В большинстве случаев такие попытки заканчиваются плачевно – ссорами, обидами, взаимными разочарованиями.

Кроме того, в рамках этой проблемы растут ролевые конфликты современной женщины, возникающие между статусами «женщины», «жены», «матери» и ее профессиональными ролями. Эмансипированная и «свободная» она не заметила, как стала настойчиво стремиться быть мужчиной. Это захватило ее всю и стало менять женскую природу⁵². В гонке за первенством, где в качестве фона выступили рыночные капиталистические отношения, половые отличия лишь мешали ей, она захотела научиться быть мужчиной, быть лучшей. Мужчина перестал быть востребованным, взамен он стал соперником, которого во что ни стало нужно победить – таков закон конкуренции. Но за иллюзией первенства последовали реальные и очевидные проблемы – мужской алкоголизм, высокий уровень разводов, нежелание вступать в брак, демографический кризис и т.п. Список проблем можно продолжать до бесконечности, однако их источник один – отсутствие объективного знания, понимания того, кто я на самом деле (женщина, жена, мать), какова моя ответственность в семейных и общественных отношениях. И несмотря на масштабность проблемы, ее решение предполагает достаточно простой ответ: неотъемлемая часть единого Целого, живая среда, в которой прорастет будущее зерно гармоничных отношений, и от которой зависит перспектива семьи и рода в целом.

Работа над отношениями требует терпения и кропотливости, стремления сохранить потребность в любимом, не дать собственному эгоизму, обидам, претензиям разрушить тот источник, который делает нас

---

⁵² Изменение женской природы, обусловлено формированием в мотивационной структуре личности стремления выполнять те или иные мужские роли в обществе, иметь власть, что сопровождается формированием соответствующих черт характера (доминантности, властности, агрессивности). На уровне физиологии такое стремление «диктует» разуму необходимость в нейрофизиологическом перевоплощении: в организме женщины постепенно повышается уровень мужских половых гормонов (тестостеронов), в сравнении с женскими (эстрогенами).

одним целым – любовь. А это возможно только работая над собой, над собственной системой отношений, открывая свое сердце любимому и развивая, таким образом, потенциал духовности (человечности). Тогда, стремление к единению, целостности, формирует в семье ту живую, созидательную среду, в которую «приходят» и развиваются счастливые дети, впитывающие в себя любовь, заботу и внимание родителей.

*Такой характер отношений безусловен, духовен. В семье, где в основании отношений лежит любовь, ребенок растворяется в ней, дышит ею, наполняется спокойствием и безмятежностью. Внешняя реальность, люди и вещи имеют для него второстепенное значение. Реально только то, что внутри: все, что находится вовне, реально лишь в меру актуализации тех или иных потребностей ребенка. Подрастая и развиваясь в такой благоприятной среде, ребенок постепенно учится воспринимать и принимать окружающий мир таким, каков он есть, то есть объективно. Он учится воспринимать вещи как различные, как имеющие свое собственное существование. Он учится давать им имена, учится обходиться с ними, узнает, их предназначение и устройство. Впитывая в себя любовь родителей, перенимая опыт гармоничных отношений и подкрепляя их транслируемой культурной традицией, постепенно, в процессе воспитания он учится *человеческим отношениям.**

Все эти переживания кристаллизуются и объединяются в одном переживании: я любим. Я любим, потому что я – ребенок своих родителей, потому что они нуждаются во мне. Я любим за то, что я есть. Все, что от меня требуется, это быть их ребенком. Такое состояние внутреннего счастья, покоя, доверия, создает условия для раскрытия потенциала ребенка, тех талантов и особенностей, которые любящие родители способны рассмотреть в нем и направить в русло созидательного развития. Такие отношения наделяют внутренней свободой, способной сохранить уникальность и самобытность его природы, не подгоняя под шаблоны и стереотипы комфортности.

Благодарно и радостно принимая любовь родителей, ребенок открывает любовь в себе. Потребности близких становятся для него также важны, как собственные – на деле же они становятся даже более важными. Давать становится более приятно и радостно, чем получать; любить – более важно, чем быть любимым. «Любя, человек покидает тюрьму своего одиночества и изоляции, которые образуются состоянием нарциссизма и сосредоточенности на себе. Человек чувствует смысл нового единства, объединения, слияния. Более того, он чувствует возможность возбуждать любовь своей любовью – и ставит ее выше зависимости получения, когда любят его – из-за того, что он мал, беспомощен, болен – или «хорош». Детская любовь следует принципу: «Я люблю, потому что я любим». Зрелая любовь следует принципу: «Я любим, потому что я люблю». Незрелая любовь говорит: «Я люблю тебя, потому что я нуждаюсь в тебе». Зрелая любовь говорит: «Я нуждаюсь в тебе, потому что я люблю тебя» [14].

Научить ребенка любить – основная задача родителей. Нигде больше он не получит этот уникальный опыт, таким само собой разумеющимся образом, как в семье, принимая любовь от своих родных и близких. Нигде он не способен так легко, играя, совершать ошибки, падать и снова подниматься, чтобы научиться самому дарить любовь другим. Открывая в себе любовь, ребенок выходит за те рамки, которые готовит для него общество. Точнее он учится жить вне рамок и шаблонов, радуясь и созидая, принимая и отдавая то, чем наделен сам: своими талантами, чувствами, отношениями. Однако, прежде всего, маленький человек учится любить, принимать самого себя, то есть формирует первые устойчивые *духовные связи*, необходимые для обретения собственной идентичности: Я – ребенок своих родителей, Я – девочка (мальчик), Я – член своей семьи, рода и т.д. Так начинается процесс познания себя, становления личности, начинает формироваться установка на любовь к другим, на формирование целостных созидательных отношений. По сути, с этого и начинается раскрытие духовного потенциала человека. Поскольку лишь

принимая себя, своих родителей, окружающий мир, человек способен развиваться культурно, духовно, то есть перенимать опыт, знания, традиции своего рода, среды, в которой живет. Только так он способен познать себя, сохранить поколенную связь с прошлым и, таким образом, сформировать перспективу будущего.

Эти связи являются природными узами, необходимыми для созидательного развития человека. Это узы рода и земли, обретая которые человек чувствует безопасность и укорененность, доверяет, сохраняет преемственность поколений, а значит, закладывает условия для социальной перспективы. Обрести свои корни, свой род, задачу, значит прийти к порядку, гармонии, которая формируясь первично на уровне системы ценностей человека, выливается в структурированность и упорядоченность общественных отношений.

Потребность в любви, то есть причастности, единении, укорененности, востребованности, позволяет ребенку учиться чувствовать себя ответственным за события, которые происходят в его жизни. То есть формируют активную жизненную позицию соучастника происходящего, и в то же время позволяют сохранять внутреннюю свободу в выборе перспектив развития. Без этого он не может гармонично развиваться и формироваться как целостная личность. Постигнув, что семья – это центр Вселенной, а внешний мир – это что-то отдельное, маленький человек начинает осознавать собственную уникальность и индивидуальность. Воспринимая себя членом своей семьи, он учиться принимать свою задачу в этом общем проекте, а выполняя ее, ощущает собственную востребованность, необходимость.

Анализируя тенденции современного общества, следует отметить, что проблема востребованности является экзистенциональной. Ощущение невостребованности равносильно чувству внутренней пустоты, духовного вакуума, оторванности. Оно гонит человечество к иллюзорным целям и перспективам, превращаясь в эффективный канал манипуляции. Человек ищет

себя в этом мире, стремиться к намеченным ориентирам славы, престижа, власти, благосостояния и не понимает, что решение раздирающей изнутри проблемы лежит на поверхности. Мы абсолютно не знаем, кто мы, для чего живем, почему делаем те или иные выборы? Мы отрываемся от своих корней и все больше погружаемся в хаос и пустоту.

Вместе с тем, лишь познание себя дает нам необходимое понимание собственной роли, приводит к потребности стать активным участником жизни, осознанию ценности *человеческих отношений* – любви, семьи, доверия. Стать востребованным, необходимым, совсем не значит быть полезным (то есть пользующимся). Это значит, приняв себя, суметь проявить свой потенциал в тех отношениях, которые нас окружают, прежде всего, в семье, с близкими и друзьями, в профессиональном коллективе, в обществе, на благо другого человека. Значит, суметь поделиться тем самым дорогим, чем мы обладаем – талантом, способностями, вниманием, любовью, заботой, радостью, поддержкой и т.п. Нельзя решить проблему востребованности без решения проблемы причастности, приобщенности, переступив через семью, заменив ценность *человеческих отношений* и потребность в труде на общее благо, высокими доходами, славой, признанием. Такая иллюзия на самом деле ведет человека к служению, поклонению вещам, навешанному обществом потребительства. Стать востребованным можно лишь став частичкой общего Целого, лишь осознав себя активным участником, окружающих нас отношений.

В этой связи Э.Фромм, исследуя проблему становления человека в современном обществе, отмечает: «В развитии человеческого рода степень осознания человеком себя как отдельной личности зависит от того, насколько он выделился из рода, то есть насколько продвинулся процесс индивидуализации. Так, член первобытного рода отождествлял себя с родом: я – есть мы, он еще не чувствовал себя «индивидом», существующим отдельно от своей группы. В средневековье человек отождествлялся с его социальной ролью в феодальной иерархии (крестьянин, сеньор). С распадом феодализма

чувство тождественности было поколеблено. Возникает вопрос: «Кто Я?» [12, 83]. Автор отмечает, что развитие западной культуры, которое шло по пути атомизации, обособления человека от своего рода, предполагало, что экономическое и политическое «освобождение», сделают его активным участником. На самом же деле ожидаемый эффект не оправдал себя. Проблема целостного человеческого существования так и не была решена. В поисках утраченного чувства причастности предлагались различные заменители первоначальной идентичности рода – нация, религия, класс, род занятий, то есть общественное положение. Но когда со временем не удовлетворенная потребность в причастности к целому, приобщенности к роду актуализировалась, то идентификация с общественным положением становилась недействительна. В результате, чувство тождественности с общественным положением, статусом сместилось к конформизму (я такой, как вам угодно).

Таким образом, потребность в принадлежности, идентичности человека со своей семьей, родом, является первым и необходимым условием формирования целостной личности, способной созидать и совершенствоваться в процессе своего духовного развития. *Чувство причастности, единения, идентификации с семьей, родом, формирует восприятие семейных отношений, как крепкого духовного союза, где все уникальны, важны, все живут и трудятся ради одной цели – общего блага. Трансформируясь в базовую модель отношения к миру, такая установка на семейственность определяет в дальнейшем социальную позицию человека, ориентируя его на созидательность и гармоничность. Отсутствие этого стремления, как следствие нарушения в мотивационной структуре личности (дисгармония духовного и физического, материального) ведет к дисбалансу формирования индивидуальной и социальной целостности.*

Следует отметить, что родительская любовь не измеряется количеством времени, проведенным с ребенком. На самом деле можно и в краткие минуты

общения влить в его сердечко столько любви и нежности, добра и ласки, которые долгие годы будет согревать его душу. Отношения любви в семье – это, таким образом, пространство свободы, уникальность которого заключается в том, что стремясь к единению, «растворяясь» в другом, человек открывает собственную самобытность, освобождается от своих зависимостей, страхов, эгоизма. Другими словами, семья, основанная на любви, формирует особую уникальную среду, в которой зарождаются и развиваются свободные бескорыстные отношения, построенные на любви, уважении, заботе, ответственности и т.п. Такая семья становится средой, в которой человек учится побеждать в себе корыстные мотивы, состоять в сознательных (ответственных) и разумных отношениях с окружающими. Он учится делиться собой, самым драгоценным из того, что имеет – своей жизнью. Это в свою очередь предполагает кропотливую работу над отношениями в семье, над духовно-культурной природой ребенка. «Какая польза человеку, если он приобретает весь мир, а душе своей повредит» [33].

Получается удивительная вещь, чем больше современный человек «освобождается», бежит от традиционных принципов семейных отношений, своих ролей, тем меньше у него шансов построить и сохранить настоящую семью, стать самим собой, обрести простое человеческое счастье. Поскольку секрет *человеческого* счастья, помещенный в принцип целостности (баланса внутреннего и внешнего, духовного и материального, физического), созиданию гармоничных отношений, состоит в способности любить и быть любимым. А это значит для человека все: свободу, причастность, востребованность, уважение, творчество, радость, ответственность. Это значит научиться жить полной и интересной жизнью, насыщенной позитивными переживаниями и гармоничными отношениями. Другими словами, только в семье, где характер отношений определяется обоюдным стремлением к единению, ребенок, познает и учится удовлетворять собственную потребность в любви, учится строить

гармоничные отношения с близкими и окружающими, вырабатывает созидательную ориентацию на мир в целом.

Семья, ориентированная стремлением к любви, приучает человека быть сдержанней, заботливей, терпеливей, бережливей, мягче, милосерднее, поскольку от этого зависит ее благополучие и развитие. Ее творческая среда (здоровая, созидательная) создает условия для реализации потенциала каждого члена, поскольку здесь ценность *человеческих отношений* первостепенна. В такой гармоничной модели отношений каждый член семьи знает (или узнает) и учится своей ответственности в формировании благоприятных условий для развития близких. Здесь каждый ориентирован активно участвовать в жизни другого, проявляя заботу, внимание, уважение. Лишь при таких обстоятельствах создаются условия для совершенствования каждого члена семьи, формируется ценностная установка личности на целостность, которая трансформируется в жизненную позицию, общественные, а далее и общественные отношения.

Таким образом, созидательный потенциал семьи, как микромоделей общественных отношений, закладывается и проявляется только на основании любви, то есть такого стремления к единению, принятию, участию, свободе, при которых формируется индивидуальная и социальная целостность, реализуется *потенциал человечности*. Именно любовь открывает нашу личность, развивает потенциал ассоциативности, свободы, уникальности, способности объективного видения и отношения к миру. Можно сказать, что *только в семье, построенной на принципах любви, доверия, единения, создается уникальная микросреда, формирующая целостную личность, ориентированную на целостные созидательные общественные отношения.*

Выводы к первому разделу:

Обобщая изложенный материал можно сделать следующие выводы относительно природы человека и условий реализации его духовного (*человеческого*) потенциала, их роли в решении проблемы индивидуальной целостности:

– обращаясь к анализу различных источников (лингвистических, исторических и теологических), приходим к выводу, что уникальность *человеческой природы* заключена в феномене *духовности*, то есть в значении для *человеческого развития духовных факторов* его жизни. Именно *духовность*, как стремление к жизни, любви, единению, творчеству, свободе, воссоздает уникальный *человеческий* образ жизни, наделяет его творческими способностями, объективным мышлением, активным созидательным потенциалом. В метафизическом плане *духовность* не просто соотносится с экзистенциальными понятиями жизни человека, она является ядром, определяющим ее качество;

– многообразие проявлений *духовности*, ее потенциал, свидетельствуют о значении феномена в решении проблемы индивидуальной и социальной экзистенции. Творчество, сознание, свобода, добро, сохранение традиций, заложенных предыдущими поколениями, любовь и уважение, дружба, бережное отношение к природе, бессмертные произведения искусства, оставляющие след в нашей душе и исторической памяти – все это реальные проявления *духовности* в жизни человека. *Реализуясь в фундаментальных потребностях личности, духовность проявляет себя как стремление к любви, то есть принятию, единению, творчеству, познанию, освобождению. Именно эти экзистенциальные установки человеческой жизни составляют ее основание.* Однако, несмотря на мощный преобразующий потенциал, *духовность* требует своего открытия и развития в человеке, поскольку важно понимать, что мало родиться человеком. Путь к *человеку* – это кропотливая работа по воссозданию индивидуальной целостности (то есть объективной

целостной системы восприятия окружающей реальности, наработке конструктивного индивидуального опыта социальных отношений). Здесь формирование внутренней культуры является одним из основных принципов становления личности, в рамках которого человек приобщается к высшим потребностям, воссоздает целостность собственной структуры, самоопределяется в мире.

Соприкасаясь с окружающей реальностью, и, проявляя созидательное отношение к ней, человек открывает и развивает свой духовный потенциал. Можно сказать, что человек настолько человечен, насколько он духовен. Поскольку развитие духовности это высшая степень его развития, ведущая к освобождению, творчеству, направленному на созидание, единение, любовь, принятие мира и себя в нем;

– влияние *духовности* на человеческую жизнь отражается в организации мотивационной структуры личности. Составляя единую целостную систему, духовные, физиологические и материальные потребности *направлены не просто на удовлетворение тех или иных «призывов» организма, но на реализацию основной цели человеческого существования – духовного совершенствования, познания и преобразования себя.*

*Механизм реализации этой системы опирается на принципы иерархии и взаимосвязи духовных и материальных, физиологических потребностей. Это в свою очередь отражается в том, что фундаментальными, то есть базовыми для гармоничного развития человека являются духовные потребности (потребность в любви, принятии, единении, уважении, творчестве, познании и т.п.), они направляют его к данной экзистенциальной цели. Без их удовлетворения он не может реализовать свой потенциал *человечности*. Можно сказать, что вся мотивационная система личности *отражает ее духовное состояние*, обусловленное состоянием удовлетворения духовных потребностей. Поэтому физиологические и материальные потребности, выступают второстепенными и не могут рассматриваться как самостоятельные. Они выполняют*

вспомогательные функции, выступая маркерами, сигнализирующими человеку об отклонении от цели. В таком соотношении духовного и материального, гармоничное развитие человека, раскрытие его внутреннего созидательного потенциала, становится возможным;

– духовные потребности носят уникальный характер. Располагаясь в основании мотивационной системы личности, они требуют глубокой саморефлексии для своего обнаружения. Вместе с тем, именно эти фундаментальные установки, определяют возможность *человеческого развития*. Они *независимы* от объективных факторов: культурных традиций, среды обитания, характера эпохи, и выступают *общими ценностными универсалиями*, установками гармоничного личностного развития (чем актуальней в мотивационной системе человека духовные потребности, тем более полноценной, качественной становится его жизнь и отношения с окружающими).

Такая ориентация обуславливает формирование гармоничной целостной системы мировосприятия человека, позволяет «правильно» расставить ценностные акценты, активизируя его творческие силы. Как следствие – повышение шансов на самореализацию, решение проблемы индивидуальной и социальной целостности (в этой ситуации, ради удовлетворения высших потребностей человек просто относится к депривации потребностей низшего уровня). Поэтому можно сказать, что *лишь удовлетворение этих потребностей ведет к формированию целостной личности, способной к формированию созидательных общественных отношений*. И, наоборот, ориентация на потребности физиологического либо материального характера, вырабатывает эгоистичную потребительскую установку (в этом случае, происходит нарушение баланса духовного и материального, что ведет к минимизации шансов на полноценную реализацию личности и выражается в деструктивном характере его системы отношений). Следовательно, игнорирование духовных потребностей ведет к серьезным проблемам индивидуального, а в дальнейшем

и социального развития. Таким образом, чтобы обрести шанс на решение проблемы *индивидуальной целостности*, стать *человеком*, необходимо открыть в себе *духовность*, признать ее экзистенциальную ценность, освободиться от тех материальных зависимостей, которые превращают человека в потребителя;

– раскрытие духовного потенциала личности (*человеческого потенциала*) это единственный способ открытия, обретения себя, который предполагает постоянное духовное совершенствование, творческую реализацию человека. Поэтому для *человеческой жизни он имеет экзистенциальное значение*. Здесь важно понимать, что жизнь человека это творческий труд над собой. Следовательно, ее смысл, экзистенциальное предназначение человека заключается в постоянном духовном совершенствовании, развитии. Лишь так *он способен познать и раскрыть себя, прийти к единению, целостности*, то есть стать *человеком*, способным к формированию созидательных *человеческих отношений*.

Однако раскрывает свой потенциал по воссозданию *уникальной человеческой* (а в дальнейшем и социальной) *целостности* данный процесс, лишь руководствуясь удовлетворением главной духовной потребности – *потребности в любви*. Принимая ее в качестве единственного условия развития собственной личности, установки на познание и отношение к окружающему миру, себя в нем, наконец, творчеству, человек открывает в себе возможности формирования целостной картины видения окружающей его реальности, без искажений и фрагментации, формализма и стандартизации. Он конструирует объективное восприятие действительности, руководствуясь которым способен воссоздать гармоничную систему отношений.

С такой созидательной, творческой ориентацией человек способен преодолеть формальные шаблоны и ограничения внешнего мира, стать гармоничной, уникальной частицей целостной системы индивидуальных знаний и опытов. Здесь *индивидуальное восприятие и отношение* выступают базовыми аспектами конструирования пространства социальных отношений.

Можно сказать, что на основании системы восприятия-отношения личности и формируется модель участия в конструировании окружающей реальности, происходит становление индивидуального и социального. Поэтому то, насколько гармоничной, творческой она будет, и определяет характер и состояние социальных отношений. Другими словами, человек способен стать *человеком*, принять и дать возможность проявиться другому, лишь испытывая потребность в любви. Только в этом случае он реализует свой потенциал;

– *потребность в любви является комплексной, проявляющей себя в целой системе духовных потребностей, без удовлетворения которых достичь единения (внутреннего и внешнего), прийти к целостности (индивидуальной и социальной) невозможно. Сам принцип единения предполагает ориентацию на целостность, общность. Его реализация опирается на удовлетворение таких потребностей, как: культурное развитие, приобщенность, соучастие (стремление стать частицей общего Целого – членом своего рода, семьи, общины, мира в целом), творческий труд (то есть, прежде всего, духовный труд над собственной системой отношений), познание (прежде всего, себя, поскольку через знание себя, собственных мотивов мы познаем окружающий мир), свобода, порядок (последовательность, соответствие). Без удовлетворения данных потребностей прийти к единению, целостности невозможно, поскольку лишь так человек раскрывает потенциал любви, лишь так приобретает созидательный индивидуальный опыт и формирует целостную систему мировосприятия. В таком значении мы говорим о любви – единственном условии гармоничного развития личности, как об активной, преобразующей и освобождающей творческой силе. Именно на удовлетворение этой базовой духовной потребности, должна быть направлена вся жизнь человека, поскольку именно ориентация на любовь (то есть созидательность, гармонию, единение) определяет качество и перспективность его жизнедеятельности, а, следовательно, и продуктов его творчества – общностей, групп, обществ;*

– как основание духовности, любовь предполагает ориентацию на социальность (отношения, связи). Именно эта установка выступает условием формирования идентичности человека, позволяет ему совершенствовать свой потенциал, формировать крепкие социальные связи. Это значит, что научаясь любить, человек учится брать ответственность за тот или иной выбор в своей жизни, за собственные чувства, мысли, поступки, в целом за себя и те отношения, которые он конструирует. Так, он учится преодолевать внутренние барьеры и ограничения, владеть своими стремлениями, разумно смотреть на мир, *объективно* переживать и воспринимать его во всем многообразии форм и проявлений. В этих условиях формируется созидательная ориентация личности на окружающий ее мир.

В рамках этого процесса происходит трансформация любви из базовой духовной потребности в основание ценностной системы человека. Так постепенно формируется его объективное мировосприятие, понимание ложного и настоящего, реальности и иллюзии. Следовательно, чем более созидательна наша ориентация, тем теснее становится связь с действительностью, тем большей зрелости мы способны достигать, и тем больше шансов на конструирование гармоничных *человеческих отношений* имеем;

– обладая уникальной преобразующей силой, потенциал любви (*человечности, духовности*) требует, как уже отмечалось, своего развития. В этом сложном, кропотливом и длительном процессе участвуют множество факторов, совместно организующих и влияющих на конечный результат – формирование индивидуальной целостности. Однако основными определяющими условиями выступают: *среда*, создающая условия для раскрытия духовного потенциала личности, и *культура*, как система объективных социальных знаний (о себе, жизни в целом), формирующая наше гармоничное целостное восприятие окружающей реальности;

– в качестве условия развития потенциала *человечности, культура* *предстает, как система знаний, отражающих духовные законы жизни*

человека, формирующих гармоничное восприятие личностью себя, окружающей реальности, обнаруживающих человеческий потенциал, и позволяющих поддерживать целостность общественных отношений, их порядок. Иными словами, открывая личности знания о социальной жизни, культура участвует в формировании объективного знания об основных условиях ее перспективного развития – человеческих взаимоотношениях, способах их реализации. Этим культура, по сути, обеспечивает возможность участие человека в поддержании социального порядка. Таким образом, именно культура, как предпосылка духовности, создает условия для раскрытия и развития последней, внося свою лепту в преобразование человеческого потенциала и обеспечивая необходимые условия общественного развития;

– несмотря на мощный созидательный потенциал, культура достаточно хрупкое явление, способное проявить себя и дать долгожданные плоды лишь в условиях особой питательной «почвы», на которой в дальнейшем и «взрастает» наша человечность. Поэтому не удивительно, что в качестве последней выступают те социальные объединения, в которых потенциал любви, принятия, единения, выступает условием их образования. Речь идет, о семье и тех формах общностных отношений, которые построены на семейных принципах функционирования. Данная среда для развития потенциала человека и культурной традиции является наиболее естественной. Поскольку именно в семье, как первичном социальном окружении человека, основанием которого выступает любовь (как стремление к единению), воссоздаются максимально благоприятные условия для его развития, удовлетворения его духовных потребностей. Под благоприятными понимаются такие условия, которые позволяют решить проблему индивидуальной целостности, то есть создать необходимые условия для раскрытия духовного потенциала человека. Поэтому только среда удовлетворяющая потребность человека в любви, и открывающая ему объективные социальные знания (то есть, формирующая культуру личности), способна воссоздать индивидуальную целостность. Таким образом,

уникальность семейных отношений заключается в том, что именно здесь запускается механизм формирования индивидуальной, а в дальнейшем и социальной целостности;

– способом гармоничной комплексной работы культурной традиции и социальной среды, направленным на развитие духовного потенциала личности, выступает процесс воспитания. Именно в рамках последнего способен реализоваться потенциал семьи и культуры. Раскрываясь по принципу: *от культурного воспитания человека к развитию его духовности*, процесс формирования индивидуальной целостности (а в дальнейшем и социальной), разворачивается, таким образом, по следующей схеме. Прививая ребенку культурную традицию общества, как систему объективных социальных знаний в контексте передачи гармоничного социального опыта, семья закладывает предпосылки к развитию его духовности (как стремления к любви, единению, целостности, причастности, развитию), способствует формированию индивидуальной системы созидательных отношений. Последняя в свою очередь, реализуясь в идеях, далее – поступках, взаимодействиях, обеспечивает плодотворное участие личности в социальных отношениях, в формировании социальной реальности. Поэтому то, каким становится «вклад» человека в развитие последней и определяет в дальнейшем ее характер. Последовательно, этот индивидуальный созидательный опыт и знания, синтезированные в его личностной системе отношений, трансформируются в общественные, транслируя на них потенциал гармонии и порядка, и обеспечивая, таким образом, решение проблемы социальной целостности. Иными словами, в процессе формирования личности именно культурная традиция и социальная среда выступают объективными условиями решения проблемы социального порядка, целостности;

– в рамках гармоничного взаимодействия среды и культуры в процессе воспитания, и развивается естественный способ целостного познания мира, позволяющий открывать себя, приходить к внутреннему соответствию,

целостности. Речь идет о *кордоцентризме*, как основном способе гармоничного восприятия окружающей реальности и отношения к ней, единственном способе развития нашей *человечности*. Именно в *сердце* заложен потенциал любви – духовного основания *человеческой сути*. Поэтому лишь *через развитие кордоцентричного познания* раскрывает свой жизненный потенциал любовь, выступающая единственным условием его целостного становления. По сути, в процессе развития кордоцентризма и происходит формирование продуктивной, творческой жизненной ориентации личности, раскрывается ее неповторимость. Поскольку уникальность такого способа познания *предполагает в качестве единственно возможной, ориентацию на любовь, единение (личности, отношений, установок и т.п.)*. Иными словами, пренебрежение ведущей роли любви в раскрытии *человеческого потенциала*, и ее способа познания – *сердца*, делают невозможным решение проблемы индивидуальной целостности.

Раздел II. Макромир в микромире: от человека к обществу

Человеческая духовность не наше изобретение. Мысль человека отображает Мысль космическую, сознание человека отображает космическое Сверхсознание, духовность человека связана с высшим духовным планом бытия... Когда человеческая духовность приходит в состояние дисгармонии со своим первообразом, это влечет за собой духовные и нравственные недуги, духовную и нравственную гибель. Поэтому постепенное возвращение понятия духовности в общественное сознание может стать началом обретения человеком самого себя, утраченного в процессе материалистического самоотчуждения.

Запрограммированная направленность духовности была лишена одной из важнейших прерогатив духа – свободы. А если есть свобода, значит, существуют по меньшей мере два пути – путь к Первообразу и путь удаления от него

Из всех способов прогнозирования общественных тенденций, перспектив развития социального целого, наиболее естественным является изучение природы человека, внутренних механизмов и условий ее развития. В этой ситуации общество выступает фоном, отражающим характер преобразований человека, его установок, ориентаций, стремлений. Другими словами, то, к чему он стремиться, и воплощается в его конечном продукте – системе социальных отношений. Поэтому гармоничность последней, ее целостность зависят в основном от того, на что направлены все внутренние силы, активность личности. Другими словами, чтобы ответить на вопрос, какое будущее ожидает человеческое общество, необходимо выяснить, что выступает стимулом активности человека?

Здесь следует учитывать, что говоря о роли личности в формировании и преобразовании окружающих ее отношений, свободу ее выборов и огромный внутренний потенциал (о котором многие из нас и не догадываются), большое значение в развитии последнего, реализации человеческой активности играют условия ее становления: среда и характер знаний, участвующих в формировании личности. В их продуктивном синтетическом взаимодействии раскрывается основной гармоничный способ развития *человечности* – сердце, запускается механизм созидательного развития – творческий труд. И тогда, движимый голосом сердца, опираясь на его опыт, человек стремиться в своих выборах ориентироваться на целостность, духовное развитие. Однако в

ситуации отсутствия благоприятных условий, объективного знания, любви, неспособный фильтровать предоставляемую миром информацию (на созидательную и разрушительную), человеческий разум, становится основным инструментом развития личности. Он отбирает лишь то, что полезно для реализации его иллюзии, не заботясь о последствиях таких «рациональных» выборов для самого человека, и все дальше уводя его от реальной *человеческой* жизни.

Глава 3. Угрозы *человечности*: превращение человека в потребителя

*...принадлежность к роду человеческому ipso facto дает человеку право дочеловечиваться, то есть воплощать в действительность все потенциально присущие ему человеческие возможности... В этом смысле младенец – не более чем возможный человек, ему еще предстоит дорасти до *человечности*, и в этом ему должны помочь семья, общество и культура*
А.Маслоу

Жизнь человека представляет собой живой творческий процесс, направленный на раскрытие его *человеческого потенциала*. В этом процессе личность учится понимать и принимать себя, окружающую ее реальность, обнаруживает, и стремится реализовать свой потенциал. Вырастая в благоприятных условиях и приобретая необходимые объективные знания об окружающем мире, человек учится выходить за собственные физические пределы, освобождаться и открывать для себя действительность во всем ее многообразии и уникальности, становиться неотъемлемой уникальной частичкой единого Целого. Принимая реальность открыто, человек не бежит, не прячется от вопросов и ситуаций, созданных для его развития. Он делает первые шаги к созиданию окружающего мира и себя в нем. И тогда в этом творческом процессе происходит чудо – реальность с ее отношениями, ситуациями, угрозами постепенно преобразуется в его дом, где нет вражды и конкуренции, где каждый выполняет лишь ему доверенную задачу, где человек есть со-творец окружающей его действительности.

Задумываясь над собственной жизнью (особенно в критические ее моменты), наверное, каждый из нас ощущал настойчивую потребность погрузиться в знакомое с детства состояние любви, принятия, заботы, тепла. Уйти от не всегда комфортной реальности, чтобы почувствовать себя снова маленьким любимым ребенком, забыть о проблемах и кризисах, потерях и неудачах. Сталкиваясь со сложными обстоятельствами, каждый из нас выбирает свой способ их разрешения. Кто-то пересматривает собственную биографию с целью решить возникшие проблемы и идти дальше, а кто-то бежит от пугающей действительности в созданную им виртуальную реальность – иллюзию, где все устроено по нашему усмотрению (игрой нашего разума). Что выбирает для себя человек – реальность и творческий труд над собой или бегство в собственный мир, зависит от того, насколько сильна потребность жить, любить, чувствовать. Насколько сможет человек довериться сложившейся ситуации, объективно оценив ее, взять ответственность и изменить себя, захотеть построить дом, в котором всем будет уютно.

В этом процессе человеческих выборов важно то, что потерять связь с реальностью очень легко, но для ее возобновления требуются серьезные усилия. Причиной тому становится *недооценка значения в жизни человека духовности, духовных потребностей*, удовлетворяя которые личность становится целостной, гармоничной, созидающей, *нежелание* познать и изменить себя, раскрыть свой уникальный *человеческий потенциал*. За этим нежеланием стоит реальная угроза потерять свои корни, предназначение, смысл собственного существования, уйти в иллюзию, так и не реализовав и частицы собственного потенциала.

Если попытаться проникнуть в суть этой глобальной угрозы, то обнаруживается, что за всем этим скрывается подмена работы естественного способа постижения человеком окружающего его мира – сердца, вспомогательным инструментом познания – разумом. Именно в силу такой манипуляции происходит дальнейшая трансформация базовых двигателей

человеческого развития – духовных потребностей (обуславливающих развитие духовности), на их псевдозаменители – желания (продуцируемые разумом человека). Можно сказать, что происходит экзистенциальная подмена жизненного стремления любить, созидать, желанием обладать, потреблять. Не понимая природу и происхождение желаний, того, что за ними стоит, и, идя, таким образом, на поводу у них, человек постепенно заматериализовывается (так как разум есть материализующий орган), превращаясь в желающее существо – потребителя, пожирающего все на своем пути. Его разум конструирует собственную искаженную модель реальности, не имеющую ничего общего с действительностью, заложником которой впоследствии и становится сам человек. И вот, уже вместо одной целостной картины мира, одного дома можно наблюдать множество виртуальных реальностей, противоречащих законам объективного развития, и не способных интегрироваться в единый целостный живой организм – общество *человеческих отношений*.

3.1 Деформация векторов человеческого развития: от жизни к выживанию, от созидания к потребительству

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто.
1Кор.13:1–8

Итак, природа человека, основана на значении для его жизни удовлетворения духовных потребностей, главное – потребности в любви. На данном принципе базируется организация внутренней структуры и механизм гармоничного, целостного развития личности, вырабатываются перспективные ориентации и установки. Поэтому, то, насколько созидательной будет

жизненная ориентация человека, насколько качественно и гармонично он «впишется» в общественные отношения, сможет привнести в них свою лепту, зависит от ряда условий. Прежде всего, *от условий, предоставляющих возможности удовлетворения его духовных потребностей* (в силу чего приобретается индивидуальный созидательный опыт), *объективности транслируемых ему средой знаний*, и того, насколько сильно его стремление их усвоить (сформировать реальное видение мира). Другими словами, созидательность (целостность) жизненной ориентации человека зависит от того, насколько сильной и гармоничной будет его связь с реальностью.

Такое понимание человека, как духовного создания, и окружающей его действительности, как отражения индивидуальных систем отношений, позволяет:

– во-первых, преодолеть формальные границы познания природы личности и общества (то есть человек как культурное создание не имеет конечную точку анализа, за культурой стоит что-то более тонкое, сакральное, и это «что-то» позволяет приблизиться к его уникальной *человеческой* сути), подойти к решению проблемы индивидуальной и социальной экзистенции,

– во-вторых, в аспекте анализа социальных отношений, это дает возможность говорить о работе необходимых условий и механизмов формирования целостного общества, *общества человеческих отношений*, как проекции индивидуальной целостности.

Продолжая наш анализ, отметим, что в структуре личности потребности выстраиваются в определенную иерархию, в рамках которой духовные потребности составляют фундамент индивидуальной структуры (то есть составляют основания подсознания человека), в силу чего, в большинстве случаев осознаются менее отчетливо, чем функционально менее значимые – вторичные потребности. Находясь на «поверхности» мотивационной структуры человека, вторичные потребности являются маркерами-средствами, сигнализирующими о состоянии удовлетворения духовных потребностей.

Другими словами, являются внешними проявлениями внутреннего состояния организма.

Условием работы потребностей человека является их системный взаимообуславливающий характер, направленный на его духовное развитие, то есть реализацию потребности в любви, созидании, жизни, единении. Именно это обуславливает возможность созидательного, гармоничного развития личности, стимулирует стремление человека к проявлению уникальных *человеческих характеристик: социальности, творчества, активности, свободы и т.д.*

Для максимально полной реализации данных характеристик, необходимо наличие определенных условий, стимулирующих становление и раскрытие *человеческого потенциала*, формирование индивидуальной целостности. Речь идет:

–во-первых, о соответствующей *социальной среде*, способной воссоздать благоприятные условия для удовлетворения духовных потребностей (прежде всего, главной человеческой потребности – в любви, отвечающей за духовное развитие духовности личности) и сформировать гармоничный индивидуальный опыт. В качестве таковой выступает *семья*, как базовая наиболее естественная и благоприятная среда, и *общностные объединения*. Уникальность и потенциал последних определяется принципами их функционирования (*принципы семейных отношений*) – *стремлением к единению, соучастию, иерархичности, труду на общее благо, постоянству*, обеспечивающими целостное развитие, как человека, так и социальной группы! *Именно ощущение причастности, стремление к единению с семьей, родом, общиной, формирует восприятие собственной семьи, как крепкого духовного союза, где каждый находится на своем месте, где все живут и трудятся ради одной цели – общего блага, построения и поддержания крепкого оплота отношений. Только в такой среде закладывается формирование целостной личности, решается проблема ее*

идентичности, только здесь человек способен приобрести бесценный опыт человеческих отношений,

–во-вторых, о передаче личности системы *объективных социальных знаний* (культуры), транслируемой средой в процессе ее воспитания, и обуславливающей формирование целостной картины мировосприятия, как функционирующей на основании духовного порядка и объективных законов развития.

В комплексе эти условия запускают механизм формирования индивидуальной целостности, определяющим способом развития которой становится *кордоцентричное познание*. Уникальность работы последнего заключается в ориентации на удовлетворение духовных потребностей и, таким образом, формировании индивидуальной установки на созидание, гармонию отношений, следовательно, на реализацию модели целостного общества.

Таким образом, синтез условий, знаний и способа развития запускает в процессе воспитания личности следующий механизм: *развитие потенциала духовности, как основания индивидуальной целостности, созидательной жизненной ориентации, ведет к воссозданию гармоничных человеческих отношений, как условия становления целостного общества*. Потенциал таких отношений, основываясь на общем стремлении к единению, приобщенности, то есть любви, в свою очередь, и закладывает предпосылки решения проблемы индивидуальной экзистенции – творческого созидательного развития, духовного совершенствования личности. Только в этих условиях можно говорить о решении проблемы индивидуальной и общественной целостности, поскольку как отмечалось выше, человек есть микромир, реализующий себя в своем макропроекте – обществе. Следовательно, для конструирования *общества человеческих отношений* необходимо соблюдение следующих условий развития человека:

– во-первых, осознавать значение духовности в развитии человека, в силу чего его становление направлять на удовлетворение духовных потребностей, обнаружение и раскрытие его *человеческого потенциала*;

– во-вторых, понимать, что без соответствующих благоприятных условий и объективных социальных знаний (культуры) духовное развитие человека становится проблематичным, поскольку не удовлетворяется потребность в любви (единении, принятии). Следовательно, и механизм формирования целостной личности, способной творчески реализоваться и, как следствие, созидать гармоничные *человеческие*, а не потребительские отношения, конструировать целостное общество, не может быть развит;

– в-третьих, *осознавать значение для человека удовлетворения потребности в любви (единении, причастности), стимулирующей стремление личности к духовному развитию, созиданию*. Понять это, оценить всю опасность возникающих угроз *человечности*, можно, если учесть те последствия, к которым ведет ее неудовлетворение.

Итак, стремление человека к единению, соучастию, созиданию, целостности, то есть любви, как уже отмечалось, является наиболее мощным стимулом. Это фундаментальная потребность, которая заставляет держаться вместе членов человеческого рода, семьи, общности, общества. Неудача в ее достижении ведет к проблеме раскрытия *человеческого*, то есть духовного потенциала. Указывая на значение любви в жизни человека, Э.Фромм отмечает, что «быть отделенным значит быть отторгнутым, не имея никакой возможности употребить свои человеческие силы. Быть отделенным это значит быть беспомощным, неспособным активно владеть миром – вещами и людьми, это значит, что мир может наступать на меня, а я при этом неспособен противостоять ему» [14, 5].

Однако основная проблема заключается в том, что, несмотря на экзистенциальность данной потребности, развить потенциал любви для человечества пока остается сложной задачей. Нам проще не любить, не

доверять, не принимать. Поэтому такой недостижимой и непонятной кажется одна из библейских заповедей: «Возлюби ближнего своего как самого себя». Спасает в этой ситуации лишь то, что потребность любить, равносильна потребности жить, которая в человеке настолько велика, что может преодолеть любые барьеры. *Основная проблема здесь кроется в другом, а именно в обесценивании сути и значения любви в жизни человека, в результате чего искажается не просто смысл феномена, но и суть человеческого существования!* Как отмечает Э.Фромм, анализируя отношение к любви в рамках современной европейской культуры: «Для большинства людей проблема любви состоит в том, чтобы быть любимым, а не в том, чтобы любить, уметь любить. Значит, сущность проблемы для них в том, чтобы их любили, чтобы они возбуждали чувство любви к себе. К достижению этой цели они идут несколькими путями. Первый, которым обычно пользуются мужчины, заключается в том, заключается в том, чтобы стать удачливым, стать сильным и богатым настолько, насколько позволяет социальная ситуация. Другой путь, используемый обычно женщинами, состоит в том, чтобы сделать себя привлекательной, тщательно следя за своим телом, одеждой и т. д. Иные пути обретения собственной привлекательности, используемые и мужчинами, и женщинами, состоят в том, чтобы выработать хорошие манеры, умение вести интересную беседу, готовность прийти на помощь, скромность, неприязнательность. Многие пути обретения способности возбуждать любовь к себе являются теми же самыми путями, которые используются для достижения удачливости, для обретения полезных друзей и влиятельных связей. Очевидно, что для большинства людей нашей культуры умение возбуждать любовь это, в сущности, соединение симпатичности и сексуальной привлекательности» [14, 2].

«Подменяя» любовь присвоением, жертвенностью, эгоизмом, корыстью, конформизмом и т.п., человек даже не представляет, насколько далеко отдалается от шанса открыть себя, научиться строить гармоничные

человеческие отношения. Работая на созданную разумом иллюзию о любви, ее фанатичном, жертвенном характере, в конечном счете, мы *формируем кардинально противоположную созидательной, творческой, ориентацию на эгоизм, потребительство, разрушение.* Вся опасность такого иллюзионизма кроется в непонимании последствий, к которым приводит искажение принципа любви – единения ее антиподом – разделением, то есть присвоением, эгоизмом. А поскольку природа эгоизма часто завуалирована, коварна, то зачастую эта античеловеческая ориентация, искусно камуфлируется разумом под стремление к интеграции, но только какой? Другими словами, не за всеми стремлениями человечества к интеграции может стоять любовь. Слияние может быть достигнуто различными способами и иметь под собой различные цели, и различие их имеет огромное значение для жизни человека.

3.2 Желания как механизмы конструирования иллюзорной реальности: деформация человеческого потенциала

Во все времена во всех культурах перед человеком стоит один и тот же вопрос: как преодолеть отделенность, как достичь единства, как выйти за пределы своей собственной индивидуальной жизни и обрести единение. Этот вопрос оставался тем же для примитивного человека, жившего в пещерах, для кочевника, заботившегося о своих стадах, для крестьянина в Египте, для финикийского купца, для римского солдата, для средневекового монаха, для японского самурая, для современного клерка и фабричного рабочего. Вопрос остается тем же самым, потому что той же самой остается его основа: человеческая ситуация, условия человеческого существования
Э.Фромм

Тема желаний становится особенно популярна в работах постструктуралистов (Ж.Делез, Ф.Гваттари, Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Лиотар, Ж.Деррида). Интерес к желанию исследователей символичен, поскольку главным в обосновании механизма его развития является противостояние любой идее структуры, системы, целостности, порядка. Как отмечает французский философ Ф. Гваттари «желание – это все, что существует до

оппозиции между субъектом и объектом, до репрезентации и производства»; «желание не является чем-то получающим или дающим информацию, это не информация или содержание. Желание – это не то, что деформирует, а то, что разъединяет, изменяет, модифицирует, организует другие формы и затем бросает их» [42, 61].

Этимология понятия «желание» (англ. *Wish*, фр. *desire*; нем. *Wunsch*) имеет латинский корень (*desire*), где «*de*» означает «от» а «*sire*» – «Отец, Создатель» и буквально означает – «движение от Отца, Создателя». Функционально желания связывают с сильными эмоциональными импульсами-стремлениями к обладанию кем или чем-либо. Рассмотреть за желанием мощный механизм деформации целостности, угрозу *человечности* и стабильности любой структуры (как личностной, так и общественной), достаточно сложно, поскольку внешне природа желания схожа с потребностью (в силу этого, большинство исследователей часто сталкивались с проблемой их разграничения). Требуется особое внимание, чтобы отличить их. В силу этого, в научном дискурсе до сих пор существует методологическая неопределенность в их трактовке. Так, австрийский психоаналитик З.Фрейд считал, что желания это конкретизированные потребности, которые по своему характеру первичны. Они связаны с первым опытом удовлетворения ребенка, снимающим внутреннее напряжение, вызванное какой-либо потребностью⁵³. В дальнейшем желание продолжает направлять сознание ребенка на поиск объекта, приносящего ему удовлетворение.

Раскрывая механизм работы желания, исследователь отмечает, что опыт его удовлетворения связан с присущим ребенку «состоянием беспомощности». Поэтому его реализация предполагает фантазирование ситуаций, связанных с удовлетворением желания. Другими словами, стремление удовлетворить

---

⁵³ Австрийский психоаналитик З.Фрейд связывал разработку проблематики желания с понятием «влечение» – (нем. *Trieb*), характеризуя его как стремление к удовлетворению неосознанной потребности человека, первоисточника активности организма. Желание всегда имеет, по мнению исследователя, источник энергии (силу), цель и объект на который оно направлено.

желание порождает фантазирование, иллюзию. Поскольку ребенок еще не в состоянии осознать отсутствие реального объекта, то иллюзию, несущую большую эмоциональную нагрузку, воспринимает как реальность. Таким образом, стимулом желания является поиск объекта удовлетворения, хотя оно строится по образу обычной галлюцинации⁵⁴.

Продолжая разработку темы желания, французский постструктуралист Ж. Лакан разграничивает близкие желанию понятия – «*потребность*» и «*запрос*». Он отмечает, что потребность всегда нацелена на конкретный объект и удовлетворяется им. Запрос всегда связан с обращением к другому человеку, даже в тех случаях, если устремлен на объект, поскольку за ним стоит просьба о любви. Желание же, рождается в зазоре между потребностью и запросом. Поэтому оно не сводится ни к потребности, так как не является отношением к реальному объекту, а есть отношение к фантому, ни к запросу. Желание – это то, что остается после запроса, когда он уже удовлетворен. Исследователь отмечает: «Сказать, что желание находится за пределами требования, означает, что оно превосходит его, что оно вечно, потому что его невозможно удовлетворить. Оно навеки неудовлетворимо, поскольку постоянно отсылает к невыразимому, к бессознательному желанию и абсолютному недостатку, которые оно скрывает. Любое человеческое действие, даже самое альтруистическое, возникает из желания быть признанным Другим, из жажды самопризнания в той или иной форме. Желание – это желание ради желания, это желание Другого»⁵⁵ [43, 153–154]. Ж. Лакан, таким образом, также как и

---

⁵⁴ Так, в «Толковании сновидений» Э.Фрейд описывает опыт удовлетворения желания, вводя понятие «тождества восприятия», считая, что человек всегда ищет что-то похожее с тем восприятием, которое было когда-то связано с удовлетворением потребности.

⁵⁵ По мнению Ж.Лакана, подлинное желание обращено не на овладение какими-то объектами (*заменителями любви – курсив мой, Ю.Б.*), а на стремление к слиянию с миром. Слиться с миром – означает получить признание с его стороны, быть любимыми другими людьми. Следовательно, подлинное желание человека состоит в том, чтобы его желал и в нем нуждался Другой: он хочет сам быть «объектом», которого не хватает партнерам по социальной коммуникации, хочет быть причиной «желания» с их стороны. Таким образом, обнаруживается фундаментальная зависимость субъекта от окружающих его людей, от Другого, носителя «символического». Желание оказывается заключенным в символическом, т. е. в языке.

З.Фрейд подчеркивает иллюзорный характер желания, отмечая, что его удовлетворение может осуществиться только в результате снятия, то есть разрушения или трансформации желаемого объекта: например, для того, чтобы удовлетворить голод, необходимо съесть пищу.

Еще один иррациональный вариант идеи желания предлагают Ж.Делез и Ф.Гваттари. Они подчеркивают «машиноподобие» желания, действующего по принципу неравномерной, неритмичной пульсации: оно функционирует как машина и одновременно как производство, связывая бессознательное с «социальным полем». Порожденные в бессознательном, разрушительные продукты желания постоянно подвергаются кодированию, то есть помещаются в правила и нормы общества. Таким образом, общество выступает как регулятор потока импульсов желания, как система правил и аксиом. Желание как «дизъюнктивный поток» пронизывает «социальное тело». В результате функционирование общества превращается в работу механизма, машины [42, 287] по производству желаний. Желание само по себе является одновременно и производством, и продуктом этого производства.

Исследователи вводят понятие «*желающая машина*», под которым понимается самый широкий круг объектов – от человека, действующего в рамках (т. е. кодах, правилах и ограничениях) соответствующей культуры и ей подчиняющегося, до общественных систем. Главное во всем этом – акцент на бессознательном характере действий, как общества, так и человека, свобода которого утрачивается под влиянием власти бессознательного. Желание пронизывает все «социальное поле»: его экономические, политические, культурные отношения. В связи с этим, исследователи отмечают, что «нет желающих машин, которые существовали бы вне социальных машин, которые

Ж. Лакан отмечает, что желание начинает работать, когда ребенок рождается в языке. В этот момент ребенок не просто справляется со своим лишением, принимая его, но и фиксируется на силовом поле желания. Он сам становится объектом своих желаний. Посредством языка ребенок усваивает свои желания. Он начинает включаться в систему конкретного дискурса своего окружения. Даже в одиночестве желание маленького человека успевает стать желанием Другого, который над ним господствует [43].

они образуют на макроуровне; точно так же как нет и социальных машин без желающих машин, которые населяют их на микроуровне» [42, 341]. По мере того, как власть желания проникает в «социальное поле», то есть проявляется в жизни общества, оно «подрывает» стабильность структур. Ж.Делез и Ф.Гваттари отмечают, что, по сути, с одной стороны, под воздействием желаний происходит порабощение производства, человека, общества стадными тенденциями, которые образуются в больших масштабах в условиях данной формы власти, с другой стороны – ниспровержением власти» [42, 366–367])⁵⁶.

Размытость границ понимания желания в рамках постструктурализма не дает четкого представления о его разрушительном потенциале. Обнаружив тему желаний, постструктуралисты смогли рассмотреть за ними реальную угрозу индивидуальной и социальной целостности, но не смогли раскрыть причин опасности, которые кроются в самом источнике их формирования. Поэтому выявить сущность и цели функционирования желаний становится возможно, прежде всего, через раскрытие источника и принципов их конструирования. Попытаемся в этом разобраться.

---

⁵⁶ Своего апогея идея машиноподобия желаний достигла в работах П. Машере («К теории литературного производства») и Т. Иглтона («Критика и идеология»). В работе «Анти-Эдип: капитализм и шизофрения» действие желания понимается, как «производство», реализующееся «машинами желания» - деиндивидуализированными субъектами, безличностными медиумами, через которых в этот мир просачивается мир желания.

Так, в работе Ю. Кристевой («Желание в языке: семиотический подход в литературе и искусстве») тема желаний выражена через анализ энергии либидо, которая, как извержение лавы сокрушает все на своем пути, а остывая, затвердевает и образует преграду своему дальнейшему продвижению. Чтобы освободить себе путь, потоки лавы должны взломать, взорвать застывшую корку. Либидо порождает либо взрывную деструктивную энергию, разрушающую общественные и государственные институты власти, господства и подавления, либо «косные» социальные и семиотические системы, действующие как цепи – символы духовного рабства индивида и его сознания [44].

3.2.1 Источник и принципы функционирования желаний

Желание – отец мысли
У. Шекспир

Исходным моментом анализа проблемы желаний выступает деструктивность, антигуманность принципов их функционирования для жизни человека (и социума в целом). Однако чтобы рассмотреть за желанием его античеловеческий потенциал, необходимо еще раз отметить роль потребностей в развитии личности. Заложенные в качестве естественных стимулов активности, *потребности*, как уже отмечалось ранее, направлены на реализацию *принципа духовного преобразования человека, его творческое развитие, труд* (вследствие чего и жизненно необходимы). *Этот исходный принцип человеческой жизни реализуется лишь в процессе познания личностью собственной уникальности, сосредоточенной в ее способностях, талантах, возможностях. Заложенные в природу каждого из нас, они требуют своего обнаружения, раскрытия и реализации, что возможно лишь в процессе кропотливого труда человека (и социальной среды) над собой, собственной природой, системой отношений к окружающему миру.* Так, чтобы стать писателем, художником, музыкантом и т.п. необходимо учиться этому, работать над своими способностями, развивать их; чтобы вырастить любящих и талантливых детей, нужно приложить усилия и терпение; чтобы быть любимым, необходимо самому любить, то есть работать над отношениями.

Можно сказать, что установка на труд является жизнеутверждающей установкой человека. Именно труд как акт проявления уникальной *человеческой* природы, раскрывающей себя через социальность, способность к культурному развитию, познанию, творчеству, объективному постижению реальности, сопровождает развитие каждой из них. Каждый акт человеческой жизни предполагает труд, то есть определенные усилия личности. Мы учимся ходить, говорить, познавать окружающий мир, мы впитываем в себя определенные знания о нем, о себе, учимся взаимодействовать, осваиваем

социальные роли, приобретаем профессиональные навыки и проч. Другими словами, удовлетворение любой из человеческих потребностей предполагает труд. Без него невозможно гармоничное развитие, невозможно даже физическое функционирование организма. *Поэтому в качестве основного принципа реализации человеческого потенциала и выступает труд – кропотливая работа по обнаружению и реализации своих духовных потребностей, возможностей* – процесс познания себя.

В этом процессе обнаружения себя настоящего, слияния с прообразом, сердце (кордоцентричное познание) выступает путеводителем, способом постижения. Можно сказать, что труд над собой – есть единственный способ научиться слышать свое сердце, открывающее условия целостного становления личности, указывающее путь ее творческого развития. Другими словами, реализация духовных потребностей человека вырабатывает установку на труд, проявляющую себя в его системе отношений (к себе, окружающему миру). Ее развитие позволяет нам познавать принципы любви, единения, ответственности, доверия, ощущать свой потенциал. Она позволяет осознавать и принимать *необходимость в труде*, в качестве единственного способа реализации человеческого потенциала, снимая, таким образом, нашу эгоцентричность, ориентируя нас *на окружающих* (их потребности и переживания). Весь этот духовный потенциал личности, обнаруживаемый благодаря развитию кордоцентричного познания в процессе развития *установки на труд* (мы ощущаем свои возможности, способности, стремимся реализовать их), и отражает условия *человеческой* реализации.

В отличие от потребностей *природа желаний базируется на принципе искажения* (условий и принципов реализации человеческого потенциала). *Желание деформирует само условие целостного духовного развития – труд, работу над собой. Оно исключает его из практик освоения окружающей реальности, ориентируя весь потенциал человека на ее обладание, использование, присвоение. Отношение использования, ориентация на него*

путем исключения, минимизации необходимых усилий со стороны человека, направленных на получение желаемого «здесь и сейчас», становится базовой установкой желания. Такое искажение деформирует характер отношений человека к окружающей его реальности. Под призму искажения попадает все, что окружает личность, что составляет ее природу – фундаментальные духовные потребности (прежде всего, потребности в любви), условия ее целостного развития – объективное восприятие реальности и способы ее познания. Таким образом, желание выступает механизмом деформации человеческого потенциала. Оно становится условием формирования иллюзии жизни, в которой не нужно трудиться, совершенствовать себя, поскольку достаточно лишь сильно захотеть⁵⁷. Другими словами, желание становится точкой разрыва между реальным Я человека и искусственно созданным фантомом, исходным моментом в формировании эгоистической ориентации на использование окружающего мира, реализацию его «хочу» любыми возможными (и невозможными) способами. Однако в силу чего происходит эта чудовищная подмена смыслов и ориентиров человеческой жизни? В силу чего человек принимает эрзац, подделку за реальность, желание за потребность?

Механизм конструирования желаний реализуется в процессе познания человеком окружающего его мира. В этом контексте и формируется установка личности не на познание, обнаружение и реализацию своего духовного потенциала (познание себя, своих способностей, уникальности), то есть труд, а на стремление к обладанию, использованию. Последнее является результатом принятия человеком иллюзии о себе, как лучшем, превосходном. В силу этого сама установка на обладание и есть гарантия достижения желаемого, необходимо лишь поставить перед собой цель – хочу получить, и результат будет достигнут. Иллюзия иллюстрирует нам способ развития, реализующийся

---

⁵⁷ Современные популярные методики материализации желаний построены на принципе: *стоит сильно захотеть и желаемое станет моим*. Вариаций их реализаций может быть множество, у каждого программа своя. Однако общее в этом процессе конструирования иллюзорной реальности то, что исключается необходимость труда по достижению желаемого, с момента ее возникновения все силы человека направляются на ее реализацию.

в эгоистичной ориентации на использование окружающего мира (первичный нарциссизм в терминологии Э.Фромма)⁵⁸.

Ранее мы уже останавливались на анализе механизмов формирования иллюзий, в основании которых и лежат *желания* ((см. главу 2.1.4 б) Разум: конструирование иллюзорной реальности). Напомним, что данная ситуация актуализируется когда фундаментальная духовная потребность в любви – не удовлетворяется (то есть условия становления человека не благоприятны, не ориентированы на его духовное развитие). В этой ситуации, отсутствие опыта гармоничных *человеческих отношений* (то есть опыта любви) и объективных социальных знаний, затрудняют развитие кордоцентрического познания (открывающего потенциал духовных потребностей личности), стимулируют поиск человеком «альтернативы». Такой «альтернативой» становится инициатива разума (эта ситуация особенно популярна в современном обществе, где интеллектуальное развитие выступает основным акцентом в формировании личности). *Принятие рационального познания в качестве основного источника*

---

⁵⁸ Формирование предпосылок данной ситуации происходит, как уже было отмечено, в процессе становления мотивационной структуры личности, когда благоприятность социальной среды (семьи и общественных отношений) оказывает определяющее влияние на развитие жизненных установок и ориентаций человека. Отсутствие созидательных условий развития личности (отсутствие родителей, их деспотичность, невнимание к ребенку, неспособность построить гармоничные семейные отношения и т.п.), стимулирует стремление получить необходимую любовь, искать ее. Если на протяжении какого-то времени ситуация не изменяется (то есть потребность ребенка в любви не удовлетворяется), тогда сознание подсказывает способы стать любимым, желаемым, то есть происходит формирование ориентации на поиск антипода любви – служение, что вызывает страх и желание во что бы то ни стало удовлетворить свое стремление. Ощущение, *что желаемое может быть ограниченным, вызывает беспокойство и недоверие к окружающим*. Желание самому стать объектом желания (подтвердить свое превосходство) становится основным стимулом жизни человека. Получить, во что бы то ни стало, вопреки всему. Паразитируя на фоне отсутствия опыта позитивных чувств, эти опасные переживания становятся мощными стимулами для поиска способов и вариантов «получения любви» любыми средствами. А поскольку выбор в интерпретации реальности сделан в пользу разума, то возможности объективного познания ситуации строго ограничены (задача разума – поверхностно оценивать ситуацию, он не способен проникнуть в ее суть и дать действительно объективное видение картины), поэтому в качестве единственного шанса преодолеть страх предлагается иллюзия. Эта искусственно сконструированная искаженная реальность рисует картинку идеального мира, ситуации, условий, где все меня ценят, восхищаются, убажуют. Здесь я – основная ценность, эпицентр жизни, поэтому все в этой иллюзии только для меня. Я лучший, избранный и это факт, не терпящий опровержения.

постижения реальности и обуславливает нарушение механизма целостного развития личности, стимулирует ориентацию на удовлетворение желаний, обесценивает саму установку на духовное развитие. Стимулируя развитие иллюзий, разум конструирует не реальное видение желаемого объекта (себя), ситуации (их суть), а их искаженное поверхностное представление⁵⁹, самообман, в котором настойчиво убеждает человека. Другими словами, принимая авторитет разума, который не имеет опыта любви, поскольку функционально способен лишь оценивать окружающий мир с позиций пользы, выгоды/ бесполезности, человек принимает искажение принципа любви (то есть единения), подменяя его служением (отделением, индивидуализацией, то есть эгоистической ориентацией)⁶⁰. Так закладывается противоположная созидательной, потребительская (эгоистичная) ориентация, направленная на разрушение духовного потенциала личности. Так формируется установка человека на развитие антипода любви – служения, как эгоистической, потребительской стратегии поведения. Не зная, что любовь не может быть корыстной, не требует доказательств, оценок и жертв, разум предлагает человеку поверить в эту ложь, направляя все его силы не на творческое развитие и укрепление духовных связей с окружающим миром, а на нарастание зависимости, рабства от желаний.

В этой сделке, которая стоит человеку жизни, он принимает созданный разумом соблазн, желание о собственном превосходстве за реальность, присваивая вверенные ему для развития и совершенствования таланты,

---

⁵⁹ Стремление к иллюзорному восприятию действительности, «облегчающему» жизнь самообману всегда подразумевает зрительное восприятие, поскольку основу самого понятия «иллюзия» составляет латинское слово *lux (lucis)* – свет.

⁶⁰ Переживать любовь, принимать и отдавать ее, и таким образом, приобретать опыт гармоничных человеческих отношений и формировать искаженное представление о ней, не имея реального опыта – вещи несовместимые. Для формирования продуктивных отношений, для целостного развития человека, знания и опыт должны быть объективны, реальны, должны соответствовать и дополнять друг друга. Иначе невозможно становление индивидуальной целостности, иначе формируется зависимость от иллюзии, навеивающей искаженное видение ситуации. Другими словами, не зная, что такое любовь, и не имея опыта удовлетворения данной потребности, разум предлагает человеку ее эрзац, подделку (в виде желания служения). И принимая эту ложь, человек добровольно приносит себя в жертву.

способности. Он принимает иллюзию служения за единственно желаемую модель отношений, в которой он эпицентр, основная ценность, ему не нужно трудиться над собой, познавать и раскрывать свой потенциал. Его основная задача теперь состоит не в самосовершенствовании, а в доказывании окружающим своего превосходства над ними, умении заставить их поверить в иллюзию его избранности. Следовательно, это желание служения (превосходства) и становится *основной жизнеутверждающей установкой его дальнейшего развития.*

Таким образом, *желание представляет собой рациональный способ реализации эгоистических мотивов человека, ориентированный на материализацию иллюзии собственного превосходства. В этой ситуации формируется состояние диссонанса, несоответствия между реальными возможностями человека и его иллюзорными стремлениями (желаниями), в результате чего деформируются, искажается сама цель его развития, смыслы и направленность жизни.* Из экзистенциальной установки на раскрытие собственного потенциала, познания себя и окружающего мира, творческой реализации она трансформируется в эгоцентричную ориентацию на получение личного блага, создание идола, кумира, реализация которого обеспечивается «необходимой жертвой» – служением, обесцениванием *человеческой жизни, ее материализацией.*

Иллюзия превосходства убеждает человека поверить в то, что все, чем он наделен, свидетельствует о ее реальности, что для реализации желания превосходить, не нужны усилия и труд, нужно лишь сильно этого хотеть. И человек принимает этот соблазн, изменяя вектор своего развития. Здесь следует отметить, что одно только осознание необходимости труда способно аннулировать мощь и силу желания, снять внутреннее напряжение и позволить человеку увидеть реальную ситуацию. Такой фон способна создать любящая семья, которая направляет все усилия на преодоление эгоистических мотивов личности, труд над собой, ее духовное совершенствование. Такая творческая

работа по познанию себя, становлению личности, раскрывает потенциал кордоцентрического познания, обнаруживающего стремление к любви, участию, освобождению от влияния разума с его неограниченным арсеналом желаний и иллюзий.

Сама иллюзия собственной избранности, превосходства есть самообман, в который предлагается человеку поверить. Причем в зависимости от особенностей и уникальности каждого из нас, ее основания тоже отличны. Для одного они представлены в блеске славы и собственного величия, которые дает карьера, для другого – в материальной независимости, для третьего – в возможности полной безответственности за собственные поступки и т.д. Выбор оснований иллюзии предлагается человеку в зависимости от его потенциала, способностей. Единственным общим моментом данных программ становится исключение необходимости усилий со стороны человека по достижению желаемого превосходства. Здесь работает лишь сила желания, для реализации которого подходят все средства.

Используя, таким образом, человека как средство материализации собственных целей-программ, разум уводит его от пути творческого развития, играет с ним, испытывая на твердость веры. Его основная задача – найти наше слабое место, сокровенное желание – в чем-то превосходить других, чтобы создать иллюзию о способах его достижения, от соблазна которой мы не способны отказаться, принимая ее за единственный способ жизни. Опасность реализации такой программы заключается в том, что иллюзия, желание возникают на фоне вполне реальных оснований – тех уникальных способностей, талантов, которые заложены в природу каждого из нас, на искажении которых они и паразитируют. Ты хорошо рисуешь (поешь, читаешь, танцуешь и т.п.), другие делают это хуже, значит ты особенный, ты лучше других – убеждает нас разум. При отсутствии благоприятной любящей среды, человек хватается за эти мысли о возможном превосходстве, как за реальный шанс реализовать желание служения. С этой целью, разум убеждает нас

поверить в того, что весь уникальный потенциал, которым мы обладаем – наша заслуга, результат наших трудов, а значит, предназначен для реализации нашего превосходства, идола, служению которого необходимо подчинить всех и вся (включая самого человека). И это есть основная цель нашей жизни.

Движимый этим желанием, человек даже не задумывается над тем, что каждый из нас уникален, что то, что дается ему с такой легкостью и радостью (математические способности, прекрасный слух либо умение рисовать) есть дар, требующий своего постоянного совершенствования. Что каждый наделен своим даром, развивать и делиться которым основная задача человека. Что одна только мысль о том, что это «наша заслуга», «мое достижение» способна остановить процесс творческого развития. Такое объективное восприятие ситуации неподвластно рациональному познанию, фрагментирующему и программирующему целостность картины мира. Его развитие требует времени и усилий со стороны человека, а иллюзия представляется соблазнительной и доступной «здесь и сейчас». И человек принимает этот фантом.

Само принятие иллюзии о собственном превосходстве есть отказ от реальности, отказ трудиться над собой. Это делает человека ведомым, позволяет манипулировать им посредством создания все новых и новых желаний, подкрепляющих его иллюзию о себе, уводит его от пути духовного совершенствования, раскрытия потенциала. Прельщенный иллюзией, человек и не предполагает, что в *создании подобных соблазнов-ловушек и состоит целевая программа разума, конечным пунктом которой является превращение его в жертву самообмана, его духовная (а в дальнейшем и физическая) смерть.*

Таким образом, для реализации своей рациональной программы архитектор «индивидуализированной реальности» деформирует видение личностью объективных социальных законов и категорий, искажает принципы и условия его *человеческой* жизни. Взамен реальной картине мира он предлагает фантом, блокирующий возможность воспринимать окружающий

мир объективно⁶¹. Такое искаженное видение является, по сути, с одной стороны, условием потери свободы творчества, а с другой – условием закрепления авторитета разума, принятие которого и не позволяет человеку выходить за границы созданного им автономного мира. С этой целью разум и конструирует те или иные ограничения, которые только мы и воспринимаем за реальные (но не другие люди!)⁶². Следовательно, и реальной наша иллюзия является лишь для нас!

Таким образом, посредством желания доказать собственное превосходство, иллюзия разума деформирует установки гармоничного развития человека, ведет к серьезным проблемам в реализации его потенциала. Она блокирует работу кордоцентрического познания (как способа решения проблемы индивидуальной (и социальной) целостности), уводя личность от

---

⁶¹ *Питающее иллюзию о собственном превосходстве желание служения* есть ложное, искаженное представление о себе, окружающей реальности, ее законах, покупаясь на которое человек попадает в слепую зависимость, становится ведомым, конформным средством рациональной программы. Он не владеет собой, его выборы определены прагматичными критериями оценки полезности/ бесполезности, он не в состоянии контролировать собственное желание, которое превращается в нескончаемый жадный поток импульсов-напряжений. В стремлении к превосходству, служению, желание выступает рациональным рычагом, заставляющим человека искать «наиболее эффективные» способы удовлетворения. Это довлеет над ним, блокирует его развитие, заставляет отказываться от фундаментальной потребности реализовать в себе потенциал любви (то есть раскрыть себя настоящего, уникального), обесценивает опыт гармоничных человеческих отношений. Неудовлетворенное «хочу» превращается в навязчивую идею, пульсирующую в сознании в бесконечном потоке мыслей. Нераспознанное, желание, как инструмент разума, заставляет человека искать способы реализовать иллюзию превосходства, каждый раз, настойчиво напоминая о себе ощущениями неудовлетворенности, беспокойства, тревоги. Так посредством желания разум стимулирует развитие рациональной установки личности на минимизацию труда, усилий, по достижению желаемого, ориентирует получать желаемое мгновенно, не задумываясь, что за этим стоит и действительно ли оно так необходимо.

⁶² Ориентация на искажение принципов любви (служение) играет с человеком злую шутку. Она лишь усиливает его зависимость от мнений и оценок окружающих, заставляет отказываться от себя настоящего. Он постоянно ищет способы заставить других поверить в его избранность, доказать им свое превосходство, чтобы в дальнейшем стать вершителем судеб других. Вариантов реализации такой стратегии множество, от установки на публичность (крайняя форма проявления этого – чрезмерное стремление к публичным практикам: в профессии, образе жизни и т.п.), до практик ухода от реальности (эскапизм, отшельничество, игро-, нарко-, таксикомании, криминал и т.п.). В любом случае такая стратегия направлена на нарастание зависимости от мнений, настроений, оценок окружающих, формируя конформистскую ориентацию. Поскольку чтобы быть желаемым нужно нравиться.

решения ее экзистенциальных проблем – счастья, доверия, творческой реализации. Способный лишь на оценку полезности, прагматизм, разум ориентирует человека на эгоцентричные интересы, ведущие к материализации его потенциала – духовной смерти. И только любовь, живущая в нашем сердце, как стремление к приобщенности, единению, соучастию, жизни, гармоничности отношений, позволяет одновременно, обрести внутреннее единство и единение с ближними, и в то же время сохранить свободу и целостность, как условия полноценной, созидательной жизни.

3.2.2 Превращение человека желающего: механизм конкретизации иллюзии превосходства

*«...поскольку желаний бесконечное множество, то человек, старающийся удовлетворить их все, теряет и покой, и свободу»
Платон*

Опасность желания заключается в том, что человека соблазняет само отсутствие необходимости быть ответственным за свои мысли, выборы, поступки. Вопрос ответственности здесь снимается в принципе. Иллюзия превосходства убеждает человека в том, что за все его «хочу» отвечать будут другие, что реально только желание, о последствиях которого не стоит задумываться. Соблазняясь этой псевдосвободой, человек стремится реализовать ее посредством удовлетворения желаний. Принимая самообман за реальность, он ориентирует всего себя на получение «заменителей» любви (симулякров в терминологии Ж.Бодрийара), а не саму любовь, ее искаженный вариант – *служение*. Этим он лишает себя шанса созидательного творческого развития, делая выбор в пользу фантома, в котором он – главный, первый, лучший, стремиться доказать это другим, чего бы это ему не стоило. Все свои силы, способности, таланты он обращает на служение иллюзии и становится

добровольным рабом, для которого реальна только одна цель – реализовать желание не взирая ни на что⁶³.

Условием получения желаемого становится недоверие окружающему миру, рациональная оценка каждого его проявления. Другими словами, все, что идет в разрез иллюзии превосходства, не принимается, оценивается, то есть воспринимается человеком на свой счет. Вместо ориентации на поиск и дальнейшее развитие опыта гармоничных переживаний, чувств (то есть любви), он ориентируется разумом на ложные оценки окружающих, отбирая для себя то, что полезно и выгодно для реализации иллюзии. Поэтому ориентированный на авторитет разума, человек слепо следует иллюзии, конформно адаптируясь к мнениям других, чтобы достигнув их расположения, оценки, стать таким, как угодно. Единственная цель такого конформизма – реализовать, наконец, свое желание – став идолом (объектом желания других), заставить окружающих служить себе.

Другими словами, выбор рациональных ориентиров человеческого развития ведет к установке на «как можно больше потребить, ничего не давая взамен». В его сознании формируется искаженное желанием представление – *окружающий мир эгоистичен, здесь «любят» (то есть служат) за что-то, поэтому для получения желаемого необходимо использовать все, чем ты наделен, все, что тебя окружает*⁶⁴. На «защиту» своей иллюзии разум

---

⁶³ Часто ребенок может устраивать истерики, как нам взрослым кажется, по пустякам, требуя ту или иную игрушку, просмотр мультфильма, игру и т.п. Однако за всем этим протестом стоят гораздо более серьезные мотивы, связанные, как правило, с желанием обратить на себя родительское внимание, получить таким образом «частичку» родительской заботы и любви.

⁶⁴ Иллюзия рисует картинку реальности, в которой могут быть (в зависимости от условий воспитания) разные сценарии развития. Так, например, иллюзия человека выросшего в семье, где вместо любви, принятия и доверия царил агрессия и неприязнь, говорит о том, что *жизнь – это борьба, конкуренция за свое место под солнцем, и это место только одно. Следовательно, чтобы занять его, нужно толкаться, нужно выжить, во что бы то ни стало, нужно быть особенным*. А деспотичная модель отношений родителей диктует: *мир агрессивен, поэтому лучше приспособливаться под него, не проявлять себя, а жить за счет проявлений других*. Таким образом, в сознании человека формируется иллюзорное представление об агрессивном, несправедливом мире и необходимости приспособиться к нему, чтобы реализовать свое желание. Это стимулирует соответствующую активность

запускает основной инструмент – страх, задача которого заблокировать любую возможность раскрыть это искажение. Страх перекрывает голос сердца (кордоцентричного познания), позволяющего преодолеть барьеры и ограничения целостному развитию человека, обнаружению и реализации его духовных потребностей. Идя на поводу у страха, он усиленно ищет способы заставить других служить его желанию, самому стать идолом, ошибочно полагая, что это принесет удовлетворение, снимет гнетущее чувство внутренней пустоты.

Как и все в рациональной программе, этот страх конкретизирован. По сути, он выступает эмоциональным маркером искажения принципа любви, которое допускает человек, ориентируясь на разум. Это страх несоответствия своего реального Я той иллюзии, которую человек принимает и пытается реализовать. Страх раскрыть искажение допущенное человеком в сделке с разумом. Другими словами, это страх ответственности за свой разрушающий выбор, который гонит человека до тех пор, пока тот ориентируется на иллюзию превосходства, то есть желание доказать собственное величие.

Делая выбор в пользу собственного «хочу» человек не задумывается о реальных последствиях. Ориентируясь на желание служения, а не потребность любить, он добровольно впускает в себя страх, который в дальнейшем и определяет его выборы. Он боится быть раскрытым в своих намерениях, поскольку заключив чудовищную сделку с совестью, добровольно принес в жертву идолу собственную жизнь, превращая ее в рационализированную программу. Следовательно, желание стать идолом, кумиром сопровождается страхом ответственности, разоблачения окружающим миром иллюзии разума, обнаружения и принятия себя настоящего. Поэтому неразрешенность проблемы ведет к тому, что по мере закрепления иллюзии, в сознании человека растет и страх, следовательно, все больше начинают конкретизироваться способы ее материализации. Другими словами, механизм развития *желания служения* (как

человека, несущую разрушающий характер, поскольку ради получения желаемого человек готов идти на крайние меры - подавление окружающих, обман, конформизм и т.п.

желания-цели) *начинает находить свое выражение в более конкретизированных желаниях (желаниях-средствах), направленных на обладание какими-то конкретными объектами – деньгами, едой, вещами и т.п.*

В отличие от потребностей, желания-средства не определяются условиями *человеческого* развития (например, мне нужна новая машина, так как старая уже вышла из строя). Они вызваны *стремлением реализовать программу разума по разрушению духовного потенциала личности, путем материализации идола, кумира (то есть доказательства собственного превосходства)*. Здесь работает следующая логика: «мне нужна не просто машина, я хочу дорогостоящее престижное авто, чтобы оказать впечатление на окружающих, повысить свой статус, закрепить собственное преимущество в глазах окружающих!»⁶⁵.

Другими словами желания-средства выступают средствами материализации иллюзии превосходства. Производные от *желания служения*, они имеют *нелимитированный во времени и объеме характер, поэтому их никогда нельзя удовлетворить полностью. С удовлетворением каждого нового конкретизированного желания, приходит новое. И вот уже человек неудовлетворен своим уровнем доходов, своим досугом, работой, его не устраивают его отношения с близкими. Он ищет нового, более «достойного» его окружения, занятия, дохода. При этом, он не замечает, что параллельно с исполнением каждого его «хочу» (конкретизированного желания) страх лишь нарастает, поскольку за каждым исполненным желанием стоит*

---

⁶⁵ Это полностью противоречит целям и характеру духовного развития человека (то есть реализации его потребностей). Мы можем иметь потребность в пище, тепле, заботе, любви, поскольку это необходимо для нашего развития, без конкретизации (чтобы расти, я должен есть, но это не значит, что в моем меню должно быть только мясо, конфеты или анчоусы). С потребностью все просто: я нуждаюсь в пище в целом для поддержания необходимого уровня полноценного функционирования организма, но она для меня не самоцель, поскольку для меня важна сама возможность развития своего *человеческого* потенциала. Нуждаясь в любви и заботе, я нуждаюсь в теплых *человеческих* отношениях, в их опыте, а не в том, чтобы мне служили, угождали и выполняли мои требования. Поскольку, не давая, а лишь беря, потребность трансформируется в желание.

обесценивание сути его человеческой жизни (любовь, друзья, любимое занятие и т.п.), которую он приносит на жертвенник служения идолу.

Таким образом, диалектика желания *служения* такова, что его удовлетворение (посредством реализации конкретизированных желаний) не приводит к исчезновению самого стремления (т. е. исчезновению первичного импульса). Наоборот, это ведет к возникновению все новых и новых его объектов (деньги, престиж, слава, вещи и т.п.). Разум активизирует потенциал человека на их реализацию, каждый раз убеждая его в том, что это его свободная воля, выбор, изъявление. Блокируя работу потребностей, желания-средства претендуют на роль их *«заменителей»* (игрушки для ребенка вместо общения с родителями, деньги и власть вместо гармоничных супружеских отношений, карьера вместо творческого роста). Однако *основная их задача заключается в заиклировании человеческого потенциала на материальном, с целью его разрушения, деградации.*

По сути, человек превращается в зависимое от самого процесса потребления существо, тотального потребителя, чей неумный аппетит постоянно нарастает, вызывая сложный внутренний конфликт, напряжение, заикленность. То есть растет его эгоистическая установка на разрушение, присвоение, обладание окружающим миром, его самолюбие, но не сам человек⁶⁶. Растет эгоистическая потребительская ориентация человека. Она

---

⁶⁶ Анализируя природу эгоизма (нарциссизма) Э. Фромм отмечает, что «первичный нарциссизм – обычное явление, соответствующее нормальному физиологическому и умственному развитию ребенка. Но нарциссизм встречается и в более поздние периоды жизни («вторичный нарциссизм») – в тех случаях, когда у растущего ребенка не развилась способность любить или он утрачивает ее. Нарциссизм является глубинной основой всех тяжелых психических заболеваний... для человека, подверженного нарциссизму, существует только одна реальность – его собственные мысли, чувства и потребности. Он не переживает или не воспринимает внешний мир *объективно*, т. е. как существующий со своими отношениями, условиями и потребностями. Крайние формы нарциссизма можно наблюдать во всех видах психической патологии. У душевнобольного человека утрачен контакт с миром; это человек, ушедший в себя, он не может воспринимать реальность – будь то реальность физического мира или мира людей – такой, *как она есть*. Его восприятие действительности обусловлено внутренними процессами и формируется ими. Он не реагирует на окружающий мир, а если и реагирует, то его реакция определяется не реальностью *этого мира*, а

закрепляется в представлении, что окружающий мир обязан предоставлять ему то, что он хочет, необходимо лишь требовать желаемое. В такой зависимости человеку сложно увидеть и осознать, что именно он ответственен за разрыв отношений с окружающими, причиной которому послужили его претензии. Иллюзия превосходства и жажда обладания желаемым не позволяют увидеть ситуацию объективно. Все, на что остается способен человек в этой заикленности, это лишь оценивать степень ответственности других, которые мешают реализовывать его желания. И только стремление к единению, способно разорвать этот чудовищный замкнутый круг⁶⁷.

Таким образом, взамен свободе и любви, целостности и гармонии, ориентация на желание *служения* и его дальнейшая конкретизация актуализирует негативный эмоциональный комплекс переживаний – страх, неудовлетворенность, пустоту, одиночество и зависимость, накапливаемые от нереализованности потребности в любви, и формирующие духовный вакуум. Постоянно нарастая, последний лишь усиливает работу «конвейера желаний», а, следовательно, сокращает возможность освобождения, единения с миром, проявления человеческой уникальности, способности взглянуть на окружающую действительность не искажая ее. Поэтому каждый раз с еще большим рвением человек эксплуатирует свой потенциал для получения как можно больше заменителей⁶⁸, которые со временем превращаются для него в

исключительно течением его собственных мыслей и чувств. Нарциссизм прямо противоположен объективности, разуму и любви» [12, 47-49].

⁶⁷ Потребность в любви, единении равносильна потребности в жизни. Исследования показывают, что детеныши млекопитающих, лишенные в первые недели жизни родительской ласки, быстро чахнут и погибают, даже если им предоставляют кров и пищу. Дети также нуждаются в этом. Однако если в грудном возрасте ребенок, хоть в какой-то мере получает физическую ласку от своих родителей, то в большинстве случаев по мере его взросления, из-за отсутствия в семье гармоничных отношений, физический и эмоциональный контакт с родителями может ослабевать. Для большинства современных семей к сожалению эта ситуация типична, различны лишь «извиняющие обстоятельства» – родительская усталость, профессиональная занятость, стремление к обеспечению ребенка «благами общества» и т.п. Однако такие объяснения лишь слабое оправдание собственному эгоизму.

⁶⁸ Так, «откупаясь» от ребенка, компенсируя отсутствие заботы о нем исполнением его желаний (предложением игрушек, сладостей, денег, поездкой на каникулы, позволением с утра до вечера просиживать у телевизора и т.п.), родители собственноручно запускают

фиксирующие внимание, конкретные объекты: пища, внимание, секс, информация, власть, престиж, деньги, собственность, драгоценности, территории, влияние, чужие жены и мужья, опыт или предметы коллекционирования. Так человек лишь продолжает подкреплять иллюзию о том, что накоплением всего этого он докажет свое превосходство, а следовательно, ликвидирует духовный вакуум.

Однако каждая новая реализация конкретизированных желаний не приносит ощущения удовлетворения, не делает человека счастливым, поскольку не приближает его к любви, а, наоборот, позволяет ощущать, что заменитель не идентичен первоисточнику. Привычка фокусировать внимание на самом стремлении получить желанный объект (или его заменитель), заставляет его каждый раз переключаться на новый объект. В силу этого сама окружающая реальность из уникального символического мира превращается в рутинный набор знаков – желанных объектов, вещей полезных и бесполезных. Таким образом, чем больше заменителей человек получает, не удовлетворяя потребности в любви, тем в большей зависимости от них находится, тем более искаженной становится призма его восприятия окружающего мира. Он не способен отличить истину от лжи, не способен ценить любовь и заботу близких, его не устраивает его работа. Он уверен, что достоин большего, лучшего и т.д. Принимая иллюзию превосходства за реальность, человек отказывается от ответственности за собственную жизнь. Он нарушает целостность и гармонию социальных отношений, вносит лепту в разрушение

работу конвейера желаний. Многие родители время от времени прибегают к таким методам «защиты» от нуждающегося во внимании и любви ребенка, но для детей, чья потребность в любви не удовлетворяется, это становится условием ее искажения - служением. Ощущая, что вместо настоящих ценностей ему предлагаются заменители, он может отвергать их (резиновые соски выплевываться, а незнакомые люди встречаться настороженно). Однако если потребность в любви необходима для его развития так и не удовлетворяется, он начинает постепенно принимать заменители за реальные вещи или истинные ценности, как бы компенсируя духовное (отношения любви, принятия, заботы) материальным. В результате, такие бартерные отношения, когда родитель готов выполнять желания ребенка за собственный «покой», постепенно начинают восприниматься как нормальные (опыта других отношений ребенок просто не имеет). Потребление становится смыслом жизни пока что маленького человека, убеждая его, что так устроен мир.

существующего духовного порядка, тех связей, которые делают его уникальной частицей единого Целого – семьи, рода, общины, общества, мира. Такая установка становится движением к его духовной смерти, утрате главного дара – *человечности*. В этом смысле, зависимость от желаний и охраняющих их страхов, выступает духовным рабством. Она превращает его мысли и действия в автоматизированный конвейер по производству все новых желаний, контролирует который страх. Последний охраняет зависимость человека, «свободный выбор» которого остается только в том, чтобы менять ее объекты, в обилии предоставляемые этим миром⁶⁹.

Алкоголизм, наркомания, токсикомания, курение, переедание, карьеризм, неразделенная любовь, сложные отношения с окружающими – вот лишь некоторые проявления зависимостей современного общества, возникающие в результате материализации иллюзии превосходства. Это своеобразный образ жизни человека, направленный на уход от реальности, безответственность. Ориентация же на созидание, творческую реализацию, целостность предполагает ответственность за свои чувства, мысли, поступки, объективное восприятие действительности и кропотливую работу над собой. Зависимость от желания служения, в которую попадает человек, делает его марионеткой не способной нести ответственность за свои действия, поскольку в его иллюзии отвечать должны другие – родители, учителя, коллеги по работе, государство, но не он сам. Человек прячется за иллюзию, которая и есть «универсальный ответчик» за его состоятельность либо несостоятельность⁷⁰ (так, для пьющего

---

⁶⁹ Так, например, во 2-й пол. 20 в. благодаря работам О. Хаксли («Врата познания») и К. Кастанеды («Учение Дона Хуана: Путь знания индейцев яки» и др.) возникла своеобразная мода на иллюзорное восприятие действительности, возникающее под воздействием приема наркотических веществ [45].

⁷⁰ Так, например, для оправдания своего неправильного поведения ребенок использует те предметы, которые его окружают: кружка, которая разбилась сама, «злой» учитель, который поставил двойку просто так и т.п. Вырастая, человек заключенный в рамки иллюзии, оправдывает себя таким же образом, он использует извиняющие обстоятельства – усталость, болезнь, «плохое окружение» и т.п. Такие оправдания «как бы» позволяют сохранить наш «незапятнанный» имидж и репутацию, и, таким образом, оправдывать свои ошибки, искажения и нарушения.

основной мотив употребления – поддержание иллюзии о том, что он мог бы преуспеть в жизни, если бы не алкоголь).

Затуманенное иллюзией сознание человека отказывается признавать, что получение желаемого всегда сопровождается жертвами: обесцениванием настоящего – отношений, событий, ситуаций, насилием, претензиями, обманом. Хочется в этой связи привести пример известной сказки А. Пушкина «О золотой рыбке», в которой достаточно ярко и тонко отражается разрушительная сила человеческого стремления к превосходству. Захлестнув старуху, оторвав ее от реальности, конвейер ее желаний приводит к потере ощущения реальности. Она уже не в состоянии видеть, что реально, а что иллюзорно, не в состоянии объективно оценить ситуацию, и рассмотреть, что за ее желаниями стоит стремление принести в жертву все, что составляет ее жизнь. Что само желание превосходства (быть столбовой дворянкой, царицей, владычицей морскою) есть фантом – разбитое корыто, построенное на искаженном представлении о себе. Все *человеческое* в этом потоке эмоций обесценивается и бросается на служение собственному «хочу» – старик, родовой дом, культурные традиции. В этой ситуации, А. Пушкин достаточно тонко отразил механизм реализации желаний как двойников, псевдозаменителей потребностей человека, которые ведут к гибели его *человеческой* природы.

Опасность такого самообмана заключается еще и в том, что зачастую иллюзия может и не идти в разрез с реальностью, то есть внешне и не выглядеть как абсурдная идея. В этом случае девушка может жить иллюзией, что рано или поздно встретит своего принца, который осчастливит ее, выставляя неадекватные требования относительно своей персоны к претендентам, и упуская реальный шанс встретить своего настоящего избранника; мужчина, всю жизнь может ожидать шанса реализовать свой «уникальный» бизнес-проект, не предпринимая к этому никаких реальных усилий, так и состарившись в ожидании «своего времени». Это лишь самые безобидные из примеров материализации иллюзий. Однако нас окружают и

другие, отнюдь не безопасные ситуации. Так, проблема терроризма, как одна из угроз современного общества, является явной визуализацией иллюзии о своей «избранной миссии» в обществе; падение авторитета института семьи в основании своем базируется на иллюзии независимости (посредством, карьерной реализации, обогащения и т.п.) и многое другое. История насчитывает огромное количество деструктивных примеров реализации человеческих иллюзий. Гитлер, Сталин, Муссолини, Путин – вот лишь некоторые из них, где иллюзия собственной избранности, реализуется посредством жертв окружающих, кровопролитий и войн. *Всей своей сутью иллюзорное восприятие реальности ориентируется на отделение человека от единого Целого, формирование потребительских, разрушающих отношений с миром, в которых все должно быть для меня, поскольку я не такой как все, я лучший, превосходный, и если вы еще не заметили этого, то я докажу вам.*

По мере возрастания зависимости человека, растет разрыв между его иллюзией и реальностью. Все чаще последняя демонстрирует «несогласие» с его системой представлений (в виде неблагоприятных ситуаций, проблем, конфликтов, которые начинают появляться вокруг, как бы демонстрируя человеку необходимость изменить свое отношение, восстановить нарушенный баланс). И если он в своем стремлении получить желаемое во время не останавливается, тогда разочарование, страх, неудовлетворенность становятся фоновыми. Его предчувствия в отношении того, чего он так боялся, начинают сбываться в реальности.

И лишь не покидающее ощущение духовного вакуума, внутренней пустоты является единственным шансом остановиться, пересмотреть собственные установки и идеалы, чтобы разорвать циклическую зависимость, освободиться от власти иллюзии. Однако признать и принять это могут не многие, поскольку страх ответственности, страх увидеть себя настоящего, не приукрашенного эфемерной иллюзией, пугает человека. Поэтому в большинстве случаев он продолжает жить фантомом о том, что жизнь

проживается во имя...(славы, признания, богатства и т.п.). Из-за страха крушения «идеального мира», неопределенности перед будущим, человек готов терпеть духовный голод, «заедать» собственное отчаяние и пустоту, предлагаемыми миром «заменителями».

Таким образом, раскрывая природу желаний, следует еще раз отметить, что сложность и опасность данного феномена заключается в том, что самому увидеть его коварную природу и источник развития достаточно сложно. Это становится возможно в кризисные моменты жизни человека, когда потребность в любви, единении, освобождении становится единственным стремлением, вытесняет желание служения. Когда ощущение зависимости становится непереносимым, и мы способны услышать голос нашего сердца, подсказывающего путь к освобождению. Как правило, лишь в этой ситуации человек способен к глубокой внутренней саморефлексии, ревизии и переосознанию мотивов тех или иных фактов личной биографии, способен почувствовать и принять, что выбранное направление жизни и ее образ ведут к дисбалансу, неудовлетворенности, нарушениям. Но, даже осознав собственную зависимость, сложно освободиться от нее, поскольку за «неприкосновенность» наших иллюзий отвечают достаточно мощные защитные механизмы сознания⁷¹.

Выйти из зависимости, то есть освободиться от власти желаний, страхов и иллюзий, значить получить шанс жизни, а не выживания, любви, а не служения, шанс реализовать потенциал *человечности*. Это значит принять, что *любовь живет лишь в сердце, открывающем ее многогранность и*

---

⁷¹ Это своеобразные барьеры, созданные разумом и проявляющиеся на инстинктивном, бессознательном уровнях и уровне социальных стереотипов. Так, если инстинктивный уровень выполняет функции связанные с сохранением жизни человека, то бессознательный – устраняет из сознания травмирующие ситуации. Тем самым ситуации, то есть причины, в результате которых происходит конструирование иллюзий, уходят в глубины нашего подсознания, не поддаваясь поверхностному осознанию. В результате, вместо осмысления собственной иллюзии и освобождения от тягостной зависимости, человек обращается к таким тактикам поведения, как: отрицание, подавление, рационализация, идентификация, переключение, отчуждение, проекция и т.п. Другими словами, он уходит от травмирующей ситуации, переводит энергию нерешенного вопроса, нереализованной потребности в активную общественную, политическую жизнь, хобби. Однако в любом случае иллюзия разума продолжает набирать обороты, а, следовательно, зависимость только нарастает.

уникальность, что лишь работая над собой (своими страхами, желаниями), над окружающими отношениями, мы открываем в себе ее потенциал и отражаем в социальную жизнь посредством отношения к окружающему миру. Наконец, что этот драгоценный опыт (как и само объективное знание, не доступен разуму, он вне его компетентности! Поэтому лишь принимая это, человек учится жить, учится объективно (но не рационально!) видеть и слышать окружающую реальность, становится ее полноценным участником. Лишаясь иллюзии превосходства, он становится ответственным за себя и свою жизнь. Поскольку творческое развитие человека, созидание и соучастие в конструировании окружающих отношений, возможно только в процессе освобождения, то есть преодоления, решения тех вопросов, проблем, которые возникают на его пути и позволяют совершенствоваться.

3.3 Основания перспективности человеческого развития

Творческий потенциал человека – потенциал любви. Только любя человек способен творить. Любовью художник и мыслитель прозревают тайны мира, любовью видят и слышат, любовью подвигаются на труд. Если человеком движет тщеславие или гордыня, похоть или (и) сребролюбие, то его творчество бесплодно и бесполезно. Это – паразитирование на божественном даре, по сути – подделка, эрзац

Как уже было отмечено, формирование созидательного гармоничного отношения к окружающему миру представляет собой процесс кропотливой творческой работы по совершенствованию человеческой природы. По сути, это труд, направленный на обнаружение и раскрытие уникального человеческого потенциала, где основным условием выступает удовлетворение потребности в любви, позволяющей преодолевать эгоистические мотивы человеческой природы. Именно любовь выступает тем исходным условием, с реализацией которого закладывается перспектива человеческой, а, следовательно, и общественной жизни. Без любви, как основания духовности, стремления к реализации созидательного потенциала человека, жизнь превращается в

выживание, человек – в потребителя, культура – в цивилизацию. Следовательно, именно *любовь является фундаментальной установкой на целостность индивидуального развития, шансом преодоления главной угрозы человечности – эгоизма желаний, и перспективой формирования целостного общества – общества человеческих отношений.*

Удивительно, но дающая человеку жизнь любовь, является сегодня уникальным и редким даром. Об этом свидетельствует современная социальная практика, иллюстрирующая все большую популярность браков по расчету, возрастание численности брошенных детей (и в прямом, и главное, в переносном смысле), домов престарелых, в целом состояние культурного уровня развития общества. Проблема отсутствия любви, нарастания духовного вакуума, одиночества сегодня глобальна, она не имеет ни демографических, ни национальных критериев. Она не ограничена ни местом, ни временем, ни ресурсами. Общее, что ее характеризует – это глобальное чувство лишенности, пустоты, страх современного человека перед одиночеством и попытки их преодоления.

Казалось бы, человек, стремление которого «быть вместе» является естественным условием его жизни, находясь среди себе подобных, не может быть одиноким. Однако коварная природа эгоизма уже давно проникла вглубь общественных отношений, где, будучи пространственно вместе, мы остаемся духовно изолированными. Абсурдность ситуация заключается в том, что боясь быть одиноким, оторванным от мира, современный человек в то же время неосознанно стремится к этому сам. Все больше он отрывается от той целостной и родной среды, где так комфортно и спокойно (семьи, рода, религиозной общины и т.п.), где тебя принимают и любят. Взамен этому, он с яростным рвением строит Вавилонскую башню, чтобы разорвать родовую связь, стать идиолом. В результате, так и не обретая внутреннего баланса, не удовлетворив свой духовный голод, человек уходит, не реализовав и частички

собственного потенциала. В этом и заложено основное противоречие современного индивидуализированного общества.

К чему стремится этот одинокий желающий человек, что может он передать последующим поколениям? На этот вопрос отвечает сама реальность: войны, кризисы, терроризм, конкурентные отношения, бюрократическая система, однополые браки, браки по контракту и многое другое – таковы ответы человечества на собственную боль и страдания. Если проникнуть вглубь таких отношений, то можно увидеть, что их происхождение всегда указывает на поиск способов реализации иллюзии служения, искаженного антипода любви. Поэтому чтобы раскрыть потенциал единения и *человечности*, помещенный в любовь, и выявить искажение желания служения, необходимо уточнить две базовые категории нашего анализа – *«принятие себя»* и *«себялюбие»* (то есть эгоизм). Оба понятия отражают исходные ориентации человеческого развития. С выбора одной из этих установок и начинается формироваться та или иная модель социальных отношений, определяющая в дальнейшем перспективы (либо бесперспективность) человеческого общества.

Итак, *принятие себя* является исходным условием раскрытия потенциала *человеческой* уникальности, условием любви. Это стремление, направленное на *познание себя*, тех жизненных ситуаций, вопросов, проблем, с которыми сталкивается человек в процессе своего развития и т.д. По сути, с принятия себя, то есть установки на познание собственной природы и начинается любовь к другим, ближним, которая переносится человеком на все, что составляет его повседневную жизнь. Это стремление является отражением модели – *я есть частичка единого целого – семьи, рода, мира. Как и окружающие меня люди, я уникален. Наша уникальность состоит в тех талантах, дарованиях, которыми щедро наделен каждый из нас. Но чтобы увидеть это, необходимо познать себя, принять то, что составляет мою суть (хорошее и плохое о котором я хочу знать, чтобы исправить искажения)*. Это утверждение

человеческой природы, жизни, счастья, развития, свободы, которое коренится в моей способности открываться миру, любить.

Следовательно, познавать себя, значить учиться принимать, как уникальную и неотъемлемую частичку этого мира. Это значит избавиться от любой формы упрямства, неприятия, страха, агрессии в свой адрес (чувства вины, самокритики, недовольства собой, ненависти к себе, жалости), уважать свою личность, быть благодарным за собственную жизнь. Американский психотерапевт Л.Хей по этому поводу отмечает: «Я пришла к выводу, что когда мы любим себя, одобряем свои поступки и остаемся самими собой, наша жизнь становится настолько прекрасной, что и словами не выскажешь. Маленькие чудеса – везде. Здоровье улучшается, деньги сами идут в руки, наши отношения с другими расцветают, и мы начинаем выражать свою личность в творческом ключе. И все это происходит без малейших усилий с нашей стороны. Когда мы от души любим и уважаем себя и одобряем свои поступки, мы создаем определенную организацию ума. Отсюда – чудесные взаимоотношения с окружающими, новая работа; мы худеем и приходим к идеальному весу. Любить себя – значит праздновать сам факт существования своей личности и быть благодарной Богу за подарок жизни» [46, 56].

Познание себя предполагает стремление обнаружить и раскрыть собственный потенциал, воссоздать вокруг себя пространство гармоничных отношений, преобразующее все окружающее, увидеть скрытый потенциал и творческие способности других, изменить характер и качество не только собственной жизни, но и жизнью окружающих. Я познаю себя, значит, принимаю себя таким, как есть (воспринимаю себя объективно). Мне все интересно и увлекательно – на что я способен, в чем моя уникальность, что я для окружающего мира. Я познаю и принимаю свою задачу, имя, сам факт своей жизни, увлекательной и полной. Я принимаю себя, следовательно, способен принимать и окружающий мир, других. Меня не раздражают их ошибки и проявления, их критика, я не сужу их и не хочу изменить, поскольку

у каждого своя задача, свой путь, поскольку я не лучше и не хуже их, *все мы уникальны!*

Такая созидательная ориентация есть реализация способности любить, выходить за границы собственного эгоизма. Это стремление, направляющее весь потенциал любви не на собственное эго, а на окружающую реальность, мир, любимого человека. Я становлюсь способен делиться своей любовью, открываю свое сердце, то есть стремлюсь почувствовать и понять состояние другого, пропустить через себя его радость и печаль, боль и проблемы. И этим я участвую в нем, сливаюсь в творческом процессе с окружающим нас миром. «Любовь к себе предполагает любовь к человеку как таковому. Разделять эти принципы невозможно, поскольку человек любящий свою семью, но не испытывающий никакого чувства к «чужому», означает неспособность любить» [14, 46].

Открыть в себе безусловную любовь, как уникальное проявление нашей духовности, *человечности*, означает стремление стать частицей единого Целого, участником жизни, принять для себя этот мир, его неповторимость и глубину. Это значит, выйти за границы формальных шаблонов и статусов, унифицирующих нас на обезличенные категории обеспеченных и нищих, модных и не модных, успешных и несостоявшихся. Стремиться познать себя, свои таланты и способности, свой жизненный ритм, не поддаваясь манипуляциям окружающего мира – его критике и лести, а главное – манипуляциям собственных желаний и страхов. Это дар, который нужно совершенствовать постоянно.

Значение данной ориентации огромно, таким образом, не только для реализации человеческого потенциала, но и для решения проблемы социальной целостности. Закладываясь лишь в условиях формирования целостной личности, последняя является проекцией и результатом данного процесса. Поэтому *принятие себя выступает условием и предпосылкой решения вопроса социальной целостности*. На уровне социальных отношений данное условие

проявляется главным образом в формировании установки на принятие человеком существующего порядка, стремление участвовать в его поддержании, сохранении. (Речь идет, главным образом, о преодолении кризиса идентичности, принятии и реализации набора социальных ролей, предназначенных для индивида, поддержании общинных норм и ценностей, формировании социальной ответственности).

Я принимаю себя как *человека* (то есть духовное создание), мальчика /девочку, ребенка своих родителей, их сына /дочь. Следовательно, я принимаю, своих родителей, род, культурную традицию, транслирующую мне знания о социальной жизни, а, значит, я ориентирован принимать и выполнять предписанные мне социальным порядком роли – жены /мужа, матери /отца, члена данной общины, жителя данной страны и т.д. Сама установка на принятие, таким образом, заложенная в потребности в любви, является решением проблемы моего членства в целом. Поскольку принятие включает в себя стремление доверять, познавать, поддерживать и передавать культурную традицию общины, сложившуюся связь поколений, быть активным и ответственным участником происходящего. Другими словами, здесь не возникает проблемы недоверия, сомнения существующему порядку. Я не оцениваю и не сужу его, просто живу, люблю, творю.

Данное отношение не имеет ничего общего с конформизмом. Последний указывает на полную противоположность принятию – эгоизм, отчуждение активности человека. Такая позиция свидетельствует о нежелании личности брать ответственность за собственную жизнь. Конформная личность не ориентирована на то, чтобы познавать себя, чтобы своим участием преобразовывать окружающую реальность. Она не готова отдавать, делиться собой, но лишь жертвовать, чтобы в дальнейшем отстраниться, не осознавая, что от этого ситуация лишь усугубляется. Принятие же себя, вызывает в нас стремление к единению с другими, сотрудничеству, их некритичному восприятию, как равных себе, уникальных частиц единого Целого. Оно

вызывает интерес познать окружающую нас реальность и тех, кто, как и мы участвует в ее формировании. Другими словами, принятие себя есть условие созидательности, целостности личности и социальных отношений.

В отличие от этой продуктивной ориентации, себялюбие, то есть эгоизм – это условие «отпадения» человека от Целого, нарушения существующего порядка. В христианской православной традиции эгоизм (самолюбие, себялюбие, то есть гордыня) относится к одному из смертных грехов. Его разрушительный потенциал проявляется в наиболее агрессивных поступках человека, неприятии, эгоцентризме. На уровне отношений эгоизм сосредотачивает в себе огромный потенциал подсознательной агрессии, несущей разрушительную силу, которая со временем направляется на сам источник.

Система восприятия окружающего мира человека с эгоистичной ориентацией фрагментарна, искажена. По сути это иллюзия превосходства, которая представляет собой реальную угрозу целостности и гармонии не только для его жизни, но и для жизней окружающих. Она рисует модель реальности, как поля жесткой конкуренции, где выживает лишь сильнейший, где нет места сотрудничеству и поддержке, нет доверия, а есть лишь стремление реализовать собственное желание служения. Эгоистичная ориентация не оставляет шанса на открытие себя, своего потенциала. Она не допускает самой возможности существования единого Целого, порядка. Эгоист способен принимать только «свою реальность», иллюзию, правомерность собственных искаженных знаний и оценок всего происходящего, поскольку не в состоянии объективно видеть и воспринимать ситуации. Его реальность не ориентирована на принятие в принципе!

Можно сказать, что эгоистическая ориентация – это духовная болезнь, вызванная зависимостью человека от собственных страхов, желаний и иллюзий, от своей изолированной реальности. Здесь нет места любви, доверию, радости, творчеству. В ней работает единственная программа на интерес к себе,

желание всего лишь для себя, получение удовлетворения не тогда, когда отдаешь, а когда берешь, потребляешь, используя окружающий мир как монополизированную кормушку. Внешний мир оценивается эгоистом лишь с точки зрения того, что можно получить от него, как можно использовать. Интерес к потребностям других, уважение их взглядов, ценностей, как в целом и законов функционирования реальности в целом, у эгоиста отсутствует. Он не способен выйти за узкие рамки собственного Я, которые считает единственно верными, реальными, в силу чего пытается навязать их окружающим. Он стремится подчинить себе окружающий мир, заставить других принимать его видение ситуации. Поэтому любое несоответствие своим представлениям о том, какими должны быть отношения, люди, ситуации, вызывает у него всплеск агрессивных эмоций: злость, претензии, обиды, ненависть, презрение, зависть, жалость, неприятие и т.п. Он не хочет, а со временем и не способен видеть мир объективно, целостно, не стремится принять его, чтобы стать его частью. Стремление к превосходству не позволяет ему стать «обычным» человеком.

Всё и вся в эгоистической ориентации оценивается рационально, с позиций *полезности, выгоды*, то есть *личного интереса* (данный принцип стал основанием идеологии меркантилизма, определяющей характер развития современных рыночных отношений)⁷². Такая потребительская установка всегда работает на одну цель – удовлетворение желаний (материального комфорта, власти, престижа и т.п.) В ней полностью исключен *человеческий* фактор. *С такой установкой человек в принципе не ориентирован испытывать созидательные чувства – любить* (даже себя!), доверять, принимать. Он зависим от желания служения и сопровождающего его страха стать собой,

---

⁷² Полезность становится основным критерием членства в современном обществе и не только как разработанная система ценностей или инстинктивное желание. Сегодня ключевым стал вопрос: «Эффективно ли это?», а не «По какой причине?» По мнению Э.Фромма, усложнение общественной структуры привело к тому, что «индивид может иметь значение лишь в той мере, в какой он способствует согласию в группе». Поэтому «единственно важная вещь, которой должны научиться как дети, так и взрослые, – это ладить с другими людьми. В школьном обучении это называют «гражданственностью», что соответствует «умению жить среди людей» и «сплоченности» на языке взрослых»[12, 219].

познать себя, раскрыться, чтобы фокусировать внимание на чем-то другом (своих духовных потребностях, стремлениях близких и т.п.).

Такая себялюбивая установка наиболее опасна, как не удивительно, не для окружающего мира (хотя это и приносит дисбаланс, дисгармонию в социальные отношения), а для самого человека. Поскольку в его отношении к себе заложены наиболее деструктивные, разрушительные эмоции, чувства и мысли. Он не принимает себя. Становясь заложником иллюзии превосходства, он не способен полюбить себя. «Отсутствие нежности и заботы о себе, которые составляют только частное выражение отсутствия созидательности, оставляет его пустым и фрустрированным. Он неизбежно несчастен и тревожно силится урвать у жизни удовольствия, получению которых сам же и препятствует. Кажется, что он слишком много заботится о себе, но, в действительности, он только делает безуспешные попытки скрыть и компенсировать свой провал в деле заботы о своем собственном «я»» [14].

Если проникнуть вглубь такой *античеловеческой* установки, то становится очевидно, что за всем этим эгоистическим стремлением стоит искажение условий и принципов *человеческого* развития, выраженное в отсутствии осознания цели и смысла собственной жизни. Таким образом, направляя всего себя на потребление окружающего мира, борьбу за место под солнцем, утверждение собственного превосходства, эгоистическая потребительская ориентация ведет к разрушению человеческого потенциала. В связи с этим, известный российский психотерапевт, В. Синельников, приводит следующий пример подобного отношения. «Представьте живой организм, в котором каждая клетка выполняет свои специфические функции. И если эта клетка начнет уничтожать сама себя, то она перестанет выполнять свои прямые обязанности и будет отравлять другие клетки и организм в целом. И как на это отреагирует весь организм? Сначала он будет стремиться помочь этой клетке выздороветь, стать нормальной, но потом просто уничтожит ее, чтобы она не отравляла весь организм своими продуктами распада» [27, 137]. Каждый

человек – частичка Целого, мира. Как мы относимся к себе, так мы относимся к миру, окружающим, всему, с чем связаны. Поэтому если я не принимаю окружающий меня мир, то о какой любви и созидательности в собственном развитии может идти речь?

Таким образом, именно эгоистическая потребительская ориентация актуализирует проблему индивидуальной и социальной целостности, возможности гармоничного развития человека и общества. Она не позволяет человеку познать и принять себя, свою естественную самость и уникальность, открывать богатство и многообразие окружающего мира. Данная ориентация постоянно поддерживает индивидуальную установку на стандартные, унифицированные шаблоны и требования, оценки собственной жизни: успешность, состоятельность, статусность, престижность и т.п. Здесь важно одно – не принимать себя настоящего, чтобы стать кем-то, соответствовать чему-то, но только не своему истинному положению, природе, ситуации.

По сути, эгоистическая потребительская ориентация, как продукт иллюзии превосходства, трансформирует потенциал человека в жертву обстоятельств, раболепски подчиняющуюся идеологии формализма современного общества тотального потребительства. Она формирует конформиста, который бросая все силы на то, чтобы доказать собственную значимость, вместе с тем, плывет по течению формальных правил и ограничений; марионетку которая, в конечном счете, превращается в унифицированного, типизированного потребителя, утратившего свои реальные корни, и навсегда выбрав для себя в качестве дома мир пустых иллюзий.

Сама эгоистическая ориентация есть ущербность личностного развития, отсутствие опыта гармоничных отношений – любви, единения, свободы, соучастия и т.п. Не обладая какой-либо продуктивной альтернативой, эгоизм лишает человека шанса на полноценную жизнь, на *очеловечивание*. Последний становится заложником игры разума, в которой он «свободен» от ответственности и обязательств, от необходимости принятия объективных

законов и порядка, где все существует лишь для его удовольствия. На самом деле принимая иллюзию за реальность, человек совершает роковую ошибку. Он утрачивает способность увидеть реальность, в которой он – одиночка, разорвавший все социальные связи, не желающий по собственному непониманию, ограниченности жить и развиваться, бросающий вызов жизни, о которой ничего не знает.

Вместе с уходом в иллюзию растет его дистанция с реальностью. Он даже не стремится познать законы ее развития (социального функционирования), поскольку имеет «свои», а, следовательно, и не способен раскрыть свою уникальную роль в общей системе *человеческих отношений*, научиться брать ответственность за собственную жизнь. Он может считать себя бунтарем, героем, пророком, избранным, для которого важно при любых обстоятельствах сохранить свой выдуманный статус, отстоять свое Я, которое просто не оценили и не приняли – на работе, в семье, в кругу друзей и т.д. На самом деле таких «не приняли и не оценили» по мере утверждения эгоистичной потребительской ориентации становится все больше, а, следовательно, растет и стремление заставить других увидеть их «неправоту», изменить их отношение к себе. Такая разрушительная тенденция становится непосредственной угрозой социального порядка, от которой страдает, прежде всего, сам человек. Несчастный глупец, он лишает себя самого ценного в этом мире – любви, а значит, жизни.

Однако если грубый потребительский эгоизм легко отличить от любви, поскольку он без лишней скромности демонстрирует миру свое превосходство и желания, то его отдельные проявления – собственничество, накопительство, то есть присвоение, более завуалированы. Так, чрезмерно «заботливые» родители, всячески опекающие своего ребенка, наиболее типичный пример проявления такой разрушительной ориентации. Если проникнуть в суть этой заботы, то можно увидеть такой же жадный интерес (к ребенку), как и у человека сосредоточенного на себе. Такой интерес небезопасен, деструктивен,

поскольку движим желанием владеть своим чадом (опекать, предохранять от внешнего мира), а значит – стремлением остановить его развитие. Э.Фромм анализируя природу этого феномена, приводит пример «чрезвычайно заботливой» матери. «Хотя она искренне убеждена, что очень нежна со своим ребенком, в действительности, она имеет глубоко подавленную враждебность к объекту ее интереса. Ее интерес чрезмерен не потому, что она слишком любит ребенка, а потому, что она вынуждена компенсировать отсутствие у нее способности вообще любить его.

В виду того, что ребенок воспринимается как часть ее самой, любовь и слепое обожание матери могут быть удовлетворением ее нарциссизма. Другие мотивации могут быть обнаружены в материнском желании власти или обладания. Ребенок, существо беспомощное и полностью зависимое от ее воли, это естественный объект удовлетворения для женщины, властной и обладающей собственническими чертами. Но ребенок должен расти. Он должен покинуть материнское лоно, оторваться от материнской груди, наконец, стать совершенно независимым человеческим существом. Сама сущность материнской любви – забота о росте ребенка – предполагает желание, чтобы ребенок отделился от матери...женщина может стать действительно любящей матерью, только если она способна любить вообще; если она способна любить своего мужа, других детей, чужих людей, всех людей. Женщина, которая не в состоянии любить в этом смысле, может быть нежной матерью, пока ребенок мал, но она не может быть любящей матерью, чья задача в том, чтобы быть готовой перенести отделение ребенка – и даже после отделения продолжать любить его» [14]. Такая форма эгоизма – это ориентация собственника, не способного на созидание, а скорее на отбирание и «консервирование» всего, что попадает ему в руки. Собственник (по сути тот же потребитель, поскольку не способен создавать, а лишь пользуется уже созданным) переводит в статус вещей все, что его окружает: близких, детей, коллег по работе. Вещи удобны в использовании. Я распоряжаюсь ими, пользуюсь, а они должны мне служить.

Вещи имеют для меня лишь такое предназначение, и другое меня не интересует. Потенциал разрушения такого эгоизма родителей, формирующих из своего ребенка откровенного обывателя, не способного любить, огромен.

Следовательно, если стремление любить, принимать (познавать себя, окружающих, мир в целом) означает созидательную ориентацию на единение, гармонию отношений с окружающим миром, уважение свободы другого человека, то эгоизм это ориентация на потребительство, собственничество, разрушение внутреннего баланса человека и социального порядка. Поэтому формирование духовных связей в родительской семье не должно перейти в зависимость. Отдавая необходимые для жизни и развития ребенка заботу и ответственность, родители должны раскрыть в нем любовь к жизни. Эта установка дает ему почувствовать, что хорошо быть живым, хорошо быть ребенком, жить, познавать. Одно только физиологическое стремление выжить не поможет ребенку научиться жить, любить, а лишь выработает установку на выживание. А как отмечалось ранее, жизнь и выживание – вещи абсолютно разные.

Таким образом, эгоизм (то есть себялюбие) и принятие себя, как грань любви к миру – две кардинально противоположные ориентации. Синтезированное в коллективную ориентацию, принятие себя является отражением закона гармоничного целостного развития, когда все участники отношений, объединенные этим стремлением, движутся в одном направлении, к одной цели – *раскрыть и выполнить свою уникальную задачу*. Лишь в такой системе отношений каждый способен ощутить собственную ценность, особенность, востребованность, но не за счет жизней других, а за счет выполнения своей задачи, собственного вклада в формирование гармоничных социальных отношений.

Глава 4. Условия формирования общества потребительства: от человека желающего к тотальному потребителю

Предположи человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение, в таком случае ты можешь обменять любовь только на любовь, доверие только на доверие и т. д. Если ты хочешь наслаждаться искусством, ты должен быть художественно образованным человеком. Если ты хочешь оказывать влияние на людей, ты должен быть человеком, действительно стимулирующим идвигающим вперед других людей. Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть определенным, соответствующим объекту своей воли, проявлением твоей действительно индивидуальной жизни...
К.Маркс

Ж. Делез и Ф. Гваттари провозглашают «имманентность машин желания великим машинам социальности». Философы считают, что желания способны непосредственно инвестироваться в жизнь и изменять ее. Однако насколько непосредственно может выразиться желание в реальности, и каковы последствия их влияния?

Обретая статус реальности в нашем сознании, иллюзия превосходства определяет ориентиры дальнейшего развития человека. Теперь желание, а не потребность запускает рычаг его развития, разум, а не сердце, определяет его ориентиры, работает на нарастание зависимости человека от иллюзии. Так человек делает первый шаг в сторону собственной духовной смерти. Так, нарушается связь с Отцом, родом, самим собой. Так потребность в любви, единении, соучастии подменяется желанием *служения*. Иллюзия продолжает диктовать человеку: *«нужно найти способ заставить окружающий мир принять мое превосходство»*.

Проблематичность ситуации заключается в том, что искусно прикрываясь стремлением к единению с окружающим миром, иллюзия превосходства не всегда может быть распознанной нами сразу, поскольку при формальной оценке ситуации может слабо отличаться от реальной потребности человека любить и быть любимым. Здесь ее маркерами становятся способы решения проблемы, которые выбирает для себя человек и результаты его жизнедеятельности. Именно они и указывают на истинную суть вещей:

стремление человека к единению или попытки удовлетворить желание служения, которое ведет к разрыву духовных связей и ориентации на тотальное потребительство (то есть эгоизм). При таком подходе становится очевидно, что эгоистическая ориентация не имеет ничего общего с действительной потребностью человека в любви, духовном развитии, реализации его *человеческого потенциала*, формировании бескорыстных созидательных отношений. Целью эгоистической потребительской ориентации является установка не на жизнь (как творческую реализацию духовного потенциала человека), а на доказывание собственного превосходства любыми способами, конечным результатом чего становится формирование *человека желающего*.

Социально-философский анализ проблемы сводит все попытки человечества реализовать иллюзию превосходства к одному способу – идолослужению⁷³. Последнее, как антисозидательная эгоистическая ориентация на реализацию желания служения (через установку на обладание, использование), реализуется, как правило, посредством стратегии поклонения, господства. Принцип служения предполагает формирование и поддержание отношений зависимости, при которых человек утрачивает способность быть

---

⁷³ Происходит от болгарского *идол* «дьявол» (в древне-русском и старо-славянском языках понятие «идолъ», пришедшее из древне-греческого εἰδωλον, означало «образ, изображение, кумир, внешность») [36]. Под «идолами» («чужими богами» (Втор 31:16), «иноземными богами» (1Цар 7:3), «иными богами» (Нав 24:2; 3Цар 11:4), «другими богами» (Исх 20:3; Суд 2:17), «богами народов», т.е. язычников (4Цар 18:33), или богами арамейскими, сидонскими и т.д. (Суд 10:6)), традиционно понимались языческие божества и их изображения, а также различные истуканы или подобия, которым поклонялись и чтили, принося жертвоприношения. Так, во Второзаконии (29:17) говорится о мерзостях и о деревянных, каменных, серебряных и золотых кумирах египтян и других языческих народов.

Таким образом, при идолослужении место невидимого Бога занимают видимые изображения, имеющие человеческий образ или образ животного, к ним и обращено поклонение, предназначенное Господу. Эту форму идолослужения считают грубой. В более тонкой духовной форме идолослужение представляет собой желание человека поставить собственное «Я» на место Бога.

И в первом и во втором случаях, идолослужитель поклоняется творению, а не Творцу, перенося весь свой человеческий потенциал на реализацию собственной иллюзии. Так говорит Святое Писание: «Называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся». Таким образом, идол – это все то, что отвлекает сердце человека от Бога. Протвееестественность подобного отношения для жизни человека, возводит идолослужение в число смертных человеческих грехов [37].

активным творцом, полноценным участником социальных взаимодействий. Его целью становится конформное следование собственной иллюзии, направленной на реализацию разрушительных желаний, стремление накапливать, потреблять и присваивать все то, чем так щедро делиться с нами *Жизнь*.

4.1. Служение как идеология общества потребительства

Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои
Исход 20:3–6

История христианской культуры противопоставляет проблеме идолослужения гармоничному развитию человека и окружающих его отношений. Как символ духовной деградации человека, идолослужение означает отказ от основного дара человечества – связи человека с Господом, то есть нарушение существующего порядка. Искусно прикрываясь стремлением к единению, жизни, идолослужение, по сути, становится условием разделения, разрушения целостности человека и общества.

Символически идолопоклонство означает поклонение изображениям, ложным божествам и языческим культам, то есть вещам. В современной христианской теологии это явление определяется как «перенесение благоговения и покорности, принадлежащих единому Богу, на какое-нибудь из его созданий». Другими словами, оно охватывает те формы религии, в которых почитание божества связано с поклонением вещественным объектам, на которые и переносится его сущность. То есть идол подменяет собой высшие силы при совершении священных обрядов.

В этом аспекте интересны наблюдения Э.Фромма, анализирующего различия между язычеством (политеизмом) из которого и происходит

идолослужение, и монотеизмом. Исследователь отмечает, что «в противоположность идолослужению, принцип монотеизма утверждает, что человек безграничен, что у него нет ни одного частичного свойства, которому можно придать характер самостоятельно существующего целого. В монотеистическом понимании Бог непознаваем и неопределим; Бог – не вещь. Если человек создан по образу и подобию Божию, то он должен быть носителем бесчисленного множества свойств. В идолопоклонстве человек склоняется перед отражением своего собственного отдельно взятого свойства и подчиняется ему. Он не ощущает себя центром, из которого исходят активные деяния любви и разума. Точно так же, как и его боги, он сам и его ближний тоже становятся вещами. «Идолы язычников – серебро и золото, дело рук человеческих. Есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат, и нет дыхания в устах их. Подобны им будут делающий их и всякий, кто надеется на них»» [12, 168].

Социально-философская традиция трактует идолослужение как выражение натурализма (то есть ориентацию на удовлетворение физиологических и материальных потребностей человека). Стиливым проявлением данной установки выступают различные формы религиозного и нерелигиозного язычества (все политеистические религии, магия, сатанизм, шаманство, атеизм, материализм и др.)⁷⁴. При этом, если первоначальные формы идолослужения имели явный религиозный оттенок, то современное поклонение идолам выходит за рамки религиозных отношений, приобретая характер идеологии общества тотального потребительства. В силу этого, и формы служения сегодня имеют все более масштабный и завуалированный, а, следовательно, еще более опасный характер. Идея всемирного господства, культ бизнеса и моральной вседозволенности, культ произвола под лозунгами

---

⁷⁴ В политеистических, например, религиях натуралистические идеалы выражались в культе различных идолов-богов (например, в греческой религии: Дионис – бог вина и веселья, Афродита – богиня чувственной любви и красоты, и др.). Этим идолам приносились различные жертвы, в том числе не редко и человеческие [47].

свободы и подобные им социальные идолы служат предметами огромных по своим масштабам жертвоприношений. «Человек создал мир рукотворных вещей, какого никогда не существовало прежде. Он разработал сложное общественное устройство, чтобы управлять созданным им техническим механизмом. Однако все созданное им возвышается и главенствует над ним. Он чувствует себя не творцом и высшей руководящей инстанцией, а слугой Голема, сделанного его руками. Чем могущественнее и грандиознее высвобождаемые им силы, тем более бессильным он чувствует себя как человеческое существо. Он противостоит себе и своим собственным силам, воплощенным в созданных им вещах и отчужденным от него. Он больше не принадлежит себе, а находится во власти собственного творения. Он соорудил золотого тельца⁷⁵ и говорит: «Вот ваши боги, которые вывели вас из Египта»» [12, 168–169].

Объектом поклонения в современном обществе становится все, что окружает человека в его повседневной жизни, и чему он придает преувеличенное значение – разум, деньги, власть, успех, сила, слава и т.п. Поклонение приобретает массовый характер, включая в себя множество скрытых элементов язычества. В культ вводятся целые отрасли общественной жизни, побуждающие человека жить по тем правилам и канонам, которые вырабатываются этой идеализированной индустрией. Наука, как знание посвященных, религия, как сфера просветленных, медицина с ее стремлением решить проблему человеческого бессмертия, политическая идеология, делегирующая нам наши же естественные права – вот лишь некоторые из примеров современного идолослужения. Получая взамен материальные блага, профессиональное признание, новый вид медикаментов, «новые» права, славу,

---

⁷⁵ Первый акт самоотстраненности и поклонения в истории человечества зафиксирован в отлитии золотого тельца – Молоха. Молох (древне-ханаанское слово, в оригинале – *Молех*; родственно еврейскому *мелех* – «царь») – название языческого божества у Сиро-Финикиян и Аммонитян. Идол Молоха представлял собой статую с бычьей головой и с простертыми к низу руками, на которых полагали обреченных ему в жертву детей, и на которых они от пылающего снизу огня сгорали. Священное Писание упоминает о начале служения Молоху еще во времена древнего Египта [13, 484].

человек не осознает, что участвует в сделке, в которой никогда не будет победителем. Он подписывает чудовищный контракт, принося в жертву свои таланты, устремления, самого себя. Таким образом, современное идолопоклонство, имея в своем основании принципы древнего языческого культа, продвинулось гораздо дальше в собственной изощренности, коварстве. Человек в своем безумии теперь боготворит, славит и превозносит лишь самого себя («человек это звучит гордо!»), употребляя на это всю мощь науки, религии, искусства. По сути, же отношения служения все больше поработают его, лишают свободы, перспектив дальнейшего развития. Человек попадает в сети, которые искусно плетет иллюзия превосходства.

Логика служения, основывается главным образом на принципах развития конвейера желаний – искажении, иллюзорности, неиссякаемости. Преследуя единственную цель своего «сотрудничества» с человеком – материализацию его потенциала, иллюзия разума искажает духовные потребности (прежде всего, потребность в любви) личности, активизируя развитие желания служения. Установка на удовлетворение желаний трансформирует потенциал человека в эгоиста, потребителя, отчужденца, нежелающего брать ответственность за собственную жизнь, ее качество и характер развития. Такое отчуждение⁷⁶, вырабатывает в его сознании установку: *моя жизнь, события, которыми она наполнена, и окружающая реальность – не пересекающиеся параллели. Я не несу за нее ответственность. Мой интерес, внимание, все мои усилия касаются лишь способов удовлетворения моего желания.* Такую модель

---

⁷⁶ Следует отметить, что латинский эквивалент термина «отчуждение» – *alienatio* – переводится как сумасшествие, психопатологическое состояние, раздвоение личности, потеря личного тождества. Так, в римской антике и в средние века понятие *alienatio mentis* служило для общего обозначения психических болезней. Это корневой смысл слова, которому в современном французском языке (*alienation*) соответствует понятие «*folie*» (сумасшествие), а в английском – «*alienist*» (психиатр).

Классическое определение отчуждения содержится в одном из посланий апостола Павла: «Будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией, по причине их невежества и ожесточения сердца их» (Еф.4:18). Здесь приведены основные характеристики отчуждения: дефекты рассудка, отчуждение от Бога, от праведного пути; наконец, невежество, ожесточение. Человеческое грехопадение обусловило появление целого ряда свойств алиенации - от скуки до страха смерти [48, 316].

отношения к реальности формирует иллюзия превосходства, в которой человек ради реализации фантома отчуждает собственную жизнь. Очевидно поэтому, описывая угрожающее влияние отчуждения, К.Маркс называет последнее таким состоянием, при котором «собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней» [48, 314]. В результате, весь потенциал творческой активности он бросает на материализацию иллюзии, главной движущей силой которой и выступает желание *служения*.

В поисках способов реализации желания, человек отликает золотого тельца, создает кумира, отчуждая ему свой потенциал. Он судорожно ищет в себе то, за что может получить столь желаемое внимание, интерес, за что его будут «любить» (как он сам себе объясняет, а на самом деле служить), ценить. Другими словами, он ищет в себе то ценное, что сможет использовать для реализации желания служения. А поскольку каждый из нас наделен уникальным даром – талантом, то именно его использование и становится способом реализации нашего «хочу». Художественные способности, сообразительность, трудолюбие, физическая сила и выносливость, коммуникабельность и т.п. – каждый находит в себе свою грань, свое «превосходство», присваивая которое и формирует идола. Другими словами, человек начинает верить в то, что он божество (эталон, кумир и т.п.).

Поклоняясь созданному истукану – силе, интеллекту, внешней привлекательности, он «оживляет» его, то есть возводит в культ, идеализирует, этим лишая себя активности. А поскольку желание служения со временем начинает конкретизироваться, то конкретизируются и объекты поклонения. В результате этого, созданные человеком вещи, продукты, трансформируются уже не в результат его собственных созидательных усилий, а во что-то отдельное от него, возвышающееся над ним и противостоящее ему – идол которому он слепо поклоняется. По сути, идолопоклонник преклоняется знаку, вещи, предмету, то есть материальному миру, создателем которого выступает. Деньги,

недвижимость, богатство, должности, секс – вот лишь некоторые из объектов современного поклонения, которые поработают сознание и волю человека.

Такой, по сути, добровольный отказ от жизни, творчества, любви, трансформирует личность в пассивное потребляющее, зависящее существо – человека желающего, не испытывающего никакой потребности в изменении существующего порядка, не ориентированного на творческий преобразовательный труд, не знающего кто он. Он заикливается в потоке конкретизированных желаний, подчинить и контролировать которые уже не в состоянии. По сути, формируется деструктивная жизненная ориентация, направляющая активные творческие силы человека не на стремление к совершенствованию, единению, целостности (стать участником, частицей окружающих отношений, то есть удовлетворению потребности в любви), а, на материализацию, разделение, разрушение существующего порядка. Движимый жаждой власти (обладания, накопления, присвоения), человек уже не способен воспринимать себя во всем богатстве и безграничности человеческой жизни, не способен реализовать и минимальную часть своей личности, не способен выйти за жесткие границы конформизма, освободиться. Он отказывается от возможностей, предоставляемых ему окружающим миром ради стремления подчинить его себе.

Стремясь претворить в жизнь иллюзию превосходства, он хочет заставить окружающий мир работать на его желания. И, несмотря на кажущиеся внешние отличия (в зависимости от степени развития иллюзии, служение может приобретать форму господства, либо поклонения), следует понимать, что природа, цель и механизмы реализации стратегии служения преследуют единственную цель – доказать окружающим собственное превосходство, свою избранность.

4.1.1 Стратегии служения

*Поклонение героям наиболее развито там, где наименее развито уважение к
человеческой свободе
Г.Спенсер*

Для иллюстрации разрушительного потенциала желания служения на практике, необходимо учитывать, что его структура включает две основные стратегии поведения человека (социальных групп, целых обществ) – стремление к *господству* (то есть подавлению окружающих, властвованию над ними), и соответственно, к *поклонению*. Естественно, такая классификация является скорее символической демонстрацией работы желания. Поскольку оба стремления – это грани одной разрушительной иллюзии, которые дополняют друг друга, и проявляются в зависимости от обстоятельств (попадая в различные ситуации и обстоятельства, один и тот же человек с присущей ему установкой на служение может проявлять себя и как тиран, и как жертва). Поэтому отправной точкой анализа выступает иллюзия превосходства, на реализацию которой и направляет все свои силы человек.

Для своей реализации иллюзия нуждается в постоянном подтверждении (в виде успехов, достижений, похвал его действий, то есть оценке со стороны окружающих). Поэтому весь потенциал личности она ориентирует на зависимость от мнений окружающего мира, его признание. Последнее выступает для человек искаженным ориентиром, маяком на пути формирования идола (если меня оценивают другие, значит, я чего-то стою), реализации собственного превосходства. Можно сказать, что пока иллюзия не получила достаточного подтверждения (в виде карьерного продвижения, богатства, признания внешних и интеллектуальных данных, статуса), служение реализуется в стратегии *поклонения* (отдельной личности, группе, божествам, государству, вещам и т.п.). Как правило, эта модель отношения актуализируется в связи со страхом не быть объектом служения (то есть таким, каким требуют окружающие условия). Поэтому уподобляясь чему-то или кому-то более сильному (умному, красивому и т.п.), отождествляя себя с ним,

человек стремится реализовать желание посредством конформизма, отказываясь от ответственности за собственную жизнь. Он отчуждает свой *человеческий потенциал*, приспосабливается под «угрожающие» факторы, заботясь о ее сохранении и реализации ради единственной *цели – получить оценку, стать и самому объектом поклонения*.

Такая пассивная, конформистская модель отношения человека к окружающему миру и, прежде всего, к себе, проявляется в *стремлении быть таким, как вам угодно*⁷⁷. Человек становится рабом шаблонов и стандартов, диктуемых окружением, обществом, государством, идеализирующим возможности объектов поклонения. Он – мечта рационализированной системы, продуцирующей все новые и новые ограничения и табу на уникальность и активность. Опасность реализации такой стратегии заключается в том, что желание служения и страх не стать самому желаемым объектом, парализуют сознание и волю человека, и со временем лишь нарастают. Э.Фромм по этому поводу отмечает: «Случаи алкоголизма, наркомании, эротомании и самоубийств в современном западном обществе являются симптомами этой относительной неудачи в приспособлении. Более того, этот выход из проблемы затрагивает, в основном ум, а не тело, и потому он не идет ни в какое сравнение с оргиастическим решением проблемы. Стадный конформизм обладает только одним достоинством: он стабилен, а не периодичен. Индивид осваивает образец приспособления в возрасте трех–пяти лет, и в последствие уже никогда не

---

⁷⁷ Конформизм предполагает приспособление к определенному общепринятому образцу и, следовательно, отказ от проявления себя настоящего. Начинает формироваться такая модель поведения в раннем детстве, когда ребенок приспосабливается под ожидаемое от него поведение со стороны родителей. На уровне общества конформизм подкрепляется пассивностью и ориентацией на стандартизированный, унифицированные образцы, эталоны, идеалы. Современная ориентация на конформизм охватывает большинство сфер социальной жизни. «Даже дружеские отношения складываются не на основе личной симпатии или влечения, а на основе удобства (рядом живем, вместе работаем, так выгодно). Такие отчужденные дружеские отношения и автоматический конформизм одобряются и принимаются современным человеком. Это ведет в свою очередь к тому, что человек, по сути, отказывается от самого себя, становится частью стада и находит удовольствие в этом. Это состояние нынче называют «сплоченностью». При этом недостаток конформизма наказывается не только словесным осуждением, но и жесткими мерами воздействия» [12, 216].

утрачивает контакта со стадом. Даже похороны воспринимаются человеком как свое последнее значительное социальное дело, совершаются в строгом соответствии с образцом» [14, 9].

Таким образом, трансформируясь в стадные практики, конформизм блокирует возможность проявления и совершенствования человека. Страх не реализовать желание, не получить признания, похвалы, уважения, авторитета со стороны окружающих (а особенно, значимого окружения), имеет вполне рациональные основания. За каждым таким «быть хорошим» стоят реальные материальные компенсации – комфорт, признание, материальные блага, продвижение по службе, получаемые человеком за отказ от себя. Иллюзия конформиста диктует: *чтобы получить желаемое, нужно быть таким, каким тебя хотят видеть.*

На такую «удобную» пассивно-приспособительскую позицию рационализированная система реагирует целым арсеналом компенсационных средств: от льгот, стандартов, поощрений, условностей до предоставления способов и ресурсов служения «наиболее послушным» членам общества. Система превращается в фабрику по удовлетворению желаний, работающую не столько на удовлетворение личных запросов, сколько на производство все новых соблазнов. «Удобная личность», по сути, добровольно отказывается от активной позиции соучастника общего Целого, ориентированного на единение, гармонию, порядок, разменивая ее на возможность использовать предоставляемые системой льготы. Не осознавая, что в этой сделке ему никогда не стать победителем, человек становится шестеренкой культа социального служения. «У него мало инициативы, его задачи предписаны организацией данной работы, и существует мало различия даже между теми, кто на верху лестницы, и теми, кто внизу. Все они выполняют задачи, предписанные структурой организации, с предписанной скоростью и в предписанной манере. Даже их чувства предписаны ... От рождения до смерти, от субботы до субботы, с утра до вечера – все проявления жизни заданы заранее и подчинены

шаблону. Как может человек, захваченный в эту сеть шаблона, не забыть, что он человек, уникальный индивид, тот единственный, кому дан его единственный шанс прожить жизнь, с надеждами и разочарованиями, с печалью и страхом, со стремлением любить и ужасом перед уничтожением и одиночеством?» [14, 9].

Реализация конкретизированных желаний постепенно трансформирует стратегию служения из *поклонения в господство*. В истории человечества этот вариант служения сопряжен с понятиями «культ личности», «герои», «цари». Присваивая используемые таланты, способности, возможности, человек формирует собственного идола, который теперь требует его подчинения себе, своей мощи, используя все силы и потенциал личности. Став оцененным, получив признание со стороны окружающего мира, он стремится теперь оценивать его сам.

Примеров такого разрушительного «творчества» в истории человечества насчитывается не мало. Поклонение божкам, царям, героям, лидерам – атрибут развития нашего прошлого и настоящего. Им многое прощается, они идеализируются, им поклоняются. И даже не смотря на разрушительные действия идолов, жертвы, которыми сопровождается все их «творчество», рационализованная система отказывается объективно смотреть на вещи. Она не позволяет за каждым таким «героем» увидеть его ненасытную жажду власти и стремление получить ее любой ценой. Наше сознание видит лишь блеск воспетого культа, эффект его могущества, и само восхищается истуканом, тем самым загоняя нас в еще большую зависимость от служения. Поэтому, даже осознавая разрушительный потенциал идолов, человечество превращает их пороки в достоинства. То, что не прощается обычному смертному человеку, возвеличивается у «великих»⁷⁸.

---

⁷⁸ «Культ личности» – атрибут идеологии служения. Первоначально он имел характер обожествления представителей духовной и светской власти, наделение их сверхчеловеческими достоинствами и силой. Впервые атрибутика культа личности в общественной жизни наблюдается в ранней Римской империи, когда при нестабильности правовых оснований власти «цезаря» ему приписывались функции героя, а восхваление его

Идол не совершает ошибок, он эталон, транслирующий окружающим каноны отношений. Другими словами, идол не может быть живым, человеческим, он лишен всего, что может «помешать» ему в его борьбе за собственную славу и величие. В его отношении к жизни нет радости, любви, творчества, а есть лишь слепая зависимость, заставляющая каждый раз ощущать свою неполноценность и агрессию перед более «достойными», «умными», «превосходными». Зависимость от служения, каждый раз получив очередное подтверждение своего «превосходства», заставляет бояться потерять его и в силу этого, принуждает поклоняться тем, чье стремление к господству сильнее. В этом проявляется характер стратегии служения.

В целом, на уровне социальных отношений стратегия служения проявляется в жадном, бездумном, агрессивном потребительстве окружающего мира. Анализируя данную ситуацию, английский социолог С.Майлз в своей работе «Потребительство как образ жизни» проводит следующий анализ. «Основной парадокс потребительства состоит в том, что оно влияет не в меньшей мере на образ жизни тех, у кого нет возможности потреблять, чем на тех, у кого есть такие возможности. (Интересно, что потребление кабельного и спутникового телевидения наиболее распространено в беднейших городских районах). Думать о потреблении, смотреть на товары, потреблять которые рекомендует реклама, не менее важно, чем реально потреблять. Ибо в любом случае человек определяет свою самооценку и идентичность в терминах потребительских ценностей. Сутью потребительства как образа жизни является бесконечный цикл желаний, которые все равно не получают удовлетворения.

выдающихся личных достоинств и заслуг перед государством стало обязательным ритуалом. В тоталитарных режимах XX века такая практика приобретает массовое развитие, в силу чего, становится особенно опасна. Теперь диктаторы имели в своем распоряжении мощные инструменты пропаганды - радио, кинематограф, контроль над прессой. Поэтому в обществе модерна такой инструмент поклонения начинает использоваться в насильственном преклонении, идеализации носителей власти. Наиболее впечатляющие примеры культа личности - режимы Сталина, Гитлера, Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена. В период расцвета их правления эти лидеры почитались как богоподобные вожди, не способные совершить ошибку. Повсеместно развешивались их портреты, художники, писатели и поэты плодили произведения, раскрывающие различные грани неповторимых личностей диктаторов.

Неотразимая привлекательность потребительства проистекает из того, что оно дает возможности для удовлетворения. Но оно же и ограничивает эти возможности тем, что выгодно для рынка. Потребительский образ жизни держится на тонкой грани между суверенностью индивида и его подчинением. Поэтому оно является таким эффективным средством включения индивидуального опыта в капиталистическую систему» [49, 67].

И в случае поклонения, и в случае господства человек разменивает свой потенциал на «возможность» удовлетворять неиссякаемый поток разрушающих его желаний. Он убеждает себя и окружающих в том, что реализуя их, стремится к близким отношениям, что его намерения благи. И лишь заглянув в себя, с ужасом находит, что все его старания направлены на разрыв связей с Целым, на эгоистичные интересы, личное благо, зависимость от которого настолько велика, что отказаться от нее достаточно сложно. Страдая от несвободы, неудовлетворенности, враждебности ко всем и всему, что мешает реализации его иллюзии, вместо творческого развития, любви и радости человек продолжает возводить Вавилонскую башню.

Оба варианта реализации иллюзии, следовательно, не имеют ничего общего со стремлением человека к единению, целостности, духовному развитию, творческому труду. То, что обычно называется в таких отношениях «любовью», является служением. Переноса на объект служения – идол всю свою активность, свои мысли, внимание, человек воспринимает его как способ доказательства своего превосходства. Поэтому обладание им, причастность к нему и преподносит человека над другими. Таким образом, он не только искажает баланс отношений с объектом своего внимания, но и лишает себя уникальности. Как и в случае религиозного идолопоклонства, он переносит всего себя (свои возможности, способности, таланты) на созданный фантом, и теперь уже воспринимает себя вещью, лишенной всяких жизненных сил. Все чем была богата его человеческая суть, он добровольно отчуждает, передает своему идеалу, а сам превращается в вещь. Создается иллюзия, что обрести

связь с этим «богатством» он может, только подчинившись идолу, растворившись в нем. Такие проявления служения встречаются зачастую в слепом подчинении политическому лидеру, государству, карьере, материальному богатству, партнеру по отношениям и т.п. На самом деле и вождь, и государство, и карьера, и материальные ценности есть то, что они есть, лишь с согласия самого человека. Они превращаются в идолов, когда человек наделяет их своими *человеческими* силами, поклоняется им, надеясь с помощью такой «самоотдачи» получить для себя дополнительные блага⁷⁹.

Таким образом, стратегия служения во всех своих проявлениях несет деструктивный потенциал, блокирующий возможность гармоничного развития человека. За каждым из описанных проявлений стоит *отчуждение, неприятие своей человеческой сути*, демонстрирующее себя через конформизм и разрушение. Поэтому не важно, о каком служении идет речь, о поклонении идолам, идолопоклоннической любви к человеку, вещам, политическому лидеру или государству, себе. Важно то, что в любом из указанных случаев человек ощущает себя не живым активным носителем собственного потенциала, а лишенной уникальных духовных качеств, мертвой «вещью», зависимой от внешних обстоятельств, на которые он перенес свою жизненную энергию. Обедняя себя, не принимая, он превращается в

---

⁷⁹ Как уже отмечалось ранее, исходной точкой формирования стратегии служения становится родительская семья. Отношения в семье, как первый социальный опыт человека, непосредственно влияют на формирование отношения к окружающему миру – принятие и единение либо потребительство и разрушение. Так, например, уже в раннем детстве человек сталкивается с так называемым физическим идолослужением. Ощущая чрезмерную опеку родителей, которая чаще всего исходит от матери, он буквально утопает в ее опеке. Такая чрезмерная забота (главным образом о физических и материальных потребностях ребенка) приводит к лишению его самостоятельности. Мать стремится оградить свое дитя, не давая ему возможности соприкоснуться и познавать окружающий мир, приобретать необходимый для полноценного развития опыт. Таким образом, перекрывается способность к совершенствованию личности. При этом любая попытка освободиться от родительского контроля сопровождается сопротивлением со стороны родителей. Результатом такой «любви» становится формирование потребительской ориентации человека, не способного реализовать свой духовный потенциал, и в силу этого, несущего деструктивность в окружающие его отношения.

марионетку, не берущую ответственность за собственные поступки и решения, в целом за свою жизнь.

Находясь во власти своих желаний, веря в созданную иллюзию, личность теряет связь с окружающим миром. В этой связи Э.Фромм отмечает, что «душевнобольной – это человек, *абсолютно отчужденный*; он полностью перестал ощущать себя средоточием своего собственного восприятия; он утратил чувство самости» [12, 167]. Как и душевнобольной, человек, попавший в зависимость желаний, не способен слышать голос сердца, открывающего ему перспективу освобождения.

Но даже самая сильная иллюзия-зависимость бессильна перед реальностью того, что существует только одно чувство, удовлетворяющее человеческую потребность в единении, принятии, и вместе с тем дающее ему ощущение целостности и индивидуальности, – *любовь. Только любовь, как единение с окружающим миром, позволяет принять себя, раскрыть собственную уникальность, развернуть свой внутренний духовный потенциал, свою активность.* Переживание любви преобразует человека, делает ненужными иллюзии, позволяет слышать голос сердца. Лишь в любви мы способны почувствовать, осознать и увидеть все богатство жизни, а значит, получить шанс преодолеть собственную духовную смерть.

4.2 Цивилизация как фабрика производства желаний

«Что сулит будущее миру человека?... Предположим, что он сохранит свое материальное существование, но будет ли оно достойно его имени и его исторического предназначения?»

Ш. Бодлер

Об упадке современного общества, исследователи стали говорить еще в 19 веке. Причины этого они видели в вырождении культуры, растущем отчуждении, то есть «духовном вакууме» окутавшем современное им общество.

Так, анализируя состояние общества и культуры современности, российский философ И. Ильин в работе «Поющее сердце» отмечает: «Да, в людях мало любви. Они исключили ее из своего культурного акта: из науки, из веры, из искусства, из этики, из политики и из воспитания. И вследствие этого современное человечество вступило в духовный кризис, невиданный по своей глубине и по своему размаху. Видя это, понимая это, нам естественно спросить себя: кто же пробудит любовь в черствых сердцах, если она не пробудилась от жизни и слова Христа, Сына Божия? Как браться за это нам, с нашими малыми человеческими силами?» [16].

Идя по пути научно-технического прогресса, преуспевая в развитии рационализма, современное общество все больше сталкивается с проблемами духовного характера. Такая ситуация несоответствия внешнего – материального и внутреннего – духовного уровней развития, не могла не сказаться на решении проблемы реализации *человеческого* потенциала, а, соответственно, и перспективности общественных отношений. Интересно, что опасения относительно будущего общества, стали возникать одновременно с актуализацией идеи прогресса человечества, популяризированной социально-философской традицией Просвещения.

Именно в этот период вопросы о возможности будущего общества, механизмах и условиях его развития становятся особенно популярны. Грядет эпоха Модерна – эпоха капиталистических отношений, пронизанных ценностями утилитаризма, выгоды и конкуренции, эпоха науки и больших городов, эпоха, в которой прежний порядок с его традиционными связями и отношениями рушится. Трансформируются фундаментальные человеческие ценности – любви, доверия, веры, гармонии, изменяется вектор общественного развития.

Несмотря на тотальный «отказ» от прежнего традиционного видения мира, где человек – духовное создание, наступление новой эпохи «освобождения разума» ознаменовалось повышенным вниманием к проблеме

возможности будущего общества, его гармоничного развития. Наиболее авторитетные исследователи этого времени обращаются к анализу проблемы. Так, К.Маркс, неоднократно констатирующий социальную природу человека, изучая современное ему общество, постоянно возвращается к анализу причин наступившего «разобщения». Как отмечает российский исследователь Ю.Давыдов, «Действительной теоретической проблемой науки об обществе оказывается не непосредственно общественное существование людей, а отход от него и возникновение иных форм человеческого существования» [50, 188]. К.Маркс отмечал, что ход развития истории вел человека не по пути укрепления данного ему природой социального чувства, а, наоборот, по пути его нивелирования, так что история общества получает, прежде всего, отрицательную интерпретацию. Чем дальше исследователь углубляется в прошлое человечества, тем больше он сталкивается не с индивидом, а с коллективом – будь то семейная община или род. Важнейшей социальной характеристикой была сама «естественная» принадлежность индивида к «естественно сложившемуся» коллективу: роду, племени, семейной общине и т.д. Жизненно важные потребности общности удовлетворялись как свои собственные, и только будучи членом общности, человек, мог полноценно развить свою индивидуальность. Именно эту тенденцию исторического развития человечества описывает и французский социолог Э. Дюркгейм, определяя ее как «механическую солидарность».

Таким образом, эпоха современности, плавно перетекающая в стадию постсовременности, выявляет ряд серьезных противоречий возникающих в процессе общественного прогресса. В связи с этим актуальными становятся вопросы: «Почему человек эпохи современности не способен реализовать свой духовный потенциал? Почему он все дальше уходит от традиционных отношений, от тех духовных связей, которые обеспечивают условия его гармоничного развития? Почему, повышая уровень материально-технического развития общества, человек становится все более одинок, несчастен?» Другими словами, назревает необходимость ответить, почему по мере своего прогресса

современное общество все глубже заходит в тупик, а сам человек теряет свою *человеческую* природу? Эти и похожие вопросы заставляют задуматься над судьбой человечества многих представителей социально-философской мысли. Анализируя потенциал и перспективы общественной жизни, многие из них видят проблему в возросшем влиянии цивилизации на культурную жизнь человека и общества.

4.2.1 Эффект прогресса и утопия будущего: постановка проблемы цивилизационного развития

*Прогресс человечества основывается на желании каждого человека
жить не по средствам
С. Батлер*

Термин «цивилизация» (от лат. *civilis* – *гражданский, государственный*, от франц. *civilisation*)⁸⁰ появляется в рамках теории прогресса XVIII века. Условия возникновения и популяризация понятия были вызваны кардинальными общественными трансформациями западной культуры этого периода. Традиционная модель социального порядка, базирующаяся на представлении о человеке как духовном творении, вытесняется рационалистической ориентацией с ее материалистическими ценностями прагматизма, утилитаризма. Исторической предпосылкой таких изменений становится религиозная революция Реформация, в рамках которой и пропагандируется новая ценностная модель – рационализм⁸¹. Вследствие этого,

---

⁸⁰ Изначально – превращение уголовного процесса в гражданский.

⁸¹ Именно в этот период возникает одно из наиболее представленных в современном мире религиозных течений – протестантизм. Согласно ряда исследований западной культуры, в судьбе ее рационализации (и последующей цивилизованности) протестантизм сыграл решающую роль. Он стал наиболее благоприятной социально-культурной средой для развития современных капиталистических отношений и науки. По мнению российского исследователя А. Ахутина, «тем самым протестантское мышление окажется лучше подготовленным к новому положению науки, которая увидит в природе бездушную

утилизируются и унифицируются сакральные установки традиционного общества: «вера», «духовность», «культура», «община» и др. Изменяется сам метод познания окружающей реальности: от чувственного восприятия мира человек переходит к попытке его логического анализа, дробления целого на автономные части⁸².

Такие неявные на первый взгляд, но фундаментальные изменения проявляют себя главным образом в формировании отношений нового порядка – капиталистических, националистических, то есть цивилизационных. Их общим основанием становится активная ориентация на калькуляцию, потребительство, расчет, то есть личную выгоду каждого от участия в общественном производстве. Результатом таких изменений, глобальным продуктом новой эпохи, становится проект общества – искусственно созданного механизма, машины, ориентированной на массовое производство, тотальное потребительство, материальное благополучие. Этот конвейер по удовлетворению человеческих желаний, превращает человека в деталь социального механизма, апогеем величия которого выступает «всемогущество разума».

Предполагается, что именно ставка на человеческий разум, создает неограниченные возможности для «освобождения» личности от традиционных критериев «возможного» и «должного», культурных ролей и задач человека. Отныне человеческий разум, а не Бог, община, род, определяет настоящее и

механику, к новой физике, которая не будет более созерцанием форм, а будет использованием и эксплуатацией» [27, 56].

⁸² Анализ (др.-греч. ἀνάλυσις – разложение, расчленение) как метод познания, предполагает мысленное (или реальное) расчленения целого (вещи, свойства, процесса или отношения между предметами) на автономные элементы. Данный метод возникает как дополнение к синтезу (др.-греч. σύνθεσις – соединение, складывание, связывание (συν- – приставка со значением совместности действия, соучастия и θέσις – расстановка, размещение, распределение (местоположение). Однако если синтетический метод представляет собой способ собрать целое из функциональных разрозненных частей (кордоцентрическое познание основывается именно на синтезировании), то анализ – способ разобрать целое на фрагменты. Метод анализа, сопряженный с активной работой сознания человека (разума), становится особенно популярен в эпоху «активной рационализации жизни» в качестве таких методов, как структурный анализ, функциональный, информационный и т.п.

будущее. Он универсален и независим и поэтому больше нет необходимости поддерживать связь с прошлым, работать над будущим. «Всемогущий» разум, теперь способен сам постигать мир, определять свое место в нем, поворачивать вспять целые реки, и таким образом, переписать историю человечества.

Так человек из участника прежнего общинного порядка, сотворца целостного организма, движимый иллюзией разума, перевоплощается в «покорителя», прагматичного потребителя. Погружаясь в глобальную по своим масштабам иллюзию, человек стремится к единственной цели – заставить окружающую его реальность служить его желаниям. Он хочет одного – владеть, использовать, потреблять. И вот уже он настолько поглощен иллюзией собственного всемогущества, что признает себя божеством.

В такой эйфории от происходящего, от предвкушения блестящего человеческого будущего, принимается лишь то, что позволяет утопать в лучах собственного величия еще сильнее. Поэтому именно в этот период воспевания принципов «разума», «универсализма», «независимости» и «справедливости», эффективным условием общественного и индивидуального развития признается цивилизационный прогресс. Прогресс, как результат всемогущества разума человека становится визитной карточкой новой рационализованной эпохи. По сути, введение просветителями в широкий научный оборот понятия цивилизации (и прогресса, как способа ее воплощения в жизнь), претендовало на роль культурной традиции, отвечающей за формирование универсального социального знания, конструирующего и поддерживающего порядок. Однако это новое знание, основанное на достижениях человеческого разума и его воплощений в общественной жизни, преследовало абсолютно иные цели, в чем нам и стоит разобраться.

Четкого разграничения между цивилизацией и культурой не проводится в этот период, однако способом реализации цивилизации неизменно признается

прогресс⁸³. По мнению сторонников данной идеи (Д. Дидро, П. Гольбах, К. Гельвеций, В. Мирабо, А. Фергюсон, И. Гердер, Вольтер, Ш.Монтескье, А.Сен-Симон, О.Конт и т.п.), цивилизационный прогресс является конечной стадией развития всемирной истории. Здесь разум станет основной ценностью и условием социального порядка, залогом справедливости и благоденствия, а уровень материального производства достигнет своего апогея. Прерогативами прогресса, способного решить все проблемы и противоречия прежнего общественного устройства, признаются город, государство, писанное право, письменность, наука, материальное развитие.

Роль, которую берет на себя цивилизационный прогресс в эпоху Просвещения, ведет к попытке обесценивания культурной традиции в целом. Многие из идеологов цивилизации того времени убеждены, что перспективы развития общества зависят именно от уровня его прогресса, что культура есть лишь атрибут этнических особенностей, а цивилизация – конечная стадия глобального исторического процесса. Такая манипуляция понятиями на долгий период закрепляется в научной традиции, определяя методологию исследования общества. Окончательно стирая границы между культурой и цивилизацией, и все больше закрепляя влияние рациональной модели

---

⁸³ Понятие «прогресс» происходит от латинского *progressus* «успех, продвижение, продвигаться вперед». В «Толковом словаре» В.Даля прогресс – характеризуется как умственное и нравственное движение вперед, как сила образования, просвещения, а в более широком значении - притязание на полную свободу [51].

Сама идея исторического прогресса родилась как отрицание закона поступательного, последовательного общественного развития, овеянная утопией о будущем «царстве разума». Прогрессивные идеи вначале распространились на сферу научного познания (так, уже Ф. Бэкон и Р. Декарт говорили, что не нужно оглядываться на древних, поскольку научное познание мира идет вперед), затем распространяются на сферу социальных отношений (А. Тюрго, Ж. Кондорсе), экономических и политических. Однако уже в эпоху кризиса капитализма блеск прогресса угасает, поскольку слишком очевидной становится диспропорция между материальным богатством капиталистического общества и уровнем его духовной культуры. Это иллюстрирует возрастающий пессимизм социально-философских теорий 20 в., прямо или косвенно отрицающих прогресс (так, современные исследователи предлагают заменить это понятие идеей циклического круговорота (О. Шпенглер, А. Тойнби), «социального изменения» (У. Огборн) и т.п.).

реальности⁸⁴, вдохновители цивилизационного подхода не смогли содержательное отличие и фундаментальные задачи данных явлений.

На практике такая ситуация вела к популяризации материалистических ценностей утилитаризма и научно-технического прогресса (например, популяризируются городской образ жизни, технический прогресс, интенсивно развиваются рыночные отношения), вытесняющих духовность из человеческой жизни. На воплощение нового видения реальности бросались наиболее мощные силы цивилизации – рынок, национальное государство, научно-технический прогресс. Выстоять и сохранить ценность *человеческой* жизни в условиях, когда все вокруг дышит эйфорией блеска будущего материального рая, было достаточно сложно. Человек сделал свой выбор в пользу материализма цивилизации и ее блестящих иллюзий.

Таким образом, под влиянием теории прогресса, интенсивного развития рынка, города, техноса, науки, культура с ее ориентацией на развитие духовной природы человека, с ее ценностями традиции, веры, последовательности, общности постепенно обесценивается. Она теряется за иллюзией материально-технического прогресса, подменяется в общественном сознании цивилизацией, этой новой материалистической моделью отношений, постепенно воплощенной в религии, философии, науке, праве, морали (Вольтер, А.Тюрго, Ж.Кондорсе, Дж.Вико).

Неудивительно, что в этой интеллектуальной эйфории большинство исследователей развития общества эпохи современности так и не смогли за

---

⁸⁴ Методологическая путаница в интерпретации культуры и цивилизации долгое время сводилась к отождествлению феноменов. Так, в работе «Друг людей» (*Ami des hommes*) французский философ В. Мирабо отмечает: «Если бы я спросил у большинства, в чем состоит цивилизация, то ответили бы: цивилизация есть смягчение нравов, учтивость, вежливость и знания, распространяемые для того, чтобы соблюдались правила приличий и чтобы эти правила играли роль законов общежития, – все это являет, лишь маску добродетели, а не ее лицо. Цивилизация ничего не совершает для общества, если она не дает ему основы и формы добродетели» [52].

внешним блеском цивилизации увидеть ее реальных угроз⁸⁵. Заложенное эпохой Просвещения интеллектуальное «освобождение человека» превратило его, по сути, в заложника иллюзии превосходства, реализовать которую теперь представлялось наиболее возможно. Однако рационализация мира обернулась для него трагедией, поскольку конструируя новые отношения, новую реальность – рационализированное капиталистическое общество, человек все больше заикливался на иллюзии собственного превосходства, все больше отдалялся от своей *человеческой* сути. Он стал забывать о своем главном даре – божественной искре – духовности, погрязая в трясине соблазнов иллюзии, и превращаясь в безликого потребителя желаний, для которого цивилизация разработала знание о новом порядке – иллюзию прогресса.

Поэтому, несмотря на общую интеллектуальную эйфорию эпохи, кризис прогрессистских иллюзий начался вместе с их активной пропагандой. Богатый этноисторический материал, полученный в «эпоху путешествий», обнаруживший разнообразие культурных традиций вне Европы, уже в конце XVIII начале XIX в.в. стимулирует исследовательскую потребность в разграничении феноменов культуры и цивилизации. Тот факт, что цели их развития кардинально отличны, становится очевиден, и именно это заставляет исследователей вновь и вновь возвращаться к проблеме. Так, одна из первых попыток выявить различия в культуре и цивилизации, была сделана немецким философом И. Кантом. В работе «О предполагаемом начале человеческой истории» исследователь отмечает, что «благодаря искусству и науке мы достигли высокой ступени культуры. Мы чересчур цивилизованы в смысле всякой учтивости и вежливости в общении друг с другом, но нам еще многого недостает, чтобы считать нас нравственно совершенными. В самом деле, идея моральности относится к культуре, однако применение этой идеи, которое сводится только к подобию нравственного в любви к чести и во внешней

---

⁸⁵ Даже в период популярности цивилизационных веяний, многие исследователи смогли рассмотреть в данном явлении серьезную угрозу гуманности, нравственности, насилия над природой человека (Ж.-Ж. Руссо, Д.Юм, Э.Берк).

пристойности, составляет лишь цивилизацию» [53, 384]. Противопоставляя цивилизацию культуре, И.Кант, таким образом, определяет последнюю, как сферу внутреннего совершенствования человека, определяющую состояние его развития.

Подобные попытки предпринимаются и другими исследователями. Так, Г. Гегель анализирует такие отрасли культуры, как искусство, религию, философию, науку в качестве различных форм самопознания духа народа, творящего историю и формирующего «лики» культуры. Марксистская традиция рассматривает культуру как систему отношений человека к природе и обществу, развитие его творческих сил и способностей. Культура тесно связывается не только с вопросами воспитания человека, но и условиями его всестороннего и целостного развития.

В начале XX века идентичность понятий «культура» и «цивилизация» опровергается окончательно, цивилизация противопоставляется культуре, как материальное – духовному. С этой целью, предпринимаются попытки систематизировать признаки цивилизации. Одна из них была сделана в середине XX в. английским археологом и историком культуры Г. Чайлдом, который предложил определять цивилизацию по следующим признакам: *города, монументальные общественные строения, налоги или дань, интенсивная экономика, в том числе торговля, выделение ремесленников-специалистов, письменность и зачатки науки, развитое искусство, привилегированные классы и государство*. Позднее, в 1958 году К. Клакхольм предложил сократить список Г.Чайлда до трех признаков: *монументальная архитектура, города и письменность*.

Такие попытки не привели к более четкому выделению различий между цивилизацией и культурой, поэтому использовались лишь в качестве одного из методологических направлений решения проблемы. Вместе с тем проблема оставалась открытой. Отдельные проблески в ее решении встречаются в рамках «философии жизни» (В. Дильтей, Г. Зиммель, О. Шпенглер, Х. Ортега-и-

Гассет, А. Бергсон и др.), где дух рассматривается как субстанция культуры, которая не может быть понята рационально, а лишь посредством внутреннего переживания. Культура трактуется как самобытная и локальная реальность, обладающая своеобразием, особым менталитетом, «душевным настроением» жизни. В отличие от нее цивилизация, как результат ориентации на разум и идеализацию утилитарно-рационалистических ценностей, ведет к угрозам жизнеспособности человеческого общества.

Так, об угрозах цивилизации, как символизации «гибели культуры», говорит и немецкий культуролог О.Шпенглер в своей работе «Закат Европы». Определяя цивилизацию как фазу заката культуры (культурно-исторического типа), исследователь говорит о гибели европейской культурной традиции. О.Шпенглер противопоставляет прогрессистской идеологии богатство культуры, проявляющееся в ее жизнеспособности. Каждая культура, по его мнению, – это живой организм, «живое тело души», рождающееся, становящееся, взрослеющее, стареющее и умирающее. Смерть культуры наступает с исчерпанием её души, когда её смыслы обесценены и уже не вдохновляют людей. Человек стремится теперь не к осуществлению культурных ценностей, а к бытовым целям и материальному благоустройству жизни. Этот период О.Шпенглер и связывает с наступлением цивилизации. Цивилизация – это заключительная стадия развития культуры, характеризующая ее надлом и гибель. Именно в стадию цивилизации и вступила, по мнению философа, культура Запада.

«Действительная культура» вбирает в себя, по мнению исследователя, все проявления человеческой жизни, ее чувственный и материальный мир, неся в себе ее духовный потенциал. Культура – это становление, творчество, она творит многообразие, предполагает неравенство, индивидуальную оригинальность и неповторимость личностей. Культура возвышается над нуждами людей, она нацелена на «чистые» идеалы, и вместе с тем, она привязана к земле, ландшафту. Культура основана на мифе, на религии.

Цивилизация же выступает полным антиподом культуры, это стадия ее упадка, когда умирает душа, поскольку цивилизация сугубо утилитарна, направлена лишь на достижение практических, полезных результатов. Сама ее суть – стремление к унификации, уравниловке, стандарту.

Если культурный человек обращает всю свою энергию вовнутрь, то цивилизованный – вовне, на покорение природы, на прославление собственного величия. В цивилизации нет ничего святого, она атеистична, ее культовым центром становится город, где человек превращается в безликую массу, где индустрия и техника развиваются огромными темпами, а искусство и литература деградируют. Цивилизация – голый техницизм, пронизывающий все сферы человеческого бытия. Рассматривая цивилизацию как агонию культуры, её смерть, О. Шпенглер в тоже время отмечает: «Будущий Запад не есть безграничное движение вперед и вверх, по линии наших идеалов... Современность есть фаза цивилизации, а не культуры...» [54, 135].

О. Шпенглер считал, что европейская культура уже пережила свой расцвет и находится на последней стадии упадка. Именно с приходом цивилизации он связывал закат Европы, её грубый практицизм и бездушный разум. Именно в бездуховности О.Шпенглер видит опасность, которую несёт с собой цивилизация. Нет ничего плохого в благоустройстве жизни, но когда оно поглощает человека целиком, то на культуру уже не остаётся душевных сил. Философ ничего не имеет против удобств и достижений цивилизации, но он предупреждает против цивилизации, вытесняющей подлинную культуру: «Культура и цивилизация это живое тело душевности и её мумия» [54, 231].

Опасения исследователя относительно будущего западной культуры понятны: *когда культура подменяется цивилизацией, духовное материальным, крушение общественных оснований становится неизбежным!* Об угрозе данной трансформации заявляет не только О.Шпенглер. Русский философ Н. Бердяев, противопоставляя понятия культуры и цивилизации, также анализирует данную проблему. Исследователь отмечает, что культура связана с

культулом предков, она невозможна без священных преданий, она органична в своей основе. Цивилизации же, по сути, нет дела до прошлого, она бездуховна, механична.

Н. Бердяев размышляет о том, что раньше у человека была «воля к культуре», был необходимый набор символов, смыслов, ценностей, определяющих цель и значимость поведения и жизни каждого представителя культуры. Теперь же, во времена цивилизации, символичность теряет свое значение, всё сводится к бытовым, материальным проблемам. Человек слишком рационален и практичен, он уже не верит так искренне в возможность лучшей или другой жизни где-то там, он хочет всё получить здесь и сейчас, подменяя цель жизни ее средствами.

Заявляя об упадке культуры, Н.Бердяев однако отмечает, что с помощью веры, человек может себя спасти. В этом отношении он говорит о современной ему ситуации следующим образом: «Мы начали переживать кризис культуры, не изведав до конца самой культуры... Цивилизацию, мы создаем безобразную. Варварская стихия всегда была слишком сильна... Но в душе русского народа, быть может, сохранилась большая способность обнаруживать волю к чуду религиозного преображения жизни» [55]. Противопоставление явлений культуры и цивилизации проводит и российский социолог П.Сорокин, отмечая, что утрата культуры ведет к существованию «бездуховной» цивилизации.

Исходя из описанного, к концу XIX в. формируется традиция противопоставления культуры и цивилизации, как сфер духовного и материального. За культурой закрепляется сфера духовных ценностей (Г. Риккерт и В.Виндельбандт, В.Дильтей), а за цивилизацией – материальных, технических (А. Вебер, Э. Шпрангер, М. Шелер). Особенно отчетливо данная традиция закрепилась в научном дискурсе после выхода работы немецкого культуролога А. Вебера «Избранное: кризис европейской культуры». Культура и цивилизация, по мнению А. Вебера, участвуют в формировании процесса исторического творчества, и разграничиваются как сфера высших целей и

средства их удовлетворения. Основа такого разграничения лежит в области сознания. Культура базируется на «метафизическом чувстве», а цивилизация на «техническом разуме», это процесс интеллектуализации и рационализации жизни. Исходя из этого, А. Вебер включает в цивилизацию достижения научно-технической мысли и их реализацию в области материального производства, а также экономику, право, государство и т.д. Культура – высший смысл человеческого существования, она совершенно не зависит от материальных нужд. Лишь тогда, когда жизнь освобождается от нужды, превращается в структуру, стоящую над ними, возникает культура [56].

Современная научная традиция закрепила материалистическое понимание цивилизации, как сферы развития технологических характеристик общественной жизни, а техногенные катастрофы, геномная модификация, ядерное оружие и прочее показали несостоятельность и утопичность прогрессистских идей. Формальная рациональность цивилизации, создала идолов (научно-технический прогресс, экономическая эффективность, государство и др.) во власти которых оказался современный человек. Поклоняясь своим кумирам, идя на поводу зависимости служения, он обесценил опыт предшествующих поколений – культурную традицию, взрастившую его. Собственными руками он запустил фабрику по производству желаний, остановить которую теперь не в состоянии. За блеском и эйфорией иллюзии цивилизационного прогресса он не сумел увидеть, что ее подлинная сущность – это «мертвый» технос, пожирающий все *человеческое*. При этом ощущая последствия, к которым привела идеализация цивилизационного материализма, современный человек все чаще начинает задумываться о собственной сути. Кто он: бездушный унифицированный робот, согласный на все ради благ комфорта и материальной обеспеченности или все же *человек*, потерявший себя в гонке за призрачным фантомом такого благополучия?

4.2.2 От культуры к цивилизации: иллюзия развития

Культура и цивилизация это живое тело душевности и её мумия
О.Шпенглер

Оценка перспектив развития западной цивилизации, попытки соотнесения материальных, технических достижений с духовным кризисом, состояние современного человека, оказались в центре внимания исследователей современной эпохи. Тот факт, что под воздействием прогресса, лишённые живого, непосредственного общения люди постепенно теряют суть своего *человеческого естества*, становится все более очевидным в настоящее время. Идя на поводу рационализма, ориентированного сугубо на материальные блага цивилизации, человек все больше разрывает свои общностные узы, теряет культурную традицию, призванную ориентировать его на раскрытие духовного потенциала, на поддержание родовых связей, как перспективу развития *человеческого общества*.

Показательно в связи с этим, что параллельно с интенсивным развитием идеалов прогресса и цивилизации в современном обществе начинает настойчиво подниматься вопрос о возможности социального порядка. Многие представители классической, а в дальнейшем и современной социально-философской традиции (О. Конт, Г.Спенсер, Э.Дюркгейм, М.Вебер, Г. Зиммель, Т.Парсонс, Дж.М. Болдуин, Ч.Х. Кули, Р. Нисбет, Ф.Теннис, Дж. Мид, Г. Блумер, Дж. Хоманс, П. Блау, Г. Гарфинкель, Г. Закс, Б. Малиновский, Н.Луман, П. Бергер, Т. Лукман), обращаются к вопросу нестабильности общественных отношений. В своих работах исследователи все больше анализируют необходимость решения проблемы социального порядка, преодоления аномии, дезинтеграции целого, обращаясь к культурному потенциалу общества, как единственному источнику его стабильности и реорганизации.

Все более очевиден становится тот факт, что сформировавшаяся в русле идей прогресса модель рационализированного общества не перспективна, что

конец социальности Модерна – проблема не надуманная, а вполне реальная, поскольку в сложившихся условиях человек, как и само общество оказывается перед реальной угрозой своего гармоничного развития. Прославляя высокий уровень научно-технического, образовательного, политического и экономического развития, современное человечество все более ощущало на себе глобальную культурную деградацию, духовный кризис. Постепенно вслед за блеском благ цивилизации, комфортом и технологиями интенсивного развития, интеллектуальным освобождением, приходит понимание реальных последствий прогресса, и оно стало для человечества шокирующим.

Обесценивание роли культуры, как сферы духовного развития личности, стало для современного общества условием социокультурного кризиса, приобретающего все более глобальные размеры в связи с ориентацией на материализацию жизни. Все больше погрязая в зависимости от пожирающего потребительства, современник расплачивался за собственную жадность непомерной ценой – своей свободой, жизнью. Он стремится к благополучию, развитию, порядку, голосует за них, критикует, когда они отсутствуют, но при этом не знает о реальной природе этих феноменов. Он искажает и обменивает свое культурное, духовное развитие на комфорт и зависимость от материальных благ.

Почему человек отказывается от источника своего гармоничного развития, что становится предпосылкой подмены культуры цивилизацией? В чем заключается сам механизм данного обмена? Чем угрожает современному миру увлечение цивилизацией? Другими словами, что несет в себе само цивилизационное знание? Над этими вопросами человечество начинает задумываться с момента появления первых признаков потери общественной целостности.

Наблюдая за разрушением стабильности и сакральности общностного порядка присущего традиционному обществу и переходом к рационализированной социальности Модерна, немецкий социолог Ф.Теннис в

своей работе «Общность и общество» отмечает: «Подобно тому, как индивидуальная сущностная воля порождает непосредственно сам процесс мышления и избирательную волю, каковая стремится подавить первую, сделав ее от себя зависимой, – так у исторических народов мы наблюдаем процесс развития общества и общественных образований с помощью избирательной воли из первоначальных форм жизни и индивидуальных волевых образов: *из культуры народности – в цивилизацию государственности*» [57, 243]. Исследователь описывает этот переход следующим образом, в рамках культурной традиции народ создает дома, селения, города, страны. Затем, в этой среде появляются сильные своевольные фигуры – в образе князей, феодальных сеньоров, рыцарей, царей, а также служителей культа, ученых. На первых порах все они экономически и социально зависят от воли народа. Их могущество закрепляется в процессе формирования нации, что вызвано экономическими условиями. Можно сказать, что их действительное господство является экономическим, завоеванным крупными торговцами, подчиняющими себе рабочую силу нации. Причем наивысшей из этих форм господства является планомерное капиталистическое производство, или крупная промышленность. Поэтому условия национального единения закладываются в рамках капиталистического производства, основной силой которого является рационализированный торговый класс, цивилизованный по своей природе. А вслед за ним все более цивилизованными, то есть общественными становятся и все другие сословия, и весь народ.

Изменяя свой социальный статус и, следовательно, условия своей повседневной жизни, люди меняют свой *социальный характер (темперамент)*; постоянное стремление к переменам делает его лихорадочным и непостоянным. Параллельно этим изменениям в социальном порядке происходит постепенное преобразование *права*. Чистый контракт становится основой всей системы, а избирательная воля общества, определяемая общественным интересом, оказывается единственным источником, хранителем и двигателем

правопорядка. Государственная воля все больше освобождается от традиции и веры относительно ее основополагающей роли. Таким образом, право, в конце концов, опирается не на *нравы* и является правом естественным, а только на закон, и становится уже продуктом политики. Теперь в качестве действующих единиц существуют лишь государство с его институтами и индивиды – вместо естественно образовавшихся товариществ, общин и этнических сообществ. И так же как эти сообщества определяли характер людей, так теперь меняется и он, приспособляясь к новым произвольным правовым установлениям и теряя ту опору, которая ранее покоилась на нравах и на убеждениях в том, что они незыблемы.

Под влиянием всех этих изменений совершенно изменяется духовная жизнь. Теперь она целиком опирается на разум. «Прежде человек верил в незримые существа, духов и богов, теперь он обратился к познанию видимой природы. Религия, произрастающая из глубин народной жизни, уступает место науке, берущей свое начало из глубины разумно осознанного. Религия непосредственна и по своей сущности моральна, поскольку она глубочайшим образом соотносится с теми телесно-душевыми узами, которые связывают целые поколения людей. Наука же получает свое моральное обоснование лишь через наблюдение законов человеческого общежития, пытаясь вывести отсюда правила его произвольного и разумного порядка. И *способ мышления* отдельных людей постепенно все менее определяется религией, все более — наукой» [57, 244].

Итак, ход рассуждений исследователя заключается в описании момента перехода от культуры к цивилизации, точки разрыва влияния культурной традиции, подмене живой природы общинных связей, унифицированной системой по производству желаний – современной цивилизацией. Причиной таких изменений на макроуровне, тех сущностных противоречий, порождающих насилие, войны, разрушение, отчуждение и эксплуатацию, богатство одних и нищету других, и в конечном итоге, гибель самой души

общества, его культуры, становится, как уже отмечалось, интенсивное развитие рационального познания. Культ разума, выбор его в качестве «авторитетного» интерпретатора истории человечества, становится условием искажения механизма целостного развития человека, условием обесценивания духовного в пользу материального, фактором цивилизационного прогресса. Таким образом, этот судьбоносный для человечества выбор и обуславливает возникновение проблемы индивидуальной и социальной целостности. Поскольку деформирует сами условия развития *человеческого потенциала, блокируя развитие кордоцентричного познания!*⁸⁶ *В этих условиях искажается значение и роль фундаментальных установок человеческой жизни – любви, доверия, свободы, творчества, культурного развития, изменяется вектор ее развития.*

Эти тенденции, иллюстрирующие характер развития современной эпохи, неумолимо ведут к деградации личности и общества, разрыву фундаментальных духовных связей. Продвигая в качестве фона развития человека и общества цивилизацию, рациональное познание лишает личность той благоприятной почвы, в которой и происходит осознание ею своей

---

⁸⁶ Здесь необходимо вернуться к теме активности человеческой природы, то есть потребностей и желаний. Как описывалось ранее, потребности человека, являются естественными механизмами индивидуальной и социальной активности, направленными на удовлетворение его духовной природы. Иными словами, только посредством удовлетворения духовных потребностей человек способен раскрыть свой потенциал, реализоваться, достичь целостности, гармонии, баланса. Этот процесс возможен благодаря развитию кордоцентричного познания, как единственного способа целостного развития человека, раскрытия его духовного потенциала. Это требует постоянной работы над собой, потребности прийти к себе настоящему, познать себя. Именно поэтому в раскрытии потенциала человека огромную роль играют, как уже отмечалось:

- *благоприятная среда*, построенная на принципах *семейных отношений* (то есть любви – единения), в рамках которой человек обнаруживает и удовлетворяет свои духовные потребности, приобретает созидательный опыт гармоничных отношений и объективные социальные знания о *человеческой жизни*;

- *культура*, как система объективных социальных знаний, сохраняющая, укрепляющая и транслирующая духовную преемственность от поколения к поколению. В качестве *путеводителя человеческого развития, раскрывающего цель его жизни*, культурная традиция выступает необходимой предпосылкой духовного совершенствования человека, обнаружения потенциала его *человечности*, становления индивидуальной целостности. Именно в рамках культурного становления – воспитания личности, происходит обнаружение тех глубинных механизмов ее активности, которые раскрывают потенциал человека – его духовных потребностей.

уникальной сути⁸⁷. Вне культурного контекста обесценивается сама человеческая жизнь, что ведет к превращению общественных отношений в прибавочный продукт⁸⁸ цивилизации. *Такая ситуация лишь актуализирует материалистические установки на прагматизм, личное благо, эгоизм (то есть цивилизационные аспекты развития), нарушает баланс человеческой жизни, угрожая существующему порядку! Цивилизация становится тем «благоприятным» фоном, глобальной фабрикой работающей на поддержание зависимости человека от системы.* Поскольку ориентированная на материализацию человеческого потенциала, представляет целый арсенал способов и средств удовлетворения желания служения: дизайн⁸⁹, как символ влияния потребительства на человека, реклама, заставляющая

---

⁸⁷ Человек вне культуры не способен даже осознать своей сути. Вне ее он – беспощадный потребитель, для которого процесс накопления материально-технических благ становится единственным интересом и ценностью жизни.

⁸⁸ Прибавочный продукт – совокупность материальных благ, создаваемых в сфере производства и услуг сверх необходимого для существования человека и его семьи уровня. Историческое деление труда и созданного им продукта на необходимый и прибавочный, происходит в ходе резкого роста производительности труда (неолитическая техническая революция), когда его уровень позволяет производить материальные блага сверх необходимого количества. В ходе этих изменений происходит отделение труда умственного от физического, появление науки, профессионального искусства, частной собственности на средства производства, составившей материальную базу расслоения общества и эксплуатации человека человеком.

В целом появление прибавочного продукта способствует переходу от традиционного общинного порядка к современному обществу, где в результате повышения производительности труда крупные собственники эксплуатируют, присваивают часть благ, произведенных работниками. Как атрибут таких отношений, прибавочный продукт служит источником их обогащения. Меняются лишь способы его присвоения (так, при капитализме стоимость прибавочного продукта, входящая составной частью в стоимость товара, безвозмездно присваивается собственниками и выражается в виде прибавочной стоимости).

⁸⁹ На более ранних стадиях развития производство ориентировалось в основном на полезность, а не на дизайн. Однако в XX в. именно дизайн стал приобретать решающее значение среди прочих характеристик товара. Этот процесс начался в 20-е годы в США. Тогда постепенное улучшение технических характеристик автомобиля «Форд» стало уступать все более открытой и циничной политике непрерывных стилистических изменений с целью стимулировать продажи и получение прибыли. Автомобильное производство было сориентировано на трехлетний цикл, и каждые три года создавался новый стиль. Приобретение новой, «стильной» машины при наличии вполне исправной, но «старомодной» становилось знаком социального статуса. Таким образом, внедрение дизайнера в производство сознательно превращало его в производство товаров кратковременного потребления, чтобы стимулировать все новые продажи [49].

приспосабливаться к новому товару⁹⁰, мода, движимая желанием человека показать свое превосходство⁹¹, торгово-развлекательные комплексы, система кредитования и депозитов.

Цивилизация бесцеремонно эксплуатирует пороки человека, поскольку посредством дизайна, моды, рекламы, торгово-развлекательных комплексов, кредитов и других инструментов манипуляции все дальше уводит его от реального решения проблемы зависимости (служения), все больше погружает в иллюзию, кишащую неудовлетворяемыми желаниями. Все более разнообразными способами она создает, стимулирует желание потреблять, использовать, обладать которое приобретает больше знаковое, чем символическое значение. В результате, люди начинают воспринимать потребление как единственный способ самовыражения, как единственно возможный и оправданный образ жизни.

В этой рационализированной программе *иллюзия – желание – цивилизация* человеку остается лишь принимать для себя то, что производит

---

⁹⁰ Реклама приучает потребителей ценить новый стиль, каким бы он ни был. Это означает, что современное капиталистическое производство не приспособливает товар к нуждам потребителей, но заставляет потребителей приспособляться к новому товару. Дизайн служит при этом инструментом порождения новых желаний. В качестве примера исследователь приводит деятельность фирм, выпускающих джинсы. Так, дизайн новой модели «Левис 501» ничем не отличается от других джинсов, предлагаемых рынком, кроме незначительных мелких деталей. Однако дело не в самом дизайне, а в его восприятии. Такое восприятие формируется рекламой, «раскручивающей» модель с обновленным дизайном, создавая привлекательный образ молодого человека или девушки, выбирающих именно эту модель. Дизайн становится средством извлечения новой прибыли [49].

⁹¹ Мода является атрибутом капиталистического производства. Оно требует постоянного изменения и обновления, побуждает к потреблению все новых товаров. С.Майлз аргументирует это кратким экскурсом в историю моды. Этот феномен обнаруживается при переходе к позднему средневековью и далее в ходе истории постоянно используется для стимулирования роста производства. Сначала мода затрагивает только наиболее богатые слои общества. Однако, как показывал Г.Зиммель, по мере расширения сферы денежного обращения, такая ситуация меняется. В той мере, в какой одни классы и индивиды стараются не отставать от других, мода – будь-то в одежде, мебели или музыке – начинает играть все более важную роль в экономическом развитии. После Второй мировой войны мода становится важным экономическим фактором как в Европе, так и в США. В этот период формируется обширный рынок молодежных товаров, а вместе с ним и поп-культура, которая требует средств для выражения различий. Параллельно мир моды трансформируется в большое количество отдельных форм, стилей и, соответственно, рыночных ниш.

цивилизация для его иллюзии. Он заиклен в своем прагматичном выборе, поэтому даже проявления духовной жизни – любовь, творчество, доверие, он пытается оценить рационально (в силу чего и происходит ужасающая для человека и общества подмена сути любви служением). Таким образом, цивилизация из вспомогательного средства культурного развития становится симулякр культуры, не освобождающим, а порабощающим личность в ее неконтролируемых желаниях потреблять. Как абсолютно материальный феномен, цивилизация подбрасывает человеку материальные блага, на которые покупается желающий разум, не способный отличить истинное от ложного, иллюзию от реальности.

С самого момента своего развития цивилизация характеризуется прогрессирующим общественным разделением труда, развитием информационно-транспортной, экономической и политической инфраструктур, в целом, как уже отмечалось, ориентацией на материальный комфорт и благополучие. Воплощаясь в экономических и политических структурах современного общества, она выступает *вспомогательным инструментом культуры и не способна существовать самостоятельно, поскольку ее задачи ограничены. По сути, феномен цивилизации представляет собой совокупность материально-технических средств, участвующих в культурном развитии человечества (то есть облегчающих материально-бытовые аспекты его жизни). Следовательно, роль и значение культуры и цивилизации в жизни человека и общества, абсолютно различны. Культура открывает личности цели и условия ее гармоничного развития, выступает естественной и необходимой предпосылкой раскрытия человеческого потенциала, индивидуальной и социальной целостности. Потенциал цивилизации направлен на производство материально-технических условий, удовлетворяющих физиологические аспекты человеческой жизни. То есть, по сути, ее цель – предоставлять средства для развития культурной традиции. Лишь в этой своей роли она способна участвовать в процессах культурного производства.*

Поэтому любые искажения такого сущностного соотношения культуры и цивилизации свидетельствуют о дисбалансе индивидуального и социального развития!

Иллюстрацией заявленной проблемы выступает современная ситуация. Установка на цивилизационный прогресс, заложенная эпохой Просвещения, превратила цивилизацию в способ избавления людей от «затрат невосполнимого времени индивидуальной жизни на заурядное природное выживание». Вытесняя духовность из жизни человека, она стандартизирует условия и характер его жизнедеятельности, вырабатывает средства, постоянно сокращающие связь человека с реальным миром – необходимым признаком культуры, и развивает иллюзию виртуальной жизни.

Ставка на материальный аспект развития, ориентирует потенциал человека на удовлетворение неиссякаемых желаний, отвлекая тем самым от основной цели – развития и совершенствования внутренней духовной природы. Обещая комфорт и удовольствия, цивилизация скрывает от ведомого иллюзией человека конечную точку его назначения – стать отчужденным, безликим Големом. Вместо истинной цели прогрессивного развития она продолжает поддерживать иллюзию об индивидуализации, как освобождении личности, обществе, как рациональном проекте, капитализме, как единственно возможной системе процветающих экономических отношений, массовом потреблении, как условии человеческого счастья.

Взрастая на формализме разума и значении последнего в современном обществе, цивилизация использует его некомпетентность в вопросах жизни, счастья, любви и т.п. Поверхностно оценивая сложившуюся ситуацию, сложно понять, что действительно стоит за внешним проявлением материально-технического прогресса, экономическим приумножением материального богатства и благополучия. Вместе с тем, уже первые попытки содержательного анализа позволяют увидеть, что «прижившаяся» в условиях интенсивного развития прибавочного продукта, цивилизация, по мнению ряда современных

исследователей, смогла интенсивно развиваться лишь в рамках идеологии меркантилизма, заложившей предпосылки формирования современных капиталистических отношений.

4.2.3. Мифы цивилизационного прогресса

а) Иллюзия общества – рационального проекта

Нужно оставить совершенно ложную идею... что человек есть создание социальной среды. Наоборот, социальная среда есть создание человека. Это не значит, что социальная среда не действует на человека, она очень действует. Но рабья социальная среда, порабощающая человека, есть порождение рабьего состояния человека, рабьих душ. И, наоборот, духовность несет с собой освобождение, человечность... все лучшее в социальной жизни исходит из этого источника. Господство же объективированного общества несет с собой порабощение
Н. Бердяев

Ставка модерна на рационализацию жизни, цивилизационный прогресс, унификация всего *человеческого*, стала исходной точкой в формировании рационализированной, прагматичной социальности нового типа – Модерна. Этот характер отношений даже на первый взгляд отличался от традиционных общинных, чей внутренний мир сохранял душевность и уникальность человека. В отличие от них, современное общество выступало унифицированной системой отношений индивидуализма и безличной формальности. В качестве рационального продукта цивилизационного прогресса, основанного на договоре, формальности членства, современное общество интерпретировалось как механическая, искусственно созданная форма жизни, формирующаяся на основании крупных объединений и ассоциаций (деловые круги, правительство, политические партии, добровольные ассоциации)⁹². Природа и установки этого рационального проекта качественно отличались от общинных.

---

⁹² Анализ функционирования общественных отношений в научной традиции появляется в рамках теории общественного договора, объясняющего необходимость формирования института государства. Данной проблеме посвящены работы Т.Гоббса, Дж.Локка,

Ни общность ценностей, ни духовная близость или кровное родство, не составляли ценность общественных отношений, лишь *личный интерес*, закрепленный юридическим соглашением – договором, был условием возможности общества. Таким образом, «договор» и «корыстные интересы» составляли основание организации общественных отношений.

Интересно в связи с этим отметить, что этимологический анализ понятия «интерес» неразрывно связан с темой желания, как корыстного, эгоистического мотива человеческой деятельности⁹³. Так, анализируя дихотомию понятий общность и общество, Ф.Теннис акцентирует внимание на условиях формирования общественных отношений. Здесь, по мнению исследователя, в отличие от общностей, людей сближают лишь корыстные интересы, стремление к собственной выгоде, рациональный расчет, общая профессия или место работы. Здесь нет никакой интимности, искренности, неподдельного интереса к близкому тебе человеку, с которым ты готов разделить пищу и кров [28]. В современном обществе присутствует лишь холодный расчет и прагматизм, организующие *общественные отношения вокруг личных интересов*, направленных на стремление обладать *материальными благами*⁹⁴.

Ш.Монтескье, Ж.Руссо, Г.Гегеля, которые сделали различные выводы из этого исходного положения. Так, Т. Гоббс защищал авторитарную монархию, Дж. Локк выступал за либеральную монархию, в то время как Ж.Ж.Руссо отстаивал либеральный республиканизм. Однако общим положением данной концепции выступал тот факт, что «естественные условия человеческой жизни», основывающиеся на традиции общностных отношений, не могут больше обеспечить удовлетворения человеческих прав. И лишь страх за собственную жизнь, страх потерять собственность, способны поддерживать социальный консенсус. (Такая постановка проблемы возникает в период интенсивного развития теории цивилизационного прогресса, в рамках которой кардинально трансформируются представления о человеке и социальном порядке).

⁹³ В Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля понятие «интерес» (*фр. Intérêt*) переводиться как *польза, выгода, прибыль, проценты, рост на деньги* [51]. Схожее толкование понятия находим и в словарях Т. Ефремовой [58] и Д.Ушакова [59]. И в первом, и во втором случаях интерес определяется как *внимание*, возбуждаемое по отношению к кому-либо, чему-либо важному, полезному; как *прибыль, выгода, польза, желание*.

⁹⁴ Ф.Теннис отмечает, что ядром общества оказались рациональность и экономический расчет: «Теория общества имеет дело с искусственно созданным агрегатом человеческих существ, который внешне напоминает общность в том, что индивиды мирно живут и сосуществуют друг с другом. Однако в общности они остаются принципиально объединенными даже вопреки всем разделяющим факторам, тогда как в обществе они

Таким образом, желание, как условие формирования рациональной эгоистической ориентации, определяет характер общественных отношений.

Связь желания с материальными аспектами человеческой жизни, превращает современное общество в своеобразный «человеческий рынок», где все подчинено принципам конкуренции, накопительства, эксплуатации. Можно сказать, что трансформировавший собственное значение и границы, современный рынок, стал определять характер человеческих отношений⁹⁵. «Рыночное понятие ценности, превосходство меновой ценности над полезной привело к сходному понятию ценности в отношении людей и, в частности, в отношении человека к самому себе, выраженном в восприятии себя как товара... формировался глобальный «личностный рынок», на котором личность торгует собой, как вещь. При этом материальный успех таких «вещей» зависит от признания их личности теми, кто платит за их услуги или нанимает на работу. Принцип оценки и на человеческом рынке, и на товарном

разделены вопреки всем объединяющим факторам... В обществе каждый существует сам по себе и в изоляции. В нем налицо напряженность со стороны индивида по отношению ко всем остальным. В обществе сферы деятельности и власти индивидов резко разграничены таким образом, что каждый отказывает другому в контакте со своей сферой и в доступе к ней, то есть вторжение в нее расценивается как враждебный акт. Такая отрицательная установка по отношению к другому становится нормой и всегда лежит в основе отношений между наделенными властью индивидами. Она характеризует общество в состоянии мира. В нем никто не желает передавать и производить что бы то ни было для другого индивида, никто не склонен быть щедрым по отношению к другому, если в обмен на подарок или труд он не получает то, что рассматривает, по крайней мере, равным отданному» [57, 64-65].

⁹⁵ Рыночная ориентация развилась в качестве доминирующей только в современную эпоху, не только как модель экономических отношений, но главным образом как основное условие развития современного человека. В отличие от традиционного локального рынка, в рамках современного изменяется сам принцип товарообмена, как основного экономического механизма. На локальном рынке товарообмен позволял встретиться для обмена товарами. Производители и потребители были знакомы. Они представляли собой сравнительно небольшие группы. Спрос был более-менее известен, так что производитель мог производить товары, ориентируясь на этот определенный спрос. Современный рынок уже не место встречи, а механизм, отличительная черта которого – абстрактный и безличный спрос. Производитель работает на рынок, а не на потребителей. Вердикт рынка основывается на законах спроса и предложения: рынок определяет, какой из товаров может быть продан, и за какую цену. Независимо от того, какова полезная ценность, например, пары ботинок, если предложение превышает спрос, эти ботинки будут обречены на экономическую смерть; их вообще можно было бы не производить. Рыночный день – это «судный день» для меновой ценности товаров [60].

одинаковый: на первом на продажу предлагаются личности, на втором – товары. Ценностью в обоих случаях является меновая ценность, для которой полезная ценность необходимое, но не достаточное условие... Тот факт, что чтобы добиться успеха, недостаточно обладать умением и умственным багажом для выполнения поставленной задачи, но нужно еще быть способным вступить в состязание со многими другими, формирует у человека определенную установку по отношению к самому себе. Человек заботится не о своей жизни и счастье, а о том, чтоб стать ходким товаром» [60]. Таким образом, под воздействием цивилизационного знания принципы организации рыночных отношений постепенно обретают статус принципов общественного устройства.

Новый рационализированный характер отношений постепенно охватывает все сферы общественного развития. В частности, «опорой власти становится не авторитет традиции, знания, а сила, коллективную волю общины заменяет воля государства. На смену неформальному контролю родственников и соседей, приходит формальный контроль со стороны полиции, судебных властей и армии. Вместо неписанного права появляются формальные юридические законы, стремящиеся все глубже проникнуть в приватную жизнь человека» [28, 121–122]. Политические партии, секты, благотворительные фонды и финансовые ассоциации – общей для всех названных организаций становится установка на *прагматичный интерес, борьбу за конкурентноспособность на «человеческом рынке»*. *Желание получить от участия в разного рода объединениях что-либо для себя – вот основной рациональный стимул для объединения в общества!*

По сути, приобретая в условиях цивилизационного развития массовый характер, ориентация на *желаемое (а не необходимое!)* стала общественной установкой, формирующей стратегию тотального потребительства. Интерес стимулируется бесконечным потоком желаний, продуцируемых человеческим разумом. Потребление выходит за традиционные рамки «процесса по удовлетворению потребностей человека», перерастая в бессмысленную

материальную практику массового использования, присвоения всего и вся. В этой гонке за желаемым, прагматичный интерес играет с человеком злую шутку, загоняя его в тупик. Проникая в социальную сферу, желание изменяет сам характер социальности. Из надежного общинного дома она превращается в разрозненный мир обезличенных эгоистических отношений. Значение культурной традиции, поддерживающей порядок общинного устройства, здесь подменяется формальными принципами цивилизационного прогресса, а духовные ценности – моралью и этикетом. Так, трансформируется само значение и роль *человеческих отношений*, а также основного института их формирования – семьи. Этот уникальный мир любви, доверия, творчества, ощутил на себе реальную угрозу влияния разума. Новый рациональный проект трансформировал семейные отношения в результат «совместного договора двоих по реализации личных интересов каждого». Всей своей сутью рационализированная социальность стремилась подавить, унифицировать *человеческую* уникальность, обменяв ее на цивилизационные блага. Превратить личность в бездушную марионетку, бездумно растрачивающую себя на утопический прогресс – основная ее задача, для реализации которой используется самое «действенное оружие» – человеческое желание.

Однако даже самый «выгодный» интерес, соблазнительное желание не способны гарантировать, что «полезные» отношения рано или поздно не будут обречены, а духовный вакуум будет ликвидирован. Все больше погружаясь в зависимость от материальных благ, человек все четче ощущал неудовлетворенность и разочарование собственной жизнью, все чаще поднималась тема *человеческой* гармонии, счастья и благополучия. Покупка новой машины, пусть даже самой престижной или повышение по службе оказались не способны заглушить тот внутренний страх одиночества и пустоты, которыми заразилось человечество современной эпохи. Но все же заикленный на материальном комфорте, человек продолжает гасить свою душевную боль удовлетворением все новых и новых желаний.

б) Иллюзия благополучия

Спроси себя, чего ты хочешь – богатства или счастья? Если богатства – знай, что оно ни благо, ни в твоих руках; если счастья – будь уверен, что оно и благо, и находится в твоей власти: первым судьба сужает нас только на время, тогда как быть счастливым зависит от нас самих
Эпиктет

В современном обществе ориентация на благополучие становится одной из основных установок. Об этом пестрят все телевизионные каналы, реклама, на это ориентирован научно-технический прогресс, рыночное производство и современная промышленная индустрия. Можно сказать, что идея благополучия становится движущей установкой человека современной эпохи, инициативу в реализации которой, берет на себя прогрессивное знание, посредством государства и капиталистического производства. Все в этой системе подчиняется законам рационального производства-потребления под лозунгом увеличения экономических показателей, как отдельного человека, так и самого общества. Основным принципом здесь становится глобальная установка на достижение личного блага с целью «всеобщего благоденствия».

Вместе с тем, даже поверхностный анализ тенденций развития современного общества показывает, что в связи с такой ориентацией социальной системы возникает огромное количество проблем. Корни последних скрываются в искаженном рационализированном представлении о благе (благополучии), отраженном в характере современного капиталистического производства, то есть личном интересе, прибыли, накопительстве, эксплуатации, конкуренции. Все более настойчиво в последнее время начинают звучать вопросы: «Почему бросая все силы на воплощение модели благополучия, современное общество все чаще сталкивается с проблемами своего перспективного развития? Почему при постоянно растущем научно-технологическом уровне качественные социальные показатели общественного развития не дают ожидаемых результатов? Наконец, связаны ли экзистенциальные аспекты человеческого развития – любовь, счастье,

гармония, доверие с научно-техническим прогрессом современного общества?» Поиск ответов на эти актуальные вопросы и заставляет обратиться к исследованию природы феномена благополучия.

Ретроспективный анализ общественной проблематики показывает, что проблема благополучия была заявлена уже в период античности (в работах Платона, Демокрита, Аристотеля⁹⁶, Эпиктета и др.). Параллельно с историческим развитием общественных отношений она эволюционирует, прежде всего, как стремление к воплощению нравственных добродетелей: духовной гармонии, счастья, общего блага (Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, И. Бентам, В. Соловьев, С. Франк, Э. Шефтсбери, Э. Фромм), а также в качестве достижения гармоничных отношений человека и окружающей его среды (Дж. Гэлбрейт, И.В. Бестужев-Лада, В.П. Данилов-Данильян, Г.Г. Дилигенский, Т. Скитовский, У. Бек).

Такая связь благополучия с духовными аспектами жизни человека не случайна. Обращаясь к этимологии понятия («благополучие» от греч. εὐδαιμονία)⁹⁷, находим, что оно выступает производным категории «благо» (от греч. τὸ ἀγαθόν, τὸ εὖ, τὸ καλόν, то есть *высшая цель стремления человека*)⁹⁸ и

⁹⁶ Еще в «Никомаховой этике» Аристотель замечал, что благо есть высшее благо само по себе (то есть духовное). Исследователь связывает последнее с деятельностью общества, основной целью которого является доставление благ своим членам. Отсюда возникло учение эвдаимонизма и эвдаимонических теорий, развивавшихся в Европе с XVI ст. из учений Аристотеля [61].

⁹⁷ Древнегреческое εὐδαιμονία – *благополучие, счастье*, буквально означает (от εὖ – «благой» и δαίμων – «божество») покровительство доброго гения и указывает на отношение человека к божественному. Поэтому этимологически понятия «благополучие» и «счастье» имеют общее значение.

Первым философом, сделавшим понятие счастья главным предметом своих размышлений, стал Демокрит. Чтобы «устранить» зависимость от внешних условий (удачной судьбы, богатства и т.д.) и связать счастье с внутренним состоянием человека (позитивное ощущение жизни, довольство), Демокрит использует понятия εὐθυμία – «благодушие» и εὐεστώ – «благосостояние». Именно благодаря эвтимии, как самообладанию, внутренней настроенности и ровности духа, человек получал возможность «умерить свои желания и добиться упорядоченной жизни». Этот философский «рецепт» открывает возможность выхода за пределы ограничений, накладываемых рациональным материализмом, и позволяет человеку стойко переносить удары судьбы [62].

⁹⁸ В древнерусском языке «благо» употребляется в значении «добро», «хорошо», «доброе дело», «все служащее счастью» (праславянское *sъčestъj* восходит к древнеиндийскому *su*

глагола «получить». Синонимами блага в этой связи становятся также понятия «счастье», «добро», «благоденствие», «благосостояние», «богатство», как высшие духовные ценности человека, отражающие всю многогранность его духовной природы. Так, анализируя проблему благополучия, Аристотель в своей работе «Никомахова этика» отождествляет благо со счастьем. «... Мы будем утверждать, что счастье это: 1) успех, сопряженный с добродетелью, или 2) полный достаток в жизни, или 3) жизнь, приятная вследствие своей устойчивости и размеренности, или 4) изобилие скота и рабов...» [61]. Последние три определения Аристотель отрицает как гедонистические, уравнивающие счастье с чувственным наслаждением. Исследователь отмечает, что для человека наиболее соответствующей жизнью является деятельность души. Это необходимое условие достижения блага, так как, по мнению исследователя, в жизни прекрасного и благого достигают те, кто совершает правильные поступки. Поэтому благополучие (эвдемонию) философ определяет как высшую цель, которая состоит в добродетельной деятельности души (*арете*)⁹⁹ [61]. «Подобная жизнь будет, пожалуй, выше той, что соответствует человеку, ибо так он будет жить не в силу того, что он человек, а потому, что в нем присутствует нечто божественное, и, насколько отличается эта божественная часть от человека как составленного из разных частей, настолько отличается и деятельность, с ней связанная, от деятельности, связанной с любой другой добродетелью» [62].

Таким образом, анализ *благополучия как высшего блага человеческой жизни (то есть счастья, радости, удовлетворенности ею), ее цели,* определяет фокус исследования ключевых аспектов феномена. Речь идет, во-

---

«хороший» и *с̑ε̑σ̑τ̑η* «часть», что означало «хороший удел», по другой версии – «совместная часть, доля»). Различение слов «благо» и «добро» представляет счастливую особенность русского языка, - предпосылку для отнесения «блага» к высшей метафизической реальности - Богу, а «добра» к этической характеристике [63]

⁹⁹ *Арте* (от греч. ἀρετή) термин греческой философии, переводимый обычно как «добродетель», «собранность, слаженность, пригодность» (тот же корень в слове «гармония»). Это труд души, при котором происходит становление добродетельного человека и при котором он хорошо выполняет свое дело.

первых, о его духовной природе (благо как комплекс духовных характеристик, в совокупности составляющих истинное, полное, совершенное блаженство человеческой жизни), а, во-вторых, о способе обретения, достижения блага, благополучия. Такой акцент на духовной природе феномена и способе его достижения (деятельность души, то есть духовный труд, труд над собой), выступает определяющим в понимании благополучия. Именно эту духовную особенность рассмотрели в феномене античные философы. Такое его понимание прослеживалось вплоть до эпохи Просвещения. Однако охвативший европейскую культурную традицию прогресс рационального знания, повлек искажение сути феномена, материализовав его и подменив значение индивидуального и общественного блага. Благополучие начинает связываться с идеальным общественным устройством (О. Конт, К. Маркс, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон, Л. Козер, Р. Дарендорф и др.) и становится синонимом материального достатка, благосостояния, богатства (Д. Риккардо, К. Менгер, А. Смит, Т. Мальтус, А. Пигу, Дж. Кейнс, В. Ойкен, Дж. Гэлбрейт, П. Самуэльсон, У. Ростоу, Д. Белл, З. Бжежинский, Э. Тоффлер и др.)¹⁰⁰.

Растущий авторитет научно-технологического прогресса, влияние капиталистических отношений и государства постепенно превращают благополучие в материальный атрибут потребительской жизни, в идеал и конечную стадию общественного развития¹⁰¹. Такое искажение сути феномена

---

¹⁰⁰ Несмотря на достаточно устойчивую связь понятий «благополучие» и «богатство» с материальными аспектами в научной традиции современности, сохраняются и традиционные установки в понимании феномена как, прежде всего, духовного явления, отражающегося в духовных связях (позитивных эмоциональных состояниях (Ф. Герцберг, У. Джеймс, Дж. Дьюи, П. Конверс, А. Кэмбелл, А. Маслоу, Ч. Пирс, Ф. Роджерс, Э. Фромм и др.)) и социальном здоровье (Н.М. Амосов, Г.П. Апонасенко, И.А. Аршавский, А.Г. Бусыгин, А.Л. Бусыгина, И.А. Гундаров, В.М. Дильмен, В.П. Казначеев, Б.А. Классов, Н.М. Ковалева, С.А. Мезенцев, Н.Л. Русинова).

¹⁰¹ Так, если обратиться к современной научной интерпретации данного явления, то перечень определений «благополучие», «благо» предлагаемый энциклопедической литературой и словарями, дает нам преимущественно материалистическую трактовку. Например, «то, что способно удовлетворять повседневные жизненные потребности людей, приносить людям

приводит к тому, что базовые составляющие благополучия – счастье и богатство в современном обществе сводятся к материальному эквиваленту, либо разводятся, как не всегда совместимые¹⁰².

Материализация благополучия ведет, в свою очередь, к появлению серьезных методологических и практических проблем общественного развития. По сути, речь идет о том, что искажение рационализмом духовной сути феномена, и превращение его в экономический показатель качества жизни, меняет вектор и цель индивидуального и социального развития. С ориентации на духовное совершенствование своего потенциала, труд души, направленный на удовлетворение потребностей в любви, единении, познании, труде, соучастии (посредством соответственно решения и материальных, физиологических потребностей), человек, таким образом, ориентируется лишь на удовлетворение желаний. Желание обладать, эксплуатировать, использовать

пользу, доставлять удовольствие; блага имущественного характера, обычно способные иметь и рыночную цену и т.п.» [64].

¹⁰² Так, например, богатство ассоциируется преимущественно с наличием экономических капиталов (денег, средств производства, недвижимости или личного имущества) и доступом к социальным ресурсам (здравоохранению, образованию и культуре). В классической интерпретации предложенной А.Смитом и Д.Рикардо, богатство определяется как совокупность предметов, служащих удовлетворению человеческих потребностей и находящихся в обладании отдельного лица, группы лиц или целого народа. Это определение отождествляет понятия «богатство» и «имущество». Однако в состав богатства входят не все предметы, доставляющие пользу или удовольствие, а лишь те, для получения которых человек затрачивает какое-либо усилие и за которые по этой причине можно при современном меновом хозяйстве получить в обмен какие-либо иные вещи или услуги. Так, например, воздух составляет для человека предмет первой необходимости, но он не может быть причислен к богатству ни отдельного лица, ни целой страны, потому что получается даром, без всяких усилий или жертвований со стороны человека [65].

Счастье также все больше связывается с уровнем экономических капиталов. Например, Международный индекс счастья (Happy Planet Index) является в современной международной практике индексом, отражающим благосостояние людей и состояние окружающей среды в разных странах мира (был предложен New Economics Foundation (NEF) в июле 2006 года). Его главная задача - отразить «реальное» благосостояние наций. С этой целью для сравнения уровня жизни в разных странах используется значение ВВП на душу населения или ИРЧП (Индекс развития человеческого потенциала). МИС основывается на утилитарных принципах, что большинство людей хотят прожить долгую и полноценную жизнь, а страны стремятся сделать всё возможное для достижения максимального благополучия своих граждан, разумно используя имеющиеся ресурсы, не нанося ущерб окружающей среде. Для расчёта индекса используются три показателя: субъективная удовлетворенность жизнью людьми, ожидаемая продолжительность жизни и так называемый «экологический след».

все, что имеет какую-либо ценность, определяет цель и дальнейшие перспективы его развития. По сути, возникает ситуация, когда человек лишается права выбора путей развития. Рационализированная социальность решает за него куда идти и на что ориентироваться.

В такой объективированной зависимости – современной цивилизации, ориентиром развития человека выступает лишь *личный интерес, выгода*, то есть желание, на реализацию которого он задействует весь свой потенциал. Реализация последнего не предполагает учета позиций других участников, здесь каждый сам за себя. Я вместо Мы, личное вместо общего, желание вместо потребности, материальный комфорт и рост экономических капиталов вместо развития *человеческого* потенциала – таким оказался выбор современного человека.

Данная ситуация становится результатом объективации глобальной иллюзии – общества тотального потребительства. Эта блестящая, эфемерная псевдореальность стала реальностью человека отказывающегося от своей духовной природы, духовных благ в пользу потребительских желаний. В этой «реальности» само общество превратилось в огромную рационализированную машину по производству все новых и новых желаний, на удовлетворение которых каждый раз бросаются все большие силы. Цивилизация предоставила огромный ассортимент средств, «способных» удовлетворить любые наши запросы. Новинки техники, интернет, кредитная система, реклама, генномодифицированная инженерия, дизайн, новинки косметологии, клонирование – выбирай лишь то, что больше подходит для удовлетворения твоих желаний. Хочешь новый дом или автомобиль классом выше, но не можешь позволить себе – не страшно – воспользуйся кредитной системой и будешь иметь желаемое в тот же миг, хочешь похудеть, но не хочешь при этом тратить время и силы на физические нагрузки – обратись к новинкам медицины в виде «чудодейственных» таблеток или чаев, хочешь, чтобы продукты сохранялись дольше и не нужно было много времени уделять кухне –

технологические инновации и модифицированная инженерия тебе придут на помощь, наконец, хочешь много новых друзей, но не хочешь при этом нести ответственность за ваши отношения, тратить время и силы на общение – сети тут как тут. Предела реализации твоим желаниям в этой новой научно-технологической реальности нет, как и нет, как кажется на первый взгляд, объективных ограничений этому. Ни количество денег (хотя это и важно), ни социальное положение, ни моральные нормы не могут и не должны, согласно правилам цивилизационного развития, ограничивать желания человека. Наоборот, вся система во главе с наукой, экономикой и государством должна работать на «личное благо», параллельно с которым по идее прогресса возрастает и общественное «благополучие».

Именно эта перспектива развития становится определяющей в условиях современного цивилизационного прогресса. Так, если проследить экономические показатели развития современных стран мира за последние годы, то наблюдаем значительный экономический рост большинства западных и восточных государств (равномерный рост стран-лидеров (США, Европа), чудеса роста (Япония, Южная Корея, Гонконг)¹⁰³. Жизнь человека эпохи современности становится все более материально комфортной, обеспеченной и открывает все большие возможности для доступа к ее социально-экономическим ресурсам – доходам, престижу, богатству, а значит – реализации желаний. Человеку все меньше приходится прикладывать реальных сил для удовлетворения необходимых для полноценной жизни потребностей, все меньше времени остается, чтобы задумываться над экзистенциальными вопросами. В новой реальности это не нужно. Стоит лишь захотеть и система сама предоставит тебе желаемое.

---

¹⁰³ К экономически развитым странам ООН относит около 60 государств: вся Европа, США, Канада, Япония, Австралия, Новая Зеландия, ЮАР, Израиль. Для этих стран, как правило, характерен высокий уровень развития экономики, преобладание в ВВП отраслей обрабатывающей промышленности и сферы услуг, высокий уровень жизни населения. Но в эту же группу входят Россия, Украина, Белоруссия, Чехия и пр. [66].

Такое обманчивое впечатление о потребительском рае, складывающееся в повседневном сознании потребителя, и является той коварной ловушкой, в которую попадает современный человек. В напряженной погоне за собственными желаниями и предоставляемыми так «открыто и доступно» возможностями, он добровольно становится заложником системы, вернее, заложником собственной иллюзии, совпадающей с иллюзией благополучия системы. Он превращается в неразборчивого покупателя, которого ведет не потребность в приобретении конкретных товаров, а система скидок и распродаж, пестрящая в многочисленных торгово-развлекательных центрах. Самое ужасное в этой ситуации то, что идя на поводу заманчивых предложений цивилизации, человек полностью забывает о главном – кто он, и что действительно необходимо для его жизни.

**в) Минимизация человеческого труда как показатель
цивилизационного прогресса**

Высшее благо жизни есть труд Л. Толстой

В погоне человека за личной выгодой, богатством, экономическими капиталами, славой, властью, неумолимо происходит обесценивание значения основных *человеческих благ* – любви, счастья, веры, труда. Сам человек перестает быть «мерой всех вещей» и становится продуктом потребительских отношений¹⁰⁴. И это не удивляет, поскольку рационализированной системе важен не человек, а потребитель, приносящий конкретную пользу. На его обработку, манипуляцию направлены все ресурсы цивилизации – реклама, технологические новинки, дизайн, торгово-развлекательные центры, мода и

---

¹⁰⁴ Наиболее характерной чертой экономических отношений современного общества становится безжалостная эксплуатация человека человеком. Так, владелец капитала в погоне за прибылью, максимально эксплуатировавший нанятую им рабочую силу, считается морально правым. Между владельцем капитала и его рабочими не существует хоть какое-то чувство человеческой солидарности [12].

т.п. За него идет борьба, в которой хороши все средства, однако главным из них остается *иллюзия превосходства, реализация которой должна обеспечить желаемое благополучие*. На практике эта иллюзия, объективированная в рационализированной системе, приобретает следующий вид: *каждый стремящийся к собственной выгоде, личным интересам, тем самым способствует всеобщему благоденствию*.

И вот уже человек, как творец, созидатель, стремящийся проявить себя в производстве, искусстве, философии не способен управлять этой социальной машиной по производству благ. Обесценивая *человеческое* и покупаясь на блеск эффектов цивилизации, он принимает правила игры, в которой никогда не станет победителем. Постепенно, созданные при его непосредственном участии рынок, техника, наука, государство, начинают выходить из под человеческого контроля¹⁰⁵, диктовать условия его жизни. Исследуя в связи с этим состояние современного общества, Э.Фромм отмечает: «В наше время не только закон рынка, но и развитие науки и техники живут своей собственной жизнью и господствуют над человеком. По ряду причин организация сегодняшней науки такова, что ученый не выбирает себе проблем: они сами властно навязываются ему. Наука задает темпы развитию техники. Мы не выбираем ни своих проблем, ни результатов своей деятельности. Что же движет нами, что же вынуждает нас? – Система, не имеющая ни цели, ни назначения вне себя самой и превращающая человека в свой придаток» [12, 117].

Наиболее иллюстративно искажения рациональной системы, воплотившей себя в идее благ цивилизационного прогресса, проявляются в капиталистических и государственных отношениях, где между богатством и

---

¹⁰⁵ В этой связи Э.Фромм отмечает: «Отдельный капиталист расширяет свое предприятие не потому, что он этого хочет, а потому, что вынужден это делать, поскольку, отсрочка в дальнейшем расширении производства означала бы регресс. Значение современного рынка как главного механизма распределения общественного продукта, сегодня огромно, так как рынок – основа структуры человеческих отношений в капиталистическом обществе» [12, 117].

уровнем властных полномочий общества, и реальными потребностями и возможностями человека никогда нельзя было поставить знак равенства. Вследствие этого, в экономической сфере актуализируется проблема распределения общественных благ, поскольку *данная система экономических отношений ориентирована лишь на возрастание желаний (а не потребностей!) человека, прикрываясь необходимостью роста совокупного общественного продукта*¹⁰⁶. В свою очередь политическая сфера аккумулирует и поощряет стремление человека к реализации иллюзии превосходства в виде различных форм политического господства, обретения и использования власти.

Бодря желающий разум все новыми и новыми соблазнами потребления, цивилизация посредством государства, научно-технического прогресса и рынка, конструировала новую систему отношений, идеалами которой стали: индивидуализм, утилитаризм, конкуренция, эффективность. Все эти установки выражали конечную цель цивилизационного развития – стремление получить желаемое благополучие, не прикладывая реальных усилий.

Таким образом, ориентируясь на материальное богатство, желание служения, объективированное в стремлении использовать, потреблять в неограниченном количестве и в кратчайшие сроки, цивилизация стремится ликвидировать основной принцип *человеческого развития, индивидуального и социального благополучия – труд*. Основной своей соблазн, на который попадается желающий человек, она формирует в виде возможности *получать*

---

¹⁰⁶ Капитализм, как экономическая система, стал преобладать в странах Запада начиная с ХУП-ХУШ вв. Основной целью данной системы экономических отношений было создание материальных благ исключительно ради прибыли собственников предприятий. Меркантильный маркетинг, заложенный в основание данной экономической политики, возник гораздо ранее капитализма, еще в XVI веке, и ориентировался на идею о прибыли, которая возникает в сфере оборота, а богатство нации сосредотачивается в деньгах. Именно принцип роста и накопления материальных благ, достигаемый с помощью государственной власти и холодного расчета владельцев капитала, подчиняющих действия участников экономических отношений личной материальной выгоде, лег в основание капиталистических отношений. «После эпохи спонтанного земледелия и грубого физического труда на земле собственники денег переориентировали свой капитал на массовое промышленное производство, которое значительно увеличивало доходы капиталистов» [67, 27].

желаемое, не прикладывая к этому необходимых усилий и времени. Этот фантом цивилизационного развития полностью соответствовал стремлению человека реализовать собственное желание. Зачем тратить время на ожидания, прикладывая усилия для приобретения чего-то, – игриво спрашивает рационализованная система с экранов телевизоров и компьютеров, – если можно взять кредит, выиграть, получить в качестве льготы. В арсенале цивилизации есть все, что необходимо для сиюминутной реализации твоего «хочу».

Иными словами, ориентируясь на изобилие желаний и предоставляемых цивилизацией способов их удовлетворения, человек абсолютно забывает о главном условии и принципе собственной жизни – *труде*. Труд – это не просто неизбежная необходимость, это единственный способ гармоничного становления личности, достижения *благополучия*. Ведь только в процессе труда человек способен познать себя, приобрести бесценный опыт и знания о *человеческой жизни* и тем самым стать ее активным участником! Более того, в самом процессе *очеловечивания* все ориентировано и подчинено труду – наше познание окружающей реальности и себя в ней, культурное развитие, формирование гармоничных отношений. Все *человеческое* нуждается в труде, творческом, преобразовательном. Именно он приближает нас к высшему благу жизни – любви, радости, счастью, удовлетворению ею. Это необходимое условие развития способностей и талантов личности, ее стремления к сотрудничеству, единению, гармонии, объективному восприятию мира. Таким образом, только в труде человек приобретает бесценный шанс раскрыться, реализовать тот мощный потенциал, который заложен в его природу¹⁰⁷.

---

¹⁰⁷ В XIII- XIV вв. труд был не просто полезной деятельностью, он приносил глубокое удовлетворение. Главные черты ремесленного мастерства особенно ярко выразил Ч. Миллс: «В труде нет никаких скрытых мотивов помимо изготавливаемого продукта и процесса его созидания. Детали ежедневной работы полны значения, потому что в уме работника они не отделены от продукта труда. Работник свободен проконтролировать собственные трудовые действия. Поэтому ремесленник способен учиться у собственной работы, а также использовать и развивать свои способности и умение в ходе ее выполнения. Между работой

В процессе кропотливого творческого труда вырабатывается один из главных критериев *человеческого развития* – *созидательность*. Последняя наделяет продукты человеческой деятельности – отношения, действия, результаты, качеством новизны, уникальности, продуктивности. Поскольку, чем более созидательным становится труд, чем больше любви вкладывает человек в свою деятельность, тем совершеннее становится его личность, тем уникальней его потенциал. Поэтому любые попытки исключить или минимизировать труд в процессе человеческого развития ведет к духовной деградации и актуализации деструктивных потребительских тенденций.

Именно с этой проблемой столкнулось современное цивилизованное общество, поскольку с возникновением современного характера и способа производства значение труда существенно изменились. *«Вместо того чтобы быть деятельностью, несущей в себе удовольствие и удовлетворение, труд стал обязанностью и мучением. Чем больше была возможность получить богатство с помощью труда, тем больше он превращался в простое средство для достижения благосостояния и успеха»* [12, 245].

Отказ от труда превратил его из способа *человеческого* развития, в тягостное средство получения денег, в обременяющую нагрузку, отказаться от которой, минимизировать – цель цивилизованного общества. В этом своем выборе человек лишает себя возможности видеть и получать радость от результата своих усилий, он обрекает себя на брешь и рутину потребительского существования. В конце концов, он отказывается раскрыть свой уникальный потенциал, способный реализоваться в результатах его творчества. Но из-за чего?

Ответ на вопрос демонстрирует нам *основной стимул цивилизационного прогресса* – *нежелание трудиться*, то есть *лень*, как *стремление использовать, получать желаемое (желаемые блага) за счет других*. Этот корыстный мотив становится условием рационализированных отношений, его реализации

и игрой, трудом и культурой нет разрыва. Способ, каким ремесленник обеспечивает себе средства к жизни, определяет и заполняет собой весь его образ жизни» [68, 220].

посвящен весь научно-технический прогресс, «облегчающий нашу жизнь от надмерных усилий». Нежелание трудиться, в целом негативное отношение человека к труду становится атрибутом современного образа жизни. Не вникать в ситуации, не думать о происходящем, не принимать близко к сердцу, не слишком задумываться о проблемах и смыслах жизни, то есть не прикладывать усилий.

Популярность лени приобретает огромные масштабы в цивилизационных условиях. На ее развитие направлены все средства прогресса – телевидение, реклама, интернет и пр. Так, например, одно из наиболее мощных орудий манипуляции современного общества реклама, полностью ориентирована на пропаганду лени, прикрываясь при этом «полезностью», сберегающих труд рекламируемых товаров и услуг. Однако внимательное наблюдение демонстрирует, что их «полезность» служит лишь очередной реализацией призыва к полной инертности и пассивному восприятию. Полуфабрикаты, которые не требуют дополнительных усилий и умений на кухне, скоротечные курсы изучения дизайна, языков, психологии без «лишней траты времени и сил», управление техникой (с помощью одной лишь «кнопки») – все это направлено на то, чтобы «уберечь» человека от необходимых для его развития усилий, сделать марионеткой, ведомой иллюзией цивилизационного благополучия. При этом интенсивность рекламы и масштабы демонстрируемых ею «благ» настолько велики, что времени задуматься над их реальной необходимостью (не говоря уже об опасности!) у человека просто нет. Вместо этого есть непрерывный поток желаний, материализацию которых обеспечивает цивилизационный прогресс.

4.3. Материализация желаний: наследие цивилизационной практики

Работая только ради материальных благ, мы сами себе строим тюрьму. И запираемся в одиночестве, и все наши богатства — прах и пепел, они бессильны доставить нам то, ради чего стоит жить.
А. Сент-Экзюпери

По мнению Ж. Бодрийяра, сегодня все желания, императивы, все человеческие страсти и отношения, порожденные ими, абстрагируются в знаках и вещах, чтобы стать предметами покупки, потребления. Потребление становится характерной чертой эпохи промышленной цивилизации, когда материальная практика (вещи, знаки) играет господствующую роль в жизни человека. *В этих условиях само потребление теряет свое традиционное значение. Из естественного процесса по удовлетворению потребностей и освоению окружающего мира, оно трансформируется в тотальный разрушительный акт по реализации конкретизированных желаний. Потребление перерастает границы традиционной практики (оно уже не определяется лишь продуктами питания, одеждой, машиной и т.п.). Оно становится активной массовой ориентацией, практикой материализации, основанной на превращении окружающего человека мира в вещь, символ использования. Таким образом, потребление трансформируется в практику тотального потребительства.*

Уточняя сложившуюся ситуацию, необходимо отметить, что материализация окружающей человека реальности в знаковую субстанцию является следствием конкретизации желания служения (иллюзии превосходства). Под влиянием развития рационализированного познания данная практика фокусирует потенциал человека на конструировании индивидуализированной реальности, воплощающей его стремление доказать свое превосходство. Все в этой иллюзорной «действительности» подчинено конкретной цели, реализация которой требует постоянной концентрации потенциала личности на себе, ее контроль. Поэтому по мере нарастания желания служения и его конкретизации, окружающий человека живой

символический мир превращается для него в знаковую систему, то есть набор вещей материального мира для удовлетворения желания. Вещи удобны, полезны, пригодны, они молчат и не требуют на себя лишних затрат времени и сил, они конформны, ими легко манипулировать. Кроме того, они могут быть дорогими, роскошными, престижными, что придает им еще большую привлекательность в глазах человека. Создавая культ потребительства, он начинает наделять вещи определенным значением (статусом знака), явно выходящим за рамки их реального смысла, чтобы пожелав их, превратить в объекты потребления.

С этого момента происходит разрыв между реальным предназначением вещей и их придуманным смыслом, наделяющим их желаемым эффектом (престижа, власти, материального богатства и т.п.). В результате, вещи утрачивают свое действительное предназначение, а человек – свою активную роль. Он больше не творит, созидая качественно новые продукты, наполняющие его жизнь смыслом, а рутинно воспроизводит эрзацы, которыми теперь наполняет свою жизнь. Теперь материальное, а не духовное становится ценностью его жизни, желаемым объектом, на получение которого он направляет все свои силы. Не творческий созидательный труд, а рабская зависимость руководит его выборами. С такой трансформации порядка вытекает и изменение характера человеческих отношений, которые превращаются в банальную практику потребительства – использование.

Желание обладать, эксплуатировать, то есть использовать заставляет обесценивать все вокруг. И вот я уже смотрю на другого человека с позиций его возможной полезности для меня. Думая о наших отношениях, я анализирую, что, в конечном счете, от этого смогу получить. Такие «коммерческие отношения» определяют характер современного общества. Их масштабы и вариации преодолели границы экономической, политической, правовой сфер, и посягнули на семейные, дружеские отношения (популярность брачных контрактов с финансовыми договоренностями относительно передела

имущества, достаточно велика в настоящее время)¹⁰⁸. Сакральность *человеческих отношений* – семьи, дружбы, любви обесценивается также быстро, как и возрастает прибавочный продукт. *Из сферы человеческих отношений исключается их основное условие – любовь, труд, творчество, созидание, вследствие чего они трансформируются в прагматичные, корыстные отношения!* В рамках идеологии потребительства, весь этот фундамент человеческой жизни определяется как пережиток традиционной эпохи с ее общностными отношениями доверия и заботы. *Человечность* мешает потреблять, накапливать, использовать, труд признается отягощающим условием человеческой жизни, атрибутом неустроенности, а творчество приобретает характер разрушительности. В силу этого, о них нужно забыть, завуалировать настойчивые призывы человеческой души о помощи, о потребности в настоящем. И на это направляет все свои силы рационализированное знание, транслируя в общественное сознание картину искаженной потребительской реальности с ее искаженным пониманием благополучия, счастья, творчества.

Исключая из сферы *человеческих отношений* их основное условие, человек обрекает себя на брэнное выживание. Любовь, доверие, творчество, уважение, забота становятся не условиями общения, а раритетом, который современный человек все реже использует в своей жизни. За формальным, внешним дружелюбием он все больше скрывает холодность и безразличие, недоверие, расчет. Весь этот процесс по ликвидации *человеческого*,

---

¹⁰⁸ Использование становится естественным форматом наших повседневных отношений, переходя из сферы производственной в приватную. «Работодатель использует тех, кого он нанимает, торговец использует своих покупателей. Каждый служит товаром для всех остальных; с ним всегда надо обращаться с известной долей дружелюбия, так как если он и не нужен в настоящий момент, то может понадобиться впоследствии» [12,184]. Даже близкие отношения не составляют исключения. Прикрываясь внешним дружелюбием, они скрывают холодность, отчужденность, безразличие и недоверие. Семья, дружба, характер отношений в которых напоминает в большинстве случаев конкурентное поле борьбы за право обладания властью. И та, и другая форма отношений складывается сегодня преимущественно не на основе личной симпатии, стремления к единению, а на основе удобства, выгоды (рядом живем, вместе работаем, так удобно).

сопровождающийся овеществлением, отчуждением и формализацией отношений, неумолимо ведет к утрате духовных и социальных связей, обеспечивающих целостность социальной системы.

Идя по пути цивилизационного прогресса, человек учится беспощадно и равнодушно использовать окружающую реальность, с целью получения все новых и новых «благ», питающих его иллюзию превосходства. Последняя убеждает его в том, что так устроен мир, что это необходимо и полезно для его жизни. Да и как можно представить себя сегодня без всех этих атрибутов цивилизации в виде электроники, новинок медицины, генной инженерии, техники и т.п. Это удобно, комфортно, не требует усилий и затрат, а к тому же поддерживает мой социальный статус в обществе. Поскольку владение всем этим, использование материальных благ свидетельствует о том, что мое желание удовлетворяется.

Такой рациональный диалог в сознании современного человека закрепляет установку на материализацию жизни, способствует его превращению в тотального потребителя, для которого не труд, а деньги, их покупательная способность становятся критерием оценки возможностей и потенциала благополучия. Материальное благо, богатство (вещи, деньги, комфорт, престиж), вернее обладание им, становится смыслом его жизни и условием развития. Однако какого?

По мнению Э.Фромма, ситуация современного общества открыто демонстрирует, что сам «человек превратился в товар и рассматривает свою жизнь как капитал, который следует выгодно вложить. Если он в этом преуспел, то жизнь его имеет смысл, а если нет – он неудачник. Его ценность определяется спросом, а не человеческими достоинствами: добротой, умом, артистическими способностями» [12, 134]. Человек чудовищно обманывается, думая, что материальные знаки благополучия принесут ему спокойствие, радость и удовлетворение, станут решением экзистенциальных проблем. Мы чувствуем необходимость в хороших отношениях, положительных эмоциях, но

в силу овеществления, обесценивания окружающего нас мира, не можем перешагнуть за созданный собственными руками идол – материальный мир. Обманывая себя, откупаясь от неразрешенности внутренних переживаний, духовной зависимости, мы вместе с тем судорожно продолжаем окружать себя вещами и услугами, большинство из которых, на самом деле, не несет для нас никакой смысловой и ценностной нагрузки. Вещами, деньгами, то есть материальными благами мы пытаемся подменить главное условие *человеческой* жизни – любовь, как стремление к радости, поддержке, единению и т.п. Использованием атрибутов материального мира, а не творческим созидательным трудом мы стремимся решить экзистенциальные противоречия. Однако каково же оказывается наше разочарование, когда обладание желаемым не компенсирует духовный вакуум, внутреннюю пустоту, не приносит ожидаемого удовлетворения.

Действительно, человек может испытывают мимолетную радость от приобретения чего-то материального, но совсем ненадолго. *Это объясняется тем, что решение экзистенциальных проблем – счастья, благополучия, радости, удовлетворенности жизнью, – лежит совсем не в плоскости возможностей материального мира!* Напротив, многие вещи вместо комфорта и удовольствия приносят нам беспокойство и разочарование. «Сначала мы вынуждены на эти вещи зарабатывать, заключая себя добровольно в рабство, затем переживаем за их сохранность...нам постоянно приходится их ремонтировать или приобретать новые. Мы не замечаем, как становимся рабами предметов и механизмов, рабами денег...» [69, 15]. Необходимо понимать, что любая вещь (орудие труда, предмет обстановки, дом) – это всего лишь *средство*, облегчающее (либо наоборот) человеческую жизнь, но, ни в коем случае, ни ее *условие!* В качестве знака, опосредующего собой реальные *человеческие отношения*, ситуации, действия, вещь не может потребляться. Она выполняет свое предназначение, соответствующее удовлетворению физиологических либо материальных потребностей человека (предназначение

автомобиля заключается в возможности более мобильного перемещения, одежда согревает человека и оберегает его, часы ориентируют нас во времени и т.п.). И не более. При такой реальной оценке ситуации все просто и соотнесено: вещи – это средства, необходимые для поддержания условий человеческого развития. Они не являются объектом желаний человека, конкуренции за владение. *Человек, а не вещь сохраняет за собой активную роль в преобразовании окружающих отношений.*

Однако в условиях господства иллюзии превосходства, трансформирующейся на уровне социальных отношений в идеологию служения, и продуцирующую тотальное потребительство, вещи теряют свой первоначальный смысл. Они, вернее стремление к обладанию ими, использованию, определяет смысл жизни современного человека. Через вещи он утверждает себя. Приобретая их, он демонстрирует окружающим собственное благополучие, успешность, состоятельность, и обесценивает, таким образом, потребность в творческом труде. Поэтому, многие вещи приобретаются «просто так», человек даже не использует их, а просто накапливает, имеет, демонстрирует. «Мы удовлетворяемся не приносящим пользы обладанием. Дорогой обеденный сервиз или хрустальная ваза, которыми мы никогда не пользуемся из опасения разбить их, большой особняк со множеством неиспользуемых комнат, ненужные машины и слуги, как и безобразные безделушки в семье из нижних слоев среднего класса, – таковы многочисленные примеры удовольствия, находимого не в использовании, а в обладании» [12, 176]. Можно сказать, что основным мотивом такого потребительства выступает не фактор реальной необходимости вещи, ее полезности, а тот эффект, который дает престиж обладания ею. Дорогие машины, шубы, холодильники, телевизоры приобретаются не столько в силу реальной необходимости, сколько для того, чтобы продемонстрировать окружающим возможности, превосходство их владельца. Такое демонстративное потребление служит средством достижения, поддержания

определённого социального статуса¹⁰⁹, членства в той или иной страте общества. При этом человек абсолютно не задумывается над тем, что и для чего он потребляет. «Мы едим безвкусный и непитательный хлеб, потому что, будучи таким белым и «свежим», он связывается в нашем представлении с изобилием и превосходством. Мы «поглощаем» плод нашего воображения, утратив связь с реальным продуктом, потребляемым нами. Наш вкус, наше тело исключены из акта потребления, хотя они изначально связаны друг с другом. Мы «пьем» ярлыки» [12, 177].

Престиж, доходы, власть, уровень образования, как способы заявить, продемонстрировать себя в современном цивилизованном обществе, превращаются в условия человеческой уникальности, соответствия требованиям цивилизационного мира. На самом деле, такая ориентация на ложные стандарты и шаблоны, ведет лишь к одному – формированию безликого, конформного индивида, беспрекословно потребляющего все, что предоставляет научно-технический прогресс. Этот факт становится реальным свидетельством бесперспективности цивилизационного прогресса. Человек больше не заботится о необходимости развития своих творческих способностей, талантов. Он не стремится создавать что-то настоящее, качественно новое, как проявление «наития его души». Напротив, отсутствие настоящего в его жизни компенсируется конформной общественной позицией. Такую искаженную картину реальности рисует в сознании человека иллюзия. Вследствие этого, и процесс потребления перестает быть процессом конкретного человеческого выбора, действия, в котором участвуют его чувства, потребности, проявляется уникальность. В условиях цивилизационного

---

¹⁰⁹ В разговорном английском языке также используется фраза «keeping up with the Joneses» («быть не хуже людей»). Кроме того, существует более специализированный термин «invidious consumption», обозначающий потребление с умышленной целью вызвать чувство зависти.

прогресса потребление приобретает характер культа, процесса по удовлетворению иллюзии, игры воображения, отчужденного от реальности¹¹⁰.

Удовлетворив одно желание, цивилизационное производство предоставляет все новые соблазны потребления. «Потребители постоянно жаждут новых товаров. Их тянет к новинкам рынка, не взирая на степень их полезности или нужности, потому что потребителя приучают ожидать от нового товара доселе небывалых ощущений и переживаний. Сам механизм общества потребления построен на социальном разделении. Дизайн, реклама, мода и т.п. приводят к демаркации между теми, кто имеет (автомобиль, джинсы, Sony и прочие вещи нового стиля) и теми, кто их не имеет. Они продуцируют желания (в том числе желания проявить свою индивидуальность), навязывают потребителю все новую и новую продукцию. Такое чрезмерное потребление далеко не всегда соответствует реальным возможностям потребителя или выражает его интересы. Но, как подчеркивает ряд исследователей, оно необходимо для функционирования капиталистической экономики. Люди попадают в зависимость от товаров, ощущают себя ущербными, неполноценными, если не обладают ими» [49, 50]. Потребление укрепляет иллюзию, что проблему реализации *человеческого потенциала* можно решить, потребляя произведенную рынком продукцию. В этом и заключается влияние потребительской идеологии.

Иллюзия превосходства, таким образом, продолжает стимулировать рост зависимости человека от материального благополучия и общественного прогресса, исключая при этом ценность творческого труда. Тем самым она исключает из потребления смысл, суть, понимание. Такое тотальное

---

¹¹⁰ В 1950-х годах в США возникла тенденция к приобретению больших домов, при этом средний размер дома за 50 лет практически удвоился. Этот тренд был сопоставим с ростом приобретений мощных «внедорожников», также часто считаемых символом демонстративного потребления. Люди приобретали огромные дома, расплачиваясь за большой размер уменьшением придомовой территории, отсутствием возможности накапливать пенсионные средства и существенно увеличившимся временем пути от дома до работы, вплоть до нескольких часов. Такие большие дома также потенциально приводили к росту других форм потребления за счёт появления дополнительного места для хранения автомобилей, одежды и других товаров [70].

потребительство не задается вопросом: «Для чего?». Желание потреблять, использовать просто не оставляет времени на такие размышления. Конформная позиция – не вникать в суть происходящего, удобна для современного человека. «Нас окружают вещи, природа и происхождение которых нам совершенно не известны...Мы не знаем, как пекут хлеб, ткнут материю, как делают стол или изготавливают стекло. Мы потребляем – как и производим – без конкретной связи с объектами, с которыми имеем дело. Мы живем в мире вещей, и единственное, что связывает нас с ними, это то, что мы знаем, как с этими вещами обращаться или как их потреблять» [12, 178].

Вся противоречивость ситуации заключается в том, что ориентация на потребительство, материальное благополучие и комфорт, исключение творческого труда, приводит к возрастанию уровня индивидуальной и социальной неудовлетворенности, разочарования, неспособности решения проблемы целостности! Поскольку потребителем благ цивилизации является не человек, а его желание, фундаментальные потребности не удовлетворяются. Он – потребитель, а значит должен желать, не вникая в суть самой потребительской системы¹¹¹, в основании которой лежит красочная, но пустая иллюзия – *все, что ты не пожелаешь, ты можешь получить без особого труда, об этом позаботится рационализированная система.* С этой целью последняя предоставляет различные возможности для бегства от реальности. Иллюзия смотрит на человека с каждой витрины или рекламы, из каждого торгового зала, изображая красивую картинку жизни без проблем и забот. И в результате, человек привыкает чувствовать себя в такой лакированной рекламной гиперреальности лучше, чем в подлинных ситуациях. Таким

---

¹¹¹ Огромные торгово-развлекательные центры и комплексы возникают по всему миру как символы глобального распространения позднекапиталистической экономики. Некоторые авторы видят в них воплощение рыночной экономики и свободы выбора, которую она якобы несет потребителям. Однако на самом деле они прививают сильную зависимость, как к наркотику. Воскресные посещения торгово-развлекательных комплексов превращаются в регулярное семейное потребление этого наркотика. Они активно формируют образ «должной» жизни, навязывая его. И это несмотря на то, что многим посетителям таких комплексов подобный образ жизни не по карману.

образом, человечество развивает постоянно нарастающее стремление во все большем количестве вещей, все большем потреблении. Жадность становится основным мотивом человеческого поведения¹¹².

В такой ситуации нарушается сам механизм потребления, как культурного процесса постижения окружающего мира. Поскольку в отличие от искаженной стратегии потребительства, *культурное потребление* ориентировано на удовлетворение фундаментальных потребностей человека, обеспечивающих условия его созидательного развитие, благополучия и счастья. Другими словами, *культурное потребление* является стратегией достижения основной цели *человеческой жизни* – духовного совершенствования, реализации человеческого потенциала. Неудержимое стремление современного общества бесмысленно потреблять нарушает принципы *культурного потребления*. В современном потребительстве не остается места *человеческому*. Оно трансформирует желание служения в цель индивидуального и социального развития. А поскольку этот конвейер неиссякаем, то постоянный рост запросов заставляет человека прикладывать все больше и больше усилий, ставит в зависимость от тех (того), кто (что) позволяет получить желаемое. «Каждый человек старается пробудить в другом какую-нибудь *новую* потребность, чтобы... поставить его в новую зависимость и толкнуть его к новому виду *наслаждения*, а тем самым и к экономическому разорению... Вместе с ростом массы предметов растет царство чуждых сущностей, под игмом которых находится человек...» [71, 25].

Таким образом, стремление современного общества к тотальному потребительству, росту запросов и претензий, сам по себе потребительский голод, являются результатом реализации желания служения. Человек

---

¹¹² По мнению Э.Фромма, до тех пор, пока жизненный уровень населения не обеспечивает человеку достойного существования, потребность в увеличении потребления естественна. Правда и то, что вполне оправдана потребность в увеличении потребления по мере культурного развития человека в связи с тем, что у него появляются все более высокие запросы: ему нужно лучше питаться, ему нужны предметы, доставляющие эстетическое наслаждение, книги и т. д. [12, 178].

буквально зачарован процессом потребления, его поступки и действия выходят за грань здравого смысла, когда речь идет о приобретении новых товаров. Он не способен реально оценивать полезность и необходимость приобретаемых вещей. Необходимость уже не является критерием потребления. Человек живет мечтой о новых удовольствиях. Его аппетиты постоянно возрастают и заставляют, тем самым, все внимание концентрировать на новинках рынка. Зависть к чему-то более новому, престижному, свидетельствующему об успешности, не позволяет разорвать замкнутый круг. В таком контексте проблема целостности, порядка лишь актуализируется. Общество функционирует как совокупность разрозненных атомов, ориентированных на собственные эгоистические интересы и желание использовать друг друга. Таким является результат рационального проекта, где «человеком движет эгоистический интерес, а не чувство солидарности с ближним и любовь к нему. ...Общественные проблемы не воспринимаются как личностные реалии, а следовательно, и не вызывают тревоги, невзирая на изрядную долю нетерпимости. ...несмотря на то, что почти все население верует в Бога, складывается впечатление, что едва ли кто-нибудь беспокоится о своей душе, ее спасении, о своем духовном развитии. Бог так же отчужден, как мир в целом. Озабоченность и тревогу вызывает частная, обособленная сфера жизни, а не общественная, всеобщая, связывающая нас с нашими братьями» [12, 187].

Самым угрожающим моментом в данной ситуации является то, что в процессе тотального овеществления человек готов быть вещью, которая должна найти удачное применение на рынке капиталистических отношений¹¹³.

---

¹¹³ В отличие от традиционного общества, базирующегося на общностных отношениях, где каждый выполнял отведенную ему задачу, взаимодействуя на основании товарных отношений и обмена с другими членами общины, восприятие мира в рамках капитализма было другим. Место под солнцем одно, поэтому заполучить его может только сильнейший. Здесь любые методы борьбы эффективны. Экономическая необходимость конкуренции привела (особенно во второй половине XIX в.) к установке на усиление соперничества. Это в корне изменило характер традиционного общинного развития. В противовес социальной неподвижности средневековой системы, в обществе развернулась интенсивная мобильность,

Создается впечатление, что он не стремится чувствовать себя активным действующим лицом, носителем *человеческих сил*. Его искаженное желанием сознание питает иллюзию о том, что быть вещью выгодно, что это дает возможность пользоваться «благами» и ресурсами системы, рассчитывать на что-то большее с ее стороны. Поэтому единственная его цель – выгодно продать себя, вложить свой основной капитал (тело, ум, душу), то есть *человеческий потенциал*, на служение иллюзии. Соответственно также он относится к окружающему миру.

В этой гонке за выгодой теряется способность воспринимать себя живым, чувствующим. Вместо этого фоновым становится ощущение полезности, функциональности (которое мы искаженно воспринимаем за собственную ценность). Его человеческие качества (такие, как дружелюбие, обходительность, доброта и др.) и способности, превращаются в товары, в ценные атрибуты «личностного набора», способствующие получению более высокой цены на человеческом рынке. На основании этого он принимает либо не принимает себя, оценивает, как выгодней себя продать, что и как в себе можно использовать, чтобы это было по достоинству оценено.

По сути, само его отношение к себе в этой ситуации формируется под влиянием оценки рынка, где ценность личности определяется не ее природной уникальностью, раскрывающейся в процессе творческого труда, а рыночными предпочтениями, назначающими цену индивида так же, как устанавливается цена товаров. Исходя из этой потребительской логики, «человек, подобно всем другим товарам, которые не удастся выгодно продать на рынке, не имеет ни малейшей ценности в том, что касается его меновой стоимости, даже если его потребительная стоимость достаточно высока. Отчужденная личность, предназначенная «на продажу», должна полностью утратить чувство самости, перестать ощущать себя существом единственным и неповторимым. Чувство

поскольку каждый боролся за лучшие места, несмотря на то, что лишь немногим суждено было их занять. В этой борьбе потерпели крушение нормы человеческой солидарности, значимость жизни свелась к стремлению быть первым в конкурентной гонке.

самости вытекает из переживания собственно личности как субъекта ее опыта, ее мыслей, ее чувств, ее решений, ее суждений, ее действий. Оно предполагает, что переживание индивида является его собственным, а не отчужденным. У *вещей* нет своего Я, поэтому и люди, ставшие вещами, не могут иметь чувство Я» [12, 190]. Другими словами, становясь пригодным для продажи товаром, вещью, человек теряет шанс на полноценную *человеческую жизнь*. Он не отдает себе отчет в том, что выбранный им путь, изначально является бесперспективным. Выбирая его и отказываясь от шанса творчески реализовать себя, он начинает медленно умирать, так и не осознав, зачем пришел в этот мир. Эта символическая смерть ощущается всей *человеческой сутью*. Спасти себя от нее он может, лишь изменив выбранный ранее путь, пересмотрев сложившиеся отношения с реальностью, и отказавшись от иллюзии. И тогда, его брэнное существование способно обрести смысл, стать жизнью – процессом творческой реализации его уникальности и удивительного преобразования окружающей его реальности. Но возможно это чудодейственное перевоплощение лишь в результате осознания, что жизнь – это кропотливый творческий труд над собой!

Выводы ко второму разделу:

Обобщая изложенный материал можно сделать следующие выводы относительно основных угроз, проблем и противоречий, связанных с реализацией *человеческого потенциала*, решением проблемы индивидуальной и социальной целостности:

– природа человека, основана на значении для его жизни реализации духовного потенциала. На данном принципе базируется организация внутренней структуры и механизм гармоничного, целостного развития личности, вырабатываются перспективные ориентации и установки индивидуального и социального развития. Однако обнаружение потенциала духовности, его реализация, зависят от ряда условий. Прежде всего, от возможности удовлетворения духовных потребностей личности и объективности транслируемых ей социальным окружением знаний, а также того, насколько полно и гармонично она сможет их принять и усвоить. Другими словами, характер жизненной ориентации человека зависит от того, насколько сильной и гармоничной будет его связь с реальностью (культурной традицией, средой).

Такой подход к решению проблемы индивидуальной и социальной целостности в свою очередь предполагает:

– во-первых, преодоление формальных границ познания природы личности и общества (постулат «человека как культурного создания» не является исходной точкой анализа, за культурой стоит что-то более сакральное, хрупкое и это «что-то» позволяет приблизиться к его уникальной *человеческой сути*, подойти к решению проблемы индивидуальной и социальной экзистенции),

– во-вторых, в аспекте анализа социальных отношений, это позволяет выделить исходные условия и механизмы формирования целостного общества, *общества человеческих отношений*, как результата решения проблемы индивидуальной целостности;

– реализация творческого созидательного потенциала личности, решение проблемы индивидуальной целостности, как было выяснено, достигается в процессе развития кордоцентричного познания, как способа формирования целостной системы восприятия-отношения человека к окружающей реальности. Это, в свою очередь, становится возможно лишь при условии актуализации фундаментальной потребности человека в любви, формирования ориентации на ее реализацию. Другими словами, *духовное развитие человека сопровождается развитием кордоцентричного познания, преломляющего любовь в человеческую жизнь, и участвующего, таким образом, в созидательном целостном развитии человека.* Данная ситуация требует участия необходимых условий развития человеческого потенциала. Речь идет:

–во-первых, о соответствующей *среде*, способной воссоздать *благоприятные условия* для удовлетворения духовных потребностей человека, формирования гармоничного индивидуального опыта социальных отношений. В качестве таковой выступает *семья*, как наиболее естественная и благоприятная среда становления личности и *общностные объединения*, ориентированные на принципы *семейных отношений* (семейственности) – стремление к единению, соучастие, иерархичность, труд на общее благо, постоянство, то есть *обеспечивающие целостное развитие, как человека, так и социальной группы!* Именно ощущение причастности, единения с семьей, родом, общиной, формирует восприятие семьи, общины, как крепкого духовного союза, где все подчинено сохранению, развитию, передаче духовных связей. Только в такой среде происходит формирование гармоничной целостной личности, и только здесь человек способен приобрести бесценный опыт человеческих отношений,

–во-вторых, о передаче – принятии личностью системы *объективных социальных знаний* (культуры), транслируемых средой в процессе ее воспитания, и обуславливающих формирование целостной картины восприятия

– отношения к реальности (мировосприятия), как функционирующей на основании духовного порядка и объективных законов развития.

Таким образом, синтез условий, знаний и способа развития человека запускает в процессе его воспитания механизм формирования социальной целостности: *реализация духовного потенциала человека, как условие формирования индивидуальной целостности, ведет к ее воплощению на уровне социальных отношений.* Воссоздавая потенциал индивидуальной целостности, ориентация на духовное развитие личности выступает условием решения проблемы общественной целостности, поскольку как отмечалось, человек есть микромир, реализующий себя в своем макропроекте – обществе. Следовательно, для конструирования целостной модели общественных отношений (*общества человеческих отношений*) необходимо соблюдение следующих условий индивидуального развития:

– во-первых, осознавать жизнеутверждающую роль духовности в развитии человека. В этой связи, весь потенциал воспитания, необходимо направлять на раскрытие и удовлетворение его духовных потребностей, реализацию *человеческого потенциала,*

– во-вторых, понимать, что без соответствующих *благоприятных условий* и объективных социальных знаний (культуры) духовное развитие человека становится проблематичным, поскольку не удовлетворяется потребность в любви (единении, принятии, то есть гармоничных отношениях). Следовательно, и механизм формирования целостной личности, способной творчески реализоваться и, как следствие, созидать гармоничные *человеческие,* а не потребительские отношения, конструировать целостное общество, не может быть развит,

– в-третьих, *осознавать значение для человека удовлетворения потребности в любви (единении, причастности), стимулирующей стремление личности к духовному развитию.* Понять это, оценить всю опасность угрозы

нашей *человечности*, можно, если учесть те последствия, к которым ведет ее неудовлетворение;

– отсутствие необходимых для созидательного развития личности условий (либо сбой в работе хотя бы одного из них) ведет к нарушению механизма гармонизации, целостности, к дисбалансу духовного и материального, физического в ее мотивационной структуре. В этом случае, кордоцентричный способ познания блокируется рациональным, диктующим человеку программу его интеллектуального (материального) развития. Как результат – *искажение потребности в любви желанием служения (то есть обладания, использования, присвоения)*, в силу чего *деформируется сам вектор и задача человеческого развития – от развития духовного потенциала человека к его материализации – духовной смерти. На практике такая чудовищная деформация проявляется в ориентации на поиск «заменителей» любви.* В целом, дисбаланс сердца и разума, потребности и желания (духовного и материального) ведет к неразрешенности проблемы индивидуальной и социальной целостности;

– в отличие от потребностей *природа желаний базируется на принципе искажения* (условий и принципов реализации человеческого потенциала). *Желание деформирует само условие целостного духовного развития – труд (необходимость работы над собой).* Оно *исключает его из практик освоения окружающей реальности, ориентируя весь потенциал человека на ее обладание, использование, присвоение. Отношение использования, ориентация на него путем исключения, минимизации труда, направленного на получение желаемого «здесь и сейчас», становится базовой установкой желания.* Такое *искажение деформирует характер отношений человека к окружающей его реальности. Под призму искажения попадает все, что окружает личность, что составляет ее природу – фундаментальные экзистенциальные потребности (прежде всего, потребности в любви), условия ее целостного развития – объективное восприятие реальности и способы ее познания.* Таким

образом, *желание выступает механизмом деформации человеческого потенциала. Оно становится условием формирования иллюзии жизни, в которой не нужно трудиться, совершенствовать себя, поскольку достаточно лишь сильно захотеть;*

– механизм реализации желания служения, как псевдозаменителя потребности, предполагает разрыв связей с реальностью, формирование иллюзии собственного превосходства, которую сознание человека воспринимает в качестве реальности, направляя на ее реализацию все свои силы и потенциал. На практике это проявляется в том, что познавая и соприкасаясь с окружающим миром, человек формирует внутреннюю установку не на его познание (то есть труд), а на обладание им, получение желаемого без необходимых усилий и любыми способами. Принимая ложное за истинное, желание обладать за потребность быть любимым, человек присваивает вверенные ему таланты и способности. Беспощадно эксплуатируя их, он усиленно ищет способы заставить других служить ему, чтобы доказать свое превосходство, то есть самому стать объектом желания. В результате, *человек формирует зависимость от иллюзии превосходства, преодолеть которую можно лишь в результате постоянной саморефлексии, внутренней работы, направленной на поиск себя настоящего;*

– закрепление иллюзии превосходства, сопровождается возрастанием желания служения, конкретизация которого и ведет к материализации иллюзии. Другими словами, механизм развития *желания служения* (то есть желания-цели) *начинает находить свое выражение в более конкретизированных желаниях* (желаниях-средствах), направленных на обладание какими-то конкретными объектами – деньгами, едой, вещами и т.п. Их цель – *реализовать программу разума по разрушению духовного потенциала личности, путем материализации идола, кумира* (то есть доказательства собственного превосходства). Другими словами желания-средства выступают средствами материализации иллюзии превосходства. Производные от *желания служения,*

они имеют нелимитированный во времени и объеме характер, поэтому их никогда нельзя удовлетворить полностью. С удовлетворением каждого нового конкретизированного желания, приходит новое.

Такая установка формирует *эгоистическое стремление использовать, потреблять, присваивать все, что окружает человека, ради единственной цели – удовлетворить желание служения.* В силу этого, неразрешенность проблемы гармоничного целостного *человеческого* развития обуславливается тем, что нарастание «конвейера желаний» сопровождается разрывом связей с реальностью, духовным вакуумом, накапливаемым от нереализованности потребности в любви. Разорвать эту смертельную зависимость со временем становится все сложнее;

– подменяя собой потребности, и влияя, таким образом, на организацию мотивационной структуры личности, желания нарушают механизм ее целостного развития. Они блокируют работу кордоцентричного познания, угрожая раскрытию и удовлетворению духовных потребностей человека. Обретая статус реальности в нашем сознании, иллюзия определяет ориентиры дальнейшего развития человека. Теперь желание, а не потребность, запускает рычаг его развития, разум, а не сердце, определяет его ориентации, работает на нарастание зависимости от желаний. Так человек делает первый шаг в сторону собственной духовной смерти. Так, нарушается связь с собой настоящим. Так потребность в любви, то есть единении, соучастии подменяется желанием *служения.*

Искусно прикрываясь стремлением к единению с окружающим миром, последнее не всегда может быть распознано сразу, поскольку при формальной оценке ситуации может слабо отличаться от реальной потребности человека любить и быть любимым. Здесь маркерами распознавания становятся способы решения проблемы, которые выбирает для себя человек и результаты его жизнедеятельности. Именно они и указывают на реальную суть вещей: стремление человека к единению или попытке удовлетворить желание, которые

на практике ведут к разрыву духовных связей и ориентации на потребительство (то есть эгоизм). Следствием эгоистической потребительской ориентации является установка не на труд (как творческую реализацию духовного потенциала человека, создание гармоничных отношений с окружающим миром), а на использование, потребительство (как правило, за счет других), конечным результатом чего становится формирование *человека желающего, ориентированного на служение иллюзии превосходства*;

– логика *служения*, основывается на принципах развития конвейера желаний – *иллюзорности, неиссякаемости, неудовлетворимости*. Преследуя цель отделения человека от объективной целостности (себя, рода, общины), материализации его потенциала, служение руководствуется стремлением исказить духовные потребности человека. Поэтому вместо стремления к единению, целостности, творческому развитию, установка на желание служения сопровождается отстраненностью, отчуждением, нежеланием человека брать ответственность за собственную жизнь, ее качество и характер развития. Весь потенциал творческой активности личность переносит на создание кумира, идола, которому она поклоняется и подчиняет свою жизнь. Этот акт становится условием чудовищной трансформации личности в пассивно потребляющее, зависящее существо – *человека желающего*. Движимый жаждой власти, обладания, накопления, последний больше не способен воспринимать себя во всем богатстве и безграничности *человеческой жизни*, не способен реализовать и минимальную часть своей личности, не способен выйти за жесткие границы конформизма и освободиться. Он отказывается от возможностей, передаваемых ему окружающим миром, и становится рабом своих желаний, иллюзии, служить которой теперь его основная цель;

– сам процесс потребления в этой ситуации становится культом, которому служит *человек желающий*. Превращая процесс освоения реальности в тотальное потребительство, разум укрепляет иллюзию, что проблему

реализации *человеческого потенциала* можно решить лишь неограниченно потребляя произведенную рынком продукцию. В этом заключается влияние потребительской идеологии, противоречащей принципам развития и реализации индивидуальной и социальной творческой активности. Поскольку ориентиром последней становится акцент не на качество, содержание и развитие, а на количество и формализм;

– во всех своих проявлениях стратегия служения несет деструктивный потенциал, блокирующий возможность гармоничного развития человека, формирования целостных отношений. Поэтому не важно, о каком служении идет речь, о поклонении идолам, идолопоклоннической любви к человеку, вещам, поклонению политическому лидеру или государству, себе. За каждым из них стоит *отчуждение, неприятие своей человеческой сути*, выражающее себя через конформизм и разрушение. В любом из указанных случаев *человек ощущает себя не живым активным носителем собственного потенциала, а лишенной уникальных духовных качеств, мертвой «вещью», зависимой от внешних обстоятельств, на которые он перенес свою жизненную энергию;*

– нарастание проблем и противоречий связанных с реализацией идеологии тотального потребительства, культом служения желанию и угрозами индивидуального и социального развития, сопровождается изменением условий, способов и механизмов человеческого развития в эпоху современности. Идеализация разума, «освобождение» интеллекта, заложенное эпохой Просвещения ведет к дисбалансу духовного и материального в человеке, искажению смыслов фундаментальных экзистенциальных понятий *человеческого развития*. Возведенный в культ идола разум переопределяет роль и значение человека, культуры, семьи, духовности в общественной жизни, утрируя и унифицируя духовный потенциал данных феноменов. Человек становится заложником желаний, ориентированных на ценность материальных благ цивилизации. Конструируя новые социальные отношения, новую

реальность – рационализированное капиталистическое общество, он все больше отдаляется от своей *человеческой* сути.

Такая ситуация становится результатом нарушения механизма гармоничного развития личности, вследствие актуализации рационального познания, стимулирующего подмену ценностей культурного развития цивилизационными благами! Идя на поводу у разума, ориентированного сугубо на материальные аспекты жизни, человек все больше разрывает свои общностные узы, утрачивает культурную приемственность, призванную ориентировать его на раскрытие духовного потенциала, на поддержание родовых связей, на поиск себя, как перспективу целостного индивидуального и социального развития;

– ориентируясь на материальный комфорт и благополучие, воплощаясь в экономических и политических структурах современного общества, установка на цивилизационный прогресс, таким образом, стремится обесценить значение культурного развития. Однако изначально такая ситуация оказывается бесперспективна, поскольку потенциал цивилизации ограничен. *По сути, феномен цивилизации представляет собой совокупность материально-технических средств, участвующих в культурном развитии человечества* (то есть облегчающих материально-бытовые аспекты его жизни, удовлетворяющих физиологические аспекты человеческой жизни). Лишь в этой своей роли она способна участвовать в процессах культурного производства. Поэтому *любые искажения такого соотношения культуры и цивилизации влекут за собой неизбежный дисбаланс индивидуального и социального развития;*

– ставка модерна на индивидуализацию жизни, цивилизационный прогресс, унификация всего *человеческого*, стала исходной точкой в формировании социальности нового типа – рационализированной. В отличие от традиционных общинных отношений, чей внутренний мир сохранял душевность и уникальность личности, современное общество стало унифицированной системой отношений индивидуализма и безличной

формальности. Ни общность ценностей, ни духовная близость или кровное родство, не составляли ценность рационализированных отношений, лишь *личный интерес*, закрепленный юридическим соглашением – договором был признан условием возможности общества. Как следствие, *желания обладать, использовать, эксплуатировать, стало условием формирования эгоистического характера современных общественных отношений*. Приобретая в контексте цивилизационного прогресса массовый характер, ориентация на *желаемое (а не необходимое!)* стала общественной установкой, формирующей стратегию тотального потребительства, перерастающего в бессмысленную материальную практику массового использования;

– проникая в социальную сферу, желание изменяет сам характер социальности. Из надежного общинного дома она превращается в разрозненный мир обезличенных эгоистических отношений. Значение культурной традиции, поддерживающей порядок общинного устройства, здесь подменяется формальными принципами цивилизационного прогресса, а духовные ценности – моралью и этикетом государства. Так, трансформируется само значение и роль *человеческих отношений*, а также основного института их формирования – семьи. Всей своей сутью рационализированная социальность стремится подавить, унифицировать *человеческую* уникальность, обменяв ее на цивилизационные блага. Превратить личность в бездушную марионетку, бездумно растрачивающую себя на утопический прогресс – основная задача цивилизации. Для ее реализации последняя использует самое «действенное оружие» – человеческое желание, под воздействием которого созидательные чувства человека все более замещаются рациональным аспектом, заражая формализмом сферу человеческого общения;

– в погоне человека за «личным» (интересом, выгодой, амбициями, экономическими капиталами), происходит трансформация значения и дальнейшее обесценивание основных *человеческих благ* – любви, счастья, веры, труда. Он сам перестает быть «мерой всех вещей» и становится продуктом

потребительских отношений, поскольку новому рационализированному порядку важен не человек, а потребитель, приносящий конкретную пользу. На его обработку, манипуляцию направлены все ресурсы цивилизации – реклама, технологические новинки, дизайн, торгово-развлекательные центры, мода и т.п. За него идет борьба, в которой хороши все средства, однако главным из них остается *иллюзия благополучия*, согласно которой, *каждый стремящийся к собственной выгоде, личным интересам, тем самым способствует всеобщему благоденствию*;

– делая ставку на материальное благополучие, желание обладать, а, следовательно, и потреблять в неограниченном количестве и в кратчайшие сроки, цивилизационный прогресс обесценивает *основной принцип человеческого развития и достижения благополучия – труд*. Ориентируясь на изобилие желаний и предоставляемых цивилизацией способов их удовлетворения, человек забывает о том, что труд – это не просто неизбежная необходимость, а единственный способ гармоничного становления личности. Ведь только в процессе труда человек способен приобрести бесценный опыт, знания и тем самым стать полноценным участником социальных отношений. В процессе кропотливого труда вырабатывается одна из главных установок *человеческого развития – созидательность*, которая приводит к решению экзистенциальных проблем – целостности, порядка, благополучия, счастья;

– тотальное потребление становится характерной чертой эпохи рационализованной современности, когда вещи (знаки), а не отношения начинают играть господствующую роль в жизни человека. *Само потребление теряет свое традиционное значение. Трансформируясь из естественного процесса по удовлетворению потребностей и освоению окружающего мира в тотальный разрушительный процесс по удовлетворению желаний, современное потребление становится активной массовой ориентацией, основанной на превращении окружающего человека мира в вещь, символ использования*;

– идя по пути интеллектуально-технократического развития, беспощадно эксплуатируя окружающие ресурсы, цивилизация поддерживает иллюзию человека об идоле материального благополучия. Материальное богатство (вещи, деньги, комфорт) и возможность влияния с помощью него на окружающую реальность становятся смыслом его жизни. При этом современный человек не осознает, что *решение экзистенциальных проблем – счастья, благополучия, радости, удовлетворенности жизнью, – лежит совсем не в плоскости возможностей материального мира!* Поскольку любая вещь (орудие труда, предмет обстановки, дом) – это всего лишь *средство*, облегчающее (либо наоборот) духовную жизнь человека, но не ее *условие!* *Человек наполняет ее символическим содержанием, в силу чего, он, а не вещь сохраняет за собой активную роль в преобразовании окружающих отношений;*

– *ориентация на потребительство, материальное благополучие и комфорт, исключение труда из процесса творческого преображения человека, приводит к возрастанию уровня индивидуальной и социальной неудовлетворенности, разочарования!* Потребителем благ цивилизации становится не человек, а его желание. Таким образом, человечество развивает постоянно нарастающее стремление во все большем количестве вещей, все более массовом характере потребления. В такой ситуации нарушается сам механизм потребления, как культурного процесса постижения окружающего мира, ориентированного на удовлетворение потребностей, обеспечивающих ему условия созидательного развития, целостности, благополучия, счастья. Другими словами, в отличие от современного тотального потребительства, *культурное потребление* является средством для достижения основной цели *человеческой жизни* – духовного совершенствования, критериями которого выступают благополучие и счастье личности;

– охватывая все сферы индивидуальной и социальной жизни, отношения овеществления наиболее угрожают *человеческим отношениям*. Желание обладать, использовать, эксплуатировать заставляет обесценивать,

обезличивать все живое. Любовь, доверие, творчество, уважение, забота становятся не условиями общения, а раритетом, который современный человек все реже использует в своей жизни, и о котором все больше грезит. За формальным, внешним дружелюбием он скрывает холодность и безразличие, недоверие, расчет. Весь этот процесс по ликвидации *человеческого*, неумолимо ведет к утрате духовных и социальных связей, обеспечивающих целостность социальной системы.

Раздел III. Перспективы формирования общества человеческих отношений: в поисках утраченной целостности

Глава 5. Социальная целостность как результат творческого труда человека

Что такое есть семья, государство, нация, закон, хозяйство, политическая или социальная реформа, революция и пр., словом, что такое есть социальное бытие и как совершается социальное явление – этого вообще нельзя усмотреть в видимом мире физического бытия, это можно узнать лишь через внутреннее духовное соучастие и сопереживание невидимой общественной действительности. В этом заключается абсолютно непреодолимый предел, положенный всякому социальному материализму, всякой попытке биологического или физического истолкования общественной жизни. Общественная жизнь по самому существу своему духовна, а не материальна.
Н. Лосский

Опасность формирования иллюзий, иллюзорной реальности, влияния желаний на жизнь человека и общества заключается, в конечном счете, в том, что тесные духовные связи рвутся, нарушается социальный баланс в целом. Направляя все свои усилия на реализацию собственного фантома, желания, человек больше не занимается своей главной задачей – создавать и укреплять духовные связи, позволяющие ему быть причастным к общему Целому, быть одним из, быть творческим активным участником формирования социального опыта.

Он может продолжать заниматься самообманом относительно собственной успешности, материального благополучия, популярности и престижа, однако этот мыльный пузырь рано или поздно лопается, и тогда наступает духовный вакуум, пустота, разочарование и одиночество, от которых он так стремительно старается убежать. Компенсировать это дезинтегративное состояние может только переоценка собственных ценностей с последующей переориентацией на восстановление утраченных связей, на воссоздание индивидуальной целостности. В стремительном и претензионном мире, трансформирующемся в глобальное виртуальное цивилизационное пространство, сделать этот шаг навстречу жизни помогает лишь крик души,

лишь настоятельная потребность найти творческий путь реализации человеческого потенциала, разорвать довлеющую зависимость.

Эта необходимость становится единственным способом выхода из зависимости материального мира, шансом обретения себя, освобождения, который реализуется в *труде*. Другими словами, творческий труд выступает базовым условием решения экзистенциальных проблем человека, средством становления его индивидуальной целостности. В этом процессе актуализируется роль социальной среды и культуры, закладывающих багаж социального опыта и знаний человека и участвующих в реализации его потенциала человечности. Таким образом, в *синтезе труда, социальной среды и культуры раскрывается человеческий потенциал, актуализируется роль и значение творчества в жизни личности, формируется стратегия культурного потребления, как условия гармоничного отношения к миру и решения проблемы социальной целостности.*

5.1. Творческий труд как единственный способ решения проблемы индивидуальной и социальной целостности

Там, где труд превращается в творчество, естественно, даже физиологически исчезает страх смерти
А.Толстой

Труд является неотъемлемым условием человеческой жизни¹¹⁴. Без него невозможна реализация духовного потенциала личности, становление ее

---

¹¹⁴ О роли труда в реализации человеческого потенциала впервые говорится в рамках христианской православной традиции. *Труд* (от греч. *πόνος, ἔργον* – сотворение, создание, делание) был заповедан человеку Богом и требовался от него еще в Раю, до падения (Бог поместил первых людей в Эдемском саду, чтобы те возделывали и хранили его (Быт 2:15)), где носил характер творчества по промыслу Божьему. *Творчество* (евр. глагол *бара* – «творить»), употребляется только в отношении Божественных дел. Жизнь человека как

целостности, развитие среды гармоничных *человеческих отношений*, невозможно достижение индивидуального и социального благополучия. Именно он приближает личность к высшему благу жизни – радости, счастью, реализации, удовлетворению ею. Другими словами, решение экзистенциальных аспектов *человеческой жизни всегда связано с творческим процессом совершенствования – созидательным трудом*, в процессе которого и происходит раскрытие уникального *человеческого потенциала*.

Являясь жизнеутверждающей установкой, труд определяет перспективы нашего развития (поскольку без него невозможно даже полноценное физическое функционирование организма). При этом основным условием реализации этой миссии труда в жизни человека выступают:

– *отношение к труду¹¹⁵ и его характер*. Можно сказать, что именно *благоприятное отношение человека к труду (труд как ценность) трансформирует его в творчество – единственный способ реализации человеческого потенциала*. В свою очередь обесценивание роли труда в жизни человека ведет к превращению его в обезличенное порабощенное желанием

духовного создания, тоже должна подчиняться ритму труда и отдыха, а творческий труд должен быть направлен на пользу ближнему. Таким образом, изначально труд есть творческий процесс, выступающий благословением для человека, единственным условием освобождения личности. Только вследствие грехопадения бесплодная, безрезультатная работа приобретает характер утомительных усилий [33].

¹¹⁵ С принятием христианства настоящим открытием стало, во-первых, постижение того, что существует духовный мир, господствующий над материальным, а во-вторых, понимание индивидуальности каждого человека и его личной ответственности перед Богом. Именно христианство производит коренной перелом в отношении к труду, впервые противопоставляя античному (языческому: греческому и римскому) пренебрежительному взгляду на труд новую положительную его оценку – заповедь постоянного делания, неустанного труда как «дела Божия». Последнее органически вытекает из принципов христианского понимания жизни и задач человека на земле. Необходимость труда вытекает из целей человеческой жизни – участия в преображении себя и окружающего мира. Так, уже в начале Библии заповедуется первому человеку возделывать и хранить землю. «И взял Господь Бог человека... и поселил его в саду Эдемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт. 2:15). Об этой обязанности развивать свои силы, применять их для общего развития говорит евангельская притча о «талантах», повествующая о том, силы и способности человека, его «таланты» даны ему для выполнения его призвания, дела на земле. Поэтому задача человека – развивать талант, используя его на общее благо, что возможно лишь в процессе творческого труда над собой [72].

конформное существо – Голема, готового лишь брать, использовать, но не отдавать.

Речь идет о том, что ориентация на иллюзию превосходства, желание служения, деформирует суть и принципы труда, блокирует саму возможность реализации человеческого потенциала. В этой ситуации, иллюзия предлагает человеку миф о собственной избранности, уникальности. Последняя убеждает его в том, что это данность, свершившийся факт, не требующий подтверждений, не вызывающий сомнений, а главное – исключаящий необходимость работы над собой. Паразитируя на фоне присвоения уникального человеческого потенциала – таланта, способностей, заложенных в природу каждого из нас, и требующих своего обнаружения, развития, иллюзия превосходства рисует соблазнительную «реальность» – мир, в котором все существует для и ради него: близкие, их забота и внимание, природа, сама окружающая реальность. Принимая искажение – уникален Я, как форма, эталон, а не мой духовный потенциал, то есть содержание, суть, человек присваивает дар. Он допускает мысль о том, что он совершенен, что все, чем он наделен – способности к танцам, пению, рисованию, умение заводить отношения с окружающими, писать стихи и т.п. – его собственность, заслуга, непосредственно свидетельствующая о совершенстве.

Другими словами, в поисках способов материализации искажения, иллюзия превосходства блокирует объективное понимание того, что квинтэссенция уникальности личности, которую необходимо развивать, делиться с окружающим миром – есть его духовный потенциал – талант¹¹⁶. Что

---

¹¹⁶ *Талант* (греч. *τάλαντον*, лат. *talentum*) – единица массы, использовавшаяся в античные времена в Европе, Азии и Северной Африке. В Римской империи талант соответствовал массе воды, по объёму равной одной стандартной амфоре (то есть 1 кубическому римскому футу, или 26,027 литра). Талант был наивысшей весовой единицей в таблице греческих мер (собственно слово *τάλαντον* означало «весы»; затем «груз»). Как определённая весовая единица, талант упоминается уже у Гомера, причём везде взвешиваемым предметом является золото. По выводам метрологов, масса таланта равнялась массе семитического шекеля (сигля, сикля), а именно тяжёлого золотого вавилонского шекеля, равного 16,8 кг. Гомеровские таланты производились в форме продолговатых круглых брусков, похожих на

лишь совершенствование последнего позволяет раскрыть все многообразие и уникальность потенциала *личности*, лишь это составляет условие ее гармоничного участия в развитии единого Целого, причастности к нему. Требуя огранки, талант нуждается в труде: познании, навыках работы, преломлении, то есть постоянном совершенствовании. Только так возможна его реализация. Поэтому именно потребность в труде, выражающая себя в благоприятном отношении к нему, установке на труд, позволяет реализовать этот духовный дар. При этом открытие его в себе есть лишь обретение шанса на творческое развитие, но не конечный результат. Следовательно, принимая искажение о собственном совершенстве, человек присваивает и обесценивает уникальный дар, а, следовательно, перекрывает перспективу его развития. Взамен этому он возвращает в себе претензию на использование вверенного ему таланта для реализации идола. На этом фоне желание служения и страх быть разоблаченным за скрывание дара (его присвоение), не желание делиться

древнейшие золотые статыры. Таким образом, понятие талант интерпретировалось в качестве единицы чего-то ценного.

Из греческого языка слово *τάλαντον* было заимствовано в латынь – *talentum*. Его символическое значение, являющееся основным (дар, способность), наиболее содержательно раскрывается в Библии. В Евангелии от Матфея (25, 14-29) описывается история, в которой человек, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое. Одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе. Получивший пять талантов употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант закопал его в землю и скрыл серебро господина своего. Вернувшись, господин потребовал отчета. Подойдя, получивший пять талантов принес другие пять талантов. Господин сказал ему: «хорошо, в малом ты был верен, над многим тебя поставлю». Получивший два таланта принес два таланта и господин сказал ему тоже. Подошел и получивший один талант и сказал: «господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоившись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое». Господин же его сказал ему в ответ: «лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью; итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» [33].

Из Библии слово «талант» распространилось в лингвистической традиции в смысле дара Божьего, возможности творить нечто новое. Так, у латинского *talentum* новое значение появляется с XI века, у французского *talent* – с XIV века. В английском языке слово *talent* отмечено с 1292 года, а значение «склонность, способность к чему-либо» у него отмечено уже в 1430 году [73].

им, становятся базовыми переживаниями личности, ведущими мотивами ее активности. Для доказательства превосходства, реализации претензии, личность готова беспощадно, эгоистично эксплуатировать духовный потенциал.

Сам талант в этой ситуации превращается в товар, который человек стремится, как можно выгодней продать. Такая, по сути, нечеловеческая установка проявляет себя в стремлении к накоплению «доказательств» своей избранности. Вместо опыта гармоничных отношений, продуктивных знаний о социальной жизни, познания сути и многообразия последней, весь потенциал личность направляет на получение оценок, компенсаций, отстаивающих иллюзию превосходства. Идеализирующая родительская любовь, блокирующая развитие ребенка; хорошие оценки в школе, зарабатываемые не ради новых знаний и умений, а ради самих оценок, похвал окружения; внимание противоположного пола и т.п. – такие «результаты», как правило, становятся ложными критериями, симулякрами, подтверждающими человеку «правильность его пути» в утверждении превосходства и оправдывающими затраты его усилий.

Присваивая талант, выдвигая претензию на его использование – доказывание собственного превосходства, личность обесценивает все, что ее окружает – близких, их любовь, друзей, результаты своего «творчества» (карьерные успехи, должности, стремительное материальное обогащение). Постепенно вся окружающая реальность приватизируется, то есть трансформируется в «собственность», существующую с единственной целью – создавать «благоприятные условия» для возвращения идола. И чем больше эта «собственность», чем больше оценок получает человек за эксплуатацию своего потенциала, тем больше верит в собственное превосходство, избранность, тем больше обесценивает окружающие его отношения, труд, талант. Тем интенсивней растет его претензия использовать, эксплуатировать, потреблять.

Вера в иллюзию и ложные оценки закрепляют индивидуальную установку на беспощадное потребление действительности, блокируют возможность объективно видеть ситуацию – ее духовную суть. Сознание человека трансформирует окружающую реальность в материальный феномен, в рамках которого уникальные духовные аспекты *человеческой жизни* – отношения, чувства, люди, творческие результаты, сам дар, овеществляются, теряют свое символическое значение, превращаясь в физические предметы, оцениваемые в эквивалентах рыночной экономики.

Сам человек в этом процессе тотальной материализации утрачивает способность ценить, ощущать, переживать, он больше не в состоянии радоваться, не хочет замечать богатства окружающего мира. Он лишается вкуса жизни, который раскрывает многообразие *человеческих ощущений*. Постепенно он утрачивает способность получать удовлетворение от того, чья реализация может приносить высшее духовное наслаждение и радость – его таланта, поскольку перестает благодарить за то, за счет чего стремиться быть особенным, то, что действительно способно сделать его уникальным. Ценными для рационализованного сознания являются лишь символы превосходства – деньги, власть, престиж, вещи, должности и т.п. В своей материализованной реальности человек верит, что обладание ими способно сделать его счастливым, решить экзистенциальные проблемы. Именно их ему так не хватает, за них он готов бороться, чтобы обрета, продемонстрировать окружающему миру свое превосходство. Поэтому вместо базового комплекса созидательных, продуктивных ощущений – радости, удовлетворенности, гармонии, наполненности, любви, возникающих на фоне реализации человеческого потенциала, он растит духовный вакуум, неудовлетворенность, потребительскую претензию на обладание миром, служение его иллюзии.

Таким образом, *принятая в качестве реальности иллюзия превосходства, вырабатывает индивидуальную установку на замещение, блокирование потребности в труде (совершенствовании собственного*

потенциала, таланта) как в чем-то ценном, жизненно необходимом для человека, претензией использовать, получать, не трудясь, не отдавая ничего взамен, а лишь требуя удовлетворения его желания. Это делает человека рабом материального мира, сводит уникальные неограниченные возможности его духовного потенциала к инструменту формирования идола. Человек, по сути, жертвует бесценным даром ради получения превосходства, ради владения окружающим его миром. Он закладывает фундамент зависимости, духовной тюрьмы от собственного эгоизма, освободить из которой способен лишь творческий труд, лишь осознание его необходимости, ценности.

Иными словами, доверяющий иллюзии человек искажает сам принцип труда, как творческого процесса, единственного условия совершенствования его духовного потенциала. Все свои усилия он направляет на формирование идола, поддержания зависимости материального мира, принося в жертву свой талант, поэтому испытывает негативное отношение к необходимости затрат времени и сил, которые противоречат установке на использование. Любые усилия, не способствующие реализации иллюзии превосходства, принимаются им, как рутинная, утомительная, бессмысленная практика, оправдать которую способно лишь вознаграждение.

Он не способен осознать, что дар невозможно присвоить. Он дается до определенного времени, что его необходимо отдавать, трудиться, творчески совершенствоваться, делиться опытом и результатами. Само осознание этого вызывает у потребителя претензию, принимается им как посягательство на его «собственность», как угроза его избранности, «кратковременная проблема», решить которую необходимо любой ценой. Поэтому минимизировать труд, получить как можно больше не трудясь, не делясь своим потенциалом – основная задача потребителя. Следовательно, не установка на труд, как процесс познания и раскрытия, прироста и деления вверенного потенциала, а эгоистичное стремление использовать его, доказывая собственное превосходство, активизирует его.

Хочется в связи с этим привести один из евангельских рассказов о званых на пир. Один человек сделал большой ужин и звал многих, но начали все, как сговорившись, извиняться: один купил землю и решил посмотреть ее, другой купил пять пар волов и пошел испытать их, третий женился и поэтому не захотел прийти на пир [33]. Эти образы символично описывают способы отношения человека к окружающему миру. Первый приобрел землю, хочет ее посмотреть, освоить, обладать ею. Однако стараясь присвоить землю, становится ее рабом, не может от нее оторваться, корнями врастает в нее. И получается, что он всецело принадлежит этой земле, и ему некогда прийти на пир Божий. Так человек присваивает все движимое и недвижимое на земле, прирастает всей душой и заботами о них и не остается времени обратиться к Богу. Другой купил пять волов и захотел их испытать. Не могут же они стоять без дела и не приносить пользы. Так и человек, приобретая материальные ценности, присваивает их, стараясь использовать с пользой для себя и забывая о духовных ценностях. (В древности под образом пяти пар волов символизировали органы чувств человека: слух, зрение, осязание, обоняние, позволяющие ориентироваться в материальном мире, но не духовном, где средством ориентации выступает духовное сердце). И, наконец, третий из званых – женился. Его сердце, переполненное своей радостью, не способно принять радость другого. Он обеспокоен лишь своими переживаниями, боится потерять их.

Так человек присваивая материальные ценности, утрачивает способность ценить духовные – отношения, чувства, талант. Он стремится подогнать их под шаблонные физические критерии материальных феноменов, неспособных отразить суть, многообразие, уникальность духовности. Такая ситуация отражает и современную ситуацию с трудом. Установка на присвоение духовного потенциала, искажает духовную суть труда, превращая его в материальный феномен – повинность, удел неудачников, не приносящий удовлетворения и не способный решать экзистенциальные проблемы.

Именно в связи с этим Н.Бердяев в свое время отметил, что «творческий труд дает человеку царственное положение в природе, но трагизм в том, что труд не всегда бывает творческим, и огромная масса человечества обречена на нетворческий труд, на труд мучительный и иногда страшный, труд рабский... Труд есть не только проклятие человека, но и благословение, труд, как и хлеб, священ и связан с глубочайшими основами жизни, он есть самая несомненная из реальностей. Человека заставляют трудом создавать вещи фантазмагорические и фиктивные, предметы бессмысленной роскоши, но самый труд, самые трудовые усилия священны» [74].

Обесцененный труд превращается из творческого процесса в наказание за «отсутствие превосходства», средство его приобретения. С этой целью личность направляет свой духовный потенциал на материализацию бесконечных желаний служения – стремление иметь: престижную работу, фешенебельный дом, нужные связи, шикарное авто, престиж, славу и т.п. Желание иметь, а не быть – жить, любить, реализоваться, познать, становится средством реализации иллюзии. По мнению Э.Фромма, «альтернатива «обладание или бытие» противоречит здравому смыслу. Обладание представляется нормальной функцией нашей жизни: чтобы жить, мы должны обладать вещами. Более того, мы должны обладать вещами, чтобы получать от них удовольствие. Да и как может возникнуть такая альтернатива в обществе, высшей целью которого является иметь – и иметь как можно больше – и в котором один человек может сказать о другом: «Он стоит миллион долларов?» При таком положении вещей, напротив, кажется, что сущность бытия заключается именно в обладании, что человек – ничто, если он ничего не имеет... различие между бытием и обладанием, представляет собой коренную проблему человеческого существования; эмпирические антропологические и психоаналитические данные свидетельствуют о том, что обладание и бытие являются двумя основными способами существования человека, преобладание

одного из которых определяет различия в индивидуальных характерах людей и типах социального характера». [75, 45]¹¹⁷

Утилитарная ценность труда в рамках практик тотального потребительства сводится к его инструментальной способности материализовать иллюзию. Как только последнее становится возможным, превосходство – очевидным для окружающих (в силу достижения определенного общественного статуса, признания, материального положения и т.п.), необходимость в таком «труде» снимается. Поскольку идол создан теперь стоит задача заставить окружающих поклоняться ему. И человек с новыми усилиями ищет способы реализовать это любыми способами.

Таким образом, обесценивание роли труда в жизни человека и общества, формирует деструктивное отношение к феномену, которое проявляется в магистральной цели цивилизационного прогресса – минимизации труда, популяризации желания получать, не трудясь, объективированной в разнообразных практиках лени (получить обманом, махинациями, силой или «заслужить» конформным поведением). Следствием такого отношения становится появление целого спектра выгодных и «облегчающих» способов,

---

¹¹⁷ Анализируя проблему «иметь» или «быть» Э.Фромм делает акцент на идиотических изменениях смыслового значения понятий «бытие» и «обладание», которое нашло в последние несколько столетий отражение в западных языках и выразилось во все большем использовании для их обозначения существительных и все меньшем – глаголов. Существительное – это обозначение вещи. «Я могу сказать, что обладаю вещами (имею вещи), например: у меня есть [я имею] стол, дом, книга, автомобиль. Для обозначения действия или процесса служит глагол, например: я существую, я люблю, я желаю, я ненавижу и т. д. Однако все чаще действие выражается с помощью понятия обладания, иными словами, вместо глагола употребляется существительное. Однако подобное обозначение действия с помощью глагола «иметь» в сочетании с существительным является неправильным употреблением языка, так как процессами или действиями владеть нельзя, их можно только осуществлять или испытывать.

Современный стиль речи свидетельствует о наличии высокой степени отчуждения. Когда я говорю «у меня есть проблема» вместо «я обеспокоен», субъективный опыт как бы исключается: «Я» как субъект переживания заменяется на объект обладания. Я преобразовал свое чувство в некий объект, которым я владею, а именно в проблему. Но слово «проблема» – это абстрактное обозначение всякого рода трудностей, с которыми мы сталкиваемся. Я не могу иметь проблему, потому что это не вещь, которой можно обладать, в то время как проблема мною владеть может. Иными словами, я сам себя превратил в «проблему», и вот теперь мое творение владеет мною. Такой способ выражения обнаруживает скрытое, бессознательное отчуждение» [75, 46].

разработанных цивилизацией с целью материализации человеческого потенциала – кредитные системы, займы, «чудодейственные» пилюли, всевозможные льготы, экономические и политические экспансии. Невзирая на разнообразные формы и способы минимизации труда, источником и целью их реализации всегда выступает потребительская ориентация иметь, использовать, реализующая себя в желании служения. При этом выбор способов его достижения отходит далеко на второй план¹¹⁸. Этим и объясняется тот факт, что тенденции развития современного общества ориентируют человека на *отказ от познания себя, раскрытия духовного потенциала, необходимости осознания смысла и ценности человеческой жизни. Из цели гармоничного человеческого развития труд превращается в экономическое средство, удовлетворяющее желания рационально действующего субъекта, стремящегося к получению максимальной выгоды*¹¹⁹. Такая трансформация и

---

¹¹⁸ В современной социальной практике господствуют корыстные мотивы обеспечения материального благополучия. Однако исторический опыт показывает, что одни эти мотивы не вдохновляют ни на высокий творческий труд, ни даже на общественно необходимый. В ситуации, когда единственным мотивом оказывается материальный интерес, человек выбирает либо путь, когда материальных благ можно добиться без творческих усилий, либо обращается к демонстративной фетишизации труда, выраженной, как правило, в карьеризме. При такой логике развития повседневности производство объявляется само себе целью. Однако такое состояние лишь усугубляет проблему, лишая человеческую жизнь смысла, трансформируя человека в вещь. Вся эта ситуация лишь подчеркивает, что естественную потребность в труде, и тем более труде на общее благо, невозможно обосновать в рамках рационализованного материалистического мировоззрения, не признающего высших духовных ценностей. Высшим пределом возвышения труда здесь считается труд на славу свою, как «дело чести».

¹¹⁹ С XVII в., то есть со времени возникновения машинизированного товарного производства, труд начинает анализироваться на основе экономических общественных отношений. Так, развивая трудовую теорию стоимости У. Петти, согласно которой стоимость товара определяется количеством труда, затраченного на его производство, А. Смит рассматривает труд в качестве основной экономической категории. Именно переход от ремесленного производства к массовому, по мнению многих современных экономистов, сделал возможными феномены эксплуатации и отчуждения и обусловил особую актуальность фундаментального вопроса о цели труда. Классические экономисты отвечали на этот вопрос вполне определенно и в духе уже сложившихся традиций: люди работают не ради самого труда, а из-за денег, получаемых за свой труд и расходуемых во время отдыха, ради которого в конечном итоге люди и трудятся (впрочем, в работах классиков европейской политэкономии прослеживается стремление рассматривать категорию труда в связи с неэкономическими (социальными, психологическими и др.) аспектами трудовой

детерминирует деструктивное отношение к труду, выражающееся в принципе: мой труд должен быть вознагражден и только это стимулирует меня на затраты времени и сил. Не конструктивная установка на раскрытие потенциала, творчества ведет потребительское сознание, а стремление материализовать, обесценить его уникальность, а, следовательно, перекрыть перспективы развития человека.

5.1.1 Творчество: принципы реализации духовного потенциала человека

Любить можно только то, что имеет определение и подчинено порядку, то есть то, что имеет имя
В.Смутко

Сознание желающего человека не в состоянии постигнуть, что сам по себе труд есть творческий акт, процесс преобразования человеческого потенциала – дара, который не предполагает какой-либо рутины, брэнности, зацикленности, корысти. Что только труд по раскрытию, развитию,

---

деятельности (моральные нормы, мотивы поведения, традиции и т.п.), однако они сводятся чаще всего к экономическим).

Так возникает концепция homo economicus, «экономического человека» – рационально действующего субъекта, стремящегося к получению максимальной выгоды. На этой основе рождается представление о глобальном меркантилизме: трудовая деятельность считается мотивированной исключительно утилитарно, никакого иного интереса к труду нет и быть не может. Следствием таких представлений стали первые теории заработной платы: рабочий не должен получать больше прожиточного минимума, иначе он потеряет интерес к труду. Очевидным казался вывод о том, что человек не может испытывать удовлетворения от содержания самой работы (и отчасти в условиях массового внедрения машин в фабричном производстве это было действительно так), его удовлетворяет лишь компенсация.

В этих условиях непреложным казалось, что труд и творчество несовместимы. Именно эта базовая концепция и привела к кризису европейской классической политэкономии. Так, представитель утопического социализма Ш. Фурье, например, в своих работах о будущем обществе указывал на необходимость снятия дилеммы «труд и творчество»: экономические различия между умственным и физическим трудом должны быть уничтожены; необходимо объединить индивидуальные и коллективные экономические интересы; труд должен быть освобожден от принуждения, тогда, если он соответствует склонностям и способностям человека, труд будет наслаждением [76].

совершенствованию творческих сил личности способен реализовать сэнс и цель человеческой жизни. Лишь в этом акте сотворения собственной целостности, происходит познание смысла человеческой экзистенции, то есть жизни¹²⁰.

Соизмеряясь с характером и ролью духовного развития человека, достижения индивидуальной целостности, решения экзистенциальных проблем, труд выступает, таким образом, исходным условием, способом его гармоничного становления (а не средством существования). Этот принцип заложен в саму мотивационную структуру личности. Речь идет о том, что раскрытие и реализация духовных потребностей человека (основной среди которых является потребность в любви – единении, приобщенности, доверии), участвующих в реализации его потенциала, возможна лишь в процессе кропотливого труда по обнаружению и исправлению внутренних искажений и противоречий, принятию себя. Можно сказать, что потребность в труде отражает стремление к жизни, ее познанию, раскрытию многообразия, уникальности, участию в этом динамическом и творческом процессе. Именно эта установка и открывает человеку перспективу *творческого труда*, в котором исходной ступенью является *труд физический*.

Соприкоснуться с окружающей реальностью, «засучить рукава» и принять ее (через принятие себя) – начало творческого пути и базовый принцип физического труда. Эта работа над обнаружением и открытием своего потенциала, в ходе которой человек учится ходить, говорить первые слова, толковать смыслы, выстраивать отношения, принимать социальные роли, решать возникающие проблемы и противоречия и мн. др. Другими словами,

---

¹²⁰ Труд в христианской культурной традиции помещается в одну плоскость с молитвой и покаянием. Отсюда известная формула шотландского историка Т. Карлейля: «Труд есть та же молитва». Поэтому даже самый тяжелый труд («труд в поте лица») согласно христианской культурной традиции, является не наказанием или мучением, а средством преодоления тех препятствий, которые возникли в результате искажения грехопадением нормального порядка (в результате разрыва духа и плоти). Последние мешают осуществлению этого порядка и создают тяжелые условия труда. В рамках христианства ценность и необходимость труда, освещает его более высокие цели и мотивы [72].

труд, направленный на раскрытие духовного потенциала, посредством исправления внутренних искажений (то есть физический труд), становится первым шагом на пути творческой реализации человека, способом преодоления эгоизма, шансом научиться любить. Но любить не себя, как данность, идола, не свою иллюзию превосходства, а тот дар, талант, задачу, которым наделяется каждый человек. Это значит быть готовым трудиться над раскрытием и реализацией своего потенциала, быть ответственным за это. То есть только труд над собой позволяет осознавать, что окружающая нас реальность, люди и мы сами – это единая целостная динамическая система отношений, где нет врагов и недоброжелателей, где каждое наше побуждение, действие вызывает определенную реакцию Целого. Только труд преодолевает границы и шаблоны искаженного рационализованного сознания, формируя качественно новое видение ситуации. Ситуации, в которой наша задача, наше участие, востребованность определяются степенью реализации духовного потенциала. Ситуации, в которой изменения окружающей нас реальности (проблемы, напряжения, кризисы), позволяют выявлять внутренние противоречия, участвуя, таким образом, в раскрытии нашего потенциала. Так нам открывается суть принципа: «Микромир в макромире и макромир в микромире». Их невидимая для рационализованного сознания связь становится очевидной.

Такие усилия оказываются для человека чрезвычайно плодотворны. Поскольку ориентация на реализацию духовного потенциала, то есть на труд, формируют стремление соприкоснуться с окружающим нас миром, исправить те внутренние искажения, которые блокируют принятие себя. Это позволяет человеку столкнуться с его иллюзией один на один, осознать, что созданный им мир и мир реальный – не тождественны, ощутить, что его восприятие себя и он настоящий – абсолютно разные вещи. Такая встреча с индивидуализированным мирком, мощно охраняемым нашим сознанием, позволяет отрезвиться, пересмотреть стереотипы и шаблоны иллюзии, отказаться от искаженного восприятия реальности и захотеть познать суть

происходящего. Такая работа над собой актуализирует потребность стать внимательным исследователем, захотеть разобраться в тех проблемах и противоречиях, которые демонстрирует нам действительность в процессе овладения ею. А это в свою очередь означает готовность личности отказаться от иллюзии, признать свое несовершенство, искаженное восприятие, увидеть и принять себя настоящего без идиологов и знаков отличия, без превосходства, столкнуться со своей зависимостью от желаний и захотеть освободиться. Другими словами этот шаг формирует стремление личности реализовать дар, способности, заложенные в природу каждого из нас – наш духовный потенциал.

Для человека этот шаг оказывается самым сложным, поскольку существование (не жизнь!) в зависимости хотя и не приносит удовлетворенности, радости и реализации, однако вуалирует страх ответственности за собственные решения и выборы. Иллюзия поощряет его безответственность и конформизм, питает самолюбие ложным представлением об особенностях, успешности, состоятельности, оправдывает стремление не трудиться, желать. Поэтому «проснуться» захочет не каждый, а лишь тот, чья потребность в преодолении зависимости, в освобождении и творческом труде становится ведущей. Лишь она дает нам шанс выйти за границы своего индивидуализированного мирка и увидеть мир реальный, в котором многообразие и динамика жизненных форм вдохновляет нас на активное участие.

Другими словами, не потерять связь с реальностью, не отказаться от потребности познать себя, позволяет стремление жить, то есть любить, быть частью единого Целого. Именно любовь учит реализовывать, преломлять свой потенциал на общее благо, что становится возможно лишь в процессе труда над собой. Лишь эта установка способна вывести человека из искаженного мира иллюзий и желаний, открыть глаза, услышать голос собственного сердца, освободиться, выйти на принцип созидательного творчества, направленного на

реализацию *человеческого потенциала – труд духовный*. Другими словами, *потребность в физическом труде (то есть стремлении соприкоснуться с окружающим миром, познать его, себя в нем, и принять, исправить внутренние искажения – иллюзии, желания) открывает перспективу созидательного труда – творчества, преобразующего потенциал личности и окружающий ее мир*.

Творческий труд как созидательный процесс *основан на любви*. Эта установка на единение, причастность, приобщенность, востребованность, творческое развитие, базируется на любви в себе того потенциала, дара, которым человек наделен. Такая любовь наделяет смыслом человеческую жизнь, учит ценить ее, вдохновляет на совершенствование, созидание, сотворение нового, качественно отличного. Мотивированный любовью творческий труд стимулирует наше преобразование – *делясь собой, трудясь на общее благо*. Наполненный смыслом, такой *труд* преобразуется в высшую ценность, одухотворяет личность, воплощаясь в реальных продуктивных результатах ее жизнедеятельности, превращает *человеческую жизнь* в творчество, направленное на преумножение своих возможностей и талантов, преобразование окружающей реальности.

Можно сказать, что только синтез любви и труда дает высшую степень *человеческого развития – реализацию духовного потенциала*. Творческий труд превращает нас из унифицированных исполнителей, потребителей, использующих свой потенциал, все и вся на своем пути, в со-творцов, способных преобразовывать окружающую реальность в уникальную неповторимую многогранную целостность. Такой труд возвращает человека к жизни, наполняет ее смыслом, радостью, гармонией, порядком, поскольку делает личность, творчески выполняющую свою задачу, востребованным участником. Чем бы человек ни занимался, открывая свое творчество, впуская в свою жизнь любовь, он превращается из конформного потребителя, раба собственных иллюзий в сотворца, освобождается, не перестает удивляться тем

возможностям и результатам, которые открывает в нем такой *созидательный труд*.

Следовательно, открыть в себе талант, реализовать его в творчестве – одно из основных условий и целей *человеческого развития*, предварить которые личность способна лишь в процессе труда над собой, открытия потенциала любви. Так человек приходит к себе настоящему, творческому, освобожденному от зависимостей материального мира. В этом творческом процессе приумножения духовного потенциала, он движим потребностью поделиться своим даром и посредством этого обрести единение с окружающим миром, познать его, преобразить. Он выходит за рамки материального мира, рамки эгоизма, он больше не зависим от желания, он – гармоничная часть Целого!

Таким образом, благоприятное отношение к труду выражается в формировании установки на созидание, творчество, преумножение духовного потенциала, возводя его в ранг универсальной высшей ценности *человеческого развития*. Здесь важно осознавать, что *в самом принципе творческого труда уже заложен механизм целостного индивидуального и социального развития, решение экзистенциальных проблем*. Поскольку ориентация на труд, реализация духовного потенциала, ведет к достижению баланса духовного и материального в человеке, формирует ситуацию, когда внутренний порядок, гармония личности отражаются в порядке социальном. Таким образом, стремление к творчеству, «душевная деятельность» личности, реализуются, главным образом, в продуктах созидательного труда – *человеческих отношениях* счастья, благополучия, доверия. Другими словами, решение экзистенциальных вопросов человеческой жизни является следствием реализации духовного потенциала человека в процессе творческого труда. При этом объективным выражением этого выступают материальные аспекты –

финансовое благополучие, профессиональные успехи, социальное положение и т.п.¹²¹.

В этой ситуации, духовный труд трансформируется в творчество, в ходе которого человек способен не только продуктивно реализовать себя, но, что самое главное, получать удовлетворение от самого творческого процесса, от получаемых результатов. Так формируется осознание того, что труд выступает единственным созидательным способом реализации личности. Труд перестает быть средством оценки человеческих возможностей для получения компенсации на глобальном человеческом рынке и обретает характер высшей ценности наряду с любовью, доверием, гармонией, благополучием, свободой¹²².

---

¹²¹ Так, например, материальное благополучие есть объективация благополучия духовного, как следствия гармоничного отношения человека к труду (принятию и решению жизненных проблем, ситуаций). В этой ситуации реализация благополучия, как духовного феномена, представляется возможной лишь в контексте творческого труда. Это значит, что в сознании человека формируется такая установка развития, в которой материальный капитал не является самоцелью. Важен не сам доход, комфорт, престиж. Это лишь следствие творческого процесса по реализации человеческих способностей, талантов. Следовательно, человек способен подойти к любой ситуации творчески, увидеть, что между ним и желаемыми объектами стоят другие люди, отношения. Что материальное является не целью, а лишь следствием его правильных, то есть созидательных усилий, не смыслом, а лишь знаком, ориентирующим личность в символическом пространстве. И в этом случае, сохраняя баланс духовного и материального, человек способен осознать, что для обретения желаемого (дохода, положения, комфорта и т.п.) ему необходимо работать, а не искать способы облегчить получение желаемого.

Любое отклонение от данной установки, в виде ориентации на личную выгоду, интерес, славу или пользу, ведет к *материализации духовного феномена*. Охватывая первоначально духовную сферу человеческого существования (сферу отношений), данное искажение трансформируется в социальные практики в виде овеществления семейных, профессиональных, культурных ценностей, что сопровождается актуализацией соответствующих проблем (то есть неблагополучием).

¹²² В настоящее время массовое производство и потребление перестают быть центральным элементом экономики и заменяются индивидуализированным потреблением и производством. Эту особенность, в частности, характеризует введенный О. Тоффлером термин «prosumer», сочетающий в себе указание как на производство (production), так и активное потребление (consumer) благ и услуг. По мнению Ф. Фукуямы, такое представление было заложено еще марксовым пониманием труда: люди, овладевая природой и изменяя ее, выступают одновременно и как производители, и как потребители [77, 150]. В результате классические представления о мотивах труда, применимые именно для массового производства и потребления, теряют свою значимость. В социальном сознании все чаще звучит идея о том, что труд сам по себе имеет определенную ценность, независимо от получаемого вознаграждения.

Таким образом, выступая антонимом корысти, безответственности, лени, как проявлений эгоистической потребительской претензии на использование духовного потенциала, творческий труд отражает стремление личности стать востребованным участником глобального проекта – *человеческого общества, поделиться уникальным даром*. Формируясь в рамках синтеза культурной традиции и среды, приоткрывающих человеку его духовную суть, *благоприятное отношение к труду, отражается в его сознании в ориентации на труд на общее благо*. Такой *созидательный творческий труд принимается единственным способом приобщения к жизни, любви, свободе, выступает уникальной возможностью реализации цели человеческого развития – духовного преобразования, становления его индивидуальной и социальной целостности*. Творческий труд открывает перспективу формирования системы гармоничных социальных отношений человека (к себе, окружающим, миру в целом), реализующихся в стратегии культурного потребления.

Глубинные изменения в мотивационных процессах, целях и приоритетах индивида и социума подтверждаются фактически. Так, уже в середине 60-х гг. XX в. возможность самореализации в профессиональной деятельности преобладала в шкале ценностей американцев и европейцев, а величина заработной платы оказалась для них гораздо менее значимым фактором. Популяризация волонтерских течений, объединяющихся в общественные организации и работающих без какого-либо материального вознаграждения, также свидетельствует об этом. Несколько столетий в экономической науке существовало представление о правомерности жесткого противопоставления «рабочего» времени (трудовая деятельность) и «свободного», когда только и возможна свободная самореализация человека. При таком подходе сокращение рабочего времени считалось показателем социального прогресса. Однако в современной экономике сокращение рабочего времени не принимает значительных масштабов. Более того, растет количество сотрудников, продолжающих работать после окончания рабочего дня в офисе или дома.

Явное усиление указанных тенденций, по мнению зарубежных исследователей, свидетельствует об уменьшении утилитарной заинтересованности человека в труде, о замещении материалистических ориентиров трудовой деятельности «постматериалистическими», о повороте человека от поисков средств к существованию к ориентации на «внутренний мир»: желанию самореализации, поиску нового опыта и новых ощущений, личностному самосовершенствованию, участию в процессе выработки решений и т.д. (У. Митчелл, Ч. Хэнди, А. Маслоу и др.) [76].

5.2. Культурное потребление как призма реализации *человеческих отношений*

*Где любовь и согласие, там возрастание богатства жизни;
наоборот, где вражда и особенно ненависть, там умаление жизни, оскудение ее.
Н. Лосский*

Процесс потребления является естественным условием *человеческого развития*. Соприкасаясь с окружающей реальностью, личность вбирает в себя те ее аспекты, которые позволяют открывать новые грани *духовного потенциала*. Потребляя, то есть, удовлетворяя свои базовые потребности, человек участвует в процессе символического постижения и преобразования окружающей его реальности, себя в ней. Он открывает свой потенциал, учиться делиться им, чтобы стать полноценной частицей мира, его активным участником. Иного пути приобщения к Целому для него нет. Этот процесс требует внимательности, ответственности, баланса, стремления познать и реализовать законы и принципы *человеческой жизни*, то есть потребность творчески трудиться.

Осознание сути процесса потребления предполагает понимание и принятие уникальности окружающей действительности, тех объективных законов, которые работают на сохранение гармонии, баланса социального целого, его целостности. Это предполагает необходимость формирования целостной картины мира, ее объективного видения, понимание своего места и задачи в этой динамичной системе. Поэтому активную роль в этом процессе принимают основные условия и способы реализации *человеческого потенциала* – *труд, культурная традиция и социальная среда* (семейно-общинные отношения). Именно в этом синтетическом сплетении потребности, знания и опыта, вырабатываются те фундаментальные принципы *культурного потребления*, которые позволяют открывать, развивать, преобразовывать и приумножать целостность и уникальность человека, поддерживать духовные связи, решать экзистенциальные проблемы.

Само культурное потребление есть гармоничное соразмеренное отношение человека к окружающему миру, собственному потенциалу, реализующееся в стремлении познания, то есть активного участия, творческого труда на общее благо. Это своеобразный процесс обмена возможностями, знаниями, опытом с целью реализации духовного потенциала личности, ее приобщения к единому Целому. Таким образом, в этом процессе условием индивидуальной активности выступает установка на познание – творческий труд, как аспект потребности в любви, раскрывающей себя в стремлении к гармоничному развитию, участию, единению. Поэтому такое отношение исключает любые проявления лени, формализма, безответственности, отчужденности, недоверия. Актуализируясь в процессе творческого труда, направленного на развертывание духовного потенциала человека, потребность в познании, как способе единения, ведет его, стимулируя гармоничные выборы.

Включение труда с его установкой на познание-преобразование реальности, таким образом, является единственным условием преодоления зависимости материального мира, основанием которой является иллюзия превосходства. Поскольку, как уже отмечалось, возникая в результате искажения потребности в любви желанием служения, иллюзия превосходства, исключает необходимость каких-либо созидательных усилий со стороны человека, блокируя тем самым его развитие. Движимая стремлением использовать, эксплуатировать человеческий потенциал, она ориентирует личность на реализацию искаженной модели реальности, в которой нет места познанию, труду, творческому развитию, потребностям других. Желание служения обесценивает жизненную необходимость духовности – отношений, чувств, смыслов, творческой реализации, возводя в культ ценности предметы материального мира. Все усилия человек направляет на достижение желаемого превосходства любыми способами, вопреки всем и вся, что делает его неразборчивым, поверхностным, эгоистичным. *Культурное потребление с его*

ориентацией на познание, творческий труд, единение, ценность духовного фактора, снимает эти противоречия.

Эта система отношений опирается на стремление к балансу, гармонии окружающей действительности, реализующееся, прежде всего, в ориентации на духовное, а не материальное развитие, то есть на познание смыслов в жизни человека, реализацию его потенциала с целью приобщения к Целому. В процессе культурного потребления личность направляет свой потенциал на раскрытие не только собственной уникальности, но и познание окружающей действительности. Ею движет живой, не отягощенный желаниями, интерес к жизни, ее познанию. В силу этого характер *культурного потребления* активен и созидателен. Эта система отношений *опирается на принцип соответствия между потребляемым (то есть его действительной необходимостью для меня), его ценностью и теми усилиями, которые я прикладываю к этому.* Поэтому само материальное потребление здесь является не самоцелью, а, лишь необходимым процессом удовлетворения конкретных потребностей личности. Это означает, что потребляемые мной вещи, предметы представляют для меня ценность лишь в силу их соответствия тем либо иным потребностям (физиологическим, материальным), то есть их функциональной значимости. Так, потребление еды и одежды отражает потребность в полноценном поддержании функционирования организма; приобретение книг, картин, предметов искусства есть отражение потребности в познании, стремления понять их и способности пользоваться ими; автомобиль есть средство передвижения. Вещи служат в качестве необходимых средств человеческой жизни, то есть они служат человеку, а не человек им. Такой способ потребления соответствует способу их использования. Другими словами, в процессе культурного потребления вырабатывается гармоничное соотношение материального и духовного, отношение, при котором вещь для человека остается лишь вещью, то есть средством удовлетворения более значимых

духовных потребностей, знаком того либо иного функционального предназначения.

Другими словами, в рамках культурного потребления *сам знак не перерастает в символ, не становится смыслом человеческой жизни, следовательно, не подменяет собой реальный порядок ценности человеческих отношений и создаваемых им продуктов!* Это значит, что человек потребляет вещи, предметы, отношения не машинально, а вникая в их суть, распознавая смысл потребляемого. Познавая, он учится толковать их, поэтому его интересуют все детали: принципы и условия создания вещи, мотивы и ценности собеседника. Для него важен сам процесс познания. В силу этого, его познание смысла подобно опыту ребенка всегда носит качественный характер¹²³. В этом процессе он ориентирован не на конечную цель – потребить желаемый продукт, а на сам акт познания, то есть труд, усилия по его усвоению, пониманию, принятию. Именно это приносит удовлетворение и радость в его жизнь.

Такое сбалансированное восприятие ситуации сопровождается формированием внутреннего порядка, стремлением к целостности, выраженным в созидательной установке на поддержание необходимого соответствия между реальными и желаемыми возможностями и запросами человека, его отношением к окружающему миру. Отношения, машина, квартира, пища, профессиональная деятельность, атрибуты материального комфорта и т.п. осознаются в этой ситуации, как результаты творческого труда, а сам труд, как единственно возможный способ решения возникающих проблем, преодоления зависимости от неиссякаемого потока желаний.

Осознавая и принимая роль труда в *человеческом развитии*, личность постепенно освобождается от иллюзии превосходства, желания. Она более не

---

¹²³ Познание ребенком окружающего мира носит уникальный характер. Стремление к познанию окружающего мира, живой интерес ко всему, что его окружает, отсутствие шаблонов восприятия и страхов, стимулирует исследовательские способности ребенка. В этом ему помогают не только органы чувств, позволяющие соприкоснуться с физическими характеристиками окружающей реальности, но прежде всего кордоцентричное познание и язык. «Знание» ребенка сводится к непосредственному восприятию посредством ощущений и уникальной символичности речи, стимулирующих интерес к окружающим его объектам.

стремится искать «неотягащающие способы» обретения желаемого, а ищет возможность проявить свой потенциал, потрудиться, познать. Ее больше не наполняет, не удовлетворяет блеск и эффект желаемого, все ее усилия и стремления теперь направлены на раскрытие сути окружающих вещей. А, следовательно, сама деструктивная установка «хочу, следовательно, получу невзирая ни на что», сформированная иллюзией превосходства, здесь снимается. Вместо этого вырабатывается стремление разобраться, проникнуть в суть, ответить на вопрос: «для чего это необходимо?».

Таким образом, *в отличие от отношений тотального потребительства, как стратегии закрепления зависимости от соблазнов материального мира (то есть от желания), культурное потребление изначально ориентировано на познание, то есть творческий труд, в процессе которого актуализируется комплексная потребность в любви – единении, творчестве, приобщенности, раскрывается духовный потенциал человека. В этом процессе раскрывается базовый интеграционный мотив социальной целостности – ориентация на другого, его отношения, потребность в нем, что реализуется в созидательной установке – труд на общее благо.* Другими словами, эта система отношений снимает блокирующую развитие человеческого потенциала эгоистическую мотивацию личности, лишает страха за себя, тревоги, опасения не получить желаемого. Это чудесное перевоплощение происходит в результате осознания потребностей других, их ценности и уникальности. Формируется объективное видение ситуации, в которой «мои» – реализация, счастье, благополучие являются гармоничным следствием реализации ближнего. Поэтому лишь ориентация на «наше» взаимодействие, связи ведет к моему творческому развитию. Другими словами, не эгоистическое желание «иметь», «использовать», «эксплуатировать», «накапливать» ведет человека в процессе культурного потребления, а потребность познать, соприкоснуться, поделиться своим потенциалом, стать активным участником взаимодействия. Таким образом, модель восприятия окружающего мира, формирующаяся в этих

условиях, объективна, разумна, целостна. Она основывается на принципах гармонии и порядка, несет в себе понимание ответственности за собственные выборы и их реализацию, за собственный вклад в общее благо.

Отношения *культурного потребления* запускают развитие целого комплекса экзистенциальных качеств – ответственности, доверия, заботы, стремления быть активным участником Целого, в рамках которых развивается потенциал индивидуальной и социальной целостности. Что остается после гонки за потреблением желанья? Пустота, разочарование, тоска... *Результатом же культурного потребления становится ощущение внутреннего удовлетворения, наполненности смыслом.*

Таким образом, культурное потребление становится условием решения экзистенциальных проблем человека, вырабатывает отношение, в котором человек стоит *над* материальным миром, руководит вещами, но не в силу собственного превосходства, а в силу понимания смысла и принципов организации окружающей реальности. Он не зависим от материального, не жертвует собственной свободой и активностью ради обладания им. Он – человек, для которого духовное, то есть стремление к единению, причастности, творчеству, свободе – определяющее условие жизни. Поэтому именно духовное, а не материальное, поиск смысла, а не потребление вещей, обладание и накопление их, потребности ближнего, а не эгоистические мотивы, определяют суть его экзистенциального предназначения.

Ресурс такого способа отношения к реальности неиссякаем. Поскольку понимая суть предлагаемых окружающей действительностью благ, человек, в процессе *культурного потребления*, становится способен конструктивно структурировать, организовывать свои выборы, приобретая лишь то, что действительно необходимо для его творческого развития. Так он превращает хаос в гармонию, не идя на поводу предлагаемых цивилизационных соблазнов и не завися от иллюзий, преодолевает эгоистические границы сознания. Ему сложно навязать формальные шаблоны и стандарты, поскольку фокус его

интересов – суть, содержание, смысл, а не форма, поскольку установка его развития – познание, а не присвоение, то есть доказательство своего превосходства. В этих осознанных выборах он проявляет свою уникальность и свободу, реализуя способность трудиться творчески, созидательно. Так, через познание и творческий труд человек реализует свой потенциал, преодолевает границы материального мира, освобождается, приходит к целостности, гармонии внешнего и внутреннего, макро- и микромира. С таким багажом опыта и знаний он становится полноценным ответственным участником социальных отношений, поддерживать и развивать которые, теперь его основная задача.

Следовательно, *культурное потребление* есть акт взаимообогащающий, поскольку в нем нет «посредника», на которого переносятся силы и потенциал участников, отчуждающего их от участия в данном процессе. Здесь есть лишь соучастники и общие потребности, на удовлетворение которых и направлены их силы. Поэтому лишь в рамках данного процесса человек способен соотнести для себя значение и важность окружающих отношений, объективно оценить угрозы и возможности собственной деятельности, осознать смысл *человеческой жизни*. Другими словами, в самом акте *культурного потребления* исключается создание идола, трансформирующего человека в пассивный объект, вещь, исполнителя, а характер его отношений в банальное потребление знаков, вещей материального мира.

В связи с этим, анализируя ситуацию современного общества, где потребление давно приобрело характер материальной практики, французский исследователь Ж. Бодрийяр отмечает, что знак сегодня выступает как знак счастья (люди ищут счастье в обладании материальными объектами). Он заменяет собой реальность: реальную жизнь, реальные отношения. Материальные объекты вытесняют из жизни человека других людей, а сам он исчезает как субъект, превращаясь в человека-объект, который, подобно вещи, выполняя определенную функцию, фигурирует в межчеловеческих

отношениях. Знаковое потребление охватывает всю жизнь людей, начиная от потребления вещей и до потребления среды человеческой жизни, куда входят труд, досуг, культура, социальная сфера, природа. Все названное входит в человеческую жизнь в виде потребляемых знаков, «симулякров», превращая всю ее в симуляцию, в манипуляцию знаками. Знак, «симулякр», как бы помогает человеку овладеть реальностью, но одновременно он уничтожает реальное, заменяя его собой [78].

Изменение смысла потребления, как показывает социальная практика, приводит к ужасающим последствиям. Трансформируясь в практику овеществления окружающей реальности и приобретая массовый характер, потребительство угрожает, прежде всего, развитию и поддержанию социальных связей, отношений, сохранению ценности *человеческого*, то есть *духовного* в нашей жизни. Оно превращает человека, его потенциал в продукт потребления, товар, лишая тем самым перспектив дальнейшего развития¹²⁴. Формат таких отчужденных конформных отношений использования становится условием рационализированной социальности. В рамках последней основным критерием членства становится не уникальность человека, его причастность к человеческому роду, профессиональной, этнической группе и т.п., не его творческий потенциал, а полезность (общественная). Быть пригодным, полезным, удобным, значит иметь высокие шансы на групповое принятие, значит иметь шанс реализовать иллюзию собственного превосходства.

---

¹²⁴ Деньги, вещи, недвижимость и т.п. – все эти идола и желание обладать ими, исказили природу современного потребительства и роль человека и творческого труда в нем. «Раз я располагаю деньгами, то для приобретения от меня не требуется ни усилий, ни особого интереса. Если у меня есть деньги, я могу купить прекрасную картину, даже если я ничего не смыслю в искусстве; я могу купить лучший фонограф, пусть даже я не разбираюсь в музыке; я могу купить библиотеку, хотя она мне нужна только для престижа. Я имею возможность за деньги приобрести образование, хотя бы оно и было мне ни к чему, – разве что как дополнительное достоинство в глазах общества. Обладание деньгами дает мне право приобретать и делать с моими приобретениями все, что мне заблагорассудится» [12, 174]. Данная иллюстрация, приведенная Э.Фроммом, достаточно красноречиво демонстрирует изменения характера потребления в современном нам обществе.

При этом современный человек не столько заинтересован в том, что действительно стоит за этой пригодностью, поощряемым конформизмом, сколько условиями продажи своего потенциала, способами, вариантами идолослужения в изобилии предоставляемыми цивилизационной практикой. В этой ситуации он не задумывается над тем, чем реально жертвует ради этой сделки, поскольку готов на все, лишь бы выгодней продать себя на «человеческом рынке»¹²⁵. Однако даже в условиях тотального потребительства можно услышать настойчивые призывы собственного сердца к настоящему, искреннему, гармоничному. Эти призывы становятся все сильнее именно в тот момент, когда масштабы духовного кризиса современного общества превышают все допустимые границы. Пытаясь заглушить их, человек может и дальше обманываться все новыми и новыми иллюзиями о желаемом «материальном счастье, благополучии», способном снять все внутренние конфликты, решить экзистенциальные проблемы, однако тем самым, он все больше попадает в зависимость, то есть не берет ответственность за то, что тотальное потребительство конечно¹²⁶, а масштабы и последствия духовного кризиса огромны и разрушительны.

---

¹²⁵ В этой связи Э.Фромм отмечает: «Счастье современного человека состоит в радостном волнении, которое он испытывает, глядя на витрины магазина и покупая все, что он может позволить себе купить или за наличные или в рассрочку. Он и на людей глядит подобным образом. Я ищу выгоды: объект должен быть желанным с точки зрения социальной ценности, и в то же время должен сам желать меня, учитывая мои скрытые и явные достоинства и возможности. Два человека влюбляются тогда, когда чувствуют, что нашли наилучший объект, имеющийся на рынке, учитывая при этом границы собственного обменного фонда. Часто, как при покупке недвижимого имущества, заметную роль в этой сделке играют скрытые возможности, которые могут быть развиты со временем. Едва ли стоит удивляться, что в культуре, где превалирует рыночная ориентация и где материальный успех представляет выдающуюся ценность, человеческие любовные отношения следуют тем же образцам, которые управляют и рынком» [14, 3].

¹²⁶ Еще в 1854 году немецкий экономист-психолог Г.Госсен установил закон конечного материального потребления. Другими словами, удовлетворение от материального потребления ограничено, конечно, поскольку, как только человек достигает определенной материальной цели, удовлетворение быстро проходит. Дальнейшее насыщение материальными благами приводит к снижению роста удовлетворения, и, в конце концов, к невосприятию. Г.Госсен сравнивает этот механизм уменьшения заинтересованности материальными вещами на примере постоянного потребления ценной черной икры, которое может перейти в полное ее отторжение [67].

Такое осознание реальности, способно дать человеку шанс сделать качественный выбор в пользу практик *культурного потребления*, основанием которых выступает познание, творческий труд по преодолению зависимости материального мира. Это становится единственной реальной перспективой, стратегией выхода из затянувшегося кризиса. Поскольку лишь в таких отношениях раскрывая и развивая свой духовный потенциал, открывая себя, человек учится преодолевать эгоистические мотивы, воспринимать потребности другого, как свои собственные, открывать мир другого, как уникальный и неповторимый, тем самым освобождаясь от зависимости. Культурно потребляя, личность стремится *ориентировать свой потенциал не на себя и свои неисчисляемые желания, корыстные интересы, а на потребность, стремление поделиться своим талантом, частицей себя самого, и от этого сделать свою личность богаче, счастливей, целостней*. Поскольку лишь в процессе культурного потребления раскрывается потенциал любви, как интеграционного механизма целостности, единения с миром, ближним, реализуется уникальность человеческой духовной природы.

5.3 Общность как среда развития человеческих отношений

В общественном механизме человек есть одновременно и организуемый материал, и организующая его воля. Но если организуемое...есть всегда мертвое, отдельно и пассивно существующее бытие, то организующим, умышленно формирующим и объединяющим может быть только живое...Поэтому все механическое, извне насажденное и объединенное в человеческом обществе, есть лишь внешнее выражение внутреннего единства и оформленности общества, т. е. его соборности
Н. Лосский

Анализ природы общностных отношений в современной социально-философской мысли является одним из наиболее актуальных и перспективных направлений¹²⁷. Западные и отечественные исследователи все больше внимания

---

¹²⁷ Действительно, проведя ретроспективный анализ проблемы, ее истоки находим еще в античной социально-философской мысли. Понятие общества сводилось здесь к более

уделяют рассмотрению общин, и обнаружению того мощного потенциала целостности, о котором говорили в своих работах еще классики (О.Конт, Э.Дюркгейм, К.Маркс, Ф.Теннис, Г. Зиммель и др.). Именно в общностных отношениях, их развитии и укреплении видится социальная перспектива, поскольку эта среда уникальным образом вмещает в себя все многообразие и потенциал условий формирования и реализации *человеческих отношений. Отношений, в которых ведущими установками развития выступают единение, труд на общее благо, культурное потребление.*

Интенсивное изменение характера и тенденций развития современного общества, обусловленное культом разума и прогрессом рационализованного цивилизационного знания, заложили предпосылки глобального по своим масштабам духовного кризиса. Обесценивание *человеческого* в пользу материального вело к неизбежной популяризации желаний, и, как следствие, смене традиционных культурных ценностей и ориентиров общественного развития. На практике такие кардинальные изменения трансформировались в экзистенциальных противоречиях человеческой жизни, проблемах индивидуальной и социальной целостности, порядка. Традиционные общностные связи вытеснялись бездушным формальным общественным взаимодействием (о чем неоднократно в своих работах заявляют К.Маркс, Г.Зиммель, Э.Дюркгейм, Ф.Теннис, Э.Фромм, З.Бауман, Ж.Бодрийар, П.Штомпка и многие другие). В этом новом рационализованном порядке доверие, поддержка и соучастие, труд на общее благо, подменяются личными интересами, холодным расчетом – желанием, воплощающим иллюзию превосходства. Не *человек*, а вещи, окружающие его, составляют основной общественный капитал.

Несмотря на масштабы и интенсивность данных тенденций, прогрессивные «успехи» в развитии материально-технической и научной сфер,

---

определенному и конкретному значению общностных, семейных отношений. Поэтому анализ общества начинался с семьи, в рамках которой супружеские отношения считались социальными.

популяризацию капитализма и растущее влияние национального государства, перспективность рационального проекта не оправдывает себя. Все более очевидной становится иллюзия о неограниченном потенциале человеческого разума, о возможности решения им основных экзистенциальных проблем – счастья, гармонии, баланса. Все чаще дает о себе знать «комплекс переживаний ненадежности (работы, имеющихся прав и средств к существованию), неуверенности (в их сохранении и будущей стабильности) и отсутствия безопасности (собственного тела, своего «Я» и их продолжений: имущества, соседей, всего сообщества)» [78, 173].

Актуализация макропроблем – социального порядка, стабильности, культурного кризиса, сопровождающаяся популяризацией отношений расчета, выгоды, конкуренции, демонстрировали реальную угрозу микромиру человека, его индивидуальной целостности. В связи с этим, все чаще в современном социально-философском дискурсе звучит вопрос об уникальности общественных отношений (В. Ядов, У.Бек, З.Бауман, П.Штомпка, Э.Гидденс и др.), все актуальней становится проблематика *человеческого* – чувств, эмоций, переживаний, потенциала. Сами того не осознавая, мы становимся участниками глобального возвращения человеческого общества с его идеологией тотального потребительства к общности, построенной на принципах культурного потребления, доверия, труда на общее благо.

Такие тенденции социальной жизни – ответ на искажение фундаментальных условий *человеческого развития*. Подмена духовного материальным, потребности любить желанием служения, минимизация труда в жизни человека и общества блокирует возможность реализации *человеческого потенциала*. Человек забывает о том, кто он, он поработен желанием обладать, использовать окружающий мир, он утрачивает шанс объективно воспринимать окружающую его реальность, ценить, преобразовать ее. В этой ситуации заикленность на смертельной для него зависимости материального мира, заложником которого он становится, неизбежна. Эта зависимость тотальна, она

требует полного подчинения иллюзии превосходства, для которой не важна сама личность с ее душой, чувствами, переживаниями. Она лишает человека свободы, творчества, любви. Это добровольное рабство неизбежно ведет к ослаблению, разрыву духовных связей, трансформации человека в обезличенного, эгоистичного потребителя (представителя безличных профессиональных, организационных, возрастных структур) не способного на творческий труд, не ориентированного ни на что, кроме своих желаний. Чем больше он вверяет себя иллюзии разума (о собственном превосходстве), чем больше заглушает в себе голос сердца, тем дороже расплачивается за сделанный выбор.

В такой ситуации оказывался современный человек. Все еще оставаясь заложником собственных иллюзий, идеологии тотального потребительства, он в то же время ощущает настоящую тоску за настоящим. Его духовный вакуум, ощущение пустоты, одиночества, неудовлетворенности от неразрешенных экзистенциальных проблем, становятся все более невыносимы. В разрозненном пространстве форм и стилей он пытается найти себя. Он ищет те знания, способы и условия жизни, которые позволят услышать собственное сердце, решить проблему зависимости, выйти на путь творческого развития собственного потенциала. Другими словами, он ищет ответ на вопрос: «Как найти себя, достичь гармонии и порядка, радости и удовлетворенности в мире хаоса и потребительства? Как возможно общество *человеческих отношений*?».

Ответить на эти вопросы, ставшие визитной карточкой эпохи современности, можно лишь до конца разобравшись в том, что дают человеку общностные отношения, почему потенциал целостности, сплоченности человечество находит именно в них.

5.3.1 Конец рационализированной социальности

...общество, состоящее из бесчисленного числа неорганизованных индивидов, задачу подавления и сдерживания которых вынуждено взять на себя гипертрофированное государство, представляет собой картину поистине чудовищную... Человеческие сообщества зависят от взаимного доверия и не возникают естественным образом, если оно отсутствует
Ф. Фукуяма

Итак, вслед за блеском цивилизационного прогресса, так эффективно заявившего о себе в эпоху Модерна, последовали разочарования и проблемы, с которыми столкнулось общество Постмодерна. Наиболее очевидными из них стали те, которые угрожали физическому выживанию человечества – техногенные катастрофы, геномодифицированная инженерия, ядерное вооружение и т.п. Однако основную опасность человечеству составляли те аспекты рационализма, которые вели к его духовной смерти, превращению человека в биологический продукт, ненасытного потребителя. В этом прогрессе культ разума особенно «преуспел», используя в качестве своего основного оружия желания личности.

Ненасытность, жадность, бесчеловечность желания делали свое дело, уводя человека от реальности в мир иллюзий, превращая его в манипулируемый объект цивилизации. Собственными руками он разрушал самое драгоценное, чем был наделен – жизнь, утрачивал шанс раскрыть и реализовать свой *человеческий потенциал – драгоценный дар*. В погоне за эфемерным желанием, он разрушал, обесценивал все, из чего состояла его человеческая жизнь – теплоту близких отношений, творческий труд, связи с окружающим миром. Все это казалось ему не важным в сравнении с мыслью о достижении призрачного фантома превосходства.

Так, постепенно заводя человека в тупик цивилизационного прогресса, разум использовал его духовный потенциал, разрушая его изнутри. И вот, он уже не член семьи, общины, добросовестно вносящий свой вклад в общее благо, не творческий образ, выполняющий свою уникальную задачу, а «независимый» унифицированный индивид, не обремененный родовыми

связями и обязательствами. Ориентируясь на желание, человек выбрал для себя рациональный способ развития с его ставкой на материализацию окружающего мира, где голос сердца заглушался иллюзиями разума. В этом судьбоносном выборе, человек отказывался от возможности познать себя настоящего – творческого, открытого, свободного, уникального, востребованного. Он принял соблазн за реальность и теперь расплачивался за это собственной жизнью.

Глобальный духовный вакуум, одиночество, неудовлетворенность, хаос и недоверие стали атрибутивными характеристиками современного общества. По мере своего развития эта ситуация все больше стимулировала потребность в условиях жизни, способных воссоздать утраченную целостность, гармонию, вернуть человека к жизни. Росла необходимость в формах жизни, основанных на принципах гармоничных отношений, на возвращении к среде доверия и принятия, единения и соучастия, позволяющих порой огромным социальным группам жить одной монолитной силой, организацией, одной семьей.

Сохраняя в себе потенциал *человеческого развития*, ориентированного на прерогативность духовности, формирование крепких духовных связей, общностные отношения в эпоху новой современности напоминают родительский дом, где можно укрыться от внешних угроз и неопределенностей, где можно быть самим собой. Последнее еще недостижимо для человека эпохи Модерна, сделавшего ставку на разум и индивидуализм, а, следовательно, бегущего от довлеющей власти собственной несвободы. Но это уже ощутимо для человека эпохи новой современности, испытывающего потребность в настоящем, искреннем, *человеческом*. «Этот общинный мир совершенен, поскольку все остальное неуместно, а точнее, враждебно-дикая местность, полная засад и заговоров, она изобилует врагами, использующими хаос в качестве своего главного оружия», – так пишет о месте общинных отношений в современном мире З. Бауман [78, 185]. «Внутренняя гармония общинного мира умиротворяет и спасает на фоне непонятных и непроходимых джунглей, которые начинаются по другую сторону шлагбаума. Там, в этой дикой

местности, люди, прижавшись друг к другу в теплоте общей идентичности, отбрасывают опасения, побудившие их искать общинное убежище» [78, 185].

В общностных отношениях, будь то семья, церковь, профессиональный коллектив, этническая группа, стремление к формированию и поддержанию крепких духовных связей, индивидуальной и социальной целостности, является исходным. Отсюда транслируемое культурной традицией оно переносится на общество (этим и объясняется потенциал для жизни общества разного рода общин). В условиях тотального рационализма, прагматизма и калькулируемости эта модель отношений оказывается способной обеспечить человеку необходимые для развития его потенциала условия. Функционирующие по типу семейных отношений, ориентированных на поддержание духовных связей, единение, уважение, доверие, ответственность и участие, труд на общее благо, общинные отношения выступают единственным способом решения проблемы индивидуальной и социальной целостности и порядка! Только здесь приобретают свое функциональное значение, реализуют свой мощный потенциал культурная традиция, труд, творчество, *человеческие отношения*. В этой среде доверия эти условия *гармоничного развития личности актуализируются*, позволяя реализовать ее духовный потенциал. Поскольку «мир глазами доверия подобен восприятию глазами мудрого ребенка или святого, не отягощенного комплексами эго. В обществе разобщенных индивидуалов царит тотальный скептицизм, недоверие, сарказм всех по отношению ко всем. Еще бы, недоверие является надежным способом самоутверждения! Доверять, по мнению индивидуалистов, означает быть простачком, недалеким глупцом, отдать свою судьбу в руки неизвестно кому. И тогда мы имеем вокруг мир тотального недоверия. Мир отчужденных самодовольных скептиков, утвержденных в глубинах своего эго, закрытых для сотрудничества, доверия, любви, сострадания, закрытых для восприятия чистой, сакральной стороны жизни. Мир эгоистичного хаоса, потерявший свои смысловые полюса и ориентиры, цели и ценности. Людям в условиях

тотального недоверия не на что опереться кроме своего эго. Но, как можно доверять эго и быть счастливым, если оно само – результат заблуждения и неведения?» [77, 145]. Таким образом, несостоятельность эпохи рационализованной социальности, кризис цивилизационного прогресса, их неспособность решать экзистенциальные человеческие проблемы, актуализируют потенциал условий *человеческого развития*. Условий, гармоничный синтез которых реализуется в модели *человеческих отношений – среде*, основанной на принципах *культурного потребления, творческого созидательного труда* человека по преобразованию себя и окружающей его действительности. В этой связи, потенциал общинных отношений привлекает к себе особое внимание.

5.3.2 В поисках утраченной целостности

Семья – это общество в миниатюре, от целостности которого зависит безопасность всего большого человеческого общества.
Ф. Адлер

Определяя значение характера социальных отношений (общностных / общественных) в решении проблем индивидуальной и социальной целостности, реализации человеческого потенциала, необходимо вернуться к исходному методологическому положению работы. В формировании индивидуальной целостности, как предпосылки становления целостности социальной, решения экзистенциальных проблем человека, определяющую роль играют: *творческий труд, культурная традиция и среда*. Именно эти условия раскрывают возможность реализации *человеческого потенциала*, открывают шанс прийти к себе настоящему. В этом творческом симбиозе *семья*, построенная на *принципах любви (то есть единения)*, выступает исходной естественной средой трансляции культурной традиции и актуализации механизмов *творческого труда*. Другими словами, именно этот социальный

институт закладывает предпосылки обнаружения и дальнейшей реализации духовного потенциала личности, транслируя необходимые для формирования целостной системы восприятия мира объективные знания, опыт гармоничных *человеческих отношений, актуализируя потребность к познанию, стремление к труду на общее благо*. Таким образом, именно здесь, принимая любовь близких, впитывая ее в себя, человек открывает свой потенциал, учится быть творческим, активным, востребованным участником единого Целого – семьи, рода, общины, общества. Следовательно, дисфункциональность семьи усложняет задачу реализации человеческого потенциала, формирования индивидуальной целостности, а значит, и сокращает шансы на воспроизводство и поддержание целостной общественной модели.

Фундаментальность значения данного института для жизни человека и общества объясняется *характером семейных отношений*. Речь идет о тех *гармоничных принципах человеческих отношений, которые отвечают за воссоздание целостности (как личности, так и социальных объединений (групп, общностей, общества)), порядка*. Составляя уникальный духовный потенциал семьи, гармоничные человеческие отношения оформляются на принципе любви – *единении, приобщенности, соучастии, мире, иерархичности (в значении порядка), постоянстве, творческом труде на общее благо*. Именно эта созидательная ориентация, формирующаяся в процессе духовного развития человека, работы над собой, реализации духовного потенциала и воссоздает условия индивидуальной и социальной целостности – восприятие собственной семьи, как крепкого духовного союза. Другими словами, принципы гармоничных человеческих отношений, реализующиеся в рамках семьи, формируют социальную модель, где все живут и трудятся ради одной цели – общего благополучия, конструирования цельного и гармоничного оплота отношений.

Раскрываясь в этих гармоничных условиях, *принципы человеческих отношений* трансформируются в жизненные установки личности,

определяющие образ жизни, при котором духовное первично, где акцент *человеческого развития* делается на творчестве – реализации духовного потенциала, где эгоистические интересы уступают общему благу. Именно в этой ситуации личность и вырабатывает ту жизненную ориентацию (направленную в целом на все, что ее окружает: себя, близких, природу и т.п.), которая становится условием конструирования индивидуальной и *социальной целостности*.

Такая среда требует постоянного труда над собой, направленного на воссоздание принципов гармонии, порядка, целостности. Поэтому в процессе такого духовного развития человека, способом становления его целостности является кордоцентричное познание. Ориентированное на обнаружение и реализацию его потенциала, последнее участвует в становлении таких аспектов целостности, как: *объективное восприятие, творческий труд, ориентация на познание, созидательные отношения*. Рациональный компонент здесь выполняет вспомогательную роль, не претендуя на доминирование и универсальность, но участвуя в развитии *человеческого потенциала*. Это означает, что формирование *гармоничных отношений основывается на раскрытии и реализации духовного потенциала человека, на достижении внутреннего баланса духовного и материального, на воспроизводстве оснований индивидуальной и социальной целостности – духовных связей! В этом сосредоточена уникальность и потенциал семейных отношений*.

Так, последовательно, в процессе творческого труда над обнаружением себя настоящего, воссоздается внутренняя целостность личности, преодолеваются экзистенциальные проблемы, воссоздается ткань *человеческих отношений*. Микромир становится макромиром и, наоборот (в ситуации же, когда акцент развития смещается с духовного на материальный аспект, принципы любви, направленные на воспроизводство крепких духовных связей, искажаются и как следствие, формируется модель тотального потребительства). Таким образом, роль и значение семейных отношений,

реализация их принципов (гармонии, целостности, труда, порядка) жизненно важны как для отдельного человека, так и для функционирования общества. В этой связи, подчеркивая схожесть природы семейных и общественных отношений, немецкий философ Ф. Энгельс в свое время отмечал, что развитие семьи даёт нам в миниатюре картину тех же противоположностей и противоречий, в которых движется общество [80]. Интересны, в связи с этим, и наблюдения О.Конта. Развивая наработки Аристотеля, исследователь отмечает, что семья представляет собой начало общества, клеточку социальности. Это «вечная школа общественности»¹²⁸, естественно созданный очаг альтруистических социальных чувств, благодаря которым общественный консенсус возвышается до уровня осознанной солидарности его членов. В семье находится «зародыш свойств социального организма», поскольку она характеризуется наивысшей степенью *сплоченности и консенсуса*. Именно здесь возникает наиболее тесная взаимосвязь элементов и обеспечивается их превращение в гармонию, то есть в согласованное действие сообщества [23, 83–84].

В рамках семьи, подчеркивает исследователь, поддерживается чувство сплоченности, которое постепенно, распространяясь на все больший круг людей – на род, с рода на общество (как сообщество современников), с общества – на все человечество, включая не только современников, но и предшественников и будущие поколения, обеспечивает основание социальной устойчивости. Везде и всюду здесь в качестве «субстанции» человеческой солидарности выступают альтруистические чувства («семейного» происхождения) [30, 89]. Не удивляет, что создавая в эпоху становления

---

¹²⁸ Семейю О.Конт считает единственной школой, доступной всем, в рамках которой люди могут учиться бескорыстия и привыкать к чувствам и поведению, свойственным социальным отношениям. Здесь «индивидуум научается выходить за пределы самого себя, жить в других, повинуюсь в то же время своим наиболее энергичным инстинктам». Семейные отношения могут быть отношениями равенства (между братьями), почтения (между детьми и родителями), доброты (между родителями и детьми), сложными отношениями власти и подчинения (между мужем и женой). В семье люди приобретают опыт исторической преемственности и учатся (что служит условием культуры) передавать от поколения к поколению материальные капиталы и интеллектуальное имущество [81, 306].

рационализированной социальности свой проект общества, О.Конт отводил семье решающую роль, подчеркивая ее значение, как для формирования человека (его чувственности, духовности), так и развития самого общества.

Выходя за физические границы семьи, как первичной среды отношений, человек не покидает ее, поскольку сохраняет те духовные связи, которые объединяют его с родом, общиной, этносом. Он переносит *принципы ее гармоничных отношений* (то есть любви), закрепленные в индивидуальном опыте, на окружающие его отношения, поддерживая, таким образом, их функциональность. Таким образом, *каждый раз конструируя новые отношения (личные, семейные, профессиональные и т.п.), он руководствуется теми принципами, в которых ориентация на соучастие, единение, постоянство, последовательность, иерархичность, созидательный творческий труд являются базовыми. Сам того не осознавая, он на правах полноценного участника воссоздает модель семейных отношений, наиболее полно реализующихся в таких общностных объединениях, как род, клан, этническая группа, профессиональные коллективы, церковь. Так запускается механизм конструирования целостных общественных отношений!*

Что же представляют собой общностные образования, какой потенциал они в себе несут и какую роль в современных условиях способны играть? Почему, тенденции развития современного общества, все больше свидетельствуют о направленности человека на возвращение к «родовым корням», на поиск утраченной целостности, сосредоточенной в духовном потенциале относительно небольших самоорганизующихся сообществ?

5.3.3 Трансформация общинного мира: от мира семьи к миру общины

Мир человеческого эго, полный недоверия, с его амбициями и притязаниями на собственную исключительность, на свое отдельное эгоистичное счастье «только для себя» невозможен для коллективной общинной культуры. Он видится ее членам чем-то искаженным и достойным искреннего сожаления.

Исследуя потенциал семейных отношений, мы уже обращались к анализу этимологии понятия «общность», выявляя его содержательную близость с понятием «семья». История языка позволяет определить, что собирательное имя «*сьмия*» (от древнеиндоевропейского корня *kei*) – буквально означает «то, что находится в общем стане» («в одном жилище»). В родственных языках суффиксальные образования с этим корнем означают «селение», «домашний очаг», «родина», а в древнеславянском (а затем и в древнерусском) *сьмия* определяется, как объединение всех членов, живущих совместно, и ведущих совместное хозяйство (включая членов рода и других домочадцев (челядь)). Такое содержательное значение семьи указывает, прежде всего, на ее уникальный характер отношений, реализующийся в ориентации на *общность установок и целей развития: совместной организации жизни (проживания), организации труда (на общее благо), духовных связей (общности ее членов)*. Именно такой образ жизни, организуемый в рамках той или иной культурной традиции, и понимался традиционно как семья¹²⁹.

Постепенное расширение физических границ семьи (переход от родовой общины к соседской) стало отправной точкой в сближении значения понятий «семья» и «община»¹³⁰. Так, анализируя происхождение общинных отношений,

¹²⁹ Подробно историю слова «семья» (по отношению к русскому обществу) изучал Б. Ларин, его реконструкция достаточно убедительно показывает постепенное изменение смысла слова «семья» в связи с изменением характера социальных отношений [82].

¹³⁰ Традиционно в истории развития человеческого общества выделяют, во-первых, родовую общину как первичную форму социальной организации, то есть форму объединения людей, сложившуюся при первобытнообщинном строе и представляющую собой замкнутое образование, базирующееся на общественной собственности на средства производства, на коллективном труде с естественной формой его разделения между мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми и на совместном распределении и потреблении произведенного продукта (стадию родовой общины прошли все народы). Во-вторых – общину соседскую

русский историк А.Лаппо-Данилевский отмечает, что естественная эволюция родовых отношений, постепенно трансформирует их в общинное землевладение со свойственными ему краткосрочными и долгосрочными переделами [83, 72].

Как союз представителей рода, расширенная семья (родовая община) стала включать людей разной степени зависимости (дворовых, разнообразную челядь и дальних родичей), *ведущих совместное хозяйство, базирующихся на общественной собственности, коллективном труде и совместном распределении и потреблении благ*. Например, в «Домострое» (XVI в.) описывается семья, в которую входят не только родственники и челядь, но и случайные приживалки, странники, сельские наемные работники, пришедшие в господский дом на время, даже купцы, которые связаны с хозяином определенными деловыми отношениями. Все они – семья, у которой один хозяин и общий для всех дом [84].

Постепенно родовая община «обрастает» соседями («сябрами», то есть другими семьями по соседству) и трансформируется в соседскую общину – «мир» – поселение людей, не связанных родственными узами, но ведущих совместное хозяйство (быт, совместно использующих покосы, лесные угодья, земли), занимающих определенную территорию, выполняющих административное самоуправление¹³¹. Несмотря на отсутствие кровнородственных связей, община остается благодаря ориентации на духовные связи, миром с круговой порукой. Эта уникальная связность, то есть

(крестьянскую). Соседская община представлена не у всех народов. У восточных славян она возникла в VI – IX вв. Причинами перехода от родовой общины к соседской стали сложные природные условия (суровый климат, малоплодородные почвы), а также постоянные набеги агрессивных кочевых племен.

¹³¹ В. И. Ламанский в своей работе, посвященной славянским рукописям, обратил внимание на древность слова община. «Еще в XIV в. – писал он, – у нас община равнозначительна общему житию, общежительству...община, общее житие уже предполагают совещание, сходки, веча, соборы» [85, 105]. В «Словаре Академии Российской» отмечалось лишь одно значение слова община: «то, что принадлежит многим, складчина» [86].

*общность*¹³², по мнению исследователей, обеспечивается «общинным духом народа, который не любит и не понимает жизни вне общины, и даже в своей кровной семье хочет видеть общину, товарищество»... «полным и всеобщим сознанием и признанием общинного права, которое присутствует даже там, где отсутствует собственно землевладение» [83, 73]. Это уникальное организационно-производственное объединение отражало всю глубину духовного развития человека, олицетворяя собой соборное единение, имеющее характер высшего закона.

Несмотря на разнообразие форм и условий развития (род, этнос, народ, церковь, клан и т.п.), община представляла собой тот символический дом, где каждый находил себе место, где все были одной большой семьей, где правил вечный закон братской любви. По мнению русского историка и этнографа И.Г. Прыжова, мир – это одна семья, мнение которой нередко стоит выше писаного закона. Здесь связующей силой, нитью выступает *общая цель, общая проблема, общее благо*. Личность в общине всецело ориентирована на ее интересы, поскольку в преданности миру – залог благополучия и преуспевания каждого, поэтому решениям мира подчиняются беспрекословно [87]. Именно эта *ориентация на общность, целостность*, реализуемая посредством стремления

---

¹³² Корни понятий «общность», «община» находим в праславянской форме прилагательного *общий* – *obytjo* – «то, что вокруг», «нечто совместное, что относится ко всем» ((древнегреческое *κοινόςπᾶς*), чешское *obec* «община, селение, общество») [36]. Корень слова здесь тот же, что и у предлога-приставки *об* – «круг, вокруг, около». Последний был представлен в нескольких фонетических вариантах. В слове *община* – это форма *обь*, то есть то, что принадлежало всему роду, всем родичам и представляло общую ценность. Соединение суффикса *-ti-* и корня дало форму *обьti* – «что-либо круглое», то есть расположенные по кругу жилища древних славян [там же].

Собирательное понятие «община» (*обьчина*) традиционно включало еще ряд значений: 1) «общение или наличие чего-нибудь общего; единение, соединение», 2) «общество, общественная группа, объединенная какими-нибудь интересами, союз», 3) «монастырское общежитие», 4) «общественное имущество» (*обьчина*). Так, для обозначения общности имущества в Новгородской летописи это слово употребляется в записях 1348 года, когда (со второй половины XIV в.) начались изменения общественного порядка, повлекшие за собой развитие общинного хозяйства. Это слово часто встречается в законодательных актах, для которых важно указать не на то, что принадлежит одной семье или одному роду, а на то, что является общим владением согласно круговой поруке.

к единению, установке на причастность к роду, корням, традиции, земле, *определяла уникальный интеграционный характер и потенциал общин.*

Выступая более сложным социальным образованием, чем семья, община представляла собой, по сути, *мир целостных, гармоничных человеческих отношений*, характеризующихся высокой степенью доверия, личной близости, эмоциональной глубиной, ответственности, социальной сплоченности, временной протяженности. «В основанных на общности отношениях господствуют духовные связи, сохраняющие любовь и в радости, и в горе» [28]. Здесь соучастие, поддержка, доверие каждого из ее членов, выступали условием формирования чувства общинной *принадлежности*, духовных уз, объединяющих эту большую и крепкую семью, в которой каждый нуждается друг в друге. Семью, которой человек принадлежит естественно, с момента своего рождения. Семью, где экономический принцип выступает полной противоположностью положению Мальтуса, утверждающего, что право на жизнь имеет только сильнейший, победивший в острой конкурентной борьбе; побежденный в ней не имеет таких прав. Община предоставляла каждому без исключения место за своим столом, обеспечивая необходимой взаимопомощью и взаимной поддержкой¹³³, которая осуществлялась посредством *совместного труда* – базового условия функционирования общинных отношений¹³⁴.

---

¹³³ На сходах демократическим путем обсуждались дела по общинному владению землей, приселению новых членов общины, проведению выборов, вопросы пользования лесом, строительства плотин, сдачи в аренду рыболовных угодий и общественных мельниц, отлучки и удаления из общины, пополнения общественных запасов на случай стихийных бедствий и неурожая. На сходах отдельных селений (чаще составлявших только часть общины) демократически регулировались все стороны трудовой жизни села - сроки начала и окончания сельхозработ; дела, связанные с лугами («заказы» лугов, выделение вытей, жеребьевки, аукционы); починка дорог, чистка колодцев, строительство изгородей, наем пастухов и сторожей; штрафы за самовольные порубки, неявку на сход, нарушение общинных запретов; семейные разделы и выделы, мелкие преступления; назначение опекунов; конфликты между членами общины и некоторые внутрисемейные конфликты; сборы денег на общие расходы селения.

¹³⁴ За многие столетия существования самоуправляемых волостных и простых общин (в отдельных случаях состоявших только из одного селения) навык к самоуправлению и взаимопомощи стал национальной чертой и общественной потребностью русских крестьян, с которыми центральной власти и отдельным феодалам приходилось считаться. В XIV-XVI вв. происходит широкая раздача князем тяглых волостных земель вместе с крестьянским

Таким образом, *возникая естественно, то есть независимо от воли и сознания людей, как результат реализации потребности в единении, приобщенности, община представляла собой уникальный духовный союз, объективно выраженный в общности сознания, совместном образе жизни (территориальной принадлежности), общности происхождения, имущества, владения, распределения (совместных благ), общей исторической судьбе, культурной традиции. Это мир, в котором ответственность его членов сохраняется за всем, что оставалось для них общим, принадлежащим одному символическому роду. Мир, где основным условием отношений выступает ориентация на прерогативность и устойчивость духовных связей, на сохранение Целого – мира общины, на поддержание его порядка, реализацию общего блага.*

5.3.4 Потенциал общностной интеграции

...социальный капитал не может стать результатом действий отдельного человека, он вырастает из приоритета общественных добродетелей над индивидуальными
Ф.Фукуяма

Природность и необходимость общностных отношений для *человеческого развития* проявляется в их соотнесенности с мотивационной структурой

населением в поместье в виде платы за службу, а то и вотчины обладания боярам, детям боярским и дворянам. В этих условиях волостная община погибает, так как ее функции переходят к владельцам вотчин и поместий, но, как правило, продолжает существовать обыкновенная община (волостная община погибла не повсеместно, но продолжала существовать на государственных землях, выполняя вплоть до н. ХХ в. те же самые функции, что и много веков назад). По мнению ряда исследователей общностных отношений, крестьянская община была одной из главных стабилизирующих основ жизни. Так, Д. Менделеев писал, что «общинное крестьянское землевладение включает в себе начала, могущие в будущем иметь большое экономическое значение, так как общинники могут, при известных условиях, вести крупное хозяйство, допускающее множество улучшений... а потому я считаю весьма важным сохранение крестьянской общины, которая со временем, когда образование и накопление капиталов придут, может тем же общинным началом воспользоваться для устройства своих заводов и фабрик. Вообще, в общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыш возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение, так как, по моему мнению, после известного периода предварительного роста скорее и легче совершать все крупные улучшения, исходя из исторически крепкого общинного начала, чем идя от развитого индивидуализма к началу общественному» [88].

личности. Как и семья, общность ориентирована на воссоздание благоприятных условий для полноценной реализации духовных потребностей человека, формирования активного участника общинных отношений. Здесь человек способен раскрыть свой потенциал и почувствовать сопричастность с окружающим миром. Здесь формирование объективного восприятия окружающей реальности и гармоничного опыта отношений являются основной задачей участников отношений. Поскольку способность воспринимать реальность целостно, объективно, выстраивать продуктивные отношения, обеспечивает устойчивость этого типа социальности. Поэтому на реализацию данной задачи направляется весь потенциал и средства, в этом сосредоточена коллективная ответственность общины.

Община не замыкается лишь на своих интересах, она открыта к взаимодействию, она служит всему человечеству. Участие в ее жизни становится шансом реализации потенциала *человечности*. В этом процессе личность впитывает в себя социальный опыт гармонии и порядка, который в дальнейшем реализует в профессиональных и этнических союзах, религиозных объединениях и т.д.¹³⁵. Сама общинная среда создает для нее максимально благоприятные условия «вхождения» в мир, познания и культурного потребления реальности. Другими словами, включаясь в опыт общинных отношений, человек учится гармонично «вписывать» себя в уже сложившийся порядок реальности, в эту уникальную среду целостности, посредством раскрытия, реализации своего потенциала в контексте выполнения отведенных ему ролей. Так он учится обретать и сохранять связь с Целым. Это бесценный опыт гармоничных отношений, где нет разрозненности, разобщенности (в этом случае система просто не функционирует), где принципы индивидуализма и

---

¹³⁵ Ф.Теннис проводит достаточно содержательный исторический анализ феномена общины. В своей работе «Общность и общество» исследователь противопоставляет понятия «общность» (Gemeinschaft) и «общество» (Gesellschaft), исходя из анализа свойственных им форм отношений. По мнению Ф.Тенниса, общностные отношения уникальны. Раньше они существовали между мастером и подмастерьем, главой дома и членами домашнего хозяйства (включая слуг). Все они - сплоченные совокупности, социальные солидарности, образованные на основе естественных человеческих отношений. [28].

потребительства рассматриваются как угрожающие деструктивные тенденции дисбаланса.

Как и в семье, где каждый испытывает друг в друге потребность, условием поддержания и развития отношений в общине является *общее стремление к единению* – «дух общины», реализующийся в родстве душ, помыслов, стремлений, действий. И, несмотря на то, что в отличие от семьи, это родство не является кровнородственным, благодаря этой общей ориентации на поддержание духовных связей, в общине формируется среда принятия, основанная на доверии и взаимной потребности друг в друге. В свою очередь, общность территории проживания, совместное ведение хозяйства, особенность социальной структуры и характер специализации выступают объективным проявлением этой невидимой духовной общности, родственности и преемственности членов общины.

Другими словами, *общинные отношения – это отношения, построенные на принципах культурного потребления, в которых участники ориентированы, прежде всего, на потребность друг в друге, а, следовательно, и нужды друг друга. Здесь исключается рациональный эгоистический аспект, сводимый, как в современных общественных отношениях, к желанию обладать, использовать другого, безжалостно потреблять окружающий мир. Он составляет угрозу общинного благополучия, мира общины.* Поэтому ведущую роль здесь играют не желания и личные интересы, а стремление к единению, соучастию, поддержке, доверию, познанию, творческому труду, выступающие условиями формирования крепких духовных связей. Таким образом, определяющим условием организации и развития общности является *духовный аспект*. Именно он обуславливает характер ее отношений, поражающих нас своей «сердечностью», «дружественностью» и «гостеприимством» ее членов. Все здесь подчинено *принципам развития Целого*, поэтому и уникальная человеческая природа реализуется здесь через единство: духа – рода – чувств. Другими словами, свойственная семейным отношениям *ориентация на*

единение, труд над отношениями, соучастие, иерархичность, культурное потребление, обеспечивает общине тот необходимый внутренний порядок, который реализуется в гармоничной структурированности ее отношений.

«Работа» *общинных принципов* организации проявляет себя в таких элементах ее культуры, как:

- коллективное самоуправление (соучастие), ориентация на иерархичность (авторитет более опытных членов, старейшин общин), установка на развитие и поддержание духовности, культурной традиции, истории;
- ориентация каждого члена общины на принципы, ценности ее развития;
- забота о каждом члене (в отличие от эгоистического потребительства современного индивидуализированного общества, в котором «каждый сам за себя»);
- коллективная ответственность за духовное развитие членов общины, их воспитание, основанное на сохранении и воспроизводстве культурной традиции, трансляции культурных паттернов будущим поколениям;
- приоритет важности благополучия, развития и сохранения общины над приоритетами личности (так как личность получает более широкие возможности именно благодаря поддержке общины (социальный лифт, равные возможности для каждого));
- чувство общинного единства и солидарности, доверия.

Эти уникальные патриархальные (premodern) черты, реализованные в организации общностных отношений, отражают специфику и уникальность ее культурной традиции, направленной на гармоничное развитие общины, поддержание ее порядка, целостности. Трепетно охраняемая и транслируемая от поколения к поколению, культура общины обеспечивает необходимую преемственность, в рамках которой человек впитывает в себя знания о принципах общностного взаимодействия, трансформируя их в индивидуальный опыт. Гармонично взаимодействуя со средой, культурная традиция формирует в человеке общинное сознание, в рамках которого

«первая власть, которую воспринимает индивид – это отцовская власть, первая любовь – это материнская любовь, первые принципы равного взаимодействия и справедливости познаются при братской и сестринской любви» [28, 12].

Как сложная социальная организация, община предполагает предельно четкое распределение обязанностей своих членов. Здесь каждый занимает свою позицию, выполняет свою роль, следит за внутренним порядком, *добровольно* причисляя себя к общему целому. То, насколько этот механизм будет гармоничным и функциональным влияет на сохранение духовных связей (как установки на единение, приобщенность), превращающих эту систему отношений в перспективную и стабильную форму социальности. Само участие в общинных отношениях позволяет осознавать, что реальность – это единая сложенная система отношений, где все связано, неразрывно, где часть призвана служить Целому. Никто не может быть отдельным, не может жить сам по себе, поскольку окружающий человека мир – живой единый организм.

В таком объективном видении реальности основным элементом общинной культуры выступает доверие между ее членами. Доверие порождает любовь, открытость, гармонию, позволяет чувствовать и видеть мир тоньше, глубже, то есть целостней. По сути, доверие позволяет кооперировать отношения в общине, преодолевая общие проблемы, решая сложные задачи, неподвластные отчужденному потребительскому разуму.

Основанное на стремлении к единению, общности ценностей, идеалов и целей, воззрений и смыслов, доверие перевоплощает членов общины в родственников одной семьи. Оно выступает необходимым условием общинного порядка. Недоверие, неуважение к индивидуальности друг друга в таких условиях, как и в семье, ведет к нежелательным деструктивным последствиям – дисбалансу отношений. Гармония, уважение, забота, ориентация на общее благо, стремление к приобщению, становятся условием развития общинных отношений, построенных на доверии. Дух единства, забота друг о друге,

сотрудничество на благо общих целей, приносящих пользу всем и каждому, объективность мышления – атрибуты общинной культуры.

Особенно отчетливо потенциал общностных отношений проявляется в условиях современного рационализованного общества, где ориентация на личный интерес и тотальное потребительство преобладают. Именно эти трепетные отношения и позволяют преодолевать угрожающий *человеческому развитию* конформизм, отчужденность и эгоизм. Они ориентируют его на активное участие, познание, то есть культурное потребление окружающего мира, стремление реализовать свой потенциал, чтобы внести свой вклад в его развитие и преобразование. Здесь человек учится чувствовать себя субъектом своих действий, участником, который несет индивидуальную ответственность за развитие общины. Он учится быть причастным к общему Целому, что требует обнаружения себя настоящего, творческого. Здесь не нужны заменители первоначальной идентичности рода, такие как нация, класс, род занятий, то есть общественное положение¹³⁶, предлагаемые современной цивилизацией. Потребность в причислении себя, приобщенности удовлетворяется в общинных отношениях сама собой, естественно, в процессе его активного участия, реализации своего потенциала в жизни этой большой семьи.

Здесь человеку не нужно доказывать окружающему миру (и прежде всего самому себе), что он достоин внимания, что он ценен, особенен, превосходит. Его уникальность в общинных отношениях принимается уже в силу того, что он представитель *человеческого рода*, что его задача и ее выполнение, связаны с его уникальными творческими способностями. Поэтому принимая и выполняя свою задачу, занимая свою нишу в структуре общностных отношений, человек проявляет свою уникальность, вносит свою лепту в работу этого единого организма, становится востребован, а, следовательно, приобщен.

---

¹³⁶ Когда идентификация с общественным положением менее действенна, то чувство тождественности смещается к конформизму (так как я не отличаюсь от других, похож на них, то я чувствую что я – это я, «такой как вам угодно»).

Будучи активным участником общинных отношений, он лишает себя необходимости, подчиняется формальным шаблонам и ограничениям. Он учится ориентировать себя не на пожирающее изнутри желание обладать окружающим миром, а на потребность познать его, *творчески потрудиться на общий результат*. Поскольку в общине, как и в семье, изначально уже заложено решение проблемы реализации человеческого потенциала. По сути, общность является для человека той референтной группой, в которой единство духа, рождённое в единстве веры, постоянно сопровождает его, не позволяя утратить родовые корни. Ее связи настолько сильны и важны для человека, что ни территориальное разделение, ни всеобщая рационализация отношений, не способны разорвать их. Их потенциал поражает своей жизнеспособностью, бескорыстием. Даже в условиях тотального потребительства, ориентации на личное благо, выгоду, общностные отношения сохраняют установку на *культурное потребление*. Эти узы духовного родства позволяют человеку полноценно включаться в жизнь, творчески преобразуя ее.

В ситуации прогрессирующего развития тотального потребительства такие отношения становятся единственным домом для современного человека, убежищем, в котором он способен открыть и сохранить себя настоящего. Однако такое спасение возможно лишь в случае, когда потребность в настоящем – любви, доверии, причастности, становится главным устремлением его жизни. Когда материальный комфорт и благополучие принимаются лишь как средство *человеческой жизни*, а не ее самоцелью. Когда *человеческое* становится более значимым, чем материальное, а труд воспринимается как единственный способ творческой самореализации, а не рутинная повинность.

Но в условиях цивилизационного развития необходимость отказа от влияния желаний, звучит как страшный приговор, нежелательность которого человек оттягивает всеми возможными способами, а главным образом – индивидуальной безответственностью. В гонке за желанием личность забывает об элементарных принципах и законах гармоничного социального

взаимодействия. Когда мир предоставляет столько благ и соблазнов, сложно оставаться собой, брать ответственность за свои желания. И, в конечном счете, последние берут верх над личностью. Она не в состоянии уже думать о ком-то или чем-то еще, кроме собственных желаний. В результате, обесценивается уникальность другого, ценность и необходимость общения, а человеческое взаимодействие превращается в формальный и взаимовыгодный процесс.

Человек гибнет в гонке за призрачным материальным благополучием. Он растрчивает тот уникальный духовный потенциал, который позволяет ему раскрыться, стать востребованным. Человек отделяется от Целого, отказывается от своей задачи, позволяющей ему внести свой вклад в социальную гармонию, и в результате обезличивается сам. Выбирая эгоизм в качестве стратегии жизни, личность отказывается от самой *жизни, любви, свободы, счастья*. И, наоборот, научаясь гармонично и активно «вписываться» в окружающие ее отношения, доверять, трудиться, она открывает для себя, своего рода перспективу творческого развития.

Таким образом, реализация созидательного потенциала общинных отношений возможна лишь благодаря отказу от эгоистичной концепции жизни, научению жить не для удовлетворения собственных желаний, а раскрывая и реализуя свой потенциал на благо ближних – членов своей семьи, общины, рода и т.п., делясь им. В таком сообществе сакральность духовного становится той призмой, через которую воспринимается весь мир: окружающие, реальность, сам человек. Его общинный дух пронизывает все аспекты индивидуальной и коллективной жизни, превращая ее в бесшовное соединение, где коллективные цели идеально совпадают с личными (хотя само понятие «личные цели» здесь не используется), где каждый не мыслит себя чем-то отделенным, видя свое счастье, развитие, свою ответственность в том, чтобы быть единым Целым.

Выводы к третьему разделу:

Обзор изложенного материала позволяет сделать следующие выводы относительно основных перспектив и способов решения проблем индивидуальной и социальной целостности, реализации *потенциала человечности*:

– интенсивное изменение характера и тенденций развития современного общества (ориентация на индивидуализм, потребительство, прагматизм и т.п.), стало следствием идеализации разума и обесценивания духовного фактора в жизни человека. Отказ от *духовного* в пользу материального вел к неизбежной рационализации человеческой жизни, смене ценностей и ориентиров общественного развития. На практике такие кардинальные изменения коснулось, прежде всего, характера отношений. Традиционные общностные связи рушатся, на их место приходит формальное общественное взаимодействие, основной задачей которого выступает материализация человеческого потенциала;

– одним из ведущих способов материализации (то есть обесценивания) цивилизацией духовного аспекта человеческой жизни, выступает минимизация труда, превращение последнего в «рутинную практику», способ доказательства собственного превосходства. Речь идет о том, что ориентация на иллюзию превосходства, желание служения, деформирует суть и принципы труда. *Принятая в качестве реальности, иллюзия вырабатывает индивидуальную установку на замещение, блокирование потребности в труде (совершенствовании собственного потенциала, таланта) как в чем-то ценном, жизненно необходимом для человека, претензией использовать, получать, не трудясь, не отдавая ничего взамен, а лишь требуя удовлетворения его желания.*

Обесценивание труда формирует деструктивное отношение к феномену, которое проявляется в магистральной цели цивилизационного прогресса – популяризации желания получать, не трудясь, объективированной в практиках лени (получить обманом, махинациями, силой или «заслужить» конформным

поведением). Невзирая на разнообразные формы и способы минимизации труда, источником и целью их реализации всегда выступает потребительская ориентация иметь, использовать, реализующая себя в желании служения. Таким образом, *из цели гармоничного человеческого развития труд превращается в экономическое средство, удовлетворяющее желания рационально действующего субъекта, стремящегося к получению максимальной выгоды;*

– сознание желающего человека не в состоянии постигнуть, что *сам по себе труд есть творческий акт, процесс преобразования человеческого потенциала – дара, который не предполагает какой-либо рутины, брэнности, заикленности, корысти. Что только труд по раскрытию, развитию, совершенствованию творческих сил личности способен реализовать сенс и цель человеческой жизни. Соизмеряясь с характером и ролью духовного развития человека, достижения индивидуальной целостности, решения экзистенциальных проблем, труд выступает, таким образом, исходным условием, способом его гармоничного становления (а не средством существования);*

– потребность в труде, отражающая стремление к жизни, ее познанию, раскрытию многообразия, уникальности, участию в этом динамическом и творческом процессе, открывает человеку перспективу *творческого труда*, в котором исходной ступенью является *труд физический*, то есть, внутренняя работа над собой. Это первый шаг на пути преодоления нашего эгоизма. Он позволяет открывать себя настоящего, осознавать, что окружающая нас реальность, люди и мы сами – это единая целостная динамическая система отношений. Так нам открывается суть принципа: «Микромир в макромире и макромир в микромире». Эта установка способна вывести человека из мира иллюзий и желаний, выйти на принцип творчества, направленного на реализацию *человеческого потенциала – труд духовный*. Другими словами, *потребность в физическом труде открывает перспективу созидательного труда – творчества, преобразующего потенциал личности и окружающего ее мир;*

– *творческий труд* как созидательный процесс *основан на любви*. Эта установка на единение, причастность, приобщенность, востребованность, творческое развитие, базируется на любви в себе того потенциала, дара, которым человек наделен. Мотивированный любовью, наполненный смыслом творческий труд преобразуется в высшую ценность, одухотворяет личность, воплощаясь в реальных продуктивных результатах ее жизнедеятельности, превращает *человеческую жизнь* в творчество, направленное на преумножение своих возможностей и талантов, преобразование окружающей реальности;

– открыть в себе талант, реализовать его в творчестве – одно из основных условий и целей *человеческого развития*, предварить которое личность способна лишь в процессе труда над собой, реализации потенциала любви. Так человек приходит к себе настоящему, творческому, освобожденному от зависимостей материального мира. В этом творческом процессе приумножения духовного потенциала, он выходит за рамки материального мира, рамки эгоизма, он больше не зависим от желания, он – гармоничная часть Целого;

– *в самом принципе творческого труда уже заложен механизм целостного индивидуального и социального развития, решение экзистенциальных проблем*. Поскольку ориентация на труд, реализацию духовного потенциала, ведет к достижению баланса духовного и материального в человеке, формирует ситуацию, когда внутренний порядок, гармония личности отражаются в порядке социальном;

– формируясь в рамках синтеза культурной традиции и среды, приоткрывающих человеку его духовную суть, *благоприятное отношение к труду, отражается в его сознании в качестве одной из фундаментальных установок человеческой жизни – созидании, творчестве*. Это освобождает личность, делает ее активным деятелем, разрушает стереотипы и шаблоны рационального мышления о жизни, как практике выживания, конкурентном поле, о культуре, как показателе интеллектуального развития, о труде, как тяжелой изнурительной трате времени, преобразуя их в способы и условия творческого процесса совершенствования, раскрытия ее потенциала.

Созидательный творческий труд принимается единственным способом приобщения к жизни, любви, свободе, то есть уникальной возможностью реализации духовности человека, становления его индивидуальной и социальной целостности, решения экзистенциальных проблем;

– в этом синтетическом сплетении *труда, культурной традиции и социальной среды* (семейно-общинных отношений), то есть потребности, знания и опыта, вырабатываются фундаментальные принципы *культурного потребления*. Само культурное потребление есть гармоничное соразмеренное отношение человека к окружающему миру, собственному потенциалу, реализующееся в стремлении познания, то есть активного участия, творческого труда на общее благо. Это своеобразный процесс обмена возможностями, знаниями, опытом с целью реализации духовного потенциала личности, ее приобщения к единому Целому;

– установка на познание – творческий труд, как аспект потребности в любви, раскрывающей себя в стремлении к гармоничному развитию, участию, единению, исключает любые проявления лени, формализма, безответственности, отчужденности, недоверия. Актуализируясь в процессе творческого труда, направленного на развертывание духовного потенциала человека, потребность в познании, как способе единения, ведет его, стимулируя гармоничные выборы. В процессе культурного потребления личность направляет свой потенциал на раскрытие не только собственной уникальности, но и познание окружающей действительности. Ею движет живой, не отягощенный желаниями, интерес к жизни, ее познанию. В силу этого характер культурного потребления активен и созидателен. Эта система отношений опирается на принцип соответствия между потребляемым (то есть его действительной необходимостью для меня), его ценностью и теми усилиями, которые я прикладываю к этому. Поэтому само материальное потребление здесь является не самоцелью, а, лишь необходимым процессом удовлетворения конкретных потребностей личности;

– в рамках культурного потребления *сам знак не перерастает в символ, не становится смыслом человеческой жизни, следовательно, не подменяет собой реальный порядок ценности человеческих отношений и создаваемых им продуктов!* Это значит, что человек потребляет вещи, предметы, отношения не машинально, а вникая в их суть, распознавая смысл потребляемого. Познавая, он учится толковать их, поэтому его интересуют все детали, для него важен сам процесс познания;

– культурно потребляя, личность постепенно освобождается от иллюзии превосходства, желания. Она более не стремится искать «неотягающие способы» обретения желаемого, а ищет возможность проявить свой потенциал, потрудиться, познать. Таким образом, *в отличие от отношений тотального потребительства, как стратегии закрепления зависимости от соблазнов материального мира (то есть от желания), культурное потребление изначально ориентировано на познание, то есть творческий труд, в процессе которого актуализируется комплексная потребность в любви – единении, творчестве, приобщенности, раскрывается духовный потенциал человека. В этом процессе раскрывается базовый интеграционный мотив социальной целостности – ориентация на другого, его отношения, потребность в нем, что реализуется в созидательной установке – труд на общее благо.* Формируется объективное видение ситуации, в которой «мои» – реализация, счастье, благополучие являются гармоничным следствием реализации ближнего. Поэтому лишь ориентация на «наше» взаимодействие, связи ведет к моему творческому развитию. Другими словами, не эгоистическое желание «иметь», «использовать», «эксплуатировать», «накапливать» ведет человека в процессе культурного потребления, а потребность познать, соприкоснуться, поделиться своим потенциалом, стать активным участником взаимодействия. Таким образом, модель восприятия окружающего мира, формирующаяся в этих условиях, объективна, разумна, целостна. Она основывается на принципах гармонии и порядка, несет в себе понимание ответственности за собственные выборы и их реализацию, за собственный вклад в общее благо;

– отношения *культурного потребления* запускают развитие целого комплекса экзистенциальных качеств – ответственности, доверия, заботы, стремления быть активным участником Целого, в рамках которых развивается потенциал индивидуальной и социальной целостности. Культурное потребление становится условием решения экзистенциальных проблем человека, вырабатывает отношение, в котором человек стоит *над* материальным миром, руководит вещами, в силу понимания смысла и принципов организации окружающей реальности. Он не зависим от материального, он – *человек*, для которого духовное, то есть стремление к единению, причастности, творчеству, свободе – определяющее условие жизни. Поэтому именно духовное, а не материальное, поиск смысла, а не потребление вещей, потребности ближнего, а не эгоистические мотивы, определяют суть его экзистенциального предназначения;

– культурно потребляя, личность стремится *ориентировать свой потенциал не на себя и свои неисчисляемые желания, корыстные интересы, а на потребность, стремление поделиться своим талантом, частицей себя самого, и от этого сделать свою личность богаче, счастливей, целостней. Поскольку лишь в процессе культурного потребления раскрывается потенциал любви, как интеграционного механизма целостности, единения с миром, ближним, реализуется уникальность человеческой духовной природы;*

– несостоятельность эпохи рационализированной социальности, кризис цивилизационного прогресса, их неспособность решать экзистенциальные человеческие проблемы, актуализируют потенциал условий *человеческого развития*. Условий, гармоничный синтез которых реализуется в модели *человеческих отношений – среде*, основанной на принципах *культурного потребления, творческого созидательного труда* человека по преобразованию себя и окружающей его действительности. В этой связи, потенциал общинных отношений привлекает к себе особое внимание. Несмотря на разнообразие форм и условий развития (род, этнос, народ, церковь, клан и т.п.), община представляла собой символический дом, где

правит вечный закон братской любви. Здесь связующей силой, нитью выступает *общая* цель, *общая* проблема, *общее* благо. Личность в общине всецело ориентирована на ее интересы, поскольку в преданности миру – залог благополучия и преуспевания каждого. Именно эта *ориентация на общность, целостность*, реализуемая посредством стремления к единению, установке на причастность к роду, корням, традиции, земле, *определяет уникальный интеграционный характер и потенциал общин;*

– выступая более сложным социальным образованием, чем семья, община представляет собой, по сути, *мир целостных, гармоничных человеческих отношений*, характеризующихся высокой степенью доверия, личной близости, эмоциональной глубиной, ответственностью, социальной сплоченностью, временной протяженностью. Здесь соучастие, поддержка, доверие каждого из ее членов, выступают условием формирования чувства общинной *принадлежности*, духовных уз, объединяющих эту большую и крепкую семью, в которой каждый нуждается друг в друге. Семью, которой человек принадлежит естественно, с момента своего рождения. Другими словами, *возникая естественно, то есть независимо от воли и сознания людей, как результат реализации потребности в единении, приобщенности, община представляет собой уникальный духовный союз, объективно выраженный в общности сознания, совместном образе жизни (территориальной принадлежности), общности происхождения, имущества, владения, распределения (совместных благ), общей исторической судьбе, культурной традиции. Это мир, в котором ответственность его членов сохраняется за всем, что оставалось для них общим, принадлежащим одному символическому роду. Мир, где основным условием отношений выступает ориентация на прерогативность и устойчивость духовных связей, на сохранение Целого – мира общины, на поддержание его порядка, реализацию общего блага;*

– природность и необходимость общностных отношений для *человеческого развития* проявляется в их соотнесенности с мотивационной структурой личности. Как и семья, общность ориентирована на воссоздание

благоприятных условий для полноценной реализации духовных потребностей человека, формирования активного участника общинных отношений. Здесь человек способен раскрыть свой потенциал и почувствовать сопричастность с окружающим миром. Здесь формирование объективного восприятия окружающей реальности и гармоничного опыта отношений являются основной задачей участников отношений. Поскольку способность воспринимать реальность целостно, объективно, выстраивать продуктивные отношения, обеспечивает устойчивость этого типа социальности. Поэтому на реализацию данной задачи направляется весь потенциал и средства, в этом сосредоточена коллективная ответственность общины;

– община не замыкается лишь на своих интересах, она открыта к взаимодействию, она служит всему человечеству. Участие в ее жизни становится шансом реализации потенциала *человечности*. В этом процессе личность впитывает в себя социальный опыт гармонии и порядка, который в дальнейшем реализует в профессиональных и этнических союзах, религиозных объединениях и т.д. Сама общинная среда создает для нее максимально благоприятные условия «вхождения» в мир, познания и культурного потребления реальности. Другими словами, включаясь в опыт общинных отношений, человек учится гармонично «вписывать» себя в уже сложившийся порядок реальности, обретать и сохранять связь с Целым. Это бесценный опыт гармоничных отношений, где нет разрозненности, разобщенности (в этом случае система просто не функционирует), где принципы индивидуализма и потребительства рассматриваются как угрожающие деструктивные тенденции дисбаланса;

– как и в семье, где каждый испытывает друг в друге потребность, условием поддержания и развития отношений в общине является *общее стремление к единению* – «дух общины», реализующийся в родстве душ, помыслов, стремлений, действий. И, несмотря на то, что в отличие от семьи, это родство не является кровнородственным, благодаря этой общей ориентации на поддержание духовных связей, в общине формируется среда принятия,

основанная на доверии и взаимной потребности друг в друге. В свою очередь, общность территории проживания, совместное ведение хозяйства, особенность социальной структуры и характер специализации выступают объективным проявлением этой невидимой духовной общности, родственности и преемственности членов общины. Таким образом, определяющим условием организации и развития общности является *духовный аспект*. Именно он обуславливает характер ее отношений, выраженных в *ориентации на единение, труд, соучастие, иерархичность, культурное потребление*. Именно он обеспечивает общине тот необходимый внутренний порядок, который реализуется в гармоничной структурированности ее отношений;

– «работа» *общинных принципов* организации проявляет себя в уникальных элементах ее культуры: коллективном самоуправлении (соучастии), ориентации на иерархичность (авторитет более опытных членов, старейшин общин), установке на развитие и поддержание духовности, культурной традиции, истории; ориентации каждого члена общины на принципы, ценности ее развития; заботе о каждом члене (в отличие от эгоистического потребительства современного индивидуализированного общества, в котором «каждый сам за себя»); коллективной ответственности за духовное развитие членов общины, их воспитание, основанное на сохранении и воспроизводстве культурной традиции, трансляции культурных паттернов будущим поколениям; приоритете важности благополучия, развития и сохранения общины над приоритетами личности (так как личность получает более широкие возможности именно благодаря поддержке общины (социальный лифт, равные возможности для каждого)); чувстве общинного единства и солидарности, доверия. Эти уникальные патриархальные (premodern) черты, реализованные в организации общностных отношений, отражают специфику и уникальность ее культурной традиции, направленной на гармоничное развитие общины, поддержание ее порядка, целостности;

– трепетно охраняемая и транслируемая от поколения к поколению, культура общины обеспечивает необходимую преемственность, в рамках

которой человек впитывает в себя знания о принципах общественного взаимодействия, трансформируя их в индивидуальный опыт. Гармонично взаимодействуя со средой, культурная традиция формирует в человеке общинное сознание, в рамках которого формируется сложная предельно четкая социальная организация (распределение обязанностей своих членов). Здесь каждый занимает свою позицию, выполняет свою роль, следит за внутренним порядком, *добровольно* причисляя себя к общему Целому. То, насколько этот механизм будет гармоничным и функциональным влияет на сохранение духовных связей (как установки на единение, приобщенность), превращающих эту систему отношений в перспективную и стабильную форму социальности. Само участие в общинных отношениях позволяет осознавать, что реальность – это единая сложенная система отношений, где все связано, неразрывно, где часть призвана служить Целому. Никто не может быть отдельным, не может жить сам по себе, поскольку окружающий человека мир – живой единый организм;

– в рамках общинного сознания основным элементом ее культуры выступает доверие между ее членами. Доверие позволяет кооперировать отношения в общине, преодолевая общие проблемы, решая сложные задачи, неподвластные отчужденному потребительскому разуму. Основанное на стремлении к единению, общности ценностей, идеалов и целей, воззрений и смыслов, доверие перевоплощает членов общины в родственников одной семьи. Оно выступает необходимым условием общинного порядка;

– будучи активным участником общинных отношений, человек лишает себя необходимости, подчиняться формальным шаблонам и ограничениям. Он учится ориентировать себя не на пожирающее изнутри желание обладать окружающим миром, а на потребность познать его, *творчески потрудиться на общий результат*. По сути, общность является для человека той референтной группой, в которой единство духа, рождённое в единстве веры, постоянно сопровождает его, не позволяя утратить родовые корни. Ее связи настолько сильны и важны для человека, что ни территориальное разделение, ни всеобщая

рационализация отношений, не способны разорвать их. Эти узы духовного родства позволяют человеку полноценно включаться в жизнь, творчески преобразуя ее;

– в ситуации прогрессирующего развития тотального потребительства общинные отношения становятся единственным домом для современного человека, убежищем, в котором он способен открыть и сохранить себя настоящего. Однако такое спасение возможно лишь в случае, когда потребность в настоящем – любви, доверии, причастности, становится главным устремлением его жизни. Когда материальный комфорт и благополучие принимаются лишь как средство *человеческой жизни*, а не ее самоцелью. Когда *человеческое* становится более значимым, чем материальное, а труд воспринимается как единственный способ творческой самореализации;

– реализация созидательного потенциала общинных отношений возможна лишь благодаря отказу от эгоистичной концепции жизни, научению жить не для удовлетворения собственных желаний, а раскрывая и реализуя свой потенциал на благо ближних – членов своей семьи, общины, рода и т.п. В таком сообществе сакральность духовного становится той призмой, через которую воспринимается весь мир: окружающие, реальность, сам человек. Его общинный дух пронизывает все аспекты индивидуальной и коллективной жизни, превращая ее в синтез индивидуально-коллективного.

Заключение

Мы не можем жить только для себя. Тысячи нитей соединяют нас с другими людьми; и через эти нити, эту симпатическую связь, наши действия становятся причинами и возвращаются к нам как следствия.

Г.Мелвилл

Человек не может жить лишь для себя, для удовлетворения своих эгоистических интересов, желаний. Его «хочу» актуально до определенного момента, пока боль и досада разочарования от созданного им же одиночества не заставят его отрезвиться. Тогда он способен остановиться, осмотреться вокруг и увидеть те разрушительные следствия, к которым привела такая безудержная гонка за призрачным фантомом желания. И в этот момент переосмысления, ревизии собственной биографии наступает осознание того, что все к чему он шел, все чего так судорожно пытался добиваться, идя вопреки здравому смыслу и потребностям окружающих, все это вело его к неминуемой символической смерти, к потере себя.

Такую боль и разочарование, пронизывающие человека в этот момент способен вынести не каждый, однако еще более сложным оказывается принятие ложности такого пути «развития». Отказаться от служения и переориентировать всего себя на качественно новый способ реализации собственного потенциала – любовь, созидательность, труд, жизнь или продолжать приносить в жертву собственную человеческую уникальность – судьбоносный выбор человека.

Творческая, многогранная, бескорыстная, наполненная созидательными переживаниями, отношениями, действиями жизнь, а не выживание, является единственным способом преодолеть зависимость материального мира. Мира, в котором все работает на порабощение личности, на создание и поддержание замкнутости от иллюзий о материализованном счастье, благополучии, прогрессе, культе разума. Мира, в котором не человек с его живыми, наполненными смыслами, чувствами, переживаниями, отношениями, а мертвая вещь, как знак власти, денег, статуса, определяет порядок реальности.

В этой чудовищной, губительной для человечества материализованной действительности все подчинено принципам биологического выживания –

конкуренции, наживы, потребительства, отчуждения, личной выгоды. Все работает на отказ от себя настоящего, от тех аспектов *человеческого развития*, которые наполняют нас смыслом, содержанием. Здесь функционален единственный способ существования – эгоизм, принципом реализации которого является беспрепятственное, безлимитное удовлетворение желаний – здесь и сейчас. При этом, объективированные рационализированные структуры и практики – рыночная экономика, развитое националистическое государство, системы кредитования всячески работают на поддержание такой иллюзии развития человеческого общества, навязывая идею о том, что только возможность удовлетворять свои желания и дает человеку ощущение свободы, счастья, реализованности. Принимая последнюю в качестве модели выживания, человек выбирает путь отдаления от Целого, от творчества и свободы, то есть от любви. По сути, он принимает эгоизм за единственно эффективный способ эксплуатации вверенного ему потенциала. Он совершенствует его, направляя на добывания того, что в изобилии предоставляет цивилизационный прогресс, на накопление благ материального мира, на доказательство собственного превосходства. Однако удовлетворить нарастающий вследствие этого внутренний голод по настоящему, искреннему, реальному – *по человеческим отношениям*, он не способен. Поскольку разрешить это противоречие, преодолеть проблему индивидуальной, а, следовательно, и социальной экзистенции возможно лишь освободившись из-под зависимости желания, осознав смысл и цель *человеческой жизни*. Другими словами, лишь приняв факт, что заполнить внутреннюю пустоту, снять тревогу и противоречия можно научившись любить, то есть созидать, творить, делиться собой, теми талантами, которыми так щедро каждый из нас наделен, человек обретает путь выхода из рабства. Следовательно, не эгоизм, а стремление к единению, приобщенности позволяет реализовать *человеческий потенциал*, не конформизм, а созидательный творческий труд способны достичь необходимого уровня индивидуальной и социальной целостности, формировать *человеческие отношения*, в качестве исходной модели социального развития.

Литература:

1. Лаппо-Данилевский А. Основные принципы социологической доктрины О.Конта // Проблемы идеализма. М, 1902. – 893 с.
2. Маслоу А. Мотивация и личность / Пер. А.Татлыбаевой. – СПб.: Евразия, 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/PSIHO/MASLOU/motivaciq.txt>
3. Пригожин И., Стенгсер И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ./ Общ. ред. В. Аршинова, Ю. Климонтовича, Ю. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
4. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. М.: Рудомино, 1993. – 90 с.
5. Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. М.: Московский университет, 1965. – Т. I. Вып. II. Б. – 271 с.
6. Полный церковно-славянский словарь: в 2 т. Т.2/ Сост. священник магистр Г.Дьяченко. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. – 560 с.
7. Символы, знаки, эмблемы: энциклопедия / авт.-сост. В. Багдасарян, И. Орлов, В. Телицын [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.insai.ru/slovar/adam-0>
8. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php>
9. Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. М.: Азъ, 1992 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru>
10. Тер-Григорян-Демьянюк Н. Этимология и тайна русского слова «человек» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.criteriocristiano.com.ar/ru

11. Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spirituality-study.ru>.
12. Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 539 с.
13. Библейская энциклопедия в 4-х выпусках. Выпуск 1. Труд и издание Архимандрита Никифора. М.: изд.-во Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990. – 902 с.
14. Фромм Э. Искусство любить. Исследование природы любви / Пер. Л. Чернышёвой. Москва: Педагогика, 1990. – 160 с.
15. Steven L. Power: A Radical View. London: Macmillan, 1974, p.186
16. Ильин И. Поющее сердце [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.ru/read/ilin_ivan/poyushchee_serditse_kniga_tihih_sozertsaniy.htm
17. Игумен Евмений. Духовность как ответственность / Игумен Евмений. 2-е изд., доп. Иваново: Свет Православия. 2005. – 302 с.
18. Войно-Ясенецкий В. (Архиепископ Лука). Дух. Душа. Тело. Волгоград: ИИЦ Ноосфера, 1990 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/luka/oduhe.html>
19. Полторацкий Н. Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение. Тенафлай (Нью-Йорк): Эрмитаж, 1989. – 320 с.
20. Ильин И. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. – 431 с.
21. Вышеславцев Б. Сердце в христианской и индийской мистике. Париж, 1929 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.icr.su/node/929>
22. Зиммель Г. Как возможно общество? / Г.Зиммель. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. – 512 с.
23. Социология О. Конта в изложение Риголажа. Издание Л. Пантелеева. СПб. 1898
24. История научных исследований энергетического поля человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aquilonplus.ru>

25. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. – 323 с.
26. Ильин Е. Психология: Учебник для средних учебных заведений. СПб.: Питер, 2004. – 560 с.
27. Ахутин А. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука, 1988. – 208 с.
28. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: «Владимир Даль», 2002. – 451 с.
29. Арон Р. Этапы розвитку соціологічної думки. К.: Юніверс, 2004. – 688 с.
30. История теоретической социологии. В4-х тт. Т.1/ Отв.ред.Ю.Давыдов. М.: «Канон+», 2002. – 496 с.
31. Геффдинг Г. История новейшей философии: Очерк истории философии от Канта до наших дней: Пер. с нем. / [Соч.] Г. Геффдинга, проф. Копенгаг. ун-та, СПб.: «Образование», 1900
32. Синельников В. Возлюби болезнь свою. М.: Центр-полиграф, 2005. – 395 с.
33. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Почаев: Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2001.
34. Гулыга А. Кант сегодня // И. Кант. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. – 712 с.
35. Сковорода Г. Твори: [у 2 т.] / Г. Сковорода. К.– Т.1, 1994.– 530 с.
36. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка // Пер. с нем. О. Трубачева. В 4 тт. М.: «Прогресс», 1986. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.etymolog.ruslang.ru](http://www.etymolog.ruslang.ru)
37. Библейская энциклопедия Брокгауза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.agape-biblia.org/books/Book03/>
38. Семенов А. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. М.: «ЮНВЕС», 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.evartist.narod.ru/text15/001.htm](http://www.evartist.narod.ru/text15/001.htm)

39. Колесов В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филологический факультет СПбГУ 2000. – 326 с.
40. Коротаев А. Семья в социально-экономической структуре докапиталистических классовых формаций // История и филология древнего и средневекового Востока / Отв. ред. Васильев, Д., Волков С. М.: Наука, 1987. – С. 3. – 11
41. Сатир В. Как строить себя и свою семью. М.: Педагогика-Пресс, 1992. – 192 с.
42. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
43. Lacan J. Ecrits. Paris: Gallimard, 1970 p.
44. Кристева Ю. Желание в языке: семиотический подход в литературе и искусстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://terme.ru/dictionary/179/word/zhelanie>
45. Новая философская энциклопедия, 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://terme.ru/dictionary/879/symbol/72>
46. Хей Л. Исцели свою жизнь, свое тело, Сила внутри нас / Пер. Т.Гейл. Ltd «Ritas», 1996. – 237 с.
47. Осипов А. Путь разума в поисках истины. Издание Сретенского монастыря, М., 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wco.ru/biblio/books/osip14/main.htm>
48. Пономарев М. История стран Европы и Америки в Новейшее время. М.: Проспект, 2010. – 416 с.
49. Miles St. Consumerism as a way of life. L. etc.: Sage, 1998. – VIII, 174 p.
50. Давыдов Ю. Социологическое содержание категории Gemeinwesen в работах К.Маркса: к проблеме прафеномена социальности в марксизме // История теоретической социологии. Т. 1. Под ред. Давыдова Ю. М., 2002. – 495 с.

51. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, М.: «Цитадель», 1998 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/dal
52. L'Ami des hommes, ou Traité de la Population, Hambourg: Chretien Nérold, 1756 – 1762, 6 vol. in-12
53. Кант И. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. – 478 с.
54. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы /Пер. с нем. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. – 606 с.
55. Бердяев Н. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/1923_019.htm
56. Вебер А. Принципиальные замечания к социологии культуры: Общественный процесс, процесс цивилизации и движение культуры // Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. СПб. Университетская книга, 1998. – 565 с.
57. Tonnies F. Community and Society. Translated and edited by C.Loomis. – N.-Y., 1957.
58. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. / ред.- сост. Т. Ф. Ефремова. М.: АСТ: Астрель : Харвест, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.efremova.info
59. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: АСТ, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushdict.narod.ru>
60. Фромм Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики \Перевод Л.Чернышевой. Мн.: «Коллегиум», 1992 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/fromm04/index.htm>
61. Аристотель. Никомахова этика, кн. 1. Соч. в 4 т., т. 4. М., 1983. – 321с.
62. Михайловский А. Этимология счастья/ Контекст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2013/01/28/1306127502/Mikhaylovskiy_17-04-2012.pdf

63. Благо// Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/149255.html>
64. Благо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Благо>
65. Богатство \ \ Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron
66. Основные типы стран современного мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikiversity.org/wiki>
67. Куценко В. Культурно-філософські основи маркетингу: маркетинг з людським обличчям: Монографія. Дніпропетровськ: Пороги, 2009. – 482 с.
68. Mills C. W. White Collar. Oxford University Press, N.- Y., 1951
69. Синельников В. Путь к богатству. М.: Центрополиграф, 2006. – 218 с.
70. Lloyd C. Monster Homes R Us: American homes are monuments to conspicuous consumption, San Fransisco Chronicle, Oct. 14, 2005
71. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд. Т. 42.
72. Николай Фиолетов Очерки христианской апологетики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.eparhia-saratov.ru/books/20f/fioletov/fioletov1/11.html>
73. Талант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/spravki/essays_bible/terms_historic/talant.htm
74. Бердяев Н. О назначении человека. М.: Республика, 1993. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1931_026_09.html
75. Фромм Э. Иметь или быть? / Пер. с англ. К.: Ника-Центр, 1998. – 400с.
76. Дубина И. Эволюция труда: от принуждения к творчеству [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portalus.ru/modules/philosophy/print.php>

77. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. /Ф. Фукуяма. М.: АСТ: «Ермак», 2004. – 730 с.
78. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. – 259 с.
79. Бауман З. Текущая современность. СПб: Питер, 2008. – 240 с.
80. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. СПб: Азбука, 2009. – 256 с.
81. Гефдинг Г. История новейшей философии. Очерк истории философии от Канта до наших дней. СПб., 1900. – 306 с.
82. Ларин Б. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
83. Сказкин С. Очерки по истории западно-европейского крестьянства в средние века, М.: Изд-во Московского Университета, 1968. – 378 с.
84. Домострой. СПб.: Наука, серия «Литературные памятники» /Под ред. В.Колесова, В.Рождественской, 1994 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/domostr.htm>
85. Ламанский В. О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене, СПб., 1864
86. Словарь Академии Российской в 4 тт., Т.4. (1806 – 1822г.г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wordhist.narod.ru/obshina.html>
87. Топоров В. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2. Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 2. М.: Языки славянских культур, 2006. – 544 с.
88. Платонов О. Община // Большая энциклопедия русского народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusinst.ru/articletext.html>
89. Апресян Ю. Образ человека по данным языка: попытка системного описания// Вопросы языкознания. №1, М., 1995. – С. 37 – 62.

90. Веблен Т. Теория праздного класса. / Под общ. ред. В. Мотылева. М.: Прогресс, 1984. – 367 с.

91. Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus-sky.com/rc/>

92. Gossen Н.Н. Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs und daraus fließenden Regeln für menschlichen Handeln. Berlin, 1854, 1889, 1927

93. Tiryakian E. Review on «The Existential Self in Society», ed. By J.Kotarba, A.Fontana// American Journal of Sociology. – 1985, Vol. 91, №2

Наукове видання

Ю.Ю. Бродецька

Общество человеческих отношений: в поисках утраченной целостности

Монографія

Російською мовою

Видано в авторській редакції

Відповідальний за випуск В. Головань

Підписано до друку 21.09.2014 Формат 60x84/16. Папір друкарський.

Ум.друк.арк.21,45. Обл.-вид. арк. 19,45

Тираж 300 прим. Зам. № 1185

Видавництво «Інновація»

49006, м. Дніпропетровськ, вул. Свердлова, 70

Свідоцтво про внесення до Державного Реєстру

ДК № 1761 від 22.04.2004 р.

т/ф (056) 753-75-71